МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Юдин Станислав Сергеевич

ГЕНЕРАЛ М.И. ДРАГОМИРОВ (1830-1905): ВОЕННЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ И ПРАКТИК

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
к.и.н., доцент Олег Рудольфович Айрапетов

Москва
2020

Оглавление

Введение....3
Обзор историографии....11
Обзор источников....41
Глава 1. Начало карьеры и формирование взглядов генерала М.И. Драгомирова....68
1.1. Происхождение и обучение М.И. Драгомирова....68
1.2. Формирование взглядов М.И. Драгомирова....85
1.3. Выводы....101
Глава 2. М.И. Драгомиров и военные реформы 1860-1870-х годов....104
2.1. Новая система боевой подготовки войск....106
2.2. Вопросы тактики....122
2.3. Выводы....152
Глава 3. М.И. Драгомиров и русско-турецкая война 1877-1878 годов....154
3.1. Подготовка 14-й пехотной дивизии....154
3.2. Мобилизация 1876 года....163
3.3. Боевые действия....178
3.4. Восприятие войны и итоги....193
Глава 4. М.И. Драгомиров и уроки русско-турецкой войны 1877-1878 гг....199
4.1. Участие М.И. Драгомирова в комиссии графа П.Е. Коцебу 1881 г....201
4.2. Начальство М.И. Драгомирова в Николаевской Академии Генерального Штаба в 1878-1889 гг....211
4.3. М.И. Драгомиров и тактические дискуссии в 1878-1889 гг....236
4.4. Выводы....256
Глава 5. М.И. Драгомиров и военно-политическое развитие России в 1889-1905 гг....259
5.1. Боевая подготовка Киевского военного округа....260
5.2. Война и политика в последние годы жизни М.И. Драгомирова....289
5.3. Выводы....320
Заключение....323
Библиография....326

Введение

Генерал Михаил Иванович Драгомиров (1830-1905) справедливо считается одним из ключевых военных деятелей пореформенной России. Его карьерный путь начался незадолго до Крымской войны, был тесно связан с военными реформами 1860-1870-х годов и достиг пика в связи с русско-турецкой войной 1877-1878 годов, в которой этот генерал сыграл одну из ведущих ролей. После войны Драгомиров последовательно руководил Николаевской Академией Генерального Штаба (1878-1889) и Киевским военным округом (1889-1903). С 1898 года он совмещал последний пост с начальством над Юго-Западным краем в качестве генерал-губернатора. Все эти годы генерал активно публиковал книги, статьи и заметки, темы которых иногда далеко выходили за круг чисто военных вопросов. Таким образом, Михаил Иванович был не только видным представителем русского генералитета, но и администратором, а также общественно значимой фигурой. Наконец – и это самое главное для нашего исследования – генерал Драгомиров постепенно стал авторитетным военным мыслителем, читаемым и обсуждаемым как в России, так и за рубежом. Не будет преувеличением сказать, что к моменту выхода в отставку в 1903 году он являлся самым знаменитым военным в России и своего рода «визитной карточкой» русской армии. Развитие русской военной мысли во 2-й половине XIX – начале XX веков прочно связано с его именем.

При этом, и современники, и исследователи давали как положительные, так и отрицательные трактовки его роли. Если русско-турецкая война 1877-1878 годов, выигранная Россией, скорее подтверждала его авторитет, то поражение в русско-японской войне 1904-1905 годов и первая русская революция ставили под сомнение не только боеспособность и надежность русской армии, но и всю работу Михаила Ивановича в качестве ведущего военного мыслителя.

Впрочем, помимо оценки роли Драгомирова в истории русской армии, следует видеть более глубокие исследовательские проблемы. После 1850-х годов все ведущие европейские державы постепенно сталкивались с необходимостью реформирования своих армий. Такова была логика развития военного дела, мощно двинутого вперед как технологическими прорывами середины XIX века (железные дороги, телеграф, нарезное и казнозарядное вооружение), так и более глубокими причинами (рост профессионализации армии и ее более тесная связь с обществом). Драгомиров был среди тех военных специалистов, которые должны были дать конкретные рецепты боевой подготовки войск и тактики в изменившихся условиях. При этом, изменения должны были быть приемлемы, то есть необходим был синтез традиции и инновации. Проблема изменений в военном деле и адаптации к ним неизбежно встает перед исследователем русской армии последних десятилетий Российской империи, и в какой мере военный мыслитель способен дать ответы на возникающие вопросы, а главное, добиться претворения в жизнь своих идей – этот вопрос дополнительно усложняет названные проблемы.

Русская армия в период царствований Александра II, Александра III и Николая II была одним из основополагающих институтов, на которых покоилась империя, и все три названных императора просто не могли себе позволить не вмешиваться в ее дела. Назначенные ими министры (Д.А. Милютин, П.С. Ванновский и А.Н. Куропаткин) по-разному видели пути ее развития, хотя и одинаково пытались противодействовать вмешательству в свои прерогативы представителей правящего дома. Но и с ними круг лиц, влиявших на принятие решений, будет неполным. Такие фигуры как Н.Н. Обручев, И.В. Гурко, Г.А. Леер, А.П. Скугаревский, А.К. Пузыревский и еще несколько видных русских военных претендовали на свою долю участия в этом процессе. Взаимоотношения в этом кругу, в который входил и Драгомиров, и столкновение различных взглядов оказывали влияние на

историю русской армии, не менее значимое, чем общий ход развития военного дела.

Крымская война запустила не только процесс реформ в России, но и череду войн, многие из которых признаются специалистами знаковыми вехами в истории развития военного искусства. Австро-французская война 1859 года, австро-прусская война 1866 года (на этих двух войнах Драгомиров присутствовал в качестве наблюдателя), войны Пруссии с Данией в 1864 и с Францией в 1870-1871 годах, отчасти гражданская война в США в 1861-1865 годах давали материал, позволявший судить о необходимых изменениях в русской армии. Поэтому важно иметь в виду не только уроки, вынесенные из балканской кампании 1877-1878 годов, но и то, как интерпретировался в России опыт других армий. Этот вопрос подводит исследователя к еще одной важной проблеме. Вполне очевидно, что Драгомиров или любой другой наблюдатель находились в известных рамках, заданных, с одной стороны, предшествующей военной традицией, связанной с именами Фридриха Великого, Суворова и Наполеона, а с другой стороны, современными им общественно-политическими дискуссиями, в том числе и теми, которые ставили под сомнение возможность и разумность новых войн в Европе, а значит, и существование армий, обходящихся государству все дороже.

Безусловно, каждая из названных проблем достойна отдельного исследования, и даже вряд ли может быть исчерпана в рамках одной работы. Из сказанного видно, что генерал Драгомиров находился в центре очерченного выше круга вопросов, и этим обусловлен наш исследовательский интерес к этой фигуре.

Актуальность темы исследования ясна из вышесказанного: генерал Драгомиров признается одним из тех людей, который оказал большое влияние на развитие русской армии, однако ни его жизнь и деятельность, ни его наследие в качестве военного писателя до сих пор не получили должного освещения в научной литературе. Научная биография Драгомирова

необходима для понимания развития русской военной мысли, также как и для осмысления истории русской армии, с которой так тесно была связана судьба Российской империи.

Обширный 75-летний период жизни Драгомирова и разносторонний характер его деятельности требуют от исследователя несколько ограничить круг рассматриваемых вопросов. В центре внимания этого исследования – Драгомиров в качестве военного мыслителя и одной из ведущих фигур в русской армии. Мы намеренно оставили за рамками исследования его работу на должности генерал-губернатора Юго-Западного края (1898-1903)[1], если только она не касалась интересующих нас сюжетов. Таким образом:

Объектом исследования выступает военная деятельность и военная мысль М.И. Драгомирова.

Предметом исследования избраны формирование и развитие системы взглядов М.И. Драгомирова на военные вопросы и то, как эти взгляды воплощались в ходе периода военных реформ 1860-1870-х годов, во время подготовки и ведения русско-турецкой войны 1877-1878 годов, в период начальства Николаевской Академией Генерального Штаба и во время командования Киевским военным округом.

Цель работы – проанализировать военную деятельность генерала М.И. Драгомирова и его военную мысль. Поставленная цель предполагает решение ряда исследовательских **задач**:

– проследить становление М.И. Драгомирова как военного мыслителя и деятеля;

– оценить роль М.И. Драгомирова в проведении военных реформ 1860-1870-х годов;

---

[1] Этой деятельности касаются работы: *Matsuzato, K*. The Issue of Zemstvos in Right Bank Ukraine 1864–1906. Russian Anti-Polonism Under the Challenges of Modernization // Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas. - 2003. - Vol. 51. - No. 2. - pp. 218–235; *Шандра В.С.* Генерал-губернаторства в Україні: XIX-початок XX ст. Київ, 2005; Западные окраины Российской империи. М., 2007; *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914). М., 2011.

– проанализировать участие М.И. Драгомирова в подготовке и ведении русско-турецкой войны 1877-1878 годов, а также выявить влияние, которое оказала на него эта война;

– проследить участие М.И. Драгомирова в выработке выводов из русско-турецкой войны 1877-1878 годов в 1878-1889 годах;

– проанализировать деятельность М.И. Драгомирова на посту командующего Киевским военным округом в 1889-1903 годах и в последние годы жизни.

Хронологические рамки исследования соответствуют годам жизни генерала – 1830-1905 годы.

Методологические основы исследования включают как базовые принципы исторического исследования (историзм, научная объективность, системность), так и принципы, продиктованные объектом исследования, то есть жизнью, деятельностью и мыслью конкретного человека. Принцип историзма требует помещения жизни и деятельности исторической фигуры в более широкий политический, общественный и культурный контекст и учета конкретных реалий эпохи. Отказ от предвзятого и пристрастного изучения (научная объективность) и привлечение возможно более широкого круга источников (системность) также служили руководящими принципами работы. Поскольку работа носит научно-биографический характер, мы постарались установить факты биографии генерала Драгомирова и проследить их влияние на его военную мысль и деятельность. Использование широкого и разнообразного круга источников предъявляет высокие требования к источниковедческой части работы: критическому изучению источников, их сопоставлению и систематизации полученной информации.

Теоретическая и практическая значимость работы. Изучение биографии и военной мысли М.И. Драгомирова во взаимосвязи с общим историко-культурным контекстом середины XIX – начала XX веков позволяет глубже осмыслить, во-первых, развитие русской армии в контексте общей

истории Российской империи, а во-вторых, развитие европейских военного дела и военной мысли. В работе впервые рассматривается деятельность крупного русского военного мыслителя XIX века, уточняются и корректируются некоторые устоявшиеся представления о генерале М.И. Драгомирове. Выводы и наблюдения могут быть использованы для разработки некоторых конкретных проблем в истории русской армии 1860–1900-х годов.

Научная новизна работы заключается в том, что, во-первых, данная работа является первой попыткой составления научной биографии М.И. Драгомирова; во-вторых, в ней впервые рассматривается деятельность крупного русского военного мыслителя XIX века; в-третьих, в ней содержится пересмотр или уточнения некоторых устоявшихся представлений о Драгомирове; в-четвертых, как будет показано в соответствующем разделе, в ней вводятся в оборот неизвестные прежде источники.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Определяющим фактором, обеспечившим карьерный рост М.И. Драгомирова и достижение им вершин военной иерархии Российской империи, были его образование и таланты, что является выражением определенных сдвигов в системе формирования военной элиты в России, связанных с увеличением роли личных заслуг.
2. М.И. Драгомиров не был только «учеником Суворова». Отдавая должное великому полководцу и черпая у него многое, Драгомиров опирался в своей военной мысли на гораздо более широкую основу, особую роль в которой играли французские военные мыслители (Мориц Саксонский, Наполеон, Т.-Р. Бюжо и некоторые другие представители наполеоновского поколения военных писателей). Кроме того, значительное влияние на него оказали философские, научные и общественно-политические идеи его времени.

3. М.И. Драгомиров является одним из ключевых участников военных реформ 1860-1870-х годов. Его участие в разработке уставов, в работе Николаевской Академии Генерального Штаба и в полемике по вопросам обучения войск и тактики оказали существенное влияние на проведение этих реформ.
4. М.И. Драгомиров сумел качественно подготовить 14-ю пехотную дивизию к русско-турецкой войне 1877-1878 года, что обусловило ее успехи на поле боя и окончательно подтвердили военный авторитет ее начальника. Опыт русско-турецкой войны 1877-1878 годов выявил для М.И. Драгомирова ряд негативных моментов существующей военной организации, прежде всего, преобладание «военной бюрократии» над строевыми начальниками и низкое качество командования по сравнению с доблестью и самоотвержением простого солдата. Полученные впечатления будут сказываться на отношении генерала, с одной стороны, к начальствующим лицам, с другой стороны, к простому солдату.
5. М.И. Драгомиров верно осознал ряд ключевых уроков русско-турецкой войны 1877-1878 годов: необходимость поиска баланса между строевым и бюрократическим элементами в армии, необходимость встраивания корпорации офицеров Генерального Штаба в существующую структуру армии, необходимость совершенствования тактической подготовки войск и обеспечения должной огневой мощи для атаки. Подготовка войск Киевского военного округа велась, в целом, в верном направлении и достигла определенных положительных результатов, но М.И. Драгомиров не достиг того, чтобы воплотить свои идеи на практике в полном объеме.

Апробация работы заключалась в том, что основные ее положения были представлены на международной научной конференции «Балканы и Европа во время Восточного кризиса 1875-1881 годов». По теме диссертации

автором опубликовано 8 научных статей общим объемом 3,68 п.л., из них 7 статей опубликованы в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по группе специальностей 07.00.00 – Исторические науки и археология. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура работы выстроена по тематико-хронологическому принципу и соответствует основным этапам карьеры М.И. Драгомирова:

Глава 1. Начало карьеры и формирование взглядов генерала М.И. Драгомирова;

Глава 2. М.И. Драгомиров и военные реформы 1860-1870-х годов;

Глава 3. М.И. Драгомиров и русско-турецкая война 1877-1878 годов;

Глава 4. М.И. Драгомиров и уроки русско-турецкой войны 1877-1878 годов;

Глава 5. М.И. Драгомиров и военно-политическое развитие России в 1889-1905 годах.

Обзор историографии

Как будет показано ниже, традиция изучения карьеры и военной мысли М.И. Драгомирова довольно скудна и прерывается в позднесоветский период. При этом, в настоящей работе было использовано много трудов, напрямую не относящихся к заявленной теме. Поэтому мы посчитали нужным в настоящем обзоре охватить отечественные (включая эмигрантские) и зарубежные работы, связанные как непосредственно с Драгомировым, так и в целом с русской армией и историей военной мысли. Кроме того, в отдельный раздел будут выделены дискуссии, последовавшие после смерти генерала. Это сделано по двум причинам: во-первых, их влияние на последующую историографию было столь ощутимым, что они требуют отдельного анализа; во-вторых, эти дискуссии велись не профессиональными историками, а людьми, непосредственно сталкивавшимися с Драгомировым, и были далеки от научной беспристрастности, что придает им особый характер и заставляет исследователя резко отграничить их от остальной историографической традиции.

Посмертные дискуссии

М.И. Драгомиров умер 15 октября[2] 1905 года, и дата его смерти сыграла большую роль в судьбе его наследия. За две недели до этого, 1 октября, вышел манифест о заключении Портсмутского мира, положившего конец русско-японской войне 1904-1905 годов, а через два дня после смерти Михаила Ивановича, 17 октября, появился манифест о даровании незыблемых основ гражданской свободы и созыве Государственной Думы. Иными словами, смерть генерала совпала с печальным финалом войны на Дальнем Востоке и апогеем первой русской революции. В этой атмосфере завязались дискуссии о роли и наследии Драгомирова, которые задали вектор всей дальнейшей историографии. Осмысление причин поражения,

[2] Все даты в работе даны по старому стилю. В некоторых случаях мы давали двойную дату: старый стиль и новый стиль в скобках.

осмысление причин революции, охватившей и армию, и осмысление роли Драгомирова совпали по времени.

Вскоре после того, как были напечатаны некрологи в память о Драгомирове[3], была издана книга генерал-майора Е.И. Мартынова «Из печального опыта русско-японской войны» (1906), которой суждено было сыграть огромную роль в посмертной судьбе Михаила Ивановича. Книга представляла сборник статей, напечатанных в разное время в газетах «Молва», «Русь», «Русский инвалид» и «Военный голос». В предисловии Мартынов писал, что русская армия нуждается в «полном систематическом преобразовании, вроде того, которое было сделано, в свое время, Милютиным», и преобразования эти могут исходить только от Государственной Думы, «конечно, если последняя явится учреждением патриотически настроенным»[4]. Статьи, помещенные в книгу, были полны резкой критики командного состава, положения рядового офицерства, а статья «Тактика» посвящена, главным образом, развенчанию авторитета Драгомирова. Мартынов писал, что его авторитет, заработанный в 1860-е годы критикой «механических форм Николаевской системы воспитания войск», безраздельно царил последние 15 лет перед войной и привел к отставанию в тактике. В этих словах Мартынов впервые сформулировал мысль, которая будет фигурировать во всей историографии, связанной с Драгомировым, вплоть до наших дней: Драгомиров был прогрессивным деятелем в эпоху реформ, а затем превратился в отсталого. Прежде всего, речь шла о том, что Драгомиров навязал русской армии пренебрежение огнем во имя духа, отвергал любые технические новшества (магазинные винтовки, скорострельную артиллерию, щиты в артиллерии, пулеметы, телеграф и

---

[3] *Березовский В.* М.И. Драгомиров // Разведчик. - 1905. - №781-782. - С. 776; *Сахаров [В.В.]* Памяти М.И. Драгомирова // Разведчик. - 1905. - №781-782. - С. 777-778; *Лачинов Н.* Памяти М.И. Драгомирова // Разведчик. - 1905. - №783-784. - С. 804-805; М.И. Драгомиров // Русский инвалид. - 1905. - №220. - С. 5-6; Генерал-адъютант Драгомиров // Русский инвалид. - 1905. - №221. - С. 8-9; Памяти учителя // Русский инвалид. - 1905. - №222. - С. 8; *Кривенко В.С.* Памяти М.И. Драгомирова // Новое время. - 1905. - №10639. - С. 6.

[4] *Мартынов Е.И.* Из печального опыта Русско-японской войны. СПб., 1906. С. 3-4.

телефон), а его тактические поучения полностью перечеркнул опыт войны с Японией[5]. Всем этим положениям Мартынова была уготована более чем столетняя жизнь в исторических работах.

Одновременно с выходом книги Мартынова на страницах «Русского инвалида» печатал свои статьи подполковник М.Д. Бонч-Бруевич. В одной из них он замечал: «Не успела окончиться война, а уже некоторые досужие фантазеры провозгласили: “долой прежнюю тактику, – она ни к чему теперь не пригодна”»[6]. В статьях Бонч-Бруевича отражался драгомировский взгляд на военное дело. В первую годовщину смерти генерала был опубликован очерк Бонч-Бруевича, в котором отстаивались драгомировские идеи о тактике и воспитании и образовании войск[7]. Бонч-Бруевич стремился представить Драгомирова как непонятого современниками военного мыслителя, к наследию которого теперь следует обратиться для восстановления боеспособности армии. Неизбежное столкновение защитников драгомировского наследия и тех, кто хотел его ниспровергнуть, развернулось в последующих номерах «Русского инвалида». Не вдаваясь в подробности этой полемики, которая быстро перешла на личности, обозначим позиции сторон. Мнение Мартынова[8], резко усилив его, воспроизвел на страницах «Нового времени» консервативный публицист М.О. Меньшиков[9]. Кроме того, к нему присоединился генерал М.И. Батьянов, подчеркнувший, что Драгомиров не обладал должным строевым и боевым опытом[10]. К лагерю Бонч-Бруевича[11] присоединились сын генерала полковник В.М. Драгомиров[12]

---

5 Там же. С. 80-90.

6 *Бонч-Бруевич М.* Итоги войны. VII // Русский инвалид. - 1906. - №26. - С. 5.

7 *Бонч-Бруевич М.* Памяти М.И. Драгомирова // Русский инвалид. - 1906. - №225. - С. 4-5.

8 Ответы Мартынова критикам: *Мартынов Е.И.* Хождение вокруг истины // Русский инвалид. - 1906. - №248. - С. 5; *Он же.* Ответ гг. Драгомирову, Лукомскому и Е.У. // Русский инвалид. - 1906. - №257. - С. 6; *Он же.* Ответ на письмо г. Бонч-Бруевича // Русский инвалид. - 1906. - №258. - С. 6.

9 *Меньшиков М.* Расстройство армии. II // Новое время. - 1906. - №11006. - С. 2-3.

10 *Ботьянов М.* О Драгомирове // Русский инвалид. - 1906. - №235. - С. 5. Статья вошли в книгу: *Ботьянов М.И.* Статьи, помещенные в печати за 1906-1908 гг. СПб., 1908. С. 45-50.

11 *Бонч-Бруевич М.* Открытое письмо г-ну Е.И. Мартынову // Русский инвалид. - 1906. - №256. - С. 6; *Он же.* Об основах Драгомировской школы // Русский инвалид. - 1906. - №258. - С. 5-6.

12 *Драгомиров В.* Письмо в редакцию «Русского Инвалида» // Русский инвалид. - 1906. - №249. - С. 6; *Он же.* Фальсификация Драгомирова // Русский инвалид. - 1906. - №252. - С. 6.

и его зять А.С. Лукомский[13], а также генерал от инфантерии Е.Е. Уссаковский[14] (под псевдонимом «Е.У.»).

В пользу Мартынова и Батьянова говорило их участие в русско-японской войне. Из противоположного лагеря в боевых действиях участвовал только В.М. Драгомиров. Кроме того, их противники были родственниками или близко связанными по службе с покойным людьми. Однако у Батьянова тоже был личный мотив, поскольку в 1896 году у него произошел служебный конфликт с покойным генералом. Мартынова обвиняли (вполне справедливо) в подтасовке цитат и фактов из жизни генерала[15]. Как бы то ни было, опыт русско-японской войны был слишком противоречив, и, по замечанию одного наблюдателя, «из опыта войны каждый черпает доказательство правильности того взгляда, который ему более по душе»[16]. В итоге, полемика была просто прервана редакцией «Русского инвалида»[17].

Для дальнейшей историографии имела большое значение статья редактора «Русского инвалида» А.Ф. Макшеева о роли Драгомирова и Г.А. Леера в истории Николаевской Академии Генерального Штаба, напечатанная в конце 1907 года. В статье проводилась резкая грань между «драгомировским и лееровским периодами», с тем, чтобы доказать, что упадок Академии, активно обсуждаемый в это время, начался после ухода Михаила Ивановича[18]. Статья Макшеева затем долгое время служила основой работ об истории Николаевской Академии, причем исследователи не отметили ее полемического характера. Она была написана в ответ на

---

13 *Лукомский А.* По поводу статьи г. Е.И. Мартынова «Хождение вокруг истины» // Русский инвалид. - 1906. - №250. - С. 6.

14 *Е.У.* Еще о М.И. Драгомирове // Русский инвалид. - 1906. - №243. - С. 5-6; *Он же.* В интересах истины // Русский инвалид. - 1906. - №247. - С. 4; *Он же.* По адресу г-на Е.И. Мартынова // Русский инвалид. - 1906. - №252. - С. 6-7.

15 *Драгомиров В.* Фальсификация Драгомирова… С. 6.

16 *Ниессель.* Из опыта русско-японской войны. СПб., 1906. С. 8.

17 К полемике о Драгомирове // Русский инвалид. - 1906. - №261. - С. 6.

18 *Макшеев А.Ф.* Несколько слов о Драгомировском и Лееровском периодах начальствования академией // Военный сборник (далее - ВС). - 1907. - №12. - С. 234-238.

анонимную статью, в которой Драгомиров обвинялся в деспотическом управлении учебным заведением[19].

Деспотический стиль управления, пренебрежение к технике и отсталые тактические взгляды были не единственными упреками, которые бросались в первые годы после смерти в адрес генерала, а Мартынов и Батьянов были не единственными его критиками. Ситуация осложнялась приходом нового, амбициозного поколения офицеров Генерального Штаба, которые выступали за коренной пересмотр русской военной мысли и основ преподавания в Николаевской Академии Генерального Штаба (с 1909 года — Николаевской Военной Академии), а также глубокие реформы в военной системе. Эта плеяда военных писателей, ставшая известной как «младотурки»[20], возглавлялась полковником Н.Н. Головиным, близким к в.кн. Николаю Николаевичу Мл. В нее входили полковники А.А. Незнамов, А.А. Свечин, А.В. Геруа, его брат подполковник Б.В. Геруа и некоторые другие.

В среде «младотурок» не было единства по отношению к Драгомирову. Например, Незнамов занимал более примирительную позицию и не отрицал значение штыка[21]. Но вполне естественно, что господствовал критический подход. Новое поколение отрицало старое и требовало реформ, примерно так же, как то делал Драгомиров после Крымской войны. Б.А. Геруа писал: «Драгомиров — философ правильно указал пальцем на наше больное место. Но как учитель он пошел по ложному пути[22]». «Ложный путь» заключался в том, что Драгомиров недооценил значение военной техники, а «войска Киевского округа прославились своей распущенностью»[23]. Его брат уточнял,

---

19 *А. Б-в.* К 75-летию Николаевской Академии Генерального штаба // ВС. - 1907. - №12. - С. 211-234. Скорее всего, за инициалами скрывается А.К. Байов.

20 О «младотурках» см.: *Steinberg J.W.* All the Tsar's Men: Russia's Generall Staff and the Fate of the Empire, 1898-1914. (Woodrow Wilson Center Press, Washington D.C., 2010). pp. 192-217; *Меннинг Б.У.* Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861-1914. М., 2015. С. 288-341.

21 *Незнамов А.* Из опыта Русско-японской войны. СПб., 1906. С. 51.

22 *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 221.

23 Там же.

что Драгомиров в приказах и повседневном обращении унижал русского офицера и подрывал тем самым его авторитет среди солдат[24].

В 1909 году военным министром стал давний сотрудник Драгомирова по Киевскому военному округу генерал В.А. Сухомлинов. Естественно, новый министр привлек в министерство многих выходцев из Киевского военного округа. В министерстве начал работать генерал Н.В. Рузский, а в Главное управление Генерального штаба, где уже работал генерал Ю.Н. Данилов, переместились полковники А.С. Лукомский и С.А. Ронжин. Все они в свое время испытали большое влияние Михаила Ивановича. Новые люди в министерстве давали надежду на пересмотр наследия своего учителя, тем более, что впечатление от недавнего поражения остывало, а настроения менялись. В том же 1909 году вышел сборник последних трудов покойного генерала. Особую роль на этом этапе сыграл М.Д. Бонч-Бруевич, который выступил как бы «душеприказчиком» наследия Драгомирова. В 1911 году он издал в Киеве сборник своих статей, половину которого составляли статьи в защиту Драгомирова[25]. Статья о Драгомирове, написанная в следующем 1912 году все тем же Бонч-Бруевичем для сытинской Военной энциклопедии, закрепила этот поворот в сторону более благожелательного отношения к покойному генералу. Эта статья, вместе со статьей в «Известиях Николаевской Военной Академии» (1912)[26], на долгие годы стала самым значительным описанием жизненного пути Драгомирова. Она содержит яркий портрет и описание характера военного мыслителя, и самое главное, подробный разбор его взглядов. Обвинения в ответственности за неудачи в Русско-японской войне Бонч-Бруевич отводил тем, что, по его мнению, учение Драгомирова не было понято, принято и внедрено в русскую армию к 1904 году[27]. В 1913 году в «Военном сборнике» была напечатана статья, в

[24] *Геруа А.* После войны. О нашей армии. СПб., 1906. С. 76, 116-117.

[25] *Бонч-Бруевич М.Д.* Армейские дела и делишки. Киев, 1911.

[26] *Бонч-Бруевич М.Д.* Михаил Иванович Драгомиров // Известия Николаевской Военной Академии. - 1912. - №1. - С. 80-101.

[27] Драгомиров, Михаил Иванович // Военная энциклопедия под ред. В.Ф. Новицкого. Т. IX. СПб., 1912. С. 203-207.

которой выражалась уверенность, что, если бы Драгомиров получил больше доверия, то создал «стратегию», которая была бы «в строгом соответствии с волею Монарха и с особенностями страны» и «поколебать которую никаким немецким переводом было бы нельзя [намек на Незнамова, опиравшегося на С. фон Шлихтинга, – С.Ю.]»[28].

Первая мировая война отодвинула вопрос о наследии Драгомирова на задний план, но и она наметила новые тенденции в осмыслении роли генерала. В 1916 году В.Ф. Резниченко в небольшой брошюре попытался представить Драгомирова как «истого сына Украины»[29]. В дальнейшем эту линию продолжат в своих мемуарах некоторые представители украинской интеллигенции[30].

Таким образом, было сформировано два мифа о Драгомирове: «черный», представляющий генерала отсталым, не понявшим значение техники и подорвавшим накануне революции связь между офицером и солдатом; и «белый», представивший генерала в образе непонятого и неоцененного пророка. Девять лет, отделявших поражение в русско-японской войне от начала Первой мировой войны, было недостаточно, чтобы из этих двух контрастирующих представлений сформировать цельное и более взвешенное мнение о мысли Драгомирова и его роли в истории русской армии.

Отечественная историография

С окончанием Гражданской войны многие участники дискуссий вокруг Драгомирова остались в Советской России. Тем, кому предстояло строить новую Красную армию, казалось, что идеи Драгомирова после Первой мировой войны окончательно утратили актуальность, а первое поколение советских военных мыслителей значительно больше было увлечено проблемами использования новой техники для военных нужд, нежели

---

28 *Кудрявцев Н.* Искушения русского полководчества // ВС. - 1913. - №4. - С. 27-28.

29 *Резниченко В.Ф.* М.И. Драгомиров. Чернигов, 1916. С. 5.

30 Садовський М.К. Мої театральні згадки, 1881-1917. Харків, 1930. С. 76; *Чикаленко Є.* Спогади (1861-1907). Нью-Йорк, 1955. С. 227-228.

трудами царского генерала, который ставил на первое место дух войск. Поэтому дискуссии вокруг Драгомирова в 1920-1930-е годы просто прекратились. Вместо этого в довоенном СССР произошло нечто вроде закрепления «черного» мифа о генерале. В советских работах 1930-х годов о русско-японской войне[31] и об артиллерии[32] были повторены оценки, данные Драгомирову Мартыновым, во втором случае — в более мягкой форме. В первом издании Большой советской энциклопедии (1931) Драгомиров изображен «монархистом», «антисемитом», «по-диктаторски» управлявшим Академией. Ремаркой «при слабом сопротивлении турок» умалялся даже успех 14-й дивизии при переправе через Дунай в 1877 году[33]. Когда в Советской военной энциклопедии была опубликована крайне негативная статья о М.Д. Бонч-Бруевиче с обвинениями в поддержке «отсталых тактических взглядов Драгомирова»[34], тот протестовал, отстаивая в письме редактору свое имя и имя своего учителя[35], но без успеха.

Несколько выбивающимся из этого ряда выглядит А.А. Свечин, который вообще был склонен с уважением – весьма, впрочем, выборочным – относиться к «военным классикам». Отчасти под влиянием Г. Дельбрюка, отчасти – марксизма, он стремился показать военное дело находящимся в тесной связи с политическим и экономическим развитием обществ. В редких замечаниях о Драгомирове Свечин, в отличие от многих представителей своего поколения, отмечал его заботу о «приближении офицера к солдатской массе, об уничтожении мордобойства и более гуманном отношении к солдату»[36] и даже отмечал его роль в перевооружении русской армии новой техникой[37]. Однако один из основателей советской военной мысли был сторонником «огневой тактики» и считал, что русская армия, и без того

[31] *Левицкий Н.* Русско-японская война. М., 1936. С. 28-29.

[32] *Барсуков Е.И.* Русская артиллерия в мировую войну. Т.4. М., 1938. С. 6-7.

[33] Драгомиров, Михаил Иванович // Большая советская энциклопедия. 1 изд. Т. 23. М., 1931. С. 381-383.

[34] Бонч-Бруевич, Михаил Дмитриевич // Советская военная энциклопедия. Т. 2. М., 1933. С. 685. Издание было прекращено на втором томе.

[35] Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 369. К. 245. Д. 24.

[36] *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М.-Жуковский, 2002. С. 694.

[37] Там же. С. 696.

склонная к противоположной ей «ударной», дополнительно толкалась Драгомировым на ложный путь.

В эмигрантской среде в 1920-1930-е годы Драгомиров тоже если не игнорировался, то скорее отрицался. Н.Н. Головин, прежний «младотурок», а в 1930-е годы один из самых влиятельных военных писателей-эмигрантов, в книге «Наука о войне» (1938) писал, что Драгомиров совершил ошибку, противопоставляя моральный элемент материальному. Необходим их синтез[38]. К этой точке зрения был весьма близок А.А. Керсновский, автор четырехтомной «Истории русской армии» (1933-1938). На эту книгу, яркую и местами удивительно точную, оказали большое влияние разочарования автора в связи с крахом, постигшим русскую государственность в 1917 году. По мнению Керсновского, Россия, не в последнюю очередь под влиянием интеллигенции, отошла от основ «национальной» политики, а русская армия – от основ «национального» военного искусства. Драгомиров, «человек больших достоинств», который «имел большие недостатки, сделавшие его влияние на армию в конечном счете отрицательным»[39], сыграл в этом особую роль, извратив учение Суворова. На эту оценку большое влияние оказали «младотурки»[40], и Керсновский, как и Головин, считал, что Драгомиров искусственно противопоставил дух войск и материальный фактор, а значит, несет ответственность за создание «системы минотавра», которая требовала «все новых гекатомб»[41]. Труд Керсновского оставался недоступным советским исследователям, но после его переиздания в России в 1992-1994 годах, стал одной из самых читаемых книг о русской армии, особенно среди непрофессионалов.

---

38 *Головин Н.Н.* Наука о войне. М., 2008. С. 93.

39 *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 23.

40 Ср.: «[…] Драгомиров совершенно проглядел офицера, более того, сознательно игнорировал офицера (его всегдашнее иронически-презрительное «гас-па-дин офицер!» (*Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 24) и «Крупнейшие военно-педагогические наши деятели (Драгомиров), […], в силу стародавней привычки, очевидно вызванной отнюдь не избытком уважения к нашему скромному офицеру, иначе его не именуют, как иронически-почтительным — «гос-по-дин офи-цер»!» (*Геруа А.* Указ. соч. С. 116-117).

41 *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 4. С. 256.

В эмиграции оказалось немало людей, связанных в прошлом с Драгомировым, однако никто из них не сделал попытки написать биографию генерала. Н.Н. Кнорринг в своей биографии М.Д. Скобелева, вышедшей в 1939 году, слегка коснулся личности Драгомирова. Эта книга, послужившая основой многих последующих трудов о «белом генерале», была чрезвычайно полезной и для настоящего исследования, особенно в тех местах, где речь идет о предполагаемых связях Скобелева и Драгомирова с революционерами[42]. Фактически, это было первой попыткой ответить на вопросы о политических взглядах двух видных представителей поколения 1877 года. Кнорринг считал эти контакты вполне возможными.

Приближение Великой Отечественной войны заставило советское руководство круто изменить отношение к дореволюционному прошлому, в том числе и военному. В 1943 году в «Историческом журнале» появилась статья видного советского историка С.С. Дмитриева о Драгомирове, в которой генерал представлен «горячим патриотом», воплощавшим в себе «лучшие традиции русской армии» и ее «передового офицерского состава», наследие которого «представляет большую ценность для Красной Армии». В этой статье был дан краткий очерк жизни и идей Драгомирова, причем особенно подчеркивалось, что генерал был «воинствующим суворовцем» и сочувствующе отзывался о Великой французской революции. В конце Дмитриев выражал недоумение по поводу статьи, помещенной о генерале в Большой советской энциклопедии, и призывал переиздать драгомировские труды[43]. Этот призыв имел все шансы быть услышанным, потому что еще до завершения войны И.В. Сталин поставил перед советской военной наукой задачу освоения наследия дореволюционной военных деятелей[44], а М.И.

---

42 *Кнорринг Н.Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев // Белый генерал. М., 1992. С. 184-216.

43 *Дмитриев С.С.* Генерал Драгомиров // Исторический журнал. - 1943. - №5-6. - С. 26-32.

44 Замечания о военной идеологии (из документов Генштаба) // *Сталин И.В.* Сочинения. Т.15. Часть 3. М., 2010. С.302-303.

Калинин в 1945 году упомянул в одной из работ Драгомирова и согласился с его идеей о значении моральных сил на войне[45].

Первое советское собрание сочинений Драгомирова было готово к 1947 году, однако к этому времени ситуация изменилась. Идеология послевоенного СССР причудливо сочетала борьбу с «низкопоклонством» перед Западом, в ходе которой возвеличивались достижения русской науки, с подавлением настроений в среде интеллигенции, отходивших от строго понимаемых канонов марксизма. Редакторская статья в одном из номеров «Вопросов истории» за 1948 год указывала на многочисленные «ошибки» в работах советских историков. В статье отмечалось, что «поднимались на щит, как якобы герои русского народа, генералы Скобелев, Драгомиров, Брусилов, а в Армении ухитрились превратить в национального героя даже Лорис-Меликова»[46]. Собрание трудов Драгомирова было сопровождено двумя предисловиями, одним из авторов которого был генерал-майор М.Р. Галактионов. Вслед за Калининым, Галактионов соглашался с драгомировской идеей о господстве на войне морального фактора, но указывал, что Драгомиров по философским взглядам был идеалистом и не смог избежать многих ошибок, отсюда вытекающих[47]. О второй статье, предваряющей издание, будет сказано ниже.

Хотя в новом издании Большой советской энциклопедии (1952) статья о Драгомирове сильно потеряла в объеме и информативности по сравнению с хлесткой статьей 1931 года, она была гораздо более благожелательной. Подчеркивалось, что Драгомиров «писал о непобедимости русской армии, превосходстве русских солдат по боевым и моральным качествам над солдатами других армий и внушал веру в способность русских войск одолеть любого врага России», а кроме того, «критиковал прусскую немецкую педагогику и тех русских офицеров, которые раболепствовали перед ней».

---

45 *Калинин М.* О моральном облике нашего народа. Л., 1945. С. 29-30.

46 Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. - 1948. - №12. - С. 11.

47 *Галактионов М.Р.* Предисловие // *Драгомиров М.И.* Избранные произведения. М., 1947. С. III-V.

Статья фактически отделяла Драгомирова-педагога от Драгомирова-тактика. Первый «прогрессивен», а второй имел «реакционные» взгляды на технику, прикрывающую техническую отсталость «русского царизма»[48].

Такое механическое соединение «черного» и «белого» мифов о Драгомирове будет в дальнейшем свойственно советской историографии, и ярче всего проявились в трудах Л.Г. Бескровного. После смерти Сталина у историков появились новые возможности[49], и середина-конец 1950-х годов стали временем активного обращения к наследию генерала. В 1956 году вышло второе издание трудов Драгомирова[50]. Автором предисловия к нему был Бескровный, который несколько переработал свой очерк, опубликованный в издании 1947 года рядом с предисловием Галактионова. В своем подходе к наследию Драгомирова, Л.Г. Бескровный согласен с М.Р. Галактионовым: Драгомиров высказывал ценные и отчасти верные мысли, но к его идеям следует подходить критически, учитывать идеалистическую направленность драгомировской мысли, учитывать, что Драгомиров был «сыном своего времени, сторонником господствующего класса и его общественной системы»[51]. Если Галактионов направлял свою критику прежде всего на философский метод Драгомирова, то Бескровный связывает недостатки системы Драгомирова с политическим фактором. Главное противоречие, которое не удалось разрешить Драгомирову, по мнению Бескровного, заключалось в том, что Драгомиров искал способы подготовки, отвечающие интересам господствующих классов, он не видел, что эти интересы роковым образом расходятся с интересами самих солдат, вчерашних крестьян и рабочих.

---

48 Драгомиров, Михаил Иванович // Большая Советская Энциклопедия. 2 изд. Т.15. М., 1952. С. 161-162.

49 Характерный пример – фильм «Герои Шипки» (реж. С.Д. Васильев, 1954), в котором Драгомиров выведен среди группы «прогрессивных» русских генералов, возглавляемых Скобелевым и противопоставленных «реакционному» командованию в лице в.кн. Николая Николаевича Ст., его штаба и императора Александра II.

50 *Драгомиров М.И.* Избранные труды. М., 1956. Столь скорое новое издание, которое почти повторяет издание 1947 года, заставляет думать, что предыдущий сборник трудов в итоге не дошел до читателя.

51 *Бескровный Л.Г.* М.И. Драгомиров *// Драгомиров М.И.* Избранные произведения. М., 1947. С. XV.

Бескровный несомненно использовал в работе над своей статьей текст Бонч-Бруевича из сытинской «Военной энциклопедии», а также статью Дмитриева 1943 года. Это видно по тем ярким оборотам, которые «перекочевали» оттуда в его статью. Уделяя большое внимание политическим вопросам, Бескровный, вслед за Дмитриевым, анализирует статью Драгомирова «Замечания о французской армии», где тот высказывается сочувственно о французской армии времен революции. «Буржуазного либерала Драгомирова не страшит слово «революция» потому, что он в ней видит лишь средство для развития человеческих свойств, заложенных в солдате от природы, – пишет автор предисловия, – Она лишь толчок, способствующий наибольшему расцвету этих свойств»[52]. Бескровный наметил также вопрос влияния на Драгомирова, утверждая, что в идеях Драгомирова чувствуется знакомство с работами Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, а также классиков отечественной педагогики Н.И. Пирогова и К.Д. Ушинского.

В переработанном очерке 1956 года Бескровный развивает тему влияния на Драгомирова, указывая на А.И. Астафьева как на одного из учителей Драгомирова. Влияние французской военной мысли подчеркивается сильнее, чем в первоначальной версии. В целом, очерк повторяет уже сказанное Бескровным в предисловии 1947 года. Были лишь усилены некоторые акценты, причем те, что выставляют Драгомирова скорее в невыгодном свете. Бескровный подчеркивает, что система Драгомирова оправдывала техническую отсталость России. Таким образом, Драгомиров – прогрессивный военный педагог, но сторонник отсталой тактики. Этот вывод, восходящий к Мартынову и закрепленный Бескровным, затем повторялся многими советскими исследователями[53]. Его очерк сохраняет значение и

[52] Там же. С. XVII.

[53] В дальнейшем Л.Г. Бескровный составил ряд работ, в которых повторил свои выводы относительно Драгомирова, показывая, что он немало сделал для перехода тактики и системы военного образования на новые принципы после Крымской войны, но оказался неспособен уловить новые тенденции, что привело к тому, что его идеи к русско-японской войне устарели (*Бескровный Л.Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 159). Советский историк низко оценивал боевую эффективность русской армии,

сейчас, как подробный анализ жизни и идей Драгомирова, хотя надо отметить, что идеи интересуют исследователя больше, чем биография военного мыслителя[54]. В первые послевоенные годы Драгомиров понимался как актуальный автор, мысль которого могла быть использована в дальнейшем строительстве Советской армии.

Одновременно рос интерес к дореволюционной военной мысли, и появились первые попытки обобщения ее наследия. Историк-славист В.А. Дьяков провел резкую грань между «академической» и «русской» военной мыслью царской России. По мнению исследователя, академическая школа, лидером которой назывался Г.А. Леер, неоправданно преувеличивала технику в противовес моральному элементу и завышала значение теории. Русская же школа справедливо ставила на первое место человека, но недооценивала значение техники и военной науки. Главой русской школы был назван Драгомиров[55]. Разделение на «русскую школу» и «академистов», намеченное Дьяковым, попытался развить Л. Леонидов. Тем удивительнее, что у него Драгомиров, наоборот, был причислен к академической школе[56].

В послевоенные годы Дьяков занялся темой русско-польских революционных связей на рубеже 1850-1860-х годов и собрал богатый материал об офицерских организациях в Петербурге[57], использованный нами в настоящем труде. Дьяков считал Драгомирова причастным к офицерским революционным организациям, основываясь на изысканиях Р.А. Таубина[58].

связывая это с двумя факторами: 1) классовый характер царской России не соответствовал эпохе массовых армий, 2) система народного хозяйства не была способна обеспечить потребности русской армии в современной войне (*Он же.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 602-604; *Он же.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 232-233).

54 *Бескровный Л.Г.* М.И. Драгомиров // *Драгомиров М.И.* Избранные труды… С. 3-124.

55 *Дьяков В.* О развитии русской военно-исторической мысли в последней четверти XIX века // Военно-исторический журнал. - 1959. - №5. - С. 60-72.

56 *Леонидов Л.* Из истории русской военно-исторической мысли 60-х годов XIX века // Военно-исторический журнал. - 1973. - №10. - С. 95-100.

57 *Дьяков В.А.* Петербургские офицерские организации конца 50-х–начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей // Ученые записки Института славяноведения. Т. XXVIII. М., 1964. С. 268-359.

58 *Таубин Р.А.* К вопросу о роли Н.Г. Чернышевского в создании «Революционной партии» в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. // Исторические записки. Вып. 39. М., 1952. С. 59-97.

Этот историк обнаружил в следственном деле П.Л. Лаврова список приглашенных на открытие Шахматного клуба, в котором фигурировало имя Драгомирова. Из этого Таубин, а вслед за ним и Дьяков, сделали заключение о том, что Драгомиров был среди оппозиционно настроенных офицеров.

В 1973 году появилось первое комплексное исследование русской военной мысли, выполненное Г.П. Мещеряковым. Он не стал развивать противопоставление русской и академических школ, сосредоточившись на поисках социально-политической подоплеки у военных мыслителей дореволюционной России. В адрес Драгомирова часто звучит обвинение в том, что он своей теорией искал возможность угодить «господствующим классам», а его идея о превосходстве на войне нравственной энергии была призвана оправдать техническую отсталость России и неспособность ее «правящих кругов» руководить страной. Несмотря на такие оценки, Мещеряков признает, что до 1880-х годов деятельность Драгомирова была прогрессивной, так как была направлена против взглядов и порядков «феодально-крепостнической военной системы». Драгомиров «в отдельных случаях поднимался до понимания» того, что сословные привилегии дворянства мешают прогрессу в армии[59]. Коллектив авторов под руководством П.А. Жилина был благосклоннее к Драгомирову. В их работе, посвященной русской военной мысли, выводы о значении морального фактора в целом были приняты и даже указывалось, что они звучали актуально в годы Великой отечественной войны. Трудами Драгомирова, указывают авторы, русская военная педагогика заняла одно из первых мест в мире. В описании его идей часто звучат нотки оправдания, подчеркивается, что перерабатывая свой учебник тактики, Драгомиров успел учесть многие уроки русско-японской войны и пересмотреть свои взгляды на значение огня[60].

---

[59] *Мещеряков Г.П.* Русская военная мысль в XIX в. М., 1973.

[60] Русская военная мысль. Конец XIX- начало XX века. Под ред. П.А. Жилина. М., 1982.

Параллельно с появлением первых в СССР работ по русской военной мысли XIX века, шло изучение собственно русской армии этого периода. Советская историческая наука в 1960-1980-е годы была устроена таким образом, что историкам, помимо собственных разработок, приходилось учитывать замечания В.И. Ленина по поводу изучаемого вопроса. В вопросах военного дела Ленин объединял марксистский подход с идеями К. фон Клаузевица, с книгой которого «О войне» он познакомился в 1914-1915 годах[61]. На полях конспекта он написал: «каждое время – “свои войны”»[62]. Как и немецкий военный мыслитель, Ленин писал, что «война есть продолжение политики иными средствами», и «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает»[63]. Эпохе капитализма соответствуют войны массовых армий, и «войны ведутся теперь народами»[64]. Поэтому военные неудачи царской России следует связывать, во-первых, с экономической отсталостью страны, а во-вторых, с несоответствием политического строя современным реалиям, в том числе в военной области. «Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела […]», – писал он[65]. Л.Г. Бескровный в поздних работах точно воспроизводил эти тезисы[66].

Наиболее фундаментальные и влиятельные советские труды по истории русской армии пореформенной эпохи принадлежат П.А. Зайончковскому. Зайочковский указывал: «Военные преобразования русской армии могут быть поняты лишь в неразрывной связи с экономическим положением страны»[67]. Развитие капитализма в России требовало «буржуазных» преобразований в

---

61 *Gat, A.* A History of Military Thought: From the Enlightment to the Cold War. (Oxford Univ. Press, 2001). p. 504.

62 Выписки и замечания на книгу Клаузевица «о войне и ведении войн» // Ленинский сборник. Т. XII. М.-Л., 1930. С. 426.

63 Война и революция // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 32. М., 1967. С. 78-79.

64 Падение Порт-Артура // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 9. М., 1967. С. 154.

65 Там же. С. 156.

66 *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке… С. 602-604; *Он же.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 359; *Он же.* Армия и флот России в начале XX в… С. 232-233.

67 *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 5.

армии[68]. Однако он отмечал, что эти преобразования шли в ситуации острой борьбы между «либералами» и «крепостниками», что привело к непоследовательности в проведении реформ, и в результате реформы 1860-1870-х годов «не смогли обеспечить создания прочных основ обороноспособности государства»[69]. В своих работах он был склонен выделять влияние «прогрессивных» военных деятелей, таких как Д.А. Милютин, которые как бы оказывались заложниками ограничений, накладываемых политическим режимом. Под этим углом Зайончковский подробно описал ход преобразований в русской армии, в том числе в области боевой подготовки войск. В соответствующих главах он отметил роль Драгомирова, повторяя вслед за Бескровным, что его система была «несомненно, шагом вперед», но таила в себе недооценку роли огня, что не соответствовало современным условиям боя[70].

Рассматривая развитие русской армии после ухода Милютина с поста министра, Зайончковский указывал, что за поражение в русско-японской войне «несет ответственность в первую очередь самодержавие, и все недостатки, обнаруженные на театре военных действий, являются следствием существовавшей политической системы»[71]. Историк подробно проанализировал пагубное, с его точки зрения, вмешательство в подбор высшего командного состава, обучение войск, вопросы организации и т. д., которое не позволяло «людям сильной воли, больших способностей и инициативы»[72], таких как Драгомиров, И.В. Гурко и Н.Н. Обручев, привести состояние русской армии в соответствие с требованиями времени. Зайончковский первым подробно проанализировал работу комиссии графа П.Е. Коцебу, затронул проблемы взаимоотношений власти, армии и революционных кругов, обратил внимание на отчеты Драгомирова военному

[68] Там же. С. 358.
[69] Там же. С. 361.
[70] Там же. С. 186.
[71] *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. М., 1973. С. 3.
[72] Там же. С. 347.

министру и дал генералу уже более положительную характеристику[73], нежели в работе 1952 года. Многие из вопросов, поднятых Зайончковским, мы намерены рассмотреть подробнее в настоящей работе.

Ограничения, в которых работали советские историки[74], хорошо известны. Марксистский подход к истории не предполагал обращения к биографическому жанру, поэтому в советское время, несмотря на серьезные достижения в изучении дореволюционной русской армии и военной мысли, так и не появилась полноценная биография Драгомирова. Не было возможности «спуститься» на уровень отдельных лиц и подробнее рассмотреть их мотивацию, взгляды, жизненный путь, восприятие тех или иных идей и событий. Деятельность Драгомирова, как и других его современников, как правило, объяснялась принадлежностью к «господствующему классу» и тому или иному «политическому лагерю». Успехи и неудачи русской армии связывались с уровнем экономического развития России и политическим строем. Нередко действительный научный анализ подменялся отсылкой к не поддающимся сомнению тезисам об отсталости России и ее политического строя. В этих условиях невозможно было подойти к серьезному пересмотру тех положений о роли Драгомирова, которые сформулировал Бескровный.

С распадом СССР историки получили возможность заниматься своими исследованиями, не ограничивая себя марксистским подходом, а биографический жанр вновь стал легитимным в исторической науке. Дополнительный толчок развитию давал упростившийся доступ к эмигрантским изданиям и наработкам зарубежных коллег, а также растущий интерес в обществе к страницам военного прошлого России, не получавшим прежде большого внимания или явно нуждавшихся в пересмотре. В изучении

---

[73] Там же. С. 257-261

[74] Помимо указанных работ были использованы основные советские труды по русско-турецкой войне 1877-1878 годов: *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1956; *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и подвиг освободителей. София, 1979; *Золотарев В.А.* Россия и Турция: Война 1877-1878 гг. М., 1983. В основном они следуют (особенно Беляев) за официальной дореволюционной историей: Описание Русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове. Т. 2. СПб., 1901.

таких тем, как Отечественная война 1812 года или Первая мировая война, произошли серьезные сдвиги, тогда как военная история между этими двумя войнами не пользовалась таким же вниманием исследователей, многие военные деятели этого периода, за исключением, пожалуй, М.Д. Скобелева, остались за рамками их внимания.

Исключением на этом фоне была биография Н.Н. Обручева, изданная в 1998 году О.Р. Айрапетовым[75]. Историк представил своего героя на перекрестье военной и внешней политики, системы связей внутри правящей элиты Российской империи, взаимодействия различных институтов, из которых Генеральный Штаб, по мнению Айрапетова, так и не был до конца оформлен, что во многом предопределило неспособность Обручева до конца отстаивать свои взгляды. Слабый Генеральный Штаб означал слабость корпорации офицеров-генштабистов, профессиональных высококвалифицированных военных, к которой принадлежал Обручев. Таким образом, биография отходила от привычной в советских книгах аргументации, базирующейся на социально-экономических факторах и делении на «прогрессивных» деятелей и «отсталый» царизм. Айрапетов развил эти идеи в последующих работах. Объясняя причины неудач русской армии в ходе русско-японской войны 1904-1905 годов, он также склонен уделять большое внимание слабой подготовке офицеров Генерального Штаба и неспособности А.Н. Куропаткина и его сотрудников справиться с огромными армиями[76]. Многие идеи, высказанные в этих книгах об Обручеве, его поколении, к которому принадлежал и Драгомиров, и русской армии послужили ценным исходным пунктом для настоящей работы. Кроме

---

[75] *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830-1904). СПб., 1998. Мы использовали второе издание, переработанное и дополненное: *Он же.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830-1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017.

[76] *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015; *Он же.* История внешней политики Российской империи. 1801-1914 гг. Т. 4. М., 2018. Последний труд мы дополняли известными работами по истории франко-русского союза: *Kennan, G.F.* The Fateful Alliance: France, Russia and the Coming of the First World War. (Pantheon books, NY, 1984); *Luntinen, P.* French Information on the Russian War Plans, 1880-1914. (SHS, Helsinki, 1984).

того, работа Айрапетова, как и настоящий труд – биография генерала, не оставившего дневников или мемуаров.

Таким образом, отечественная историография сделала несколько важных шагов к осмыслению истории русской армии, русской военной мысли и роли Драгомирова в ней, но эта работа еще далека от завершения. Во-первых, отечественные исследователи часто подходили к высказываниям о Драгомирове, появившимся сразу после его смерти, без учета того контекста, в котором они были сделаны. Во-вторых, советские и российские историки были склонны придавать слишком большое значение этим высказываниям, в ущерб обращению собственно к работам генерала. В-третьих, практически не разобранным остался вопрос о влиянии на Драгомирова существовавшей в его эпоху военной традиции, общественной, культурной и политической обстановки. Огромное влияние его идей и фигуры было осознанно, хотя ему и давались часто противоположные знаки, но истоки этих идей и процесс их формирования, контекст, в котором они высказывались – все это осталось за рамками внимания.

Зарубежная историография

Военная мысль предшествующего Первой мировой войне периода в 1920-1930-е годы считалась на Западе обанкротившейся примерно так же, как и в Советской России. Б.Г. Лиддел Харт, один из самых авторитетных британских военных мыслителей межвоенного периода, в своей книге «Призрак Наполеона» (1933) называл Клаузевица «Махди[77] масс и взаимного истребления»[78]. Его военная мысль «отравляла разум» последующих поколений генералов, заставляла их пренебрегать техническими изобретениями и слепо верить в решающее значение штыка. «В действительности это означало, что они тренировали свои массы для того,

[77] Махди – в исламе: мессия, который появится перед концом света.
[78] *Liddell Hart, B.H.* The Ghost of Napoleon. (Faber & Faber Ltd, London, 1980). p. 120.

чтобы быть уничтоженными пулеметами», – заключал британский автор[79]. Эти и многие другие схожие оценки оказали значительное влияние на оценку военной мысли эпохи, в которую жил Драгомиров.

Как и в СССР, в западных странах в 1970-е годы военная мысль XIX века стала предметом более внимательного и более взвешенного подхода историков. Главное внимание было сосредоточено на поисках причин «глухоты» военных к изменениям в военном деле и проблемам, вызванным увеличением мощи огня. Так, М. Гловер был склонен представлять развитие военного дела в XIX веке как последовательный прогресс в вооружении (это отразилось даже в названии глав его книги «Военное дело от Ватерлоо до Монса») и всякий раз запоздалый ответ на это развитие со стороны военных ведущих европейских держав[80]. Дж. Эллис, продолжая линию Лиддел Харта, отмечал: «Реакция военных на пулемет была не рациональным ответом на технические или финансовые соображения. Она исходила из традиций анахронического офицерского корпуса, концепция войны которого по-прежнему концентрировалась на понятиях о рукопашном бое и индивидуальном героизме»[81].

Уход от столь жесткой критики военных мыслителей XIX-начала XX века трудно связать с какой-то отдельной работой или конкретным автором. Вероятно, одним из важных толчков было переосмысление роли Клаузевица, произошедшее в связи с Холодной войной в 1970-е годы. Видные специалисты по теории международных отношений Б. Броди и Р. Арон превратили автора трактата «О войне» из «махди масс» в классика военной мысли, невероятно актуального для понимания современного мира[82]. В 1976 году появилась скрупулезная биография Клаузевица, автором которой был П. Паре. В этой книге прусский военный мыслитель представлен уже не как

---

79 Ibid. p. 127, 129.

80 *Glover, M*. Warfare From Waterloo to Mons (London, 1980)

81 *Ellis J.* The Social History of the Machine Gun. (Croom Helm, London, 1975). p. 70.

82 Об их роли см.: *Gat, A.* Op. cit. pp. 171-172, 230; *Durieux, B.* Clausewitz et la réflexion sur la guerre en France, 1807-2007. Positions de thèse // Stratégique. – 2009. – N 5-6 (97-98). – pp. 217-240.

виновник ошибок военных вплоть до 1914 года, но как представитель нового, современного взгляда на значение государства, основанного на политическом реализме[83]. Паре критиковал Арона за то, что он смотрел на Клаузевица как на своего современника, вместо того, чтобы изучать «почему и как этот человек в это время развивал эти идеи»[84]. Соответственно, книгу Паре отличает глубокое погружение в тот интеллектуальный контекст, в котором вырабатывались идеи Клаузевица, и внимание к связям между этим контекстом и военной мыслью автора «О войне».

Переосмысление значения Клаузевица требовало переосмысления роли его «учеников», то есть военных более поздних поколений. М. Говард утверждал, что, вопреки распространенному мнению, военачальники перед Первой мировой войной «не были ни слепы по отношению к вероятным последствиям их атак, ни введены в заблуждение о оборонительной мощи вооружения XX века»[85] и считал ошибкой проводить слишком прямую связь между тактическими взглядами накануне 1914 года и теми тактическими тупиками, которые ассоциируются с Первой мировой войной[86]. К 1980-м годам данная точка зрения стала превалировать[87].

Армия Пруссии-Германии привлекала особое внимание, так как считалась самой передовой в 1870-1914 годах. Работы В. Герлица и Г. Крейга, появившиеся после 1945 года, были склонны представлять прусский Генеральный Штаб как отсталый и реакционный институт[88]. Однако, по мере того, как впечатления мировых войн отходили в прошлое, знаки менялись.

---

83 *Paret, P.* Clausewitz and the State (Princeton Univ. Press, Princeton and Oxford, 2007). p. 438.

84 Ibid. p. VII.

85 *Howard M.* Men against the Fire: The Doctrine of the Offensive in 1914 // The Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age. ed. By Peter Paret. (Princeton Univ. Press, Princeton, NJ, 1986). p. 510. См. также: *Ibid.* War in European History (Oxford Univ. Press, Oxford, London, Glasgow, 1979). pp. 104-105.

86 *Howard M.* Men against the Fire… p. 526.

87 См. напр. критику книги Дж. Снайдера (*Snyder, J.* The Ideology of the Offensive: Military Decision Making and the Disasters of 1914. Ithaca and London, 1984): *Sagan, S.D.* 1914 Revisited: Allies, Offense, and Instability // International Security. - 1986. - Vol. 11. - No. 2. - pp. 151-175; *Wildman, A.K.* Reviewed Work: The Ideology of the Offensive: Military Decision Making and the Disasters of 1914 by Jack Snyder // The American Historical Review. - 1986. - Vol. 91. - No. 5. - pp. 1186-1187.

88 Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М., 2005; *Craig G.* The Politics of the Prussian Army, 1640-1945 (Oxford Univ. Press, London, Oxford, NY, 1964).

Большинство историков сходились во мнении, что ключом к возвышению Пруссии в качестве передовой военной державы было положение ее Генерального Штаба, который действительно анализировал ошибки и делал из них выводы, которые довольно успешно претворялись в жизнь[89]. М. Говард считал Генеральный Штаб и его главу Г. фон Мольтке главными творцами победы во франко-прусской войне 1870-1871 годов[90]. Особенно подчеркивается инновационность прусских генштабистов в работе А. Бухольца, рассмотревшего Генеральный Штаб как важный этап на пути к переходу от традиционных моделей управления к современному менеджменту, понимаемому в духе Дж. Гэлбрейта[91].

Перечисленные работы о прусском Генеральном Штабе и сейчас играют большую роль в понимании историками его функций, задач и проблем. В последнее время появился ряд работ, посвященных тактике германской армии перед Первой Мировой войной. Э.Д. Брозе во многом продолжил традиционную линию, подчеркивающую технологические новшества и запоздалые ответы военных. Он отмечал, что в германской армии поколение 1870 года, склонное уважительно относиться к технологиям и силе огня, сменилось поколением, которое пренебрегало и тем, и другим[92]. А. Эчеварриа предложил гораздо более радикальный отход от прежних представлений. Он отмечал, что его предшественники часто повторяли одни и те же ошибки: 1) ставили себе цель найти причины тактического тупика Первой мировой войны в тактических доктринах предшествующего периода, делая свое исследование телеологическим; 2) слишком возвышали значение технологий[93] и искусственно делили военных мыслителей на

---

89 *Dupuy, T.N.* Genius for War: The German Army and General Staff, 1807-1945. (Prence-Hall, Inc. Englewood Cliffs, N.J., 1977). p. 99.

90 *Howard M.* The Franco-Prussian War: The German Invasion of France, 1870-1871 (London and NY: Routledge, 1990). p. 18.

91 *Bucholz, A.* Moltke, Schlieffen and German War Planning. (Berg Publishers, 1993).

92 *Brose, E. D.* The Politics of Military Technology in Germany During the Machine Age, 1870-1918 (Oxford and New York, Oxford Univ. Press, 2001. p. 4.

93 Ценный анализ этой проблемы см.: *Griffith, P.* Infantry Armament and the Perception of Tactical Need, 1789-1918 // War in the Age of Technology (NY University Press, NY and London, 2001). pp. 19-41.

традиционалистов и сторонников прогресса; 3) проводили прямую связь между тактической доктриной и боевой практикой; 4) недооценивали разнообразие мнений среди военных мыслителей, были склонны придавать большое значение мало значащим для современников радикалам и плохо понимали культуру дискуссий внутри военной среды[94]. При менее предвзятом взгляде можно видеть, что наиболее авторитетные военные авторы Германии хорошо понимали значение техники, искали выход из кризиса, связанного с ее развитием, и предлагали свои ответы. Проблема была в том, подчеркивает Эчеварриа, что пути выхода противоречили друг другу: требования огня вступали в конфликт с требованиями сохранения контроля над войсками. На эти чисто военные проблемы накладывались вызовы, связанные с социальными переменами, развитием антимилитаристских настроений в обществе и политической нестабильностью на рубеже XIX-XX веков[95].

Одновременно с работой А. Эчеваррии появился крупный труд А. Гата по истории военной мысли[96]. Особенностью этой работы является скрупулезно прослеженная израильским историком связь между военной мыслью и общим интеллектуальным фоном соответствующей эпохи и страны. Гат показал, насколько значительным было влияние на военную мысль других факторов, помимо технологических: традиции эпохи Просвещения и реакция на идеи французских философов, дух наполеоновской стратегии, преломленный через призму восприятия Клаузевица и А. Жомини, позитивизм, романтизм и национализм, соперничество великих держав, понимаемое в социал-дарвинистских тонах, и новые тенденции, связанные с капиталистическим развитием, например, рост пацифизма и социализма и т.д.

Этот очерк не претендует на то, чтобы дать исчерпывающую картину развития изучения европейской военной мысли XIX века, но он, мы

---

94 *Echevarria, A.J.* After Clausewitz: German Military Thinkers Before the Great War (Univ. Press of Kansas, 2000). pp. 3-5.

95 Ibid. pp. 5-6.

96 *Gat, A.* Op. cit.

надеемся, показывает некоторые важные тенденции. Современные западные исследователи, в отличие от своих коллег начала-середины XX века, склонны если не оправдывать военных мыслителей интересующей нас эпохи, то смотреть на них менее строго, не укоряя их за отсутствие предвидения и слепое следование традиции, но стремясь понять их взгляд и проблемы, стоявшие перед ними непосредственно, а не в перспективе. На наш взгляд, ближе к концу XX века в среде западных историков военного дела XIX столетия произошел важный сдвиг: во главу угла все чаще ставился не вопрос, почему военные этого периода не пришли к тем выводам, которые считались «правильными», а вопрос о том, почему они мыслили так, а не иначе. Хотя названные работы, в лучшем случае, упоминают Драгомирова, многие идеи, в них содержащиеся (особенно, у П. Паре, А. Эчеваррии и А. Гата), были использованы нами при работе над биографией генерала.

Интерес собственно к русской дореволюционной военной мысли на Западе был весьма сдержанным. «Россия не произвела на свет стратегических мыслителей, чьи работы имели бы нечто большее, чем временный эффект, – писал В. Пинтнер, – Нет русских Мэхенов, Клаузевицов или Жомини – даже несмотря на то, что Жомини закончил свою карьеру на русской службе»[97]. При этом первое комплексное исследование по русской военной мысли XIX столетия появилось в Америке. Хотя диссертация П. Фон Вальде так и не была издана, она послужила основой другим западным исследователям в их знакомстве с творчеством Драгомирова и его русских коллег. Основная идея фон Вальде заключается в том, что в военном обществе России пореформенного времени шла борьба старых идеалов, связанных с блестящими успехами XVIII века, и новых реалий, учитывающих современное развитие общества, экономики и техники. Драгомиров показан как противоречивая фигура, в которой старое уживалось с новым. Учение Драгомирова не дало русской армии впасть в излишнее

[97] *Pintner, W*. Russian Military Thought: The Western Model and the Shadow of Suvorov // Makers of the Modern Strategy… p. 354.

преклонение перед огнем, но несколько затормозило правильное понимание его значения. С другой стороны, его педагогические идеи полностью отвечали вызовам времени, а привычка проводить бесплодные атаки на хорошо укрепленные позиции связана не с влиянием на русский офицерский корпус Драгомирова, а с некомпетентностью русских офицеров, считает фон Вальде[98].

Работа фон Вальде не была продолжена, и русская военная мысль XIX века на Западе долго оставалась в тени. Вопрос военных трансформаций 1850-1900-х годов интересовал исследователей, но изучался, главным образом, на английском[99], немецком, австро-венгерском[100] и французском[101] материале. Это было связано как со сложностями изучения русского языка и получения доступа к архивам, так и с общим ощущением того, что Россия находилась на периферии магистрального пути эволюции в военном деле.

С середины 1970-х годов определенный интерес к Драгомирову и его идеям проявлял Б. Меннинг. Отметив некоторые внешние сходства между французской военной школой с ее акцентом на *élan vital* и русской школой, делающей ставку на штык и моральный фактор, Меннинг предположил, что русские поклонники Суворова могли перенести на наследие великого

---

98 *Wahlde, P. von.* “Military Thought in Imperial Russia” PhD diss. Indiana University, 1966.

99 Т. Траверс связывает сопротивление инновациям в английской армии с соперничеством родов оружия, сложностью выработки тактики для новых видов вооружений и идеей о ключевой роли морали, характера и наступательного духа: *Travers T.H.E.* The Offensive and the Problem of Innovation in British Military Thought, 1870-1915 // Journal of Contemporary History. - 1978. - Vol. 13. - No. 3. - pp. 531-553.

100 Г. Ротенберг представлял армию Габсбургов как слишком традиционалистский, мало способный к изменениям институт, проблемы которого усугубляли национальные противоречия. Э. Уиткрофт указывал, что адаптация технических новинок могла тормозиться из-за сиюминутных корпоративных интересов военных, связанных с их борьбой с политиками. Дж. Уавро отмечал такие глубинные проблемы как малая грамотность нижних чинов и некомпетентность офицеров: *Rothenberg, G.E.* The Army of Francis Joseph. (West Lafayette, Indiana, 1976); *Wheatcroft, A.* Technology and the Military Mind: Austria 1866-1914 // War, Economy and Military Mind, ed. by Geoffrey Best and Andrew Wheatcroft, (1976); *Wawro, G*. An "Army of Pigs": The Technical, Social, and Political Bases of Austrian Shock Tactics, 1859-1866 // The Journal of Military History. - 1995. - Vol. 59. - No. 3. - pp. 407-433.

101 А. Гат выделяет четыре модели объяснений «культа наступления» во французской военной мысли: 1) Влияние немецкой военной мысли в 1880-е годы, 2) Политические и социальные предпосылки (борьба армии и республиканского правительства, дело Дрейфуса), 3) Осознание слабости перед Германией, 4) Влияние интеллектуального климата (А. Бергсон): *Gat, A.* Op. cit. pp. 382-384. Пример второго подхода: *Horne, A.* The French Army and Politics, 1870-1970 (Macmillan, London and Basingstoke, 1990). Третьего: *Porch, D.* The March to the Marne: The French Army, 1871-1914 (Cambridge Univ. Press, 1981). Хороший справочник по французской армии Второй империи, использованный в этой работе: *Ortholan, H*. L´Armée du Seconde Empire, 1852-1870. (Éditions Soteca, Napoleon III, 2009).

полководца некоторые современные им идеи французских военных, в частности полковника Ш. Ардан дю Пика[102]. Меннинг предложил своему ученику Г. Маланчаку исследовать эту проблему. Из этой идеи родилась неопубликованная работа «Обучение армии: М.И. Драгомиров и Русская Императорская армия, 1860-1905 гг.»[103], первое исследование биографии Драгомирова, выполненное в качестве магистерской (*Master of Arts*) диссертации.

Маланчак не сумел найти прямых доказательств влияния французских писателей на Драгомирова и сосредоточил свое внимание на других аспектах его карьеры. Главные выводы Маланчака совпадают с выводами фон Вальде. Кроме того, он наметил то влияние, которое на Драгомирова оказали братья А.П. и П.П. Карцовы и всплеск интереса к Суворову в связи с 50-летием его Итальянского и Швейцарского походов, а потом и со дня смерти великого полководца. Фактически, Маланчак – первый из исследователей, кто попытался дать ответы на некоторые вопросы биографии генерала Драгомирова. Однако его работа не предполагала особенно глубокого погружения в тему и во многом следовала за существующей историографией.

Его учитель Б. Меннинг сам уделил немало внимания Михаилу Ивановичу. Его работа «Пуля и штык» (1992) основана на трудах советских историков, а также работе фон Вальде, поэтому и в ней Драгомиров предстает как сочетающий «старое и новое», представляющий ценные взгляды в военной педагогике и гораздо более спорные – в тактике. Драгомиров понимал значение техники в бою, но оказался заложником своих взглядов на роль морального фактора, отчего русские уставы скорее пострадали. Вместе с тем, Меннинг высказал немало ценных идей о русской армии в целом, указав на высокую скорость изменений в военном деле в

---

[102] См. также: *Baumann, R.F.* Technology versus the Moral Element: Emerging Views in the Russian Officer Corps, 1870-1904 // New Perspectives in Modern Russian History. ed. by Robert B. McKean (McMillan, 1992). pp. 43-64.

[103] *Malanchuk, G.W.* The Training of an Army: M.I. Dragomirov and the Imperial Russian Army, 1860-1905. M.A. Thesis. Miami University. 1978.

конце XIX века, на некоторые ее хронические проблемы как института (перевес административного элемента над боевым), на сложность переноса теоретических положений в реальную практику[104].

Г. Перссон исследовала вопрос о роли военных атташе (одним из которых был Драгомиров) в военных реформах Д.А. Милютина. Исследование было построено таким образом, чтобы не только показать, что говорил Драгомиров или другие русские офицеры, но также понять, почему они так говорили. Перссон неоднократно подчеркивает насколько неоднозначным был опыт войн 1850-1870-х годов и насколько велик был риск сделать неверные заключения. Ситуация, в которой находился Драгомиров была слишком сложной и неоднозначной, и несмотря на это русская армия «училась на чужих войнах» не менее усердно, чем другие, а приобретенные знания помогли продавить важнейшие реформы 1860-1870-х годов[105].

Дж. Бушнелл несколько критичнее относится к русской армии, нежели Б. Меннинг или Г. Перссон. Он отмечал, что система Д.А. Милютина не прошла испытание русско-турецкой войной 1877-1878 годов[106], русский офицерский корпус был неэффективен[107], а в русскую армию, несмотря на некоторые попытки Драгомирова противодействовать этому, переносились модели отношений между крестьянином и помещиком даже накануне революции 1905-1907 годов[108].

В последние годы особым вниманием зарубежных исследователей пользуется тема русского Генерального Штаба. Д. Рич[109] и М. Мейзел[110] показывают корпорацию офицеров Генерального Штаба как прогрессивный

---

104 *Menning, B.W.* Bayonets before bullets: The Russian imperial army, 1861-1914. (Indiana University Press. Bloomington & Indianapolis, 1992). Мы использовали русское издание: *Меннинг Б.У.* Указ. соч.

105 *Persson, G*. Learning from Foreign Wars: Russian Military Thinking, 1859-73. (Helion and Company, 2010).

106 *Бушнелл Дж.* Д. Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // Великие реформы в России, 1856-1874. под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 239-259.

107 *Bushnell, J.* The Tsarist Officer Corps, 1881-1914: Customs, Duties, Inefficiency // American Historical Review. - 1981. - Vol. 86. - No. 4. pp. 753-780.

108 *Bushnell*, J. Mutiny and Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–6. (Bloomington, IN, 1985).

109 *Rich, D.A.* The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia (Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., London, England, 1998).

110 *Mayzel, M.* The Formation of the Russian General Staff. 1880-1917. A Social Study // Cahiers du Monde russe et soviétique. - 1975. - Vol. 16. - No. 3/4. - pp. 297-321.

институт, постепенно становящийся новой военной элитой[111]. Меннинг и Бушнелл отмечали, что недостаток профессионализма в военной среде тормозил развитие русской армии. Эту мысль подтверждает труд Дж. Стейнберга «Вся царская рать»[112], посвященный русским офицерам Генерального Штаба последних лет перед Первой мировой войной. На наш взгляд, несмотря на большие достоинства этой работы, автор совершенно искусственно противопоставил «консервативного» Драгомирова и «современного» Куропаткина, и в их взглядах, в действительности, было гораздо больше общего, чем различного. Следует отметить, что оценки начальствования Драгомировым над Николаевской Академией Генерального Штаба в этих работах во многом базируются на статье Макшеева о «драгомировском» и «лееровском» периодах[113].

За исключением небольшой работы Г. Маланчака, западная историография, также как и советская, не произвела на свет биографии Драгомирова. Однако мы уделили ей большое внимание, потому что многое, выработанное ее опытом, было использовано нами. Прежде всего, в последние 40 лет наблюдается тенденция переосмысления военной мысли XIX века. Исследователи стали обращать внимание не столько на то, кто из военных мыслителей правильно, а кто неверно предсказал черты военной действительности начала XX века, сколько на их стиль мышления и на ситуацию, влиявшую на их выводы. Если советская историография была склонна несколько фаталистически сводить корни проблем в русской армии к отсталому экономическому и политическому строю, то западные исследователи, не отрицая этих факторов, обратили внимание на те сложности адаптации к новым боевым реалиям, которые были свойственны всем армиям великих держав.

---

[111] Схожий взгляд в более широкой перспективе см.: *Van Dyke, C.* Russian Imperial Doctrine and Education, 1832-1914. (New York, Westport, Connecticut, London). 1990.

[112] *Steinberg, J.W.* Op. cit.

[113] Это же относится к работе Н.А. Машкина, которая является прекрасным справочным материалом, но в которой почти отсутствует анализ: *Машкин Н.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века. М., 1997.

Выводы

Большое значение генерала М.И. Драгомирова и его мысли для русской армии очевидны всем исследователям, обращавшимся к ее истории. При этом, действительно основательный труд о его жизни и военной мысли отсутствует[114]. Оценки историками этого военного мыслителя разнятся, и это не удивительно, поскольку они, в конечном счете, следуют противоречивым оценкам, данным генералу его современниками сразу после его смерти. В советское время историки проделали серьезную работу по осмыслению русского военного прошлого, но им не удалось преодолеть рамки, заданные посмертными дискуссиями о Драгомирове. То же самое можно сказать и о зарубежной историографии, с той оговоркой, что ею были выработаны подходы, позволяющие это сделать.

[114] В последние годы появилась «историко-биографическая повесть», посвященная М.И. Драгомирову. Эта книга выполнена с привлечением архивных источников, но не претендует на научность и рисует взгляды генерала на Украину в явно тенденциозном виде: *Матвіэнко А.А.* Михайло Драгомиров. Київ-Конотоп, 2005. См. также научную статью: *Матвіэнко А.А.* М. І. Драгомиров і Україна // Український історичний журнал. №2. 2000. С. 112-116.

Обзор источников

Причина отсутствия научной биографии генерала М.И. Драгомирова связана с теми ограничениями, которые налагает на исследователя источниковая база. Генерал не оставил после себя мемуаров или дневников, и нам удалось найти лишь весьма небольшое количество писем к нему или от него. Поэтому биографу Драгомирова приходится полагаться на иные источники. Источниковую базу настоящего исследования можно разделить на несколько групп: законодательные акты, официальное делопроизводство, военно-статистические обозрения, произведения военной, философской и общественно-политической мысли, периодику и источники личного происхождения (дневники, переписка, мемуары).

Законодательные акты. В настоящем исследовании мы использовали текст Манифеста о введении всеобщей воинской повинности[115], а также уставы, публиковавшиеся в военной типографии при Главном штабе или в штабе военных округов[116]. Эти документы показывают эволюцию законодательной базы, регулирующей службу в русской армии, и позволяют проследить воздействие Драгомирова на нее.

Официальное делопроизводство. Документы различных учреждений военного ведомства, хранящиеся в Российском Государственном Военно-Историческом архиве (РГВИА), позволяют проследить основные этапы образования и карьеры генерала Драгомирова.

Основой любой биографии военного деятеля является послужной список – формализованная анкета, отмечающая происхождение, образование, семейное и имущественное положение, этапы службы и награды. Как правило, послужной список составлялся со слов самого офицера. Наиболее

---

[115] Устав о воинской повинности с дополнениями и разъяснениями. Сост. полк. Н. Светлицким. М., 1876.

[116] Воинский устав о службе в гарнизоне. СПб., 1860; Воинский устав о службе в гарнизоне. СПб., 1867; Устав о внутренней службе в пехотных войсках. СПб., 1877; Воинский устав о наказаниях. Казань, 1879; Воинский устав о гарнизонной службе. СПб., 1884; Устав гарнизонной службы. Пг., 1919; Устав гарнизонной службы Красной армии. М., 1945; Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 2007. Общее обозрение развития уставов в XIX в. см.: Главный штаб. Исторический очерк. Образование (обучение) войск. Уставы и наставления // Столетие военного министерства. 1802-1902. Ч. 1. Кн. II. Отдел III. СПб., 1914.

полный послужной список Драгомирова был составлен в 1890 году и хранится в фонде формулярных списков (Ф. 489)[117]. Кроме того, мы использовали список 1866 года из фондов Николаевской академии Генерального Штаба[118], так как в нем остались сведения о имущественном положении родителей генерала.

Приказы по Дворянскому полку[119] (Ф. 320) отмечали успеваемость учеников, а после каждого экзамена следовал довольно подробный отчет, благодаря чему удалось составить представление об учебе Драгомирова в этом заведении. К сожалению, утрачены документы с мая 1848 до мая 1849 года[120].

Документы фонда Николаевской Академии Генерального Штаба[121] (Ф. 544) освещают период учебы Драгомирова, его преподавательской деятельности и его начальства в Академии. Кроме того, в этом фонде сохранилась переписка Драгомирова и начальника Академии Г.Ф. Стефана, относящаяся к командировке первого из них во Францию в 1858 году[122]. К сожалению, большинство дел фонда представляют рутинные документы, касающиеся распределения тем сочинений, приема на курс, выпуска слушателей, перемен в преподавательском составе и мер дисциплинарного воздействия на слушателей, что значительно снижает ценность фонда для целей исследования. Мы привлекли документы других архивов. В частности, удалось найти жалобу слушателей Академии на Драгомирова, хранящуюся в

---

117 Российский Государственный Военно-Исторический Архив (далее – РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7106. ЛЛ. 841-853, 854-861.

118 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 678. ЛЛ. 5-9.

119 Помимо официального делопроизводства мы использовали официальные истории: *Гольмдорф М.* Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. СПб., 1882; Главное управление Военно-учебных заведений. Исторический очерк // Столетие военного министерства. Т. X. Ч. II. СПб., 1902.

120 РГВИА. Ф. 320. Оп. 1. ДД. 36-40.

121 Мы также использовали официальную историю Академии, написанную в годы, когда Драгомиров руководил ею: *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.

122 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 469.

фонде департамента полиции Министерства внутренних дел (ГАРФ. Ф. 102)[123].

В процессе службы Драгомиров принимал участие в работе многочисленных комиссий и комитетов. Фонд Главного комитета по устройству и образованию войск (Ф. 868) особенно важен, поскольку в этом комитете обсуждались изменения в уставах. Как правило, для этих изменений составлялась особая комиссия, представлявшая свой проект и пояснительную записку, после чего главный комитет обсуждал ее работу, вносил свои коррективы, и предлагал военному министру принять или не принять новые уставные положения. Все замечания в процессе составления проекта тщательно фиксировались, благодаря чему удалось подробно отследить историю появления устава о внутренней службе войск, устава о службе в гарнизоне и строевого пехотного устава и участия в их разработке Драгомирова. Следует отметить, что документы, касающиеся составления новых уставов, мало интересовали исследователей, несмотря на то, что они представляют ценный источник по военным преобразованиям Д.А. Милютина.

В фонде Департамента Генерального Штаба (Ф. 38) отразились некоторые другие ценные документы, касающиеся военных преобразований 1860-1870-х годов и участия Драгомирова в них. К ним относится переписка, вызванная командировкой Драгомирова в Италию в 1859 году[124], печатанием его записок по тактике[125], а также составлением устава ополчения в 1863 году (до образования Главного комитета по устройству и образованию войск)[126]. Переписка о командировке Драгомирова в Пруссию в 1866 году отложилась в фонде Военно-ученого комитета (Ф. 401)[127]. Все эти документы позволили

[123] Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 78. Д. 991.
[124] РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 872.
[125] РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д.1174.
[126] РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1150.
[127] РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Д. 57.

установить многие обстоятельства участия Драгомирова в военных реформах 1860-1870-х годов.

Основные документы, относящиеся к русско-турецкой войне 1877-1878 годов, были опубликованы в специальных сборниках в 1898-1911 годах. Отдельный выпуск составляет отчет 14-й пехотной дивизии, которой командовал Драгомиров[128], в котором помещены подробные сведения о приготовлении дивизии к войне и ее боевом пути. Этот отчет был составлен генерал-лейтенантом М.Ф. Петрушевским, принявшим дивизию после ранения Драгомирова. В 10-м выпуске были опубликованы полковые дневники частей, входящих в 14-ю дивизию, которые вели офицеры полков в свободной форме[129]. В 21-й выпуск были включены материалы по тактической подготовке войск, из которых нас интересовали приказы по войскам Одесского военного округа о результатах смотров 14-й пехотной дивизии перед войной[130]. Кроме того, нами использовались приказы главнокомандующего на Дунайском театре в.кн. Николая Николаевича Ст[131]. Все эти материалы представляют возможность проследить боевую подготовку «драгомировской» дивизии и ее действия на театре войны.

Особый интерес представляют материалы комиссии графа П.Е. Коцебу 1881 года. Протоколы заседаний комиссии и ее отчет отложились в фонде Военно-ученого архива (Ф. 846)[132]. Помимо этих документов, члены комиссии подавали свои отдельные мнения по вопросам военной администрации[133]. Драгомиров составил несколько черновых заметок во время работы в этой комиссии, которые были после его смерти переписаны его женой и переданы Г.Г. Черткову. Ценность этих документов[134]

---

128 Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 5. СПб., 1898. Оригинал отчета: РГВИА. Ф. 2344. Оп. 2. Д. 251.

129 Там же. Вып. 10. СПб., 1902.

130 Там же. Вып. 21. Ч. 1-2. СПб., 1903.

131 Там же. Вып. 97. СПб, 1911.

132 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. ДД. 46, 49.

133 Отдельные мнения не составили единого фонда и их можно найти в некоторых личных фондах различных архивов. Наиболее полная их коллекция, известная нам, находится в фонде П.Л. Лобко: Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 155. Д. 150.

134 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257.

заключается в том, что они представляют развернутое мнение генерала по вопросам военной администрации, по которым он практически не высказывался в печати. Эти документы впервые введены нами в научный оборот[135].

Деятельность Драгомирова на посту командующего Киевским военным округом отражена в его всеподданейших отчетах[136]. Отчеты составлялись в свободной форме и отправлялись военному министру. Как правило, они содержали просьбы о нуждах войск и округа. Военный министр докладывал о них императору, либо император знакомился с отчетом лично. Поэтому на некоторых отчетах стоят пометки Николая II, которые сами по себе представляют интерес: благодаря ним, нам удалось отследить перемену в отношениях к Драгомирову со стороны последнего русского самодержца.

Другим важнейшим источником, характеризующим деятельность командующего Киевским округом, являются приказы по округу. Приказы следовали годовому циклу обучения войск и содержали, главным образом, замечания Драгомирова, высказанные на смотрах и поверках. Наиболее ценными из них являются развернутые приказы о результатах подвижных сборов и маневров. Приказы сводились офицерами штаба округа в специальные сборники, печатавшиеся в типографии округа и распространявшиеся среди всех офицеров частей, подчиненных Драгомирову. Всего вышло около 20 таких сборников[137]. Часть приказов, не носивших секретный характер, печатались в газете «Разведчик»[138], с которой сотрудничал Драгомиров, но в них делались купюры, скрывающие названия частей. Кроме того, приказы по Киевскому военному округу получал

---

[135] *Юдин С.С.* Генерал М.И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации в 1881 г. // Российская история. - 2016. - №6. - С. 83-92.

[136] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. ДД. 503-521.

[137] К сожалению не все из них удалось обнаружить. Мы использовали: Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений командующего войсками Киевского военного округа генерал-адъютанта Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. Киев, 1895; Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений командующего войсками Киевского военного Округа генерал-адъютанта Драгомирова за 1893 год. Киев, 1896.

[138] См. напр.: Выборка из свода замечаний, сделанных командующим войсками Киевского военного округа при объезде войск с 30-го мая по 22-е июня // Разведчик. - 1892. - №112. - С. 491-492.

французский военный атташе, и в некоторых случаях мы пользовались экземплярами, отправляемыми им в Париж[139].

Деятельность Драгомирова в качестве генерал-губернатора Юго-Западного края интересовала нас в меньшей степени. Тем не менее, мы привлекли всеподданейшее донесение о беспорядках в Киеве в 1902 году, которое хранится в коллекции рукописей Царскосельского дворца[140], а также документы о крестьянских выступлениях 1901-1904 годов[141]. Эти документы позволяют сделать предположения об ухудшении отношений между Драгомировым и Николаем II накануне отставки генерала. Кроме того, в фонде Николая II хранятся 54 аттестации Драгомирова[142], данные подчиненным генералам. Аттестации в русской армии имели общепринятую форму и традиционные выражения, однако Драгомиров им не следовал и давал предельно краткие, но яркие характеристики. Они позволяют не только установить его оценки своих подчиненных (в некоторых случаях – в динамике), но и сделать выводы о начальническом стиле генерала. Кроме того, надо иметь в виду, что характер аттестаций подчиненных был одним из дискуссионных вопросов на рубеже XIX-XX веков, и у Драгомирова случались размолвки с Николаем II из-за резкости принятых им выражений. Обращение к аттестациям генерала позволяет ясно осветить эти вопросы.

Дополнительным и весьма ценным материалом были донесения французских военных атташе в Петербурге, хранящиеся в архиве Исторической службы Сухопутных войск Франции (Service Historique de l´Armée de Terre – SHAT)[143]. Донесения отправлялись в 2-е (разведывательное) бюро французского Генерального Штаба и касались широкого круга вопросов: военное планирование, строительство железных дорог, взгляды на

---

139 ?Service Historique de l´Armée de Terre (далее – SHAT), 7N, 1475. Envoi d´ordres de la Circonscription de Kiev (31 août 1898); SHAT, 7N, 1475. Envoi d´ordres de Kiev (31 decembre 1899).

140 ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 477.

141 Крестьянское движение в России в 1901-1904 гг. Сборник документов. Под ред. А.М. Анфимова. М., 1998.

142 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 428.

143 ?SHAT, 7N, 1467-1477.

внешнюю политику, взаимоотношения среди ключевых фигур императорского двора и военной элиты, маневры и т. п. В 1891-1908 годах должность военного атташе в Петербурге занимал Л.-Э. Мулен[144]. Он прекрасно владел русским языком, был женат на русской и пользовался симпатией многих влиятельных фигур (А.К. Пузыревского, А.Н. Куропаткина, В.В. Сахарова). С Драгомировым у Мулена сложились самые близкие отношения, и Мулен находился под обаянием русского военного мыслителя, что отражалось в его донесениях, в которых генерал фигурирует очень часто. Донесения Мулена особенно ценны для понимания взаимоотношений Драгомирова и других высших чинов русской армии. Этот источник хорошо известен зарубежным исследователям[145], но не привлекал внимания отечественных. Помимо донесений военных атташе, мы использовали отчет капитана Лемю (Lemut), командированного в Россию с целью ознакомления с русской армией и посетившего Киевский округ. Во французских архивах листы, как правило, не нумеруются, поэтому, ссылаясь на фонды SHAT, мы старались, где возможно, указать дату донесения.

Военно-статистические обозрения. В ряде случаев нам были необходимы военно-статистические обозрения, которые описывают Черниговскую губернию[146], малую родину генерала, и местные помещичьи хозяйства. Кроме того, были использованы материалы о галицийском театре военных действий, собранные русским Генеральным Штабом[147]. На этом театре пришлось бы действовать Драгомирову в 1890-е годы в случае войны с

---

144 О нем см.: *Murielle, A.-H.* Louis-Étienne Moulin, attaché militaire à Saint-Pétersbourg au temps de l'alliance franco-russe (1891-1908) // Aux vents des puissances (Paris, 2008). pp. 31-39.

145 Его широко использовали в работах: *Luntinen, P*. French Information on the Russian War Plans, 1880-1914. (SHS, Helsinki, 1984); *Steinberg, J.W.* Op. cit.

146 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 12. Ч. 2. СПб., 1851; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния. СПб. 1865; Приложения к трудам редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. VI. СПб., 1860. С. 12-14. Кроме того, мы использовали статистический сборник Марковича: *Маркович А.М.* Историческая и статистическая записка о дворянском сословии и дворянском имуществе Черниговской губернии. Чернигов, 1894.

147 *Щербов-Нефедович П.О.* Военное обозрение Австро-Венгрии. СПб., 1889.

Австро-Венгрией. В последней работе содержатся также оценки мобилизационной готовности австро-венгерской армии.

Произведения военной, философской и общественно-политической мысли. 1) *Работы М.И. Драгомирова.* Работы Драгомирова (статьи, учебники, военно-исторические работы, очерки) являются одним из главных источников данной работы. Основную их массу составляют статьи, публиковавшиеся в военной периодике: официальных изданиях военного министерства (журнал «Военный сборник», газета «Русский инвалид»)[148] и его отдельных ведомств («Артиллерийский сборник», «Оружейный сборник», «Инженерный журнал»). С 1891 года генерал публиковался почти исключительно в частной газете для военных «Разведчик», редактором которой был его близкий друг В.А. Березовский. Поскольку «Разведчик» понимался не столько как профессиональное научное издание, сколько как газета для досуга офицеров, статьи Драгомирова в последние 15 лет его жизни стали больше касаться вопросов быта офицеров и общественно-политической повестки. На страницах этой газеты была опубликована примерно половина от общего объема изданных произведений генерала. Превращение Драгомирова в «военного оракула»[149] во многом связано с получением удобной и относительно независимой площадки, открытой для его высказываний.

Опубликованные статьи Драгомирова сводились в сборники, два из которых[150] выпущены при его жизни и редактированы им самим, а последний[151] вышел уже после его смерти и редактировался Березовским. Статьи перепечатывались в сборнике с минимальными изменениями: Драгомиров изредка добавлял в сноске некоторые замечания, а в ряде случаев

---

148 О роли этих изданий в 1860-1870-е годы см.: *Brooks, W. E.* The Russian Military Press in the Reform Era // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. ed. By David Schimmelpenninck van der Oye and Bruce W. Menning (Cambridge Univ. Press and Woodrow Wilson Center, 2004). pp. 115-117.

149 *Malanchuk, G.W.* Op. cit. p. 43.

150 *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. Т.1-2. СПб. 1881; *Он же.* 14 лет. 1881-1894. СПб., 1895.

151 *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет. 1895-1905 гг. Кн. 1-2. СПб. 1909.

названные по имени лица скрывались инициалами[152]. Кроме того, некоторые статьи Драгомирова не вошли в эти сборники по непонятным соображениям[153]. Впрочем, они не носят принципиального характера. В работе мы ссылаемся преимущественно на сборники статей.

При работе со статьями Драгомирова следует иметь в виду ряд нюансов. А. Эчеварриа отмечал в историках «тенденцию принимать буквально риторическое преувеличение и гиперболизацию» военных писателей XIX века: «Их решительный стиль письма просто отражал въевшиеся привычки профессиональной культуры, которая ставила сильные выражения выше риторического красноречия»[154]. Это замечание следует отнести к работам Драгомирова, который сам на склоне лет писал: «Не раз упрекали меня в резкости писанья; это не резкость, а желание написать так, чтобы для меня не было отступления»[155]. Не всё в статьях генерала следует принимать безоговорочно. Он старался писать так, чтобы не поколебать ими веру в нравственный элемент на войне, однако, те его тексты, которые не были предназначены для широкой публики, свидетельствуют, что Драгомиров отдавал себе отчет в силе и значении новой техники[156].

Помимо статей, перу Драгомирова принадлежат несколько учебников по тактике[157], в которых находили отражение идеи, высказанные в его статьях;

---

[152] Нам удалось обнаружить лишь одно существенное исправление: в одной из статей исчезло упоминание Г.А. Леера в положительном ключе. Ср.: *Драгомиров М.* По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // ВС. - 1873. - Т.90. - №4. - С. 273; По поводу некоторых статей, вызванных последними двумя кампаниями // *Он же.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 588.

[153] Напр.: *Д[рагомиров М.].* Письма из главной квартиры прусской армии // Русский инвалид. - 1866. - №188. - С. 4; *М.Д.* К вопросу об управлении войсками в бою // ВС. - 1890. - №8. - С. 274-286; Генерал Соссье // Разведчик. - 1893. - №121. - С. 97-99; *Драгомиров М.* Большое кавалерийское сражение у Брэнди 9-го июня 1863 года (фон Борке и Шейберт) // Разведчик. - 1894. - №213. - С. 919-922.

[154] *Echevarria, A.J.* Op. cit. p. 5.

[155] Восьмая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.2. С. 308.

[156] Драгомиров пишет во всеподданейшем докладе за 1897 год, что «быстрое развитие техники воздухоплавания и полевых телефонов и широкое применение их в соседних армиях побуждает […] обратить на них должное внимание». (РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 510. ЛЛ. 8об-9). В том же 1897 году он опубликовал «Наполеон и Веллингтон» и «Значение воли в жизни народов», возможно, самые яркие статьи о нравственном начале.

[157] *Драгомиров М.* Лекции тактики, читанные в учебном пехотном батальоне профессором Николаевской Академии Генерального Штаба М. Драгомировым. Курс 1863/1864 года. СПб., 1864; *Он же.* Тактика. Ч.1. СПб., 1872; *Он же.* Учебник тактики. СПб., 1879; *Он же.* Учебник тактики. СПб., 1881.

военно-исторические работы[158], которые также в большей степени служили средством высказать свои взгляды, нежели установить «как оно было на самом деле»; переводы[159]; полуофициальные руководства[160]. Конспект его лекций по тактике, выполненный наследником (будущим Николаем II) был опубликован в «Военном сборнике»[161], и, несмотря на скромное название, является ценным источником, освещающим не только военные, но и общественно-политические взгляды Драгомирова.

Естественно, большинство названных работ касаются вопросов тактики, образования и быта войск. Однако, при внимательном чтении, они позволяют установить некоторые биографические факты. Нередко Драгомиров явно или завуалированно ссылается на военных или невоенных авторов, что позволяет примерно реконструировать его круг чтения и увлечений. В некоторых статьях, особенно в поздние годы жизни, он вспоминает эпизоды своей биографии или рассуждает на общественно-политические темы. Все это позволяет отчасти компенсировать отсутствие мемуаров или дневников генерала.

2) *Работы других авторов.* Для того, чтобы представить Драгомирова в контексте развития военной и общественно-политической мысли, мы обратились к работам других писателей. В большинстве случаев были использованы обыкновенные, классические издания[162]. К сожалению, нам не

---

158 *Д[рагомиров] М.* Сольферинская битва. СПб., 1861; *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война. 1866 год. М., 2011.

159 *Клаузевиц, К., фон.* Учение о войне Клаузевица: Основные положения. СПб., 1888.

160 *М. Д[рагомиров].* Опыт руководства для подготовки частей к бою. Ч.1. Подготовка роты. Киев, 1871.

161 *Драгомиров М.* Конспект лекций по тактике, читанных ныне благополучно Царствующему Государю Императору, в бытность Его Императорского Величества Наследником Цесаревичем // ВС. - 1912. - №9. - С. 1-28.

162 *Горемыкин Ф.* Руководство к изучению тактики. Ч.1,3. СПб., 1849; *Астафьев А.И.* О современном военном искусстве. Ч.1. СПб., 1856; *Медем Н.,* бар. Обозрение известнейших правил и систем стратегии. СПб., 1856; *Леер Г.А.* Публичные лекции о войне 1870-1871 годов между Францией и Германией до Седана включительно. СПб., 1873; *Он же.* Публичные лекции о войне 1870-1871 годов между Францией и Германией от Седана до конца войны. СПб., 1873; *Он же.* Коренные вопросы. Военные этюды. СПб., 1897; *Гольц, К. фон дер,* бар. Вооруженный народ. СПб., 1886; *Скугаревский А.П.* Атака пехоты. Разбор спорных вопросов. СПб., 1888; *Пузыревский [А.К.].* Польско-русская война 1831 г. Т.1. СПб., 1890; *Ланглуа [И].* Полевая артиллерия в связи с другими родами оружия. Вып.1. СПб., 1894; *Он же.* Полевая артиллерия в связи с другими родами оружия. Вып.2. СПб., 1895; *Блиох И.С.* Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях. СПб., 1898; *Герцен А.И.* Былое и думы. Т. 3. М., 1932; А.В. Суворов. Документы. Т.IV. М., 1953; *Белинский В.Г.*

удалось найти удовлетворительного издания работы Морица Саксонского «Мои мечтания»[163] на русском языке, поэтому мы использовали британское[164]. Обращение к Наполеону облегчается большим количеством сборников его высказываний, распределенных тематически. Мы использовали сборник, составленный Б. Кольсоном[165].

Периодика. Драгомиров был, прежде всего, писателем-полемистом. Поэтому обращение к полемике на страницах военных периодических изданий необходимо для настоящего исследования. Тактические вопросы в 1860-1870-е годы живее всего обсуждались в «Военном сборнике»[166]. Кроме того, мы использовали несколько статей об австро-прусской войне, помещенных в «Русском инвалиде»[167] и первый номер газеты «Колокол»[168], где изложена программа издания.

На страницах периодических изданий публиковались отчеты о занятиях в 14-й пехотной дивизии перед русско-турецкой войной 1877-1878 годов[169],

---

Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 10. М., 1956; О человеке, его умственных способностях и воспитании // *Гельвеций К.А.* Сочинения. Т. 2. М., 1974; *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М.-Жуковский, 2002; *Клаузевиц К., фон.* О войне. Кн. 1-7. М., 2009; *Rogniat*, bar. Considérations sur l'art de la guerre. Paris, 1817; *Bugeaud T.-R.* Aperçus sur quelques details de la guerre avec des planches explicatives. Paris, 1861.

163 Недавнее издание выполнено «Центрполиграфом» с совершенно необъяснимыми купюрами, необозначенными в тексте: *Мориц Саксонский.* Теория военного искусства (Mes rêveries...). М., 2009.

164 *Maurice de Saxe*. Reveries, or Memoirs concerning the Art of War. Edinburgh, 1759.

165 *Colson B.* Napoleon on War. (Oxford Univ. Press, Oxford, 2015).

166 *Леер Г.* Влияние нарезного оружия на современное состояние тактики. // ВС. - 1861. - №3. - С.27-42; №4. - С. 297-316; №5. - С. 33-60; №7. - С.55-78; №8. - С.321-340; Обозрение русских военных журналов // ВС. - 1861. - №10. - С. 478-512; *Ч-ов П.* По поводу статьи: «О духе обучения войск» // ВС. - 1862. - №8. - С. 365-372; *Леер Г.* О боевых порядках // ВС. - 1865. - №.9. - С. 57-107; *Он же*. Тактика и уставы. Формы и дух линейной и перпендикулярной тактики, противопоставленные друг другу // ВС. - 1867. - №2. - С. 341-372; *Конник*. Отзыв строевого // ВС. - 1868. - №4. - С. 201-218; *Гершельман*, г.-м. Несколько слов о современном направлении некоторых наших писателей по тактике // ВС. - 1868. - №1. - С. 3-22; *Глиноецкий Н.* Иностранное военное обозрение // ВС. - 1868. - №5. - С. 59-84; *Байков Л.* Влияние сражения под Кениггрецом на тактику // ВС. - 1872. - №6. - С.303-353; *Зедделер, барон*. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в германо-французской войне 1870-71 годов // ВС. - 1872. - №7. - С.33-115; *Байков Л.* По поводу статьи г. М. Драгомирова, помещенной в 12 № «Военного сборника» за 1872 г. // ВС. - 1873. - №4. - С. 303-334; *З[едделе]р.* По поводу статьи г. М. Драгомирова помещенной в 4 № «Военного сборника» за 1873 год // ВС. - 1873. - №6. - С. 283-293.

167 *А-в.* Письмо из Австрии // Русский инвалид. - 1866. - №195. - С. 2; *Г.* Военное обозрение // Русский инвалид. - 1866. - №243. - С. 3; *Б.З.* Заметки о прусской армии // Русский инвалид. - 1866. - №244. - С. 3. Автор последней статьи, вероятно, барон Л.Л. Зедделер.

168 Колокол. Лист 1. 1 июля 1857 // Колокол с приложениями (1857-1865). Женева, 1865.

169 Летние сборы войск в 1874 году // ВС. - 1875. - №1. - С. 25-32; *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами // ВС. - 1875. - №1. - С. 33-51; *Г.Б.* О занятиях войск в общем сборе под Бендерами в 1875 году // ВС. - 1875. - №12. - С. 125-155. См. также приказы и объявления, публиковавшиеся в «Русском инвалиде»: Инструкция для летних занятий в первой половине лагерного сбора 1875 г. в пехоте // Русский инвалид. - 1875. - №110. - С. 2; Приказ войскам Варшавского военного округа // Русский инвалид. - 1875. - №132. -

которые послужили основой исследования подготовки этой части. Мы дополнили эти сведения воспоминаниями И.Г. Моторного, субальтерн-офицера 14-й пехотной дивизии[170], а также исследованием Ф. Макшеева[171], основанного на отчете дивизии.

Некоторые вопросы, касающиеся устройства Генерального Штаба и Николаевской Академии, также дебатировались в военной прессе[172]. Статьи профессоров Академии 1880-х годов помогли нам в характеристике их взглядов[173]. С помощью этих статей, мы постарались дать картину развития Николаевской Академии в годы, когда ей управлял Драгомиров.

В 1878-1890 годах на страницах «Военного сборника» шли активные дискуссии об уроках русско-турецкой войны 1877-1878 годов в тактике и обсуждались возможности изменения уставных положений и вооружения русской армии[174]. Часть этих дискуссий была удобно сведена редакцией

С. 2; *Беляев Т.* Офицерские беседы л.-гв. во 2-й артиллерийской бригаде // Русский инвалид. - 1876. - №38. - С. 2-3.

170 *Моторный [И.Г.]* Переправа через Дунай 15-го июня 1877 г. 2-й стрелковой роты Минского полка // ВС. - 1883. - №6. - С. 171-216; *Моторный И.Г.* Виноват ли М.И. Драгомиров в наших поражениях // Разведчик. - 1907. - №873. - С. 407-412.

171 *Макшеев Ф.* Хозяйственный быт 14-й пехотной дивизии в войну 1877-1878 гг. // ВС. - 1901. №2. - С. 115-133.

172 *Леер Г.* Генеральный штаб в Пруссии и во Франции // ВС. - 1868. - №11. - С. 49-74; №12. - С. 343-372; О занятиях конференции Николаевской академии Генерального Штаба за учебный 1867-1869 год // ВС. - 1869. - №3. - С. 37-65; *Скугаревский А.П.* О полевой службе Генерального штаба // ВС. - 1885. - №1. - С.61-65; *Гершельман К.* Заметки на статью: «О полевой службе генерального штаба» // ВС. - 1885. - №8. - С. 217-232; *Я.* В академии // Разведчик. - 1903. - №680. - С. 955-957.

173 *Леер Г.* Стратегия-наука и стратегия-искусство // ВС. - 1874. - №1. - С. 29-58; *Он же.* Две отправные точки по отношению к задачам теории военного искусства // ВС. - 1883. - №11. - С. 5-27; *Пузыревский А.К.* Претенциозное краснобайство // Русский вестник. - 1895. - №232. - С. 278; *Я.* Памяти врага заоблачной стратегии // Разведчик. - 1904. - №719. - С. 786-787; *Пузыревский А.* К вопросам стратегии. А.Н. Петров // Разведчик. - 1898. - №380. - С. 83-85; *Он же.* Стратегия. Н.П. Михневич // Разведчик. - 1901. - №583. - С. 1180-1181.

174 *Зедделер Л.*, барон. Несколько практических выводов из нашей последней войны // ВС. - 1878. - №5. - С. 65-78; №6. - С. 217-242; Русское военное обозрение. Проект Инструкции для действия роты и батальона в бою // ВС. - 1879. - №1. - С. 33-57; *Прескотт Н.* Несколько слов об атаке полевых укреплений, усиленных искусственными препятствиями // ВС. - 1884. - №7. - С. 49-62; *Плюцинский А.* По поводу бесед о полевой шести-дюймовой мортире // ВС. - 1885. - №10. - С. 217-251; №11. С. 72-93; №12. С. 230-263; *Случевский К.* Полевая мортира по отношению к военно-инженерному делу // ВС. - 1885. - №7. - С.87-108; *Чебышев В.* Заметка по вопросу об употреблении магазинных ружей // ВС. - 1887. - №3. - С. 85-86; *С.Г.* Тактическое значение залпов в сравнении с стрельбою из магазинок // ВС. - 1887. - №6. - С. 165-170; Сообщение генерал-майора Энгельгардта о новой укороченной 6-дюймовой пушке и замечания, вызванные этим сообщением, в Николаевской Академии Генерального Штаба 21 и 28 января, 4 и 11 февраля 1888 г. СПб., 1888; *Грязнов Ф.* По поводу постановки и ведения больших двухсторонних маневров // ВС. - 1890. - №7. - С. 32-58.

«Военного сборника» в серию обзорный статей[175]. Дополняя статьи Драгомирова, эти дискуссии позволили нам создать более объемную картину анализа уроков войны на Балканах.

С появлением в 1890-е годы газеты «Разведчик» многие обсуждения перенеслись на эту, независимую от военного министерства площадку. В газете Березовского печатались приказы и распоряжения[176], а также статьи на злободневные темы, особенно, когда в 1898 году министерство принял А.Н. Куропаткин, и появились надежды на решение многих откладываемых прежде вопросов[177]. Кроме того, на страницах «Разведчика» печатались как противники Драгомирова[178], так и его защитники[179].

Помимо военной периодики, в ряде случаев для исследования было необходимо обратиться к другим газетам. Тема военных реформ и вопросы обучения войск обсуждались на страницах «Московских ведомостей» М.Н. Каткова[180]. Во французской газете «Le Figaro»[181] печатались подробности посещения генералом Франции в 1883 году. В 1898 году в консервативном «Наблюдателе» появился рассказ-карикатура «Генерал Онагренко» на Драгомирова[182].

Источники личного происхождения. 1) *Письма.* Драгомиров вел широкую переписку с самыми разными лицами, но, к сожалению, судьба его бумаг неизвестна. Согласно установившимся правилам, бумаги умерших генерал-адъютантов после их смерти проверялись, и, в случае необходимости, изымались. Однако в октябре 1905 года эту процедуру было

---

175 ***. Обзор мнений, высказанных в нашей военной литературе по разным военным вопросам за 1877-1879 годы // ВС. - 1880. - №3. - С. 173-210; №4. - С. 410-423; №5. - С. 50-79; №7. - С. 159-175; №8. - С. 259-279; №9. - С. 34-53; №10. - С. 280-296.

176 Распоряжения по округам // Разведчик. – 1893. – №153. – С. 738.

177 *К.У.* Хозяйство в ущерб строю // Разведчик. - 1898. - №390. - С. 306-307; *Алексеев А.М.* Четыре «назревших» вопроса // Разведчик. - 1898. - №391. - С. 323; *-й.* Полевая скорострельная артиллерия // Разведчик. - 1899. - №437. - С. 188-190; *Дембовский Л.* Надо спешить // Разведчик. - 1899. - №445. - С. 381-382.

178 *Хабалов Г.В.* Ответ г. М. Драгомирову // Разведчик. - 1905. - №753. - С. 256-257.

179 *Лукомский А.* Употребление оружия при действии войск, вызванных для подавления беспорядков // Разведчик. - 1906. - №794-795. - С. 26-27.

180 Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1873 год. М., 1897.

181 A travers Paris // Le Figaro. - 1883. - №265. - p. 1; №269. - p. 1.

182 *Длусский К.* Генерал Онагренко // Наблюдатель. 1898. №3. С.182-214; №4. С.154-185.

невозможно произвести из-за революции, и, по свидетельству зятя генерала А.С. Лукомского, он забрал бумаги себе. «Надеюсь, – пишет он, – что они ныне целы, находясь с некоторыми другими бумагами в верных руках в России»[183]. К.И. Адариди сообщал, что материалы об отце собирал и хранил его сын Владимир: «Все это, вероятно, погибло в водовороте событий, разразившихся после [Первой мировой] войны во всей России»[184]. Нам удалось найти лишь весьма небольшое количество писем Драгомирова в фондах других лиц.

Из них только переписка с князем И.Ф. Шаховским, командующим XI армейским корпусом, составляет цельный комплекс, охватывающий период 1884-1894 годов[185]. Письма, помимо бытовых вопросов, касаются многих дел службы и позволяют выяснить некоторые приемы, использовавшиеся Драгомировым при командовании Киевским военным округом.

Гораздо меньше по объему, но больше по значению переписка Драгомирова с бывшим народовольцем М.Н. Васильевым 1903 года, а также запись их разговора, сделанная этим последним. Васильев хотел привлечь людей, обладающих весом в общественном мнении и в правительственных кругах, к решению вопроса о политической амнистии. С этой целью он вступил в переписку с Драгомировым, С.Ю. Витте, князем П.Д. Святополк-Мирским, Д.С. Сипягиным, князем М.И. Хилковым, Н.В. Муравьевым и одним из великих князей. Письма адресовались кому-то одному из адресатов, но остальные получали копии, тем самым образовался, по выражению Васильева, «журнал шести читателей». К примеру, по мемуарам Витте, видно, что он был знаком с содержанием писем Драгомирова[186]. Этот источник хорошо дополняет статьи Драгомирова на общественно-политические темы, поскольку в письмах предельно откровенно высказаны

---

183 *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. М., 2012. С. 133.

184 *Адариди К.И.* Пережитое (1910-1914 гг.). Штаб 12-го армейского корпуса // Военно-исторический вестник. - 1965. - №25. - С. 6.

185 ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 243.

186 *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Кн.1. СПб., 2003. С. 494; Там же. Кн.2. С. 636.

оценки Николаю II и его внешней политике. Мы пользовались копиями этих писем, хранящихся в фонде князя П.Д. Святополк-Мирского[187]. По характеру содержания и времени написания, к этим письмам близки письмо Драгомирова к графу В.А. Олсуфьеву[188] и письмо к неизвестному адресату[189], хранящееся в фонде Д.Н. Вергуна, общественного деятеля, панслависта и сотрудника «Нового времени». Кроме того, было опубликовано письмо Драгомирова к А. Богуславскому (1880), в котором генерал не только предельно кратко сформулировал свой подход к военному делу, но и сделал несколько замечаний о современном ему состоянии общества[190].

Несколько писем матери Драгомирова хранятся в опубликованном архиве Лазаревских[191], соседей и близких друзей семьи будущего генерала. Кроме того, Бонч-Бруевич цитирует письма отца к Драгомирову в своем очерке[192], посвященном генералу. Скорее всего, эти письма были потом утрачены. Эти материалы позволяют до известной степени восстановить атмосферу, в которой рос Михаил Иванович.

Помимо названных писем, напрямую относящихся к Драгомирову, мы использовали другие эпистолярные источники. Переписка П.К. Менькова, редактора «Военного сборника» и «Русского инвалида» в 1860-е годы с военным министром Д.А. Милютиным[193] позволяет лучше разобраться в том, как была устроена военная пресса этого периода и какое влияние имели на ход дискуссий в ней оба адресата. Некоторые подробности боевой деятельности 14-й пехотной дивизии содержатся в письмах ее офицера Я.П.

---

187 ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 688. Эти письма были опубликованы с ценными комментариями: *Р.* Два письма М.И. Драгомирова // Полярная звезда. - 1906. - №7. - С. 494-498.

188 ГАРФ. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 1695.

189 «Леониду Николаевичу», скорее всего, ген. Л.Н. Соболеву: ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 273.

190 Переписка М.И. Драгомирова с А. Дрыгальским // Русская старина (далее – РС). - 1908. - март. - С. 633-636.

191 Український археографічний збірник. Т.2. Киев, 1927. Помимо этого мы использовали воспоминания А.М. Лазаревского о своей молодости, которая проходила бок о бок с Драгомировым: Отрывки из биографии Александра Матвеевича Лазаревского // Киевская старина. - 1902. - №6. - С. 473-478.

192 *Бонч-Бруевич М.Д.* Михаил Иванович Драгомиров… С. 80-101.

193 РГВИА. Ф. 167. Оп. 1. ДД. 4, 5, 9, 10.

Кобылянского[194]. Довольно откровенные замечания о ходе кампании делали в своих письмах врач С.П. Боткин[195] и граф И.И. Воронцов-Дашков[196]. Кроме того, мы использовали несколько опубликованных писем К.П. Победоносцева, в которых заходит речь о Драгомирове[197], а также письма графа И.И. Воронцова-Дашкова к Р.А. Фадееву (1881)[198]. Последние документы важны для истории комиссии графа П.Е. Коцебу. Письмо генерала М.И. Батьянова (1898) к графу Воронцову-Дашкову свидетельствует о том, что рассказ «Генерал Онагренко» высмеивает именно Драгомирова[199].

2) *Дневники.* Дневники, относящиеся к кампании 1877-1878 годов, представляют довольно большой и хорошо известный исследователям комплекс источников. Подробности «большой политики» и ситуацию в ставке отражают дневники военного министра Д.А. Милютина[200] и дневник одного из чинов ставки М.А. Газенкампфа[201]. Весьма подробным и критичным обещал быть дневник графа И.И. Воронцова-Дашкова[202], одного из противников реформ Милютина, однако граф быстро оставил свой замысел. Сохранились лишь начало дневника с весьма ценной информацией о 14-й пехотной дивизии и дальнейшие наброски. Дневник офицера Генерального Штаба Д.С. Нагловского, близкого в то время к Драгомирову, касается последних предвоенных месяцев так называемого «кишиневского сиденья»[203]. Дневник полковника В.Ф. Аргамакова, увлекавшегося стрелковым делом, сообщает много подробностей о тактике, настроениях в

---

194 *Кобылянский Я.П.* Письма из действующей армии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Река времен. Книга истории и культуры. Кн.1. М., 1995.

195 *Боткин С.П.* Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб., 1893.

196 Письма И.И. Воронцова-Дашкова Александру III // *Измаил-заде Д.И.* И.И. Воронцов-Дашков - Кавказский наместник. М., 2005.

197 К.П. Победоносцев в 1881 году (Письма к Е.Ф. Тютчевой) // Река времен…; Переписка С.Д. Шереметева с К.П. Победоносцевым // Российский архив. Т. IX. М., 1999.

198 ОР РГБ. Ф. 58. Ч. 2. П. 51. Д. 3.

199 ОР РГБ. Ф. 58. Ч. 1. П. 8. Д. 30.

200 *Милютин Д.А.* Дневник. 1876-1878. М., 2009; *Он же.* Дневник. 1879-1881. М., 2010.

201 *Газенкампф М.А.* Мой дневник. 1877-1878 гг. СПб., 1908.

202 ОР РГБ. Ф. 58. П. 129. Д. 7.

203 *Нагловский Д.С.* Кишеневское сиденье (Из дневника) // РС. - 1902. - №11. - С. 243-264.

войсках и службе с М.Д. Скобелевым[204]. Князь А.М. Дондуков-Корсаков видел Драгомирова после его ранения на Шипке и оставил ценное описание его душевного состояния в своем дневнике[205]. Подробности боевой деятельности 14-й пехотной дивизии сохранились в дневнике сестры милосердия Е.В. Духониной[206], супруги одного из командиров полков дивизии. Особую ценность имеют ее описание похода в Румынии весной 1877 года.

Среди тех, кто знал Драгомирова был германский посол в Петербурге генерал Г.Л. фон Швейниц, оставивший подробный дневник[207], касающийся, главным образом, дипломатических сюжетов. Швейниц был знаком с Драгомировым со времен австро-прусской войны 1866 года и сообщает несколько интересных подробностей о взглядах Драгомирова на противостояние европейских держав в 1880-1890-х годах. В своем дневнике военный министр А.Н. Куропаткин[208] нередко касается взаимоотношений с императором Николаем II и Драгомировым и описывает Курские маневры 1902 года и начало русско-японской войны 1904-1905 годов. К сожалению, была опубликована лишь часть дневника с записями с 17 ноября 1902 года по 7 февраля 1904 года. Известный дневник генеральши А.В. Богданович[209], хозяйки петербургского светского салона, передает слухи, ходившие в высших сферах столицы, в том числе, касающиеся Драгомирова.

3) *Мемуары.* Еще при жизни генерал Драгомиров стал видной и даже легендарной фигурой, что обусловило появление большого количества воспоминаний о нем разных лиц, включая тех, кто сталкивались с ним нечасто. Значительная часть этих воспоминаний была напечатана в русской

---

[204] *Аргамаков В.Ф.* Воспоминания о войне 1877-1878 гг. // Журнал ИРВИО. - 1911. - Кн. 2. - С. 1-26; Кн. 3. - С. 27-62; Кн. 4. - С. 63-82; Кн. 5. - С. 83-94; Кн. 6. - С. 95-138; Кн.7. - С. 139-184.

[205] Из дневника князя А.М. Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Кн. 9. СПб., 1905.

[206] *Духонина Е.В.* Мирная деятельность на войне. М., 1894.

[207] *Schweinitz H.L., von*. Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Berlin, 1927.

[208] *Куропаткин А.Н.* Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010.

[209] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.-Л., 1924.

исторической периодике в 1905-1917 годах. В эмиграции и даже в советской России эта традиция продолжалась.

Е.К. Андреевский учился у Драгомирова, когда тот преподавал в Михайловском артиллерийском училище, скорее всего, сталкивался с ним во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов, так как был ординарцем при в.кн. Николае Николаевиче Ст., и затем много общался с генералом будучи губернатором родной для генерала Черниговской губернии в 1893-1903 годах. Андреевский имел привычку записывать интересные разговоры, и эти записи послужили ему материалом. Впрочем, его воспоминания[210] в значительной степени сосредотачиваются на бытовых вопросах, а также отношении Драгомирова к тем проблемам, которые составляли злобу дня в начале 1910-х годов, когда эти записки выходили (земства в Юго-Западном крае, отношение к немцам и т.д.). Кроме того, мы использовали некоторые воспоминания Андреевского, не относящиеся непосредственно к генералу, но описывающие жизнь армии в 1860-е годы и во время войны с Турцией[211]. Схожие по характеру бытовые зарисовки из жизни генерала и его семьи в конце 1880-х годов содержатся в воспоминаниях Ф.П. Рерберга[212].

Среди наиболее близких Драгомирову людей в конце его жизни был его зять генерал А.С. Лукомский. В своих воспоминаниях Лукомский уделяет большое внимание генералу, однако его записки носят сильный отпечаток

---

[210] *А[ндреевский] Е.К.* Михаил Иванович Драгомиров и военно-учебные заведения: (Из Воспоминаний) // РС. - 1908. - №10. - С.33-54; №11. - С. 357-372; *Он же.* М.И. Драгомиров — фельдфебель. (Из Воспоминаний) // РС. - 1909. - №1. - С. 90-106; *Он же.* М.И. Драгомиров перед войной 1877-8 гг. (Из Воспоминаний) // РС. - 1909. - №2. - С.391-398; *Он же.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-78 гг. (Из Воспоминаний) // РС. - 1909. - №4. - С.83-96; №5. - С.321-331; №11. - С.335-342; №12. - С.643-650; *Он же.* М.И. Драгомиров и время войны 1877-78 гг. (Из Воспоминаний) // РС. - 1910. - №2. - С. 445-453; *Он же.* М.И. Драгомиров во время австро-прусской войны // РС. - 1910. - №4. - С. 177-184; №5. - С.447-450; №10. - С.167-174; №12. - С.617-624. 1911. - №1. - С.219-226; №3. - С.605-612; №4. - С.111-118; №10. - С.182-190; №11. - С.449-457; №12. - С.565-574; *Он же.* М.И. Драгомиров, командующий войсками // РС. - 1912. - №1. - С. 113-121; №2. - С. 391-400; №3. - С. 659-662; №4. - С. 114-120; №11. - С. 391-400; №12. - С. 577-589; *Он же.* Еще из воспоминаний о Драгомирове // РС. - 1913. - №11. - С. 328-337. См. также очень ценные добавления и уточнения к одной из статей: *Леонтьев А.А.* По поводу статьи А.Е.К. «М.И. Драгомиров — генерал-губернатор» // РС. - 1914. - №6. - С. 611-614.

[211] *Андреевский Е.К.* Из записок 1877-1878 гг. // РС. - 1915. - №5. - С. 299-304; *Он же.* Из записок за 47 лет // Исторический вестник. - 1916. - №4. - С. 77-111.

[212] Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына (далее – ДРЗ). Ф. 2. М-86. Эти воспоминания были опубликованы, когда работа над соответствующей главой уже была завершена, поэтому мы давали ссылку на архив и на публикацию: *Рерберг Ф.П.* Всё в прошлом. Воспоминания. 1868-1910. М., 2018.

посмертных дискуссий и фактически представляют собой развернутый ответ критикам Драгомирова относительно взглядов генерала, служебных отношений, привычек и слухов о его нравах. Это придает воспоминаниям Лукомского апологетический характер. Тем не менее, это весьма ценный источник, содержащий сведения о вопросах, которые могли быть хорошо известны только узкому кругу лиц, например, о политических взглядах генерала. Издание его воспоминаний[213] вышло с купюрами, и многие фрагменты, касающиеся Михаила Ивановича не вошли в него, поэтому, чтобы восполнить эти пробелы, мы обращались к рукописи[214], хранящейся в Доме Русского Зарубежья.

Военный министр генерал В.А. Сухомлинов – еще один близкий к Драгомирову человек, уделивший значительную часть своих мемуаров[215] Михаилу Ивановичу. Сухомлинов несколько более критичен к Драгомирову, чем Лукомский. Помимо описания взглядов и жизни генерала, Сухомлинов и Лукомский сообщают ценные сведения о штабе Киевского военного округа, распределении ролей в нем и тех приоритетах, которые командующий округом ставил перед своими подчиненными в деле подготовки войск и штабной работы.

Супруга генерала С.А. Драгомирова оставила воспоминания о муже, Скобелеве и Ф.Ф. Радецком, в которых описывает их взаимоотношения и приводит выдержки из писем[216].

Большое значение для нашего исследования имеет книга французского офицера П. Магона[217] (псевдоним — Art Roë) «Мой русский полк»[218]. Магон увлекался литературой и философией. Он посетил Киевский военный округ зимой 1897-1898 годов и имел несколько разговоров Драгомирова, в том

---

213 *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012.
214 ДРЗ. Ф. 1. А-74.
215 *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005.
216 *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров // Исторический вестник. - 1915. - №2. - С. 432-437; №3. - С. 796-803; №4. - С. 88-96. Копию письма Скобелева см.: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. ЛЛ. 37-39.
217 О нем: *Doumic, R.* Patrice Mahon // Revue de Deux Mondes. - 1914. - Vol. 23. - No. 2. - pp. 222-232.
218 *Ар Роэ*. Мой русский полк (Art-Roë. Mon régiment russe). М., 1900.

числе на общие, невоенные темы. Книга Магона – редкая возможность взглянуть на внутренний мир генерала, его философские и литературные увлечения в поздний период жизни. Она была частью широкого интереса, который во Франции проявлялся к русской армии, начиная с 1880-х годов. Ж. де Вилльбуа-Марейль опубликовал брошюру «Русская армия и ее начальники в 1888 году»[219], где представил Драгомирова и некоторых других русских генералов в качестве героических фигур, подобных Даву и Мюрату. С подписанием франко-русского союза в начале 1890-х годов этот интерес только рос, и Магон хотел удовлетворить его на своей родине.

О ранних годах Драгомирова сохранилось не так много воспоминаний. Тем ценнее свидетельства товарища Михаила Ивановича по учебе в Военной академии М.И. Венюкова[220]. Этот артиллерийский офицер был склонен к типичным увлечениям молодежи 1850-1860-х годов: нигилизму, естественным наукам, народничеству. Он упрекает Драгомирова за то, что, в отличие от него самого, генерал отошел от этих увлечений по мере движения по карьерной лестнице. Эти воспоминания резко критичны почти ко всем упоминаемым лицам, особенно тем, кто не разделял взглядов Венюкова, но, тем не менее, это важное свидетельство об увлечениях юности генерала. Мемуары Венюкова перекликаются с воспоминаниями Я. Савицкого[221], другого друга молодости Драгомирова, поляка по национальности, который в 1863 году примкнул к восстанию в Польше. Как и многие революционеры той эпохи, Савицкий несколько романтизирует собственную персону, преданную дружбу с «Михайлом», которая обрывается патетическим диалогом о карьере и идеалах, в связи с отъездом Савицкого. Впрочем, несмотря на эти недостатки, этот источник, как нам представляется, верно передает проблему выбора между идеалами юности и карьерой, которая стояла перед многими военными драгомировского поколения.

---

219 *[Villebois-Mareuil G., de]* L´Armée Russe: et ses Chefs en 1888. Paris, 1888.

220 *Венюков М.И.* Из воспоминаний М.И. Венюкова. Книга 1: 1832-1867. Амстердам, 1895.

221 *Struś*, pulk. (Stella-Sawicki, J.). Moje Wspomnienia (1831-1910). Lwow, (б.д.).

Большое значение имеют воспоминания Л.Л. Драке, слушателя Академии в конце 1860-х годов. Без этих малоизвестных воспоминаний было бы невозможно установить некоторые обстоятельства ухода Драгомирова из Академии в 1869 году[222]. Помимо названных источников, существует большая группа воспоминаний о Драгомирове, представляющих собой довольно банальные рассказы о жизни генерала (например, рассказ его адъютанта[223]), случаи из службы, анекдоты, часть которых обладает сомнительной достоверностью[224]. Большинство из них служат скорее отражением восприятия Михаила Ивановича в обществе, нежели источником о его деятельности, и они использовались нами именно в этом качестве.

Поскольку целью этой работы было показать жизнь и деятельность Драгомирова в контексте эпохи, нами привлекались воспоминания, которые не имели прямого отношения к генералу. В поздние годы Российской империи довольно распространенным был жанр «кадетских» воспоминаний, рисующих быт военно-учебных заведений. Эти воспоминания[225] помогли нам восстановить атмосферу, в которой проходил обучение молодой Драгомиров. В ходе исследования наше внимание привлекла личность преподавателя Дворянского полка И.И. Введенского, о котором сохранилось несколько отдельных материалов[226].

---

[222] *Д[раке] Л.* Наброски из прошлого. Отрывочные воспоминания 1868-1874 годов // Военно-исторический сборник. - 1912. - №1. - С. 61-74.

[223] *Ржевуский А.А.* Листки воспоминаний о Михаиле Ивановиче Драгомирове // Разведчик. - 1913. - №1172. - С. 249-251; № 1173. - С. 263-266.

[224] *Гиллессем А.Н., бар.* Смотры генерал-адъютанта М.И. Драгомирова: (Из записной книжки старого юнкера) // Разведчик. - 1904. - №689. - С. 2-5; *Писанецкий А.И.* Из воспоминаний о М.И. Драгомирове // Исторический вестник. - 1910. - №1. - С. 187-189; *Бессмертный.* Из воспоминаний о генерал-адъютанте М.И, Драгомирове // Русский архив. - 1912. - №6. - С. 226-227; *Б.Б.* Из недавнего прошлого (Воспоминания о ген. Драгомирове // Разведчик. - 1913. - №1194. - С. 573-574; №1195. - С. 590-591; 1914. - №1220. - С. 176-178; №1221. - С. 194-196; *Юдин П.Л.* К характеристике Драгомирова и Радецкого // Голос Минувшего. - 1915. - №10. - С. 158-164; *Эрдели И.Г.* Из моих воспоминаний о генерал-адъютанте М.И. Драгомирове // Часовой. - 1931. - №47. - С. 18-19; *Милоданович Е.А.* Пятнадцать лет на должностях Генерального штаба // Военная быль. - 1968. - №92. (http://lepassemilitaire.ru/pyatnadcat-let-na-dolzhnostyax-generalnogo-shtaba-e-a-milodanovich/ – дата обращения 6.04.2019).

[225] *Миклашевский А.М.* Дворянский полк в 1840 г. // РС. - 1891. - № 1. - С. 111-126; *Н.П.* Дворянский полк в воспоминаниях одного из его воспитанников. // РС. - 1891. - № 3. - С. 677-697; *Старый артиллерист.* Артиллерийское училище в 1845 году // РС. - 1904. - №6. - С. 591-620; *Старый артиллерист.* Артиллерийское училище в 1845 году // РС. - 1904. - №5. - С. 423-443; №6. - С. 591-620; *Кедрина Л.Е.* Из моих воспоминаний // Русский архив. - 1917. - № 1. - С. 102-135.

[226] Донос Ф.Ф. Вигеля на И.И. Веденского. 26 апреля 1849 г. // РС. - 1871. - №12. - С. 697; *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999. Биографический очерк о Введенском на основе архивных материалов: *Левин*

Вопросы участия генерала в военных реформах 1860-1870-х годов невозможно осветить, не привлекая хорошо известных воспоминаний Д.А. Милютина[227]. Бывший военный министр и главный автор реформ писал воспоминания, относящиеся к 1860-м годам, в первые годы после отставки, последовавшей в 1881 году. В литературе указывалось[228], что редактируя свои воспоминания и дневники, Дмитрий Алексеевич стремился показать себя более лояльным подданным императора, нежели это было в действительности. Например, не упоминаются связи с Н.Г. Чернышевским, И.И. Панаевым и Н.А. Некрасовым, «затушевана» дружба с К.Д. Кавелиным и Б.Н. Чичериным. Поскольку тема связи военных деятелей эпохи реформ важна для настоящего исследования, мы привлекли также воспоминания Д.А. Оболенского[229], хорошо знавшего Н.А. Милютина и других будущих деятелей царствования Александра II. Эти воспоминания позволяют яснее судить о круге общения и интересов будущих реформаторов. Несмотря на эти нюансы, воспоминания Милютина представляют настоящую «энциклопедию» эпохи реформ, весьма ценную для нашего исследования. Кроме того, мы использовали записки П.К. Менькова, редактора «Военного сборника» (1859-1872) и «Русского инвалида» (1869-1872), близкого к Милютину[230], а также воспоминания Н.К. Имеретинского[231] и С.Д. Шереметева[232], принадлежавших аристократическому кругу гвардейских офицеров 1860-х годов.

Ю.Д. И.И. Введенский // Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. (http://az.lib.ru/w/wwedenskij_i_i/text_0050.shtml - Дата обращения 3.01.2014).

227 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843-1856. М., 2000; *Он же.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999; *Он же.* Воспоминания. 1863-1864. М., 2003; *Он же.* Воспоминания. 1865-1867. М., 2005; *Он же.* Воспоминания. 1868- начало 1873. М., 2006.

228 *Зайончковский П.А.* Д.А. Милютин. Биографический очерк // Дневник Д.А. Милютина. 1873-1875. Т. 1. М., 1947. С. 70; *Brooks, W.E.* The Improbable Connection: D.A. Miliutin and N.G. Černyševskij, 1848-1862 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. - 1989. - Bd. 37. - H. 1. - p. 21. Хороший обзор политических взглядов Д.А. Милютина см.: *Miller, F.* Dmitrii Miliutin: Liberal or Conservative? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. - 1965. - Bd. 13. - H. 2. - pp. 192-198.

229 *Оболенский Д.А.* Мои воспоминания о Великой Княгине Елене Павловне // РС. - 1909. - №3. - С. 504-528.

230 *Меньков П.К.* Записки П.К. Менькова. Т.2: Дневник П.К. Менькова. СПб., 1898.

231 *Имеретинский Н.К.*, князь. Из записок старого преображенца // РС. - 1893. - №2. - С. 313-339; №3. - С. 531-558.

232 *Шереметев С.Д.* Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001.

Среди офицеров Генерального Штаба, сверстников Драгомирова, воспоминания опубликовали Н.Г. Залесов[233] и С.П. Зыков[234]. К сожалению, оба они почти не касаются личности генерала, несмотря на то, что Зыков окончил Академию вместе с Драгомировым, и судя по всему поддерживал с ним связь, будучи редактором «Русского инвалида» (1864-1868). Однако их воспоминания ценны сами по себе, как взгляд офицеров Генерального Штаба на события 1850-1880-х годов, сопоставимые со взглядом Драгомирова. Залесов и Зыков, как и Милютин, вероятнее всего, несколько преувеличивают свою политическую наивность[235]. Н.Д. Новицкий еще один офицер Генерального Штаба, оставивший мемуары, частично опубликованные в советское время[236], определенно свидетельствует о связях офицеров-генштабистов 1850-1860-х годов с Чернышевским. Поскольку тема политических взглядов Драгомирова важна для нашего исследования, мы привлекли некоторые другие источники о революционном движении. В исследовании С.Г. Сватикова[237], общественного деятеля, близкого к П.Б. Струве, описываются студенческие волнения 1869 года, которые могли сыграть роль в оставлении Драгомировым Академии. В воспоминаниях С. Иванова[238] имеется довольно туманное упоминание о связях Драгомирова с народовольцами в 1880-е годы, сведения о которых он почерпнул из третьих рук. Н.Я. Бердяев в своих воспоминаниях[239] передает разговор с Драгомировым, состоявшийся, когда будущий философ был арестован как участник студенческого движения. Этот разговор имеет большое значение

---

233 *Залесов Н.Г.* Записки Н.Г. Залесова // РС. - 1903. - №4. - С. 41-64; №5. - С. 267-289; №6. - С. 527-542; №7. - С. 21-37; №10. - С. 69-86; №11. - С. 317-332; 1904. - №1. - С. 39-58; 1905. - №6. - С. 509-548.

234 *Зыков С.П.* Наброски из моей жизни // РС. - 1910. - № 3. - С. 622-643; №4. - С. 141-154; №5. - С. 349-372; №6. - С. 3-38; №9. - С. 381-412.

235 Залесов пишет, что не узнал на портретах, хранившихся у его академического товарища, Герцена и Огарева: *Залесов Н.Г.* Указ. соч. // РС. - 1903. - №7. - С. 32.

236 Воспоминания Н.Д. Новицкого о Чернышевском и Добролюбове // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959. С. 85–120.

237 *Сватиков С.Г.* Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев) // Наша страна. Исторический сборник. СПб., 1907. С. 182-197.

238 *Иванов С.* К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов // Былое. - 1907. - №9. - С. 193-207.

239 *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.

для характеристики общественно-политических взглядов генерала в поздние годы.

Русско-турецкая война 1877-1878 годов породила большое количество воспоминаний, из которых хорошо известны приключенческие и апологетические по отношению к Скобелеву записки В.В. Верещагина[240], а также воспоминания Д.А. Скалона[241], адъютанта в.кн. Николая Николаевича Ст. Американский военный агент Ф. Грин, состоявший при русской армии, оставил подробные мемуары, в которых описано ранение Драгомирова на Шипке[242]. Серия воспоминаний[243] посвящена подготовке и осуществлению переправы у Систова, которой командовал генерал.

Деятельность Драгомирова на посту начальника Николаевской Академии Генерального Штаба после 1878 года, к сожалению, освещена в мемуарной литературе крайне скудно. М.В. Грулев и В.В. Витковский, слушатели Академии 1880-х годов, вскользь проходят свое пребывание в ней, представляя свою учебу как тяжелый, но увлекательный труд[244]. Н.А. Епанчин, поступивший в Академию в 1879 году обходит период своей учебы совершенным молчанием, но будучи осведомленным офицером, он оставил интересные замечания об армии и многих ключевых ее фигурах[245]. В воспоминаниях А.В. Жиркевича[246], обучавшегося в Военно-юридической академии в 1880-е годы, дается важное сравнение порядков в его учебном заведении и Академии Генерального Штаба. Б.А. Энгельгардт, сын товарища

---

240 *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М., 2015.

241 *Скалон Д.А.* Мои воспоминания 1877-1878 гг. Т. 1-2. СПб., 1913.

242 *Greene F.V.* Sketches of Army Life in Russia. NY., 1880.

243 *С.* Заметки стрелка 3-й бригады // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877-1878 гг. Т. II. СПб, 1879; *Ъ.* Подготовка инженерных средств для переправы через Дунай в июне 1877 года. // ВС. - 1879. - №11. - С. 22-23; *Остапов А.* 14-я пехотная дивизия в войну 1877-1878 гг. (Из записок участника) // ВС. - 1881. - №12. - С. 362-418; *Моторный [И.Г.]* Переправа через Дунай 15-го июня 1877 г. 2-й стрелковой роты Минского полка // ВС. - 1883. - №6. - С. 171-216; *Косич [А.И.].* Рущукский отряд. Участие 12 корпуса, входившего в состав Рущукского отряда в компании 1877-78 годов. Киев, 1884; *Цуриков С.А.* Воспоминания о войне 1877-1878 годов // Исторический вестник. - 1901. - №1. - С. 118-140; №2. - С. 536-558; №4. - С. 429-431; *Витмер А.Н.* По поводу возражений М.А. Газенкампфа // РС. - 1910. - №6. - С. 609-611.

244 *Грулев М.В.* Записки генерала-еврея. М., 2007; *Витковский В.В.* Пережитое. Вып. 2. Л., 1928.

245 *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.

246 *Жиркевич А.В.* Пасынки военной службы. Материалы к истории мест заключения военного ведомства в России. Вильна, 1912.

Драгомирова, сообщает в своих воспоминаниях некоторые подробности взаимоотношений своего отца с генералом[247]. Недостаток мемуарных источников затрудняет вопрос о режиме, который установил Драгомиров в Академии и который подвергался критике после его смерти. Из профессоров Академии тех лет воспоминания оставил А.Ф. Редигер[248], будущий военный министр, но и они служат более для выяснения общего контекста, в котором действовал Драгомиров, нежели для описания внутренней жизни в этом учебном заведении. Редигер дает низкую оценку состояния дел в военном ведомстве при министре П.С. Ванновском, разумеется, имея в виду, события русско-японской войны и первой русской революции, подводившие итог этому периоду.

Помимо названных мемуаров, относящихся к периоду командования Драгомировым Киевским военным округом (прежде всего, воспоминания Лукомского и Сухомлинова), следует назвать мемуары А.А. Самойло[249]. Этот офицер поступил в штаб округа только в 1902 году, то есть за год до отставки Драгомирова, кроме того, его мемуары несут на себе все недостатки воспоминаний царских офицеров, написанных и опубликованных в советское время. Несмотря на эти недостатки, Самойло сообщает некоторые подробности о взаимоотношениях среди главных лиц штаба. С целью сравнить Драгомирова и его предшественника, генерала А.Р. Дрентельна, мы использовали некоторые воспоминания[250] о командующем Киевским округом 1880-х годов.

Большую ценность представляют записки К.М. Оберучева, артиллерийского офицера и эсера, о подготовке артиллерии Киевского военного округа. Эти записки основаны на приказах Драгомирова и

---

247 *Энгельгардт Б.А.* Два юбилея // Пажи — рыцари России. Духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса. М., 2004.

248 *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999.

249 *Самойло А.А.* Две жизни. М., 1958.

250 *Витмер А.Н.* Мой первый начальник Александр Романович Дрентельн // Исторический вестник. - 1914. - №3. - С. 886-912; *[Ярон С.Г.]* Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожила. Киев, 1910.

снабжены комментариями и воспоминаниями автора[251]. Фактически, Оберучев осуществил полноценное исследование этого элемента боевой подготовки округа.

Два жандарма, служивших в Киевском округе, оставили воспоминания, которые касаются Драгомирова и дают ему противоположные оценки. Начальник Киевского жандармского управления В.Д. Новицкий[252] (брат Николая Дементьевича, упоминавшегося выше), имевший с генералом серьезные столкновения по поводу его деятельности, рисует крайне негативный и отталкивающий образ Михаила Ивановича, который мало согласуется с основной массой воспоминаний и других материалов. А.И. Спиридович, также жандармский офицер, близкий к С.В. Зубатову, представлял более молодое поколение «голубых мундиров» и сумел выстроить с Михаилом Ивановичем гораздо более теплые отношения, что нашло отражение в его мемуарах[253]. Спиридович передает некоторые обстоятельства отставки Драгомирова, которые дополняют рассказ М.М. Осоргина, непосредственного свидетеля этой отставки[254].

Одним из главных действующих лиц в русской политике рубежа XIX-XX веков был министр финансов С.Ю. Витте, оставивший обширное мемуарное наследие. Издания мемуаров Витте представляли собой сводные тексты, составленные из записок и стенограмм, и только в 2003 году эти записки и стенограммы были опубликованы полностью[255]. Сергей Юльевич подробно описывает как официальную, так и закулисную политическую жизнь накануне русско-японской войны, часто касаясь Николая II, Куропаткина,

---

[251] *Оберучев К.* М.И. Драгомиров об артиллерии // Артиллерийский журнал. - 1909. - №5. - С. 459-491; *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии. б.и. Последнее издание представляет собой сброшюрованные в отдельную книжку листы без выходных данных. К сожалению, нам не удалось найти оригинальную публикацию, которая, очевидно, была сделана в одном из военных журналов.

[252] *Новицкий В.Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

[253] *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков, 1928.

[254] *Осоргин М.М.* Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861—1920. М., 2009.

[255] *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Кн. 1-2. СПб., 2003; *Он же.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. СПб., 2003.

Драгомирова и их взаимоотношений. Витте стремился представить время Николая II как упадок, по сравнению с эпохой Александра III, оставляя в стороне собственную роль в тех событиях, которые привели страну к потрясениям начала XX века. Тем не менее, обстоятельства отставки Драгомирова, описанные в мемуарах этого политика имеют большую ценность для нашего исследования.

Ретроспективный и несколько ностальгический взгляд на русскую армию представляет серия воспоминаний А.И. Деникина[256], в которых он не раз касается фигуры Драгомирова, а кроме того, дает обобщенный образ русского офицера начала XX века, не закрывая глаза на негативные моменты, имевшие место в русской армии.

Выводы. Как уже отмечалось, отсутствие дневников или воспоминаний генерала М.И. Драгомирова и малое количество обнаруженных нами писем накладывает на исследование определенные ограничения. Некоторые эпизоды его биографии, особенно детство и юность, уход из Академии в 1869 году и возвращение в качестве ее начальника, довольно скудно освещены источниками. Однако эти недостатки компенсируются за счет использования статей генерала, делопроизводственных документов, отчасти писем, дневников и воспоминаний лиц, близких к генералу в разные годы его жизни. Источниковая база позволяет решить цель, поставленную в настоящем исследовании.

[256] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. I. Вып. 2. Париж, [1921]; *Он же.* Старая армия. Офицеры. М., 2005; *Он же.* Путь русского офицера. М., 2014.

Глава 1. Начало карьеры и формирование взглядов генерала М.И. Драгомирова

1.1. Происхождение и обучение М.И. Драгомирова

Точная дата рождения Михаила Ивановича Драгомирова не известна. Он родился либо 8, либо 9 ноября 1830 года. Один из его биографов А.А. Матвиенко утверждает, что в метрических книгах записано, что Михаил родился 9 ноября[257]. Однако нам кажется более верной дата 8 ноября. Во-первых, именно она стоит в послужном списке Драгомирова, который обычно заполнялся со слов офицера[258]. Во-вторых, 8 ноября отмечается день памяти Архангела Михаила, покровителя воинов, в честь которого и был назван будущий генерал.

Предки Драгомирова происходили из православной шляхты Правобережной Украины и в 1730-е годы перешли из подданства Речи Посполитой в русское, влившись в круг малороссийских казацко-дворянских родов[259]. В 1825 году майор Иван Иванович Драгомиров, отец Михаила, вышел в отставку и купил хутор под Конотопом в Черниговской губернии, где через пять лет и появился на свет будущий генерал. Отец Драгомирова был религиозным человеком. Он выстроил в Конотопе церковь, в которой Михаил, будучи ребенком, читал псалтырь[260]. В письмах к сыну Иван Иванович постоянно обращается к христианским добродетелям: «Мужайся и уповай на Бога. Он помощник нам и заступник», «Христианство, как обязанность, внушает терпение. Будем же великодушны! Люби врагов чистым сердцем; читай молитву за ненавидящих нас и обидевших; – да простит им Господь. Не ведают бо, что творят»[261]. Семья Драгомировых не была богатой. В списке дворян Конотопского уезда, владевших на 1860 год

---

257 *Матвіэнко А.А.* М. І. Драгомиров і Україна // Український історичний журнал. - 2000. - №2. - С. 112.

258 РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 7106. Л. 841.

259 *Матвіэнко А.А.* М. І. Драгомиров і Україна… С. 112-113.

260 *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет. Кн. 2. СПб., 1909. С. 256-257. См. подпись под фотографией.

261 *Бонч-Бруевич М.Д.* Михаил Иванович Драгомиров // Известия Николаевской Военной Академии. - 1912. - №1. - С. 81, 85.

более, чем 100 душами мужского пола, Драгомировы не значатся[262]. Известно, что на 1866 год родителям Драгомирова принадлежало 800 десятин земли в Конотопском уезде, и только восемь крестьян на тот момент числились за ними в качестве временнообязанных[263]. После смерти отца в 1867 году будущий генерал получил 140 десятин земли, а остальное распределилось между его сестрами. Любопытно, что Драгомиров подумывал о том, чтобы вовсе отказаться от наследства, но отец настоял, «желая сохранить за фамилией “Драгомировых” хоть некоторую часть земли»[264]. А.С. Лукомский, оглядываясь на карьеру Драгомирова, подчеркивал: «Действительно: происходя из сравнительно небогатой малороссийской дворянско-казачьей семьи, М.И. Драгомиров сам пробился в ряды выдающихся людей, сам сделал себе блестящую карьеру, не имея никакой протекции и никаких связей»[265].

Мир, в котором рос Михаил Иванович, был патриархальным и замкнутым на местных интересах, связанных с сельским хозяйством, пчеловодством, ярмарками и т. п[266]. Мать будущего генерала Анна Романовна (урожденная Балюра) была выдана за своего 40-летнего мужа в 16 лет, родила шесть детей, из которых выжило трое – Михаил и две его сестры. Она «была отличная хозяйка и прекрасная семьянинка; она души не чаяла в своем сыне-первенце, а впоследствии, когда он был уже вне родительского дома, она часто писала ему: «ты у меня детина, яких мало на свете»[267]. Отметим, любопытную деталь: мужчины в семье Драгомировых, как и в семье их соседей Лазаревских, писали письма на правильном русском языке, а женщины пользовались наречием, который сейчас принято называть суржиком[268]. Характерно, что Анна Романовна знала украинские песни, которые, как следует из одного из писем, за ней записывал А.М. Лазаревский,

[262] Приложения к трудам редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. VI. СПб., 1860. С. 12-14.
[263] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 678. Л. 8об.
[264] *Бонч-Бруевич М.Д.* Михаил Иванович Драгомиров… С. 81.
[265] *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 125.
[266] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 12. Ч. 2. СПб., 1851. С. 62-64; Материалы для географии и статистике России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния. СПб., 1865. С. 149-153.
[267] *Бонч-Бруевич М.Д.* Михаил Иванович Драгомиров… С. 80.
[268] Український археографічний збірник. Т.2. Киев, 1927. С. 153.

будущий историк малороссийского края[269]. Даже в поздние годы в петербургском доме Драгомирова нередко звучала украинская речь[270].

Впрочем, было бы неправильно представлять среду, из которой вышел генерал Драгомиров как совершенно отсталую. Один из историков Черниговщины писал: «Вообще, в Малороссии всегда была и теперь весьма заметна охота учиться. Самые бедные дворяне не щадят последних средств, чтобы доставить детям своим хорошее воспитание»[271]. У местных дворян было и больше желания дать детям хорошее образование, и больше возможностей удовлетворить его, благодаря хорошим учебным заведениям в Киеве, Чернигове и Нежине. В свою очередь, полученное образование давало выходцам из Малороссии конкурентное преимущество перед великорусскими дворянами на службе в Петербурге и других городах Российской империи[272].

Зять Драгомирова А.С. Лукомский вспоминал, как генерал на склоне лет вспоминал своего первого учителя, дьячка местной церкви: «У этого моего первого учителя, – говорил Драгомиров, – я приобрел твердый фундамент, и ему я обязан тем, что стал грамотным человеком»[273]. Затем его образование продолжилось в Конотопском уездном училище, в котором детям преподавали математику, Закон Божий, русский язык, географию и историю. Обучение в этом училище длилось три года[274]. В 1843 году при Черниговской гимназии открылся пансион, в котором большинство пансионеров обучались либо за государственный счет, либо за счет благотворителей. Видимо, это позволило родителям Михаила устроить его туда, и он продолжил образование в Черниговской гимназии[275].

---

269 Там же. С. 195.

270 ДРЗ. Ф. 2. М-86. Рерберг Федор Петрович. (Кн. 1). ЛЛ. 116-117.

271 *Маркович А.М.* Историческая и статистическая записка о дворянском сословии и дворянском имуществе Черниговской губернии. Чернигов, 1894. С.27.

272 Подробней об образовании на Украине см.: *Saunders, D.* The Ukrainian Impact on Russian Culture, 1750-1850. (Edmonton, 1985). pp. 43-52.

273 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 97.

274 Описание Конотопского уездного училища осталось в воспоминаниях А.М. Лазаревского: Отрывки из биографии Александра Матвеевича Лазаревского // Киевская старина. - 1902. - №6. - С. 473-478.

275 К сожалению, об этом периоде жизни Драгомирова не осталось никаких сведений, и сам факт его обучения в Черниговской гимназии подтверждается только косвенными свидетельствами. Драгомиров только вскользь упоминает об этом в рассказах Андреевскому: *А[ндреевский] Е.К.* Еще из воспоминаний о Драгомирове // РС. - 1913. - №11. - С. 332. Этот вопрос интересовал еще видного специалиста по генеалогии малороссийского дворянства Г.О. Милорадовича, однако на свой вопрос, заданный А.М. Лазаревскому, он ответа не получил: «Учился ли Драгом[иров] в Черниг[овской] Гимназии — не помню,

Очевидно, военная карьера Драгомирова была предопределена семейной традицией, однако в отличие от многих генералов, родившихся в царствование императора Николая I, он до 17 лет не получал военного образования и не носил форму. Все его детство прошло в штатской атмосфере. Это был довольно необычный путь для офицера русской армии с тех пор, как при Николае I была оформлена стройная и достаточно разветвленная система кадетских корпусов. Например, генерал М.А. Домонтович, родившийся, как и Драгомиров, в ноябре 1830 года в том же Конотопском уезде и прошедший почти такой же карьерный путь через Дворянский полк и Военную Академию, все же некоторое время провел в кадетском корпусе. Впрочем, путь Драгомирова к военной карьере не был и исключительным. Ровесник и сотрудник Драгомирова по Николаевской Академии Генерального Штаба Г.А. Леер также учился в гимназии до 15 лет, пока не был принят в Главное инженерное училище. М.Д. Скобелев, будучи на 13 лет младше Драгомирова, вообще никогда не учился в кадетском корпусе, точно так же, как и генерал Н.Г. Столетов, который окончил гимназию и Московский университет и только под впечатлением начавшейся Крымской войны надел военную форму в возрасте 23 лет.

Гимназическое образование несомненно способствовало расширению кругозора молодого Драгомирова. В молодости и в зрелые годы он никогда не замыкался на военном деле, но интересовался общественными вопросами, литературой, философией, математикой, психологией и многими другими предметами. Скорее всего, именно в гимназии Драгомиров получил хорошие базовые знания французского языка, что оказало большое влияние на направление его чтения как в военных, так и в общественных науках. Можно сделать вывод, что именно необычный путь к военной карьере начал выдвигать молодого Драгомирова из ряда его сверстников, что подтверждается материалами, относящимися к обучению Драгомирова в Дворянском полку.

но что учился он в Конотопск[ом] Уездн[ом] Училище — это хорошо знаю»: Український археографічний збірник. Т.2. С. 350.

В 1847 году в возрасте 17 лет Михаил Драгомиров переехал в Петербург и поступил воспитанником в Дворянский полк, в котором провел следующие два года до своего производства в офицеры.

Дворянский полк был средним военно-учебным заведением и отличался от других кадетских корпусов тем, что там, помимо «коренных» воспитанников, завершали свое военное образование кадеты провинциальных кадетских корпусов, а также те гимназисты, кто как Драгомиров, хотели стать офицерами[276]. Программа в Дворянском полку включала Закон Божий, русскую словесность, военные законы, русскую историю и географию, арифметику, алгебру и геометрию, артиллерию и фортификацию, чистописание, рисование и черчение планов, воинский устав, фронтовую службу, гимнастику, фехтование, танцы и краткие курсы гражданских законов, всемирной истории и географии. Кроме того, учили читать и писать по-французски и по-немецки[277]. Конечной целью было воспитать офицера, идеал которого был кратко сформулирован в Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений 1848 года: «Христианин, верноподданный, русский, добрый сын, надежный товарищ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер», способный «с чистым желанием отплатить Государю за Его благодеяния честной службой, честною жизнью и честной смертью»[278].

Как и в других учебных заведениях, в Дворянском полку были в ходу телесные наказания, и, в целом, нравы были весьма суровыми, хотя, по всей видимости, к концу 1840-х годов они постепенно смягчались. День воспитанника Дворянского полка был расписан по минутам: девять часов в сутки уходило на учебу, два часа — на фронтовое учение и восемь часов на сон. Остальные пять часов уходили «на чистку платья, сапогов, касок, ружей и пр., на умывание и одевание, на уборку кроватей и стойку около них на вытяжке для приема генерала или батальонного командира, на разные смотры

---

[276] *Гольмдорф М.* Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. СПб., 1882. С. 7-21.

[277] Там же. С. 35-36.

[278] Цит. по: *Гольмдорф М.* Указ. соч. С. 123.

ближайших начальников, на ходьбу в классы, в манеж, в столовую залу, которые были далеко от ротных помещений, на вечернюю гимнастику, на стояние на молитве четыре раза в день, на уроки танцев и пения, наконец на обед, завтрак и ужин»[279]. Свободного времени у воспитанников почти не было.

Одной из главных проблем кадетских корпусов николаевского времени был слабый состав офицеров-воспитателей. Их чинопроизводство шло медленно, поэтому в кадетские корпуса воспитателями попадали либо те, кто почему-либо не прижился в строю, либо те, кто искал спокойной и тихой службы. Характерно, что никто из воспитанников не вспоминал этих офицеров добрым словом. Отношения между ними и юношами были все время напряженными: «На стороне начальства была грубая карательная сила, мы платили ему за это полным презрением и глумлением — таковы права учащейся и развивающейся молодежи»[280], – таков лейтмотив воспоминаний А.М. Миклашевского о Дворянском полку. В целом, полк его воспитанники вспоминали, в лучшем случае, как суровую школу жизни[281].

Строевому обучению уделялось большое внимание. Один из воспитанников Дворянского полка вспоминал, какие усилия требовались, чтобы не просто удерживать ружье в вертикальном положении при церемониальном марше, но слегка наклонять его вперед, как это требовалось. Мышцы руки приходилось держать в постоянном напряжении, чтобы не выронить ружье, и к концу занятия рука отекала так, что воспитанник ее не чувствовал[282]. В Дворянском полку Драгомиров должен был впервые столкнуться с перегибами в сторону строевого обучения, против которых он будет восставать позже.

---

279 *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 70.

280 *Миклашевский А.М.* Дворянский полк в 1840 г. // РС. - 1891. - № 1. - С. 115.

281 М.И. Венюков представляет Дворянский полк как заведение калечащее юношей в нравственном и физическом плане: *Венюков М.И.* Из воспоминаний М.И. Венюкова. Книга 1: 1832-1867. Амстердам, 1895; критически о нем отзывается А.М. Миклашевский, хотя его воспоминания относятся к более раннему и более суровому этапу жизни Дворянского полка: *Миклашевский А.М.* Указ. соч. С. 111-126; более сдержанные оценки: *Кедрина Л.Е.* Из моих воспоминаний // Русский архив, - 1917. - № 1. - С. 102-135.

282 *Кедрина Л.Е.* Указ. соч. С. 112.

С другой стороны, отнюдь не бесполезным было для Драгомирова обучение наукам в этой школе. Благодаря усилиям штаба военно-учебных заведений и, прежде всего, генерала Я.И. Ростовцова, учебная часть в кадетских корпусах была поставлена высоко. Вместе с Ростовцовым в штабе военно-учебных заведений работали А.П. Карцов и Д.А. Милютин, в то время очень дружные между собою. А.П. Карцов был женихом дочери директора Дворянского полка Н.Н. Пущина, часто бывал в его доме и, скорее всего, хорошо знал текущие дела этого учебного заведения[283]. В дальнейшем он сыграет определенную роль в судьбе Драгомирова.

Преподавание математических предметов было одной из самых сильных сторон образования в кадетских корпусах позднего николаевского времени. Составлением программ и подбором преподавателей по математическим предметам занимался выдающийся математик М.В. Остроградский. В Дворянском полку математику преподавал А.Н. Савич, будущий академик и видное лицо в мировом астрономическом сообществе. Драгомиров, как и многие другие воспитанники, приобрел основательные знания в математических науках. Он не ограничивался утвержденной программой и вошел в группу воспитанников, желавших прослушать дополнительный курс из дифференциального исчисления[284]. При чтении его сочинений бросается в глаза привычка Михаила Ивановича прибегать к математическим аналогиям. В своем учебнике тактики Драгомиров писал: «Дело в том, что язык разговорный, к сожалению, лишен той особенности, которая в высокой степени свойственна, например, языку математическому, дающему возможность в одной формуле сосредоточивать положительные и отрицательные решения, да вдобавок между такими иногда пределами, $k \pm \infty$. Это часто забывают: и словесный вывод, сделанный из известных данных и при известной обстановке, пускают гулять по свету как безусловный, т. е. верный при всякой обстановке»[285].

---

283 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843-1856. М., 2000. С. 141, 148.
284 РГВИА. Ф. 320. Оп. 1. Д. 39. Л. 127.
285 *Драгомиров М.* Учебник тактики. СПб., 1881. С. XII-XIII.

По воспоминаниям бывших учеников Дворянского полка, особым влиянием на молодежь и особой любовью всех воспитанников пользовались законоучитель отец Иоанн (Рождественский) и преподаватель русской словесности И.И. Введенский. Отец Иоанн был высоконравственным, глубоко верующим и просвещенным пастырем. Даже М.И. Венюков, «религиозный скептик и враг жрецов», как он рекомендует себя, отдавал должное отцу Иоанну: «Все мы, напротив, уважали его за то, что у него в библиотеке был Вольтер; но я не могу забыть его всегда гуманного, обращения с кадетами как в самых классах, так и вне их... Его немедленно окружала толпа кадет всех возрастов и даже вероисповеданий, в надежде услышать что-нибудь умное, честное и *непошлое* [выделено в оригинале – С.Ю.]. В последнем лежал секрет привязанности к нему, потому что всякое сравнение с ним большинства не только ротных, но и классных педагогов-пошляков только возвышало его в наших глазах»[286].

И.И. Введенский преподавал в Дворянском полку русскую словесность, и был горячо любим всеми воспитанниками[287]. Он был сыном священника, разночинцем, чутким к современным социальным, нравственным и общественно-политическим вопросам. В его квартире собирался кружок литераторов, и с осени 1849 года там стал появляться Н.Г. Чернышевский. Судя по всему, кружок Введенского не был политическим в полном смысле слова, но, помимо литературных дел, там обсуждались и текущие события, особенно в период бурного конца 1840-х годов. Весной 1849 года был арестован кружок Петрашевского, среди членов которого было немало знакомых Введенского, и на самого преподавателя последовал донос, в котором сообщалось, что, хотя Введенский не состоит ни в каких обществах,

---

[286] *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 106; *Миклашевский А.М.* Указ. соч. С. 119; *Кедрина Л.Е.* Указ. соч. С. 116.

[287] *Миклашевский А.М.* Указ. соч. С. 116-118; *Кедрина Л.Е.* Указ. соч. С. 114; *Венюков М. И.* Указ. соч. С. 107.

было бы полезно удалить его от воспитания юношества[288]. Однако, судя по всему, никаких последствий донос не имел.

Определить насколько далеко распространялась политическая оппозиционность Введенского трудно, но, скорее всего, он был достаточно осторожен, чтобы не проповедовать свои взгляды открыто в военно-учебных заведениях. Один из его учеников так описывал впечатление от уроков Введенского: «Ярый противник крепостничества и рабства, поклонник умственного и нравственного развития, он открывал нам новый, неведомый мир мыслей и чувств, издевался над ложью, себялюбием, алчностью и продажностью, под каким бы блестящим нарядом они ни проявлялись, и заставлял любить самопожертвование и добро, в какой бы скромной форме они ни проглядывали»[289]. Однако биограф Введенского отмечал, как приходилось лавировать этому преподавателю, чтобы высказать свои истинные идеи и чувства: «[...] Введенский-преподаватель внушал своим слушателям правила высокой нравственности, социальной справедливости. Но делал он это исподволь, иносказательно; открыто же вынужден был провозглашать официозные взгляды. И это вызывало в нем глубокое недовольство. В письме к Сенковскому 1844 г[ода] он сокрушался, что играет "роль шарлатана в военных заведениях", где преподают "целую стаю химерических наук, выдуманных для подавления мысли". "Вместо удовольствия следить за развитием молодых умов я обречен на муку видеть каждый день, как сам же я засариваю всякою гадостью их мозг"»[290].

Фигуры наиболее ярких преподавателей Дворянского полка – Савича, отца Иоанна, Введенского – как бы олицетворяют все те разнородные влияния, которым подвергались Драгомиров и его сверстники в конце 1840-х

---

[288] Донос Ф.Ф. Вигеля на И.И. Веденского. 26 апреля 1849 г. // РС. - 1871. - №12. - С. 697. О политических взглядах и биографии Введенского см.: *Левин Ю.Д.* И.И. Введенский // Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. (http://az.lib.ru/w/wwedenskij_i_i/text_0050.shtml - Дата обращения - 3 января 2014); *Никитенко А.В.* Дневник. Т.1. М., 2005. С. 540. О связях Введенского, некоторых воспитанников Дворянского полка с Чернышевским: Воспоминания Н.Д. Новицкого о Чернышевском и Добролюбове // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959. С. 85-120.

[289] *Старый артиллерист.* Артиллерийское училище в 1845 году // РС. - 1904. - №6 - С. 592.

[290] *Левин Ю.Д.* И.И. Введенский // Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. (http://az.lib.ru/w/wwedenskij_i_i/text_0050.shtml - Дата обращения - 3 января 2014). Известно, впрочем, что Введенский читал ученикам современные статьи, хотя, конечно, безобидного содержания: *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999. С. 157-160.

годов: это позитивизм с его научным скептицизмом и верой в прогресс, а с другой стороны, традиционные православные ценности; верноподданнические чувства, которые должен был воспитывать кадетский корпус, и наконец, зарождающееся народничество, в том числе и его революционные оттенки.

Можно определенно говорить, что Драгомиров сильно выделялся на фоне остальных воспитанников Дворянского полка. В далеко не полных документах учебного заведения за 1847-1849 годы удалось найти 11 благодарностей Драгомирову за блистательный ответ на экзамене, например: «Ответ же фельдфебеля Драгомирова, по основательному изложению далеко выше всех, за что и благодарю его»[291]. Отзывы об ответах Драгомирова не позволяют выявить какие-либо особенные наклонности будущего генерала, поскольку в них отмечаются успехи и в математических, и в гуманитарных науках, и даже в немецком языке, в котором он «в течение двух лет при самых ничтожных началах сделал успехи весьма хорошие»[292]. По воспоминаниям одного из воспитанников Дворянского полка, Драгомиров «вечно углублялся в книги, учился не только по учебникам или по учительским запискам, но по всевозможным сочинениям; много писал»[293].

Я. Стелла-Савицкий говорит о себе как о самом близком друге Драгомирова в период из совместного обучения в Дворянском полку, а потом и в годы службы в младших чинах. Савицкий и Драгомиров соревновались между собою в науках, «жили в большой дружбе, делясь последним грошом, последним куском хлеба»[294].

Таким образом, еще до получения первого офицерского чина Драгомиров подавал очень большие и основательные надежды на блистательную карьеру. Стараясь получить больше знаний, чем требовалось начальством, Драгомиров демонстрировал самодисциплину, волю, серьезность и основательность в занятиях. Помимо больших задатков, ему

---

[291] РГВИА. Ф. 320. Оп. 1. Д. 39. Л. 29.

[292] Там же. Л. 13.

[293] *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров — фельдфебель. (Из Воспоминаний) // РС. - 1909. - №1. - С. 104.

[294] *Struś*, pulk. (Stella-Sawicki, J.). Moje Wspomnienia (1831-1910). Lwow, (б.д.). SS. 9, 59.

помогали хорошая база знаний, оставшаяся после прохождения гимназического курса и то обстоятельство, что Драгомиров был на один-два года старше многих одноклассников по Дворянскому полку.

Михаил стал унтер-офицером, а потом и фельдфебелем роты. Последнее звание давалось обычно лучшему ученику по успехам учебе и по поведению. Постепенно он приучался командовать людьми. Ко времени учебы в Дворянском полку относятся первые развернутые портреты и характеристики Драгомирова, сделанные, конечно, значительно позже и со знанием дальнейшего хода карьеры генерала.

Драгомиров «был отмечен всеми», и «знали его все кадеты, знал весь Дворянский полк, настолько видное явление представлял из себя он»[295]. Другой бывший воспитанник вспоминал: «[...] это был очень серьезный человек, и не было между нами такого авторитета, каким был он; несмотря на всю отдаленность от нас – товарищей, мы его очень любили и серьезно уважали; что бывало «Михайло Драгомиров» скажет, то было для нас законом; товарищи как-то даже побаивались его»[296]. Авторитет Драгомирова проявлялся в том, что он защищал новичков от притеснений и строго следил за порядком в своей роте[297]. Во многих воспоминаниях отмечается, что Драгомиров близко не сходился с другими воспитанниками и был нелюдим[298], хотя один из воспитанников Дворянского полка вспоминает, что «товарищи любили в нем меткого остроумца, умевшего возбуждать веселость всюду, где он ни появлялся, ценили в нем человека, оригинально умевшего завоевать себе у начальства своею смелою находчивостью положение независимое и неуязвимое»[299]. Вполне возможно, что на последнюю характеристику, сделанную спустя 60 лет после выпуска, повлиял позднейший образ Драгомирова, который стал широко известен своим остроумием.

Особняком стоит характеристика, данная Драгомирову Венюковым: «Он тоже был фельдфебелем и тоже строгим, тянучкой, по крайней мере на глазах

---

[295] *Кедрина Л.Е.* Указ. соч. С. 115-116.

[296] *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров — фельдфебель... С.104.

[297] *Н.П.* Дворянский полк в воспоминаниях одного из его воспитанников. // РС. - 1891. - № 3. - С. 690.

[298] *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров — фельдфебель... С.101, 104.

[299] *Кедрина Л.Е.* Указ. соч. С. 115-116.

начальства. За глазами же он охотно обращался по-товарищески даже с далеко младшими по возрасту, выпытывал у них разные секреты и потом предательски сообщал кому следовало. Товарищи, даже одноклассники, так и считали его лицемером, предателем. Тем не менее он имел 12 с плюсом за нравственность да, как человек способный, получил 12 в среднем и по наукам, так что имя его красуется на мраморной доске, да не одного Дворянского полка, а также одной из военных академий»[300]. Характерно, что в дальнейшем Венюков писал о себе как о приятеле Драгомирова, так что на эту характеристику, очевидно, повлияла более поздняя личная неприязнь к генералу и вообще крайне желчный и критический характер мемуариста.

Ярко характеризует Драгомирова эпизод, случившийся во время одного из «кадетских бунтов» против экономов. Дело в том, что питание воспитанников кадетских корпусов было поставлено очень плохо и было благодатной почвой для злоупотреблений. Почти каждый мемуарист жаловался на дурную пищу[301]. На этой почве периодически случались различные «истории», в одной из которых был замешан Драгомиров. Несколько раз подряд воспитанникам было подано прогорьклое масло, в результате чего возникло возмущение. Кадеты начали шуметь в столовой и требовать эконома. Тогда со своего места поднялся Драгомиров и громко сказал: «Что за безобразие, что за мальчишество, разве это достойно взрослых людей, ведь мы готовимся, не сегодня-завтра, надеть офицерский мундир!». После этих слов он встал и вышел. За ним ушла вся его рота[302].

26 мая 1849 года Драгомиров был произведен в прапорщики Лейб-Гвардии Семеновского полка. Его имя было занесено на мраморную доску Дворянского полка. Помимо него еще 22 выпускника 1849 года пополнили

---

300 *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 63.

301 См. напр.: *Кедрина Л.Е.* Указ. соч. С. 110-111.

302 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров — фельдфебель... С.97-98. К сожалению, не удалось разыскать подробностей этой истории в официальных документах Дворянского полка. Возможно, это объясняется тем, что приказы по полку зимы 1848/1849 годов утрачены. В официальной истории Военно-учебных заведений признавалось, что «воспитанники Дворянского полка имели, по-видимому, основание жаловаться» на качество питания: Главное управление Военно-учебных заведений. Исторический очерк. // Столетие военного министерства. Т.X. Ч.II. СПб., 1902. С. 67.

гвардейское офицерство[303]. Блистательное окончание обучения в Дворянском полку оказалось стартом яркой карьеры. Важно отметить, что уже в период учебы Драгомиров начинает выдвигаться среди своих сверстников успехами в науках, волевым характером и лидерскими качествами.

19-летний Драгомиров попал в один из самых престижных полков Российской империи, что было стандартным путем лучших выпускников кадетских корпусов. Он был определен прапорщиком в 4-ю роту Семеновского полка, которой командовал П.П. Карцов. Много лет спустя, его ротный командир с иронией вспоминал, как молодой Драгомиров «явился в роту, бывшую в походе, не имея ни одной пары личных сапог, тогда как в его чемодане оказались спальные сапоги и халат»[304].

Те мемуаристы, которые начинали свою военную карьеру на излете николаевской эпохи, рисуют примерно одинаковую картину рутинной и однообразной службы младшего гвардейского офицера[305]. Естественные амбиции и весьма основательное образование, которыми они обладали, контрастировали с мелкими обязанностями, а негативные стороны тогдашней службы, коррупция и очковтирательство[306], усиливали возникающее раздражение. Позднее Драгомиров отрицательно отзывался о военных порядках времен Николая I: «Воинское воспитание, отклонившееся от своей главной цели – приготовления к войне, выродилось в нечто иррациональное и машинальное, дающее в результате солдат, выдрессированных для сотни гимнастических фокусов, изломанных на разные манеры, но несознающих своего долга, униженных в своей личности»[307]. Он вспоминал: «Увлечение строем, которое я имел случай наблюдать в период его разгара (1849-1854 гг.),

---

303 РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д.7106. Л. 842; *Гольмдорф М.* Указ. соч. С. 138. Еще 19 человек поступили на службу в артиллерию, трое стали саперами, 39 человек выбрали кавалерийскую службу, 76 человек поступило в армейскую пехоту, 17 человек пошли в линейные батальоны и 21 человек пополнили батальоны Внутренней стражи. Семь человек из выпуска 1849 года погибли в Крымскую войну. (*Гольмдорф М.* Указ. соч. С. 167-168).

304 *Карцов [П.П.]*. Младший офицер в роте, эскадроне и батарее // ВС. - 1884. - №1. - С. 131; *Он же*. Из прошлого. Ч.2. СПб., 1888. С. 607.

305 *Меньков П.К.* Записки П.К. Менькова. Т.2: Дневник П.К. Менькова. СПб., 1898. С. 107; *Фон Бооль В. Г.* Воспоминания педагога // Русская старина. 1904. Т. 119. Август. С. 290-291; *Венюков М.И.* Из воспоминаний М.И. Венюкова. Книга 1: 1832-1867. Амстердам. 1895. С. 114-129.

306 *Ден В.И*. Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена. // Русская старина. 1890. Т.65. Январь. С. 81-83; *Меньков П.К.* Указ. соч. С. 110.

307 *Ар Роэ*. Мой русский полк (Art-Roë. Mon régiment russe). М., 1900. С. 94-95.

и навело меня впервые на мысль, что предмет занятий есть сила, властвующая над человеком, свойство коего (т. е. человека) стремиться к возможному совершенству того дела, коему он себя посвятил»[308]. Отталкивающие впечатления о поздней николаевской армии, впервые навели Драгомирова на вопросы выработки более рациональной и более гуманной системы военного воспитания и образования, в которой бы все отделы находились в должном балансе.

Неприятие порядков в армии усиливалось еще одним очень важным явлением – телесными наказаниями солдат. Знакомому Драгомирова по Дворянскому полку, артиллеристу Венюкову, настолько опротивела порка солдат, что он стал искать пути покинуть строй[309]. Такое же отталкивающее впечатление телесные наказания оказали на В.Г. фон Бооля[310]. Драгомиров в позднейшее время был известен как борец с рукоприкладством в армии, и впервые с этой проблемой он столкнулся еще будучи в младших чинах. Таким образом, гвардейская служба обогатила Драгомирова, главным образом, отрицательными впечатлениями, от которых он отталкивался при разработке своей системы обучения и образования солдата.

Военная Академия, основанная в Петербурге бароном А. Жомини в 1832 году, была в 1850-е годы не только учебным заведением, в котором можно было основательно пополнить свои знания и вступить в корпус офицеров Генерального Штаба. Она была в определенной степени средством убежать от строевой службы с ее рутиной и телесными наказаниями. В 1832-1851 годах Директором Военной Академии был генерал И.О. Сухозанет, известный как весьма грубый и требовательный в плане дисциплины начальник. С учетом того, что окончание Военной Академии в то время не сулило никаких привилегий, служба под его началом не была привлекательной для молодых и амбициозных офицеров. Например, когда П.К. Меньков в 1838 году изъявил желание поступить в это учебное заведение, он не встретил понимания сослуживцев: «В то исключительно

[308] *Драгомиров М.* Теоретические основы воспитания и образования войск // Разведчик. 1901. №574. С.926.
[309] *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 114-129.
[310] *Фон Бооль В. Г.* Воспоминания педагога // РС, 1904, т. 119. №8. С.288.

фронтовое время на офицера, желающего заниматься наукою, смотрели, если не враждебно, то как-то особенно недоверчиво; подобных офицеров начальство как будто *дичилось*, называя их *“учеными”* или говоря – *“в ученье лезет”* [все выделения в оригинале, – С.Ю.]»[311]. К 1851 году число желающих поступить в Академию сократилось до недопустимого минимума, и необходимость перемен стала очевидной[312].

Тогда новым начальником был назначен профессор Г.Ф. Стефан и начались преобразования, в которых большую роль сыграл генерал Я.И. Ростовцов, вошедший в совет Академии. Началась перестройка здания, стали закупаться книги и карты, а самое главное, в Академии была установлена атмосфера более способствующая ученым занятиям и престижность звания офицера Генерального Штаба была укреплена[313].

Если в 1851 году явилось к экзамену десять человек, а принято в академию было всего семеро (в их числе Н.Н. Обручев), то уже в 1852 году явилось к экзамену 59 человек, а принято было 37 (среди них Г.А. Леер)[314]. Я. Стелла-Савицкий, товарищ Драгомирова по Дворянскому полку, поступил в Академию в 1852 году, поскольку очень терпел от материальной нужды[315]. В 1854 году в академию поступил Венюков, желая, помимо прочего, избежать угнетающей его необходимости пороть солдат. В том же году необходимость «выбиться из той колеи», в которую попал, и «испробовать свои силы на более разнообразном пути» привела в Академию С.П. Зыкова[316]. Вместе с ними держал экзамен и Драгомиров. Венюков, Зыков и Драгомиров вошли в число 34 зачисленных 25 августа 1854 года[317].

О годах обучения Драгомирова в Военной Академии известно очень немногое. Судя по всему, он проявлял те же качества, что и в Дворянском полку: усердие в учебе, трудолюбие, серьезное отношение к делу, лидерские

---

311 *Меньков П.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 16.

312 *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 119-122.

313 Там же. С. 125-134.

314 Там же. С. 370.

315 *Struś*, pulk. (Stella-Sawicki, J.). Op. cit. S. 12-13. Скорее всего, ошибочно Савицкий датирует свое поступление в академию 1850 годом.

316 *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 114-129; *Зыков С.П.* Наброски из моей жизни // РС. - 1910. - № 3. - С. 639.

317 РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7106. ЛЛ. 841-853, 854-861.

качества. Венюков, весьма недоброжелательный к Драгомирову, добавляет к этому участие в интригах[318]. Так или иначе, едва ли интриги стали причиной тому, что Драгомиров блестяще окончил обучение, став первым по успехам в своем курсе.

Финалом курса должна была стать так называемая «тема», то есть военно-историческое сочинение. Начальство назначало каждому слушателю предмет, «согласуясь по возможности с желанием офицеров». Из этого предмета каждый будущий выпускник Академии выбирал себе тему, которая утверждалась начальством, причем последнее слово было за начальником Главного штаба[319]. Драгомиров выбрал тему «О высадках в древние и новейшие времена». Это самое раннее военно-теоретическое произведение Драгомирова.

Выбор темы трудно не признать удачным. Она была актуальной в связи с Крымской войной, разыгравшейся как раз в годы обучения Драгомирова в Академии. Ф.И. Горемыкин писал, что «десанты, в нынешнее время, принадлежат к действиям самым затруднительным и сложным, а производство их большими армиями, в особенности когда плавание должно совершаться на значительные расстояние, можно считать невозможным»[320]. Однако паровой флот позволил англичанам и французам опровергнуть это мнение.

В своем сочинении, посвященном памяти Н.Н. Пущина, директора Дворянского полка, Драгомиров проследил десантные операции, начиная от высадки древних греков у Трои и заканчивая высадкой союзных войск в Крыму. Недавняя война наложила значительный отпечаток на эту работу, пропитанную патриотическим пафосом с несколькими уколами в адрес Англии[321]. Эта небеспристрастная работа стоит особняком в корпусе сочинений Драгомирова как ученический труд, в котором почти не звучат характерные для Драгомирова идеи.

---

318 *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 169.

319 РГВИА. Ф. 544. Оп.1. Д.412. ЛЛ.1-3.

320 *Горемыкин Ф.* Руководство к изучению тактики. Ч. 3. СПб., 1849. С. 210.

321 *Драгомиров М.И.* О высадках в древние и новейшие времена // Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. Т.2. СПб., 1881. С. 85.

Тема была защищена успешно и опубликована в том же 1856 году в «Военном журнале»[322]. Совет Академии постановил: «На основании §22 Высочайше утвержденного положения об аттестации Офицеров Николаевской Академии Генерального Штаба ходатайствовать о награждении золотою медалью поручика Л[ейб]-Г[вардии] Семеновского полка Драгомирова и следующими чинами 13-ти Офицеров первого разряда...»[323]. Эта уникальная награда вручалась прежде только однажды в истории Академии[324].

Окончив Военную Академию в 1856 году, Драгомиров вошел в корпорацию офицеров Генерального Штаба, с которой он будет связан в дальнейшем. Положение семьи будущего генерал-адъютанта и одного из ведущих военных мыслителей России отнюдь не позволяло рассчитывать на то, что Михаил Иванович достигнет таких карьерных высот. Карьера Драгомирова была обеспечена блестящими способностями юноши, которые он демонстрировал еще в Дворянском полку и которые позволили ему с блеском окончить Военную Академию. Сама же Академия стала своеобразным «трамплином» для его карьеры. На наш взгляд, карьерный путь Драгомирова демонстрирует серьезные сдвиги в системе формирования военной элиты, начало которым было положено в поздние годы царствования Николая I. Успех в военной карьере, начиная примерно с 1850-х годов, определялся уже не только знатностью или близостью к престолу, но и профессионализмом.

Б. Линкольн в работе о «просвещенной бюрократии» отмечал, что многие будущие творцы реформ Александра II происходили из среды небогатого дворянства, прошли через государственные учебные заведения и пополнили собой ряды чиновничества в надежде быть приобщенными к решению крупных государственных задач[325]. Подобная тенденция

---

322 *Драгомиров М.* О высадках в древние и новейшие времена // Военный журнал. - 1856. - №6. - С. 1-85.

323 РГВИА. Ф. 544. Оп.1. Д. 422. ЛЛ. 62-63.

324 В 1852 году золотую медаль получил поручик М.Р. Шидловский: *Глиноецкий Н.П.* Указ. соч. Приложения. С. 72-73, 85.

325 *Lincoln B.W.* In the Vanguard of Refom: Russia´s Enlightened Bureaucrats, 1825-1861. (DeKalb, Northern Illinois Univ. Press, 1982). p. 41-42.

существовала не только в гражданских ведомствах, но и в военном, и Драгомиров представлял именно эту тенденцию. Кроме того, через систему военно-учебных заведений, венчаемую Военной Академией, прошли многие сверстники Драгомирова. Из них Г.А. Леер и Н.Н. Обручев достигли исключительного положения в военном мире. Земляк Драгомирова М.А. Домонтович, а также С.П. Зыков, Н.Г. Залесов, М.И. Венюков и многие другие дослужились до генеральских чинов. Все эти перечисленные лица, как и Михаил Иванович, не принадлежали по рождению к кругам влиятельного, знатного и богатого дворянства, но примерно к 1877 году они будут составлять наряду с более аристократическими ровесниками, вроде И.В. Гурко или М.Д. Скобелева[326], военную элиту Российской империи.

1.2. Формирование взглядов М.И. Драгомирова

Формирование взглядов Драгомирова происходило, главным образом, в 1850-е годы, то есть в период, который можно назвать переходным как для русской государственности, так и для армии. Как писал Б. Меннинг: «Поражение в Крымской войне не оставило камня на камне от величественного военного сооружения, возведенного царем Николаем I (1825-1855), и вызвало к жизни серию далеко идущих открытых и закрытых дискуссий о причинах краха и мерах, необходимых для того, чтобы избежать его повторения»[327].

Воспоминания, приведенные выше, довольно ясно указывают, что у будущих офицеров Генерального Штаба неприятие николаевской армии зародилось уже при первом столкновении с рутинной службой в младших чинах и необходимостью участвовать в порке солдат, что и приводило их к решению бежать из строя в Академию. Вполне возможно, что на эти

---

[326] Следует оговориться, что Скобелев (1843-1882), во-первых, был несколько младше, во-вторых, его дед по рождению был дворянином-однодворцем, который за счет службы сумел добиться исключительного положения в военном мире и породниться со многими видными фамилиями Петербурга. Отец Скобелева и сам генерал уже воспитывались как аристократы. Уникальность Скобелева, на наш взгляд, объясняется отчасти сочетанием знатного положения, выдающихся способностей и памятью о своем весьма низком происхождении. Тем не менее, в дальнейшем мы будем говорить о нем как о представителе «поколения 1877 года». Подробнее см.: *Кнорринг Н.Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев // Белый генерал. М., 1992. С. 15-30.

[327] *Меннинг Б.У.* Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861-1914. М., 2015. С. 15,

воспоминания наложило отпечаток знание о Крымской войне, которая воспринималась как итог той системы, которая вызвала у них отторжение. Как бы то ни было, армия Николая I была для образованных военных поколения Драгомирова отправной точкой, от которой они отталкивались в поисках чего-то иного.

Реконструировать восприятие Драгомировым этой армии довольно непросто, потому что, как уже говорилось, он довольно редко и сжато описывал свои впечатления о ней. Но тем не менее, некоторые вещи лежат на поверхности.

М. Говард писал, что в первые посленаполеоновские десятилетия в Европе ценились те военные мыслители, которые подчеркивали схожесть между военным искусством Наполеона и предшествующих эпох, особенно фридриховской. Прежде всего, имелся в виду А. Жомини, выводивший успехи прусского короля, великого корсиканца или какого-либо другого полководца из следования им «неизменным принципам» военного искусства[328]. На практике это означало совмещение фридриховских принципов («линейной тактики», как это называл Драгомиров, основанной на муштре и пальбе) и наполеоновских («перпендикулярной тактики», основанной на штыковом ударе)[329]. Как писал много позже Леер, «в *формы* [выделено в оригинале, – С.Ю.] Наполеоновской тактики вложена была душа Фридриховской тактики»[330].

Впрочем, даже эта комбинированная система не выдержала проверки Крымской войной, потому что подготовка войск была направлена не на боевые требования, а на парады. «Душа фридриховской тактики» и требования парадов приводили к тому, что в войсках убивалось активное начало, подавлялась инициатива, порыв. «Механические» принципы, на которых строилась тактика русской армии, приводили к исполнению даже элементарных обязанностей формально и бессознательно. Например,

---

328 *Howard, M.* War in European History (Oxford Univ. Press, Oxford, London, Glasgow, 1979). p. 96.

329 Влияние распространения нарезного оружия на воспитание и тактику войск // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 57-58.

330 *Леер Г.* Коренные вопросы. Военные этюды. СПб., 1897. С. 31.

Драгомиров вспоминал, что когда стал офицером и начал ходить в караулы, никто не объяснил ему обязанности караульного офицера, за исключением тех, которые относились к церемониальной части[331]. Леера особенно возмущало то, что Академии предписывалось строевые уставы класть в основу преподавания тактики. Тем самым, причина ставилась впереди следствия: уставы диктовали тактику, а не наоборот[332]. В итоге, ситуация понималась следующим образом: русской армии необходимы иные тактические основы и иные основы обучения.

Драгомиров никогда не претендовал на оригинальность своих идей: «Для меня это слишком много, ибо система обучения, изложенная мною, составляет логический вывод из начал, взятых у маршала [Морица] Саксонского, у Суворова, у Фридриха Великого, у Наполеона, у Бюжо, и проверенных боевыми явлениями»[333]. Драгомиров не указал в этом списке Жомини и не считал его авторитетом[334]. Скорее всего, именно этого швейцарца-франкофона касаются его слова о том, что «будучи по преимуществу людьми дела, французы зачастую пишут большой вздор, как только пускаются в теорию»[335]. Драгомиров всегда отдавал предпочтение тем военным писателям, которые проявили себя на поле боя, а не только за письменным столом. В ходе одной из полемик в 1860-е годы он категорически заявлял по поводу еще одного модного в середине XIX века военного писателя Ф.В. Рюстова: «Ссылка на Рюстова ничего не доказывает, ибо он не боевой авторитет»[336]. Наконец, следует иметь в виду, что Драгомиров плохо владел немецким языком[337]. Таким образом, обращение к Суворову и французской военной традиции было логичным.

---

331 Четвертая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет. 1895-1905 гг. СПб. 1909. Кн.2. С. 121.

332 *Леер Г.* Коренные вопросы… С. 31-38.

333 Дополнения и пояснения к статье // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 356.

334 Драгомиров ссылался на Жомини только в нескольких ранних работах: О высадках в древние и в новейшие времена // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 2. С. 72; Причины неудач австрийских войск в кампанию 1859 года // Драгомиров М.И. Одиннадцать лет. 1895-1905 гг. Кн.1. СПб., 1909. С. 371.

335 Несколько заметок по поводу статьи: штыковой бой и «отзывов» на статью Г.В. // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 138.

336 Дополнения и пояснения к статье // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 379.

337 *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война. 1866 год. М., 2011. С. 316; Переписка М.И. Драгомирова с А. Дрыгальским // РС. - 1908. - №3. - С. 634; *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005. С. 138.

В литературе сложилась традиция представлять Драгомирова как ученика и последователя Суворова[338]. Действительно, Суворов виделся сторонникам реформ в русской армии антитезой той боевой системе, которую они жаждали изменить[339], и редкая статья Михаила Ивановича обходилась без упоминания великого русского полководца. У Суворова Михаил Иванович заимствовал прием обучения, известный как «сквозные атаки», а также использовал его имя для придания веса своим суждениям. Однако его взгляды имели более широкую основу, которая не сводится к «Науке побеждать». Суворов был для Драгомирова скорее знаменем, нежели готовым к применению учением. Достаточно часто рядом с Суворовым Драгомиров ставил имя маршала Франции Морица Саксонского[340]. Его произведение «Мои мечтания» было одним из самых читаемых военных трактатов XVIII века и, как и многие из них, базировалось на идее о том, что военное дело распадается на две составляющие: базовую часть, поддающуюся теоретизации, и высшую часть, которая является областью действия гения[341]. «У войны есть определенные правила и установленные методы практики, – писал Мориц Саксонский, – Но они таковы, что относятся только к деталям, или низшим отраслям, и не переносятся на высшие»[342]. Под «деталями» подразумевались призыв войск, их обмундирование и обучение. Однако именно эти «низшие» отрасли военного искусства составляют ту рутину или силу привычки, которые движут войсками в бою, и «не зная как делать что должно», войска, «естественным образом делают что умеют»[343], фраза, которую Драгомиров любил повторять[344]. Таким образом, именно обучение, а не вооружение или тактические формы, дают ту разницу, которая определяет победителя на войне. Обучение позволяет компенсировать то, что Мориц

---

338 Драгомиров, Михаил Иванович // Военная энциклопедия под ред. В.Ф. Новицкого. Т. IX. СПб., 1912. С. 203; Драгомиров, Михаил Иванович // Большая Советская Энциклопедия. 2 изд. Т.15. М., 1952. С. 161.

339 См. напр.: *Астафьев А.И.* О современном военном искусстве. Ч.1. СПб., 1856. С.2-3, 33-34.

340 См. напр.: Армейские заметки // *Драгомиров М.И.* 14 лет. 1881-1894. СПб., 1895. С. 177.

341 *Gat, A.* A History of Military Thought: From the Enlightment to the Cold War. (Oxford Univ. Press, 2001). p. 31, 34-35, 38, 72.

342 *Maurice de Saxe*. Reveries, or Memoirs concerning the Art of War. Edinburgh, 1759. p. I.

343 Ibid. p. 224.

344 Армейские заметки ч. V // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.2. С. 191.

Саксонский называл «непостоянством человеческого сердца»[345], а Драгомиров – инстинктом самосохранения.

Опыт Суворова, а затем и наполеоновские войны подтвердили приоритет подготовки войск. Историк П. Гриффит отмечал: «Во времена Наполеона армия, в отличие от флота, считала своим главным тактическим компонентом муштру, дисциплину и сплоченность, а не какой-либо аспект технологий»[346]. Эти компоненты сводились в понятие «моральные факторы» и им, а не материальным, придавалось первенствующее значение, что нашло выражение в известной максиме Наполеона: «Три четверти войны касаются моральных факторов; баланс материальных факторов составляет только одну четверть»[347].

Пока Николай I и другие монархи Европы старались совместить в своих армиях новое, пришедшее с французскими революционными и наполеоновскими войсками, и старое, ассоциирующееся с монархическими принципами, во французской военной литературе поддерживалась наполеоновская традиция. Ветераны войн начала XIX века раскладывали бой на две составляющие, моральную и физическую, отводя бóльшую роль именно моральному элементу. Невозможность основывать успех боя на стратегических соображениях или тактических формах была тесно связана с пониманием роли в бою случайностей[348]. Например, Ж. Ронья писал: «Самые обоснованные расчеты не могут дать полководцу ни вероятность, ни тем более уверенность в успехе. Как эти расчеты, основанные как на переменных, так и на неизвестных данных, таких как природа местности и храбрость войск, могут привести его к определенным результатам?»[349]. Отмечалось, что войска, особенно недостаточно обученные, склонны компенсировать недостаток моральной стойкости пальбой[350], бесцельность которой отмечал

345 *Maurice de Saxe*. Op. cit. p. XI.

346 *Griffith P.* Infantry Armament and the Perception of Tactical Need, 1789-1918 // War in the Age of Technology (NY University Press, NY and London, 2001). p. 23.

347 *Colson*, B. ed. by. Napoleon on War. (Oxford Univ. Press, 2015). p. 124; Драгомиров постоянно цитировал эту фразу. См. напр.: Замечания на руководство к военной игре г. N // *Драгомиров М.И*. Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 129.

348 *Griffith P.* Military thought in the French army, 1815-51. (Manchester Univ. Press, Manchester and NY, 1989). pp. 57-59, 72.

349 *Rogniat*, bar. Considérations sur l'art de la guerre. Paris, 1817. p. 400.

350 *Griffith P.* Military thought in the French army… pp. 114-121.

еще Мориц Саксонский: «Если бы последняя война [за Австрийское наследство 1740-1748 гг., – С.Ю.] продлилась несколько дольше, ближний бой определенно стал бы обычным методом сражений из-за того, что недействительность стрелкового оружия, которое производит больше шума, чем поражения, начала бы открываться. Оно всегда должно принести поражение тем, кто полагается на него слишком много»[351]. О том же свидетельствовал известный афоризм А.В. Суворова «пуля дура, штык молодец». Стрельба вела к ослаблению наступательного импульса. Обогащенные опытом сражений начала XIX века, ветераны Наполеоновских войн подхватывали эти мысли: «Если мы хотим, как древние, получить решительные результаты, надо по их примеру сходиться с нашим противником и биться с ним грудь с грудью»[352]. О том же писал маршал Т.-Р. Бюжо: «Таким образом, не следует приказывать наступающей массе открывать огонь, но наступать как можно скорее, сохраняя порядок; вот цель, вот лучшее средство для достижения победы»[353].

Под влиянием вышеизложенной традиции сформировались основы военных взглядов Драгомирова. Вслед за военными мыслителями эпохи Просвещения Драгомиров проводил параллель между теорией военного искусства и теорией других искусств (музыки, архитектуры и т. п.): теоретизации в этих областях доступны только основные начала, а остальное – область свободного творчества, в котором невозможно установить четких принципов[354]. Отсюда его отрицание военной науки. Из традиции же вытекало его внимание к вопросам обучения и предпочтение штыка огню[355] и приоритет моральных факторов. Последнее было окончательно закреплено

---

351 *Maurice de Saxe.* Op. cit. p. 27.

352 *Rogniat,* bar. Op. cit. p. 402.

353 *Bugeaud T.-R.* Aperçus sur quelques details de la guerre avec des planches explicatives. Paris, 1861. p. 176.

354 *Драгомиров М.И.* Разбор романа «Война и мир» Киев, 1895. С. 46.

355 Влияние этих начал на идеи Драгомирова хорошо иллюстрирует поразительное сходство его статей с работой полковника Ш. Ардан дю Пика «Исследование боя». Французский полковник, погибший во Франко-прусской войне 1870-1871 года, утверждал значение моральных факторов, первенство ближнего боя над дальним и значение качества войск, вплоть до того, что, как и Драгомиров, искал способы сдерживать в солдатах инстинкт самосохранения с помощью чувства долга и дисциплины: *Дю Пик.* Исследование боя в древнейшие и новейшие времена. СПб., 1911. С. 54-62. При этом «Исследование боя» писалось между 1866 и 1870 годами, а издано было отдельной книгой только в 1880 году, то есть влияние дю Пика на Драгомирова исключено, а схожесть является следствием следования одной традиции.

лекциями тактики А.П. Карцова в Военной Академии. Драгомиров вспоминал о лекциях этого преподавателя, часто касавшихся значения нравственного элемента: «Ни прежде, ни после мне не приводилось слышать на эту тему ничего, даже близкого по убедительности и силе»[356].

Гораздо труднее установить влияние на Михаила Ивановича другого важнейшего военного мыслителя XIX века К. фон Клаузевица. В середине XIX века Клаузевиц еще не был в числе самых читаемых военных писателей, и не существовало переводов его труда «О войне» на русский язык. Однако Драгомиров достаточно хорошо знал учение прусского военного мыслителя, чтобы увидеть влияние его идей в прусской армии в 1866 году[357]. Немецким языком Драгомиров, как уже говорилось, владел плохо, следовательно, он мог либо использовать французские переводы и комментарии к Клаузевицу[358], либо познакомиться с основными положениями через посредство Н.В. Медема[359]. Высоко ценимый Драгомировым преподаватель Военной Академии считал главной заслугой Клаузевица попытку отказаться от установки безусловных правил в стратегии и вместо этого сосредоточиться на влиянии на боевые действия свойств войск, оружия, местности и случайностей. Этот принцип был применен Драгомировым в его «Учебнике тактики», в предисловии к которому автор писал: «Бар[он] Медем первый провел у нас ту мысль, что теория военного искусства должна иметь целью исследование свойств военных элементов, а не постановку правил для применения их»[360]. Как и Клаузевиц, Драгомиров считал, что война – это искусство, и не может быть полностью поставлено на научную основу, генерал не обязательно должен быть гением, порой достаточно обладать простым здравым смыслом и твердой волей, моральный фактор первенствует

---

356 *Драгомиров М.* Учебник тактики. СПб., 1881. С. XVII. В советской историографии было принято придавать большое значение А.И. Астафьеву и Ф.И. Горемыкину, однако нам не известно ни одного упоминания их имени Драгомировым, а равно и другими военными писателями его поколения. По поводу влияния Астафьева на Драгомирова см.: *Бескровный Л.Г.* М.И. Драгомиров // *Драгомиров М.И.* Избранные труды. М., 1956. С. 6. О значении Горемыкина см.: См.: *Мещеряков Г.П.* Русская военная мысль в XIX в. М., 1973. С.103, 129 и др.

357 *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война… С. 53.

358 О первых переводах и комментариях к Клаузевицу во Франции см.: *Durieux, B.* Clausewitz et la réflexion sur la guerre en France, 1807-2007 Positions de thèse // Stratégique 2009/5-6 (N 97-98). pp. 217-240.

359 *Медем Н.*, бар. Обозрение известнейших правил и систем стратегии. СПб., 1856. С. 49-62.

360 *Драгомиров М.* Учебник тактики. СПб., 1881. С. XVII.

на войне, атмосфера которой характеризуется хаосом, случайностями, неизвестностью, трением. Прямо или косвенно Клаузевиц оказал важное влияние на те принципы, на которых строились взгляды Драгомирова, а в 1880-е годы, когда произойдет возрождение интереса к прусскому военному мыслителю, Михаил Иванович выступит в роли одного из популяризаторов его наследия.

Взгляды Драгомирова и Клаузевица роднятся в еще одном очень важном аспекте. Прусский мыслитель отрицал «вечные и неизменные» принципы на войне, наоборот, подчеркивая, под влиянием нарождающегося историзма (Ф.К. фон Савиньи, Ф. Шлейермахер) что каждой эпохе соответствует свой способ ведения войны[361]. Клаузевиц писал, что Наполеоновские войны являются разрывом со старыми образцами, причем «из новейших явлений в области военного искусства лишь самую незначительную часть можно приписать новым открытиям или новым идейным направлениям, большинство их вызвано новыми общественными условиями и отношениями»[362]. Идея о связи общества (или нации) с той вооруженной силой, которая его (или ее) представляет, будет одной из фундаментальных у Михаила Ивановича. Он полагал, что залог успеха на войне не в вооружении или совершенстве уставных форм, а в «энергии человека»: «Римские легионы последней эпохи и дикари; армии первых коалиций в революционные войны и французские ополчения; наконец, неаполитанские войска и Гарибальдийцы, показывают это с неопровержимой очевидностью»[363].

Насколько связь между военным делом и обществом для Драгомирова была очевидной, настолько и неразрывна связь между его военной мыслью и общественными воззрениями. Д.А. Оболенский, близкий друг Н.А. Милютина, вспоминал, что в кружках его сверстников (немного старше Драгомирова) внимательно следили за спором западников и славянофилов, отдавая предпочтение первым, а также с увлечением обсуждали П.-Ж.

---

[361] О влиянии историзма на Клаузевица см.: *Paret, P. Clausewitz and the State. (Princeton Univ. Press, Princeton and Oxford, 2007).* pp. 81-82; *Gat, A.* Op. cit. pp. 188-190.

[362] *Клаузевиц К., фон.* О войне. Кн. 6. М., 2009. С. 482.

[363] Влияние распространения нарезного оружия на воспитание и тактику войск // *Драгомиров М.И*. Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 26.

Прудона, Ш. Фурье, и Л. Блана[364]. Венюков вспоминал: «Записки доктора Крупова[365], переписка Белинского с Гоголем, исторические статьи Грановского, я уверен, сохранились в памяти многих моих сверстников, т. е. русских людей, которых молодость совпала с самой серединой XIX столетия»[366]. Разделял ли Драгомиров эти увлечения – непростой вопрос. Венюков, хорошо знавший Михаила в Академии, характеризовал его так: «[…] гегелист, герценист, атеист и политический либерал... в беседах с товарищами, но не с начальством; раздает сослуживцам по секрету рукописные статьи Герцена, книгу Радищева и т. п.»[367]. При этом, он представлял своего товарища постепенно отходящим от радикальных взглядов по мере движения вверх по карьерной лестнице. Это свидетельство отчасти подтверждается тем, что Драгомиров в поздние годы ссылался на Герцена[368], а также на Прудона, причем о последнем писал: «Ум сильный и резкий, но односторонний, отрицательный и ожесточенный»[369]. В одной из его работ есть явная отсылка на знаменитое письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю[370].

Хорошо известно, что офицеры Генерального Штаба 1850-х и начала 1860-х годов общались с представителями либеральных и революционно-демократических кругов. Н.Д. Новицкий вспоминал, что он с двумя товарищами из Дворянского полка, выпущенными в 1851 году, познакомились с Н.Г. Чернышевским на квартире своего преподавателя И.И. Введенского[371]. Друг Драгомирова Я. Стелла-Савицкий хорошо знал не только Чернышевского, но и К.Д. Кавелина и Н.А. Некрасова. «В том обществе, в том кругу светлых, начитанных, амбициозных и либеральных людей, –

---

364 *Оболенский Д.А.* Мои воспоминания о Великой Княгине Елене Павловне // РС. - 1909. - №3. - С. 505-506.

365 Речь о повести А.И. Герцена «Доктор Крупов» (1847).

366 *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 126.

367 *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 63.

368 Дуэли // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.1. С. 221.

369 Наполеон и Веллингтон // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.1. С. 46-47.

370 Ср.: «От этого и происходит, что большинство живописцев — плохие философы, и наоборот: почти все философы – плохие живописцы...» (*Драгомиров М.И.* Разбор романа «Война и мир»… С. 57) и «Я думаю, это от того, что Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге» (*Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 10. М., 1956. С. 213). Далее в своем тексте Драгомиров сравнивает графа Л.Н. Толстого с Гоголем.

371 Воспоминания Н.Д. Новицкого о Чернышевском и Добролюбове… С. 85–120

вспоминал Савицкий, – я жил целых пяти лет, и я должен признать, что я очень многому ему обязан, потому что в нем я развился, в нем я почувствовал свои достоинство и ценность, потому что эти чувства были долго полностью стесненными военной дисциплиной»[372]. Другой офицер Генерального Штаба вспоминал, что зайдя на квартиру к одному из штаб-офицеров Академии, он увидел два портрета и на вопрос «Кто это?» услышал: «Да разве вы не знаете? Это Герцен и Огарев»[373]. С.П. Зыков вспоминал, что он, Н.Н. Обручев, С. Сераковский, В.М. Аничков и некоторые другие офицеры Генерального Штаба общались с Чернышевским и Добролюбовым, в разговорах поднимались темы на злобу дня, но все это было далеко от революционных заговоров[374].

А.С. Лукомский упоминал, что Драгомиров в молодости общался «с целым рядом выдающихся сверстников и современников не только среди военных, но и среди людей самых различных профессий и кругов»[375]. Нет прямых свидетельств, что этими современниками был Чернышевский или кто-либо из названного круга, но, с учетом того, что известно об увлечениях и взглядах Драгомирова, а также об упомянутых связях, трудно предположить, что Михаил Иванович был вне этого общения.

Анализируя связи петербургского офицерства 1850-1860-х годов с революционными кругами, Р.А. Таубин, а вслед за ним и В.А. Дьяков, причисляют Драгомирова к членам оппозиционного кружка профессоров военных академий, в который входили Н.Н. Обручев, А.Ф. Погосский, В.М. Аничков и А.И. Беренс[376]. Однако причастность собственно Драгомирова к каким-либо оппозиционным кружкам покоится на самых шатких основаниях: Драгомиров был среди приглашенных на открытие 10 января 1862 года шахматного клуба, который служил площадкой для политических

---

372 *Struś*, pulk. (Stella-Sawicki, J.). Op. cit. S. 12.

373 *Залесов Н.Г.* Записки Н.Г. Залесова // РС. - 1903. - №7. - С. 32.

374 *Зыков С.П.* Наброски из моей жизни // РС. - 1910. – № 4. – С. 145-147.

375 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 97.

376 *Таубин Р.А.* К вопросу о роли Н.Г. Чернышевского в создании «Революционной партии» в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. // Исторические записки. Вып. 39. М., 1952. С. 59-97; *Дьяков В.А.* Петербургские офицерские организации конца 50-х-начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей // Ученые записки Института славяноведения. Т. XXVIII. М., 1964. С. 286.

обсуждений. Учредителями клуба были Чернышевский и П.Л. Лавров, тогда артиллерийский полковник, а среди приглашенных было несколько десятков издателей и литераторов, в том числе и военных, среди них Драгомиров[377]. Однако, во-первых, неизвестно, действительно ли он посещал эти собрания. Во-вторых, среди приглашенных были люди с весьма «благонамеренной» репутацией, которые отшатнулись от клуба, когда в апреле 1862 года 15 его членов подали адрес о введении в России конституции[378]. Таубин, опираясь на доносы агентов III отделения, упоминает о том, что в шахматном клубе велись разговоры об отмене цензуры, публичных лекциях, уравнении налогов и податей, то есть члены не выходили за рамки либеральной повестки[379].

С другой стороны, факт приглашения Драгомирова в шахматный клуб примечателен и свидетельствует о том, что к концу 1861 года он имел репутацию прогрессивно мыслящего военного писателя. О влиянии на него Герцена можно говорить уверено, а контакты с Чернышевским, Лавровым, Добролюбовым, Некрасовым и Кавелиным выглядят весьма вероятными. Вполне очевидно, что Драгомиров поддерживал «освобождение слова», «освобождение крестьян» и «освобождение податного состояния – от побоев», пользуясь определениями газеты «Колокол»[380]. Вся дальнейшая деятельность и репутация генерала это подтверждают. Молодой офицер Генерального Штаба, как и многие его коллеги и сверстники, верил в прогресс, в то, что реформы высвободят ту самую «энергию человека»,

---

377 Список приглашенных как он приведен у Таубина: Семевский, Бестужев-Рюмин, Соколов (проф.), Бекетов (проф.), Кобеко Д.М., Пекарский, Бенедиктов, Белозерский, Тиблен Н., Тиблен Л., Ламанский В., Костомаров, Галахов, Некрасов, Макаров Н., Анненков, Жемчужников М., Громека, Жуковский Ю., Дружинин, Попов В., Курочкин В., Курочкин Н., Калачов, Чернышевский, Березин, Афанасьев-Чужбинский, Дудышкин, Филиппов Н., Серно-Соловьевич Н., Серно-Соловьевич А., Стоюнин, Стасов, Д., Стасов А., Стасов В.Л., Благовещенский, Краевский, Альбертини, Кожанчиков, Маин (И.П.?), Зарин, Майков А., Майков В., Благосветлов, Писарев Д., Гр. Кушелев-Безбородко, Достоевский Ф., Достоевский М., Гиероглифов, Вернадский, Нечипоренко, Елисеев, Стопановский, Пеньков (скорее всего, П.К. Меньков, – С.Ю.), Усов, Палаузов, Безобразов, Кавелин, Панаев, Михайлов М., Добролюбов, Пыпин, Антонович, Тернер (?), Лавров, Павлов (пр.?), Утин, Стасюлевич, Горлов, Андреев (Евг.), Баталин, Беренс, Витковский, Обручев Н., Ветичков (?), Воронов М.А., Языков, Драгомиров, Калиновский Б., Спасович, Карнович, Кремпин, Оболенский, Лазаревский, Кулишь (так, – С.Ю.), Ламанский (Евг.), Максимов, Макшеев, Милюков, Михайлов (В.Н.?), Обручев В., Пузыревский, Рехневский, Редькин, Романовский (или Ромашковский) Сев., Салтыков М., Страхов Н., Тургенев, Гончаров, Марко-Вовчек, Ханкин, Шишкин (?), Щепкин Д., Энгельгардт (хим.), Ильенков, Огрызко. (*Таубин Р.А.* Указ. соч. С. 87).

378 *Таубин Р.А.* Указ. соч. С. 90-92.

379 Там же.

380 Колокол. Лист 1. 1 июля 1857 // Колокол с приложениями (1857-1865). Женева, 1865. С. 1.

необходимую для наполнения армии «моральными силами» после поражения в Крымской войне.

В 1858 году генерал Я.И. Ростовцов выбрал Драгомирова для отправки в обучающую командировку во Францию. Очевидно, его готовили на замену А.П. Карцову, который в 1856 году оставил кафедру тактики. Драгомирову необходимо было изучить военные институты империи Наполеона III, которые в то время служили образцом для многих военных в России и в других странах. Особенное внимание он намеревался уделить постановке обучения и воспитания солдат во французской армии[381].

Драгомиров прибыл в Париж 31 января 1858 года, однако из-за проволочек он смог преступить к осмотру военных учреждений только весной этого года[382]. Русский офицер посетил Школу Генерального Штаба, Стрелковую школу в Венсене, Гимнастическую школу и казармы некоторых французских частей. В Школе Генерального штаба ему бросилось в глаза пренебрежение теорией. Он писал начальнику Николаевской Академии Генерального Штаба генералу Г.Ф. Стефану: «Здесь теория играет почти второстепенную роль [эту фразу Г.Ф. Стефан подчеркнул – С.Ю.]. Курс теории Военного искусства – не более как подробная программа, диктуемая во время лекций. На практические упражнения, как в классах, так и в поле обращено большее внимание»[383].

Наблюдая за обучением французских солдат, Драгомиров отмечает, что во Франции «фронтовые учения собственно не занимают много времени»[384]. Идеи о необходимости избавления от строевой односторонности получали подтверждение. В рапорте Стефану о посещении Венсенской школы Драгомиров высказывает свои мысли об обучении солдата: «Общие условия, которым подчиняется образование солдата (т. е. развитие находчивости и присутствия духа, умение извлекать возможную пользу из своего оружия и подготовка к перенесению трудностей военного быта в разумных

---

381 *Глиноецкий Н.П.* Указ. соч. С. 154.

382 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 469. ЛЛ. 5-7.

383 Там же. Л. 40об.

384 Там же. Л. 43.

положениях), хотя и давно известные, почти не получали [...] совершенно рационального применения: обыкновенно считалось, что увлекаясь одной стороной дела (чаще всего той, которая больше всего бросается в глаза, хотя и не составляет сущности), доводили ее до крайности, оставляя сначала без внимания, а впоследствии и совершенно отвергая все прочие стороны. Причина этой односторонности, сколько можно судить, именно заключается в том, что образование солдата часто подчиняемо было произволу и личной рутине частного начальника, а не строго определенной методе, выведенной из опыта. Раз эта метода и не существует, как нечто обязательное, установленное законом, начальник может подчиняться, как и всякий человек, односторонности, и, от степени к степени, ограничит свое требование весьма немногим, но применит их с самым узким педантизмом и нетерпимостью»[385].

Драгомиров намеревался разработать методику обучения солдат на основе научных знаний, как того требовал «дух времени» середины XIX века, ставивший науку во главе угла и стремившийся применить ее ко всем сферам жизни людей. В последствии Драгомиров уделял много внимания популярным в эту эпоху наукам: медицине, педагогике, зарождающейся психологии. В 1881 году он писал: «Когда речь идет о деле, в котором главное орудие – человек, вы не можете не заниматься его психологическими свойствами»[386].

«Письма из Франции», опубликованные в «Военном сборнике» в 1858 году, стали его первым опытом в теоретизировании на тему обучения солдат. Драгомиров писал об обучении стрельбе, весьма актуальной в то время теме. Уже в этой статье видны его основные идеи относительно воспитания и образования солдат. Драгомиров считал, что во время боя солдат подвержен «влиянию противоположных побуждений, внушаемых чувствами самосохранения и долга». Солдат надо воспитывать таким образом, чтобы развить в них чувство долга и подавить чувство самосохранения. Необходимо учить только тому, что нужно будет на войне[387]. Идея о том, что побуждения

[385] Там же. Л. 45об-46.
[386] Армейские заметки ч. I // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 39.
[387] Письма из Франции // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей... Т.1. С. 5.

человека сводятся к инстинкту самосохранения восходят к французским сенсуалистам XVIII века. К.А. Гельвеций писал: «Человек есть машина, которая, будучи приведена в движение физической чувствительностью, должна делать все то, что она выполняет»[388]. Драгомиров полагал, что эти воззрения легли в основу системы муштры Фридриха Великого, и только «тяжелая необходимость, в образе Наполеоновских погромов, заставила заговорить о патриотизме, о человеческом достоинстве солдата и о прочем таком, что в списках дрильмейстеров не значилось; но как только с Наполеоном покончили, сейчас же принялись, и притом с ожесточением, свойственным всем реакциям, выбивать этот “скверный вредный дух”»[389]. Много позже Драгомиров вспоминал в разговоре с П. Магоном, что, наблюдая французскую армию, он понял, что в военном обучении надо двигаться «от механизма к организму»[390].

Во французской армии Драгомиров нашел выражение тех идей, которые, видимо, вызревали у него в голове в конце 1850-х годов. В письме Стефану он перечисляет характерные черты французской армии, которые наблюдал в Шалонском лагере. Они заключаются «в развитии самоуверенности и самостоятельности во всех чинах, от солдата до генерала, и происходящей от этого свободе от страха ответственности, который так часто связывает руки в минуту когда нужно действовать». Такая система от части результат «исторических преданий», но в большей степени «народного характера», подчеркивал Драгомиров. Французам не хватает настойчивости, чтобы быть педантичными и внимательными к мелочам службы[391].

В 1859 году Франция и Австрия вступили в войну из-за вопроса об объединении Италии. Война, казалось, подарила Драгомирову шанс увидеть французскую армию в условиях боевых действий. Его направили в Италию в качестве военного агента при сардинской армии, союзнице французов, но Драгомиров не успел застать основных сражений. Война началась в апреле

---

388 О человеке, его умственных способностях и воспитании // *Гельвеций К.А.* Сочинения. Т. 2. М., 1974. С. 103.

389 Муштровка составляет начало воспитания – поэтому муштровка! // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 208.

390 *Ар Роэ*. Мой русский полк (Art-Roë. Mon régiment russe). М., 1900. С.94-95.

391 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 469. Л. 161.

1859 года, а он прибыл в Италию уже после того, как прошли решающие бои при Мадженте и Сольферино.

Несмотря на это, Михаил Иванович тщательно изучил кампанию 1859 года. Главное, на что он обращал внимание – это решительность действий французов по сравнению с пассивностью австрийцев. В этом он увидел ключ успеха французской армии. Инициативность и готовность на самостоятельные решения французских генералов произвели на молодого Драгомирова большое впечатление, тогда как австрийцы знали, что для них, по его выражению, «быть побитым в исполнение приказания гораздо выгоднее, нежели побить в противность всяких приказаний»[392]. Особенно ярко это проявилось в сражении при Сольферино 24 июня 1859 года, которое оказалось неожиданным для обеих сторон. «В подобных сражениях, – писал Драгомиров, – одна данная царит над всеми прочими соображениями – данная времени: т. е., чем быстрее решимость принята, тем больше шансов, что она увенчается успехом, даже если она и не самая выгодная»[393].

Война 1859 года послужила лишним подтверждением наблюдений молодого офицера Генерального Штаба. Как он сам писал об этой войне, характерно прибегая к математическим аналогиям: «Хорошо соображенный план, знание войсками техники дела, значат конечно очень много, но значат не более как нули, когда левее их стоит единица: они увеличивают *количественное, но не качественное* [выделено у Драгомирова – С.Ю.] значение ее; сами же по себе ничего не значат. Эта единица в военном деле, как во всем и всегда – человек. Там, где он энергичен, где он не находится под нравственным гнетом известного склада отношений, или умственным – известных теорий, – дело пойдет хорошо; если техника есть – пойдет при том и легко; если ее нет или недостаточно – пойдет труднее, с бóльшими потерями, но все же пойдет. Там, где человек привык всего бояться, где его энергия притуплена, нравственная самостоятельность преследуется как нечто вредное, – там он, по необходимости, будет бояться и неприятеля: не

[392] *Д[рагомиров] М.* Сольферинская битва. СПб., 1861. С. 20-21.

[393] Там же. С. 12.

настолько, может быть, чтобы бегать от него при первой стычке, но настолько, чтобы носить вечно с собою язву нравственного убеждения в невозможность его победить. При этом состоянии никакое совершенство техники не поможет, ибо она учит устранять только препятствия на пути к известной цели, но не учит задаваться ею решительно и безвозвратно»[394].

Приведенная цитата хорошо иллюстрирует догадку исследовательницы Г. Перссон о том, что Драгомиров в некоторых своих замечаниях о франко-австрийской войне скрыто критиковал черты николаевской военной системы, конечно еще не отошедшей в прошлое[395]. Тяжело не заподозрить его в этом, читая иронические замечания об австрийском солдате, «который так прекрасно равняется в шеренгах и рядах, который так единовременно принимает команду на мирных упражнениях, который не опоздает 1/10 секунды, поднимая или опуская ногу, делая прием или отнимая руку, который наконец доведен до того математического совершенства, которое дает возможность из маневра в сомкнутом ряду сделать балет...»[396].

Крымская война показала значение огня и стрелковой подготовки. Однако затем маятник качнулся в другую сторону, и важным уроком кампании в Италии для многих военных авторитетов была идея о том, что штык не потерял своего значения[397]. Драгомиров тоже сделал такой вывод, приводя в подтверждение рапорт маршала А. Ниеля: «Когда бой превращался в ружейную перестрелку, противник, превосходный числом, оттеснял мои силы; тогда сомкнутые части бросались в атаку, и штык возвращал нам больше, чем сколько мы теряли от огня»[398]. При этом нельзя сказать, что Драгомиров совершенно упустил из виду технических новшеств. 1859 год стал первой серьезной проверкой стратегической ценности железных дорог: французы перебросили 120 000 солдат на театр войны за 11 дней[399]. «Без

---

394 Campagne de l'empereur Napoleon III en Italie, 1859, redigée au dépôt de la guerre d'après les documents officiels. 1862 // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей... Т. 1. С. 220-221.

395 *Persson, G*. Learning from Foreign Wars: Russian Military Thinking, 1859-73. (Helion and Company, 2010). p. 74.

396 По поводу статьи: «Краткий обзор Итальянской кампании 1859 г. в инженерном отношении // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей... Т. 1. С. 13.

397 *Griffith P.* Infantry Armament and the Perception of Tactical Need… p. 27.

398 *Д[рагомиров] М*. Сольферинская битва... С. 38.

399 *Howard, M.* War in European History… p. 97.

телеграфов и железных дорог, сбор отпускных, даже при такой собранной территории какова французская, потребовал бы более месяца», – отмечал Михаил Иванович в одной из статей[400].

Таким образом, франко-австрийская война 1859 года подводила итог процессу становления Драгомирова как военного мыслителя, послужив ему подтверждением тех идей, которые он черпал из военной литературы. Система тактики и военного обучения русской армии времен Николая I была в его глазах дискредитирована поражением в Крымской войне. В дальнейшем Драгомиров будет стремиться очистить ее от того, что считал рудиментами эпохи Фридриха Великого (муштра, жестокое обращение с солдатами, подавление инициативы), и основать новую систему на основе своего прочтения наследия Морица Саксонского, Суворова, Наполеона и его французских соратников. Эти идеи поддерживались общественно-политическими взглядами молодого Драгомирова, подпитывая одно другим. Переход в армии «от механизма к организму» возможен только при серьезном преобразовании общества, в основе которого будет освобождение от крепостного права и телесных наказаний.

1.3. Выводы

К началу 1860-х годов взгляды Драгомирова на военное дело приняли законченный вид, и в дальнейшем они не претерпят принципиальных изменений. В его жизни начнется новый этап, связанный с практической деятельностью. Молодого профессора Академии Генерального Штаба к тому моменту отличал ряд особенностей.

Во-первых, глядя на карьеру Драгомирова ретроспективно, нельзя не отметить ту значительную дистанцию, которую он прошел от сына небогатого и незнатного конотопского помещика до одной из главных фигур в русской армии к концу XIX века. Положение его семьи явно не предполагало такой блестящей карьеры. Генерал сумел достигнуть этого благодаря несомненным талантам и упорству, которые он проявил еще во время

[400] Разбор истории кампании 1859 года // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 173.

обучения в Дворянском полку и Военной Академии. Он и еще несколько выдающихся ровесников из небогатых дворянских семей, прежде всего Леер и Обручев, сумели воспользоваться новыми возможностями, открывшимися в середине XIX века, и выдвинулись из ряда своих сверстников, заняв примерно к русско-турецкой войне 1877-1878 годов такое положение, которое позволяло им прямо влиять на военную политику Российской империи. Взлет Драгомирова не был единичным явлением, и это показывает наметившуюся тенденцию повышения роли заслуг в процессе формирования военной элиты страны.

Те идеи, с которыми Драгомиров выступит в печати на рубеже 1850-1860-х годов, тоже были новы, хотя и базировались на старых и известных основаниях. Прежде всего, еще раз подчеркнем, что сводить Драгомирова просто к ученику Суворова было бы упрощением: его идеи базировались не только на наследии великого русского полководца, но и на французской военной традиции (прежде всего, Мориц Саксонский, Наполеон и Бюжо). Значительное влияние имело увлечение Драгомировым психологией, медициной и педагогикой.

Наиболее фундаментальным сдвигом в военной мысли, связанным с Драгомировым, был отход от идеи «вечных и неизменных принципов» на войне. В военном деле только человек с его природными свойствами является неизменной данной, а развитие общества и «национальный характер» накладывают свой отпечаток на способы ведения войны. Крымская и франко-австрийская войны показали, что принципы, на которых строились армии России и Австрии, корнями уходящие в XVIII век, более не работают. Притуплять инстинкт самосохранения в солдате муштрой и «палкой капрала» значит убивать в нем моральную энергию и инициативу, тогда как чувство долга и патриотизм являются более эффективными инструментами, способными развить в войсках нравственную энергию. Необходима такая система воспитания и образования солдата, которая была бы четко сбалансирована, развивала те инстинкты, которые способствуют порыву, необходимому для штыкового удара. Вслед за своими учителями в военном

деле Драгомиров верил, что именно удар в штыки в конечном счете решает исход сражения.

Однако развитие инициативы и более гуманное отношение к солдату для Драгомирова были невозможны без серьезных преобразований в обществе, так как армия являлась для него проекцией общественных отношений. Под влиянием Герцена (а возможно и других радикальных общественных деятелей) Драгомиров, как и многие его образованные сверстники, желал реформ, которые последуют в следующее десятилетие.

Глава 2. М.И. Драгомиров и военные реформы 1860-1870-х годов

Драгомиров вернулся из своей европейской командировки к осени 1859 года для того, чтобы занять в Николаевской Академии Генерального Штаба кафедру тактики[401]. Еще сразу после выпуска в 1856 году его намечали на эту должность[402]. В сентябре 1859 года он получил орден Св. Анны 3-й степени, а 25 января 1860 года был утвержден адъюнкт-профессором[403] тактики в академии при профессоре полковнике П.И. Мезенцове. Другим адъюнктом был назначен штабс-капитан Г.А. Леер. 3 апреля 1860 года Драгомиров был произведен в капитаны Генерального Штаба[404]. В новом качестве он окунулся в дискуссии относительно путей дальнейшего развития русской армии. Следует подчеркнуть, что эти дискуссии шли в ситуации большой неопределенности.

Во-первых, существовавшая при Николае I военная система попала под серьезный удар в связи с проигранной Крымской войной. Под вопрос были поставлены как принципы военной администрации, так и тактика и методы обучения в войсках. Драгомиров, заставший на заре своей военной карьеры излет николаевской эпохи, мог лично убедиться в несостоятельности многих оснований, на которых строилась подготовка русской армии. Предстояло произвести серьезный разбор и отделить то, что стоит оставить, и то, от чего следует отказаться. Однако в этом деле, по словам самого Драгомирова, царил «такой сумбур, который вообразить себе трудно»[405]. «Правда, в переходное время иначе это и быть не может, – добавлял он, – Головою мы

---

401 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 503. Л. 4об.

402 В 1869 году в письме графу Ф.Л. Гейдену генерал А.Н. Леонтьев писал: «Назначенный Начальником Штаба Киевского Военного Округа Генерал[-]Майор Драгомиров был удостоен при выпуске из Академии в 1856 году золотой медали за успехи в занятиях и тогда же командирован от ведомства Военно-Учебных Заведений за границу для собрания сведений по Тактике, причем имелось в виду подготовить его для преподавания этого предмета в Академии»: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 678. Л. 2.

403 Адъюнкт-профессор — младшее профессорское звание соответствующее VI классу в Табели о рангах (профессор — V класс). Адъюнкты получали половинное профессорское жалование (750 руб вместо 1500 руб в 1869 году). См. подробней: Приложение V // *Глиноецкий Н.П.* Указ. соч. С. 372-376.

404 РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7106. Л. 841об.

405 По поводу рецензии на солдатскую справочную книгу, помещенной в Военном сборнике // *Драгомиров М.И*. Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 156.

поняли, что ошибались прежде; но сердце свыклось с этим прежним и неодолимо продолжает тянуть к нему»[406].

Во-вторых, судьба русской армии напрямую была связана с теми преобразованиями, которые начались в России с отменой крепостного права в 1861 году. Реформы Александра II наметили тенденцию к изменению межсословных отношений и принципов взаимодействия власти и общества. Эти изменения не могли не коснуться армии, поскольку рекрутская повинность была тесно связана с крепостным правом, принципы обучения в кадетских корпусах выстраивались в связи с общими принципами образования в учебных заведениях Российской империи, уставные отношения в армии отражали общее положение в законодательстве и социальных отношениях и т. п. Ситуация осложнялась тем, что армия не была свободна от того брожения, которое чувствовалось в русском обществе накануне и сразу после отмены крепостного права.

В-третьих, со времен Крымской войны начался новый виток развития военных технологий. Армии европейских держав в течение 1860-1870-х годов переходили на все более совершенные нарезные винтовки, заряжающиеся с казенной, а не дульной части, и позволяющие стрелять быстрее, более точно и на бóльшие расстояния. Аналогично прогрессировали артиллерийские орудия, и вставал вопрос о переходе на стальную артиллерию. Возможно, еще более глубокие изменения в военном деле вытекали из применения железных дорог и телеграфа. Росло значение генеральных штабов. В Европе и других частях света почти без перерыва шли войны. Очевидно, что все эти обстоятельства должны были потребовать корректировок существующих принципов тактики и обучения войск, но каких именно — этот вопрос оставался открытым[407].

Таким образом, перед всей армией вставал целый ряд взаимосвязанных вопросов относительно путей развития как в организационном отношении, так и в отношении тактических и образовательных принципов. Находить

---

[406] Несколько заметок по поводу статьи: штыковой бой и «отзывов» на статью Г.В // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 132.

[407] *Glover, M*. Warfare From Waterloo to Mons (London, 1980). pp. 49-51, 124-126.

решения предстояло в ситуации неопределенности в отношении к прошлому русской армии, настоящего ее положения в контексте общей социально-политической ситуации и, наконец, неясности относительно будущего развития военного дела в связи с прогрессом военных технологий.

Несмотря на неясность общей обстановки, у Александра II нашелся человек, готовый предложить целостную программу реформ в военной сфере. Им стал Д.А. Милютин, который возглавил военного министерство с мая 1861 года. Его план предполагал преобразования в нескольких направлениях: упрощение системы военной администрации; количественное увеличение состава русской армии, а также ее резервов; улучшение качества кадров, как офицерских, так и солдатских (в том числе, путем пересмотра программ обучения и тех, и других); наконец, перевооружение армии и приведение ее тактической доктрины в соответствие с требованиями новой обстановки, сложившейся после Крымской войны[408].

Программа Милютина не могла быть просто «спущена сверху». В необходимости ее реализации нужно было убеждать всех, начиная от Александра II, заканчивая ротными командирами. В этих условиях военная периодика служила новому военному министру важным инструментом для продвижения своих реформ[409]. Помимо «Русского инвалида» (издавался с 1813 года), «Артиллерийского журнала» (возобновлен в 1839 году) и «Морского сборника» (1848), который некоторое время служил рупором «партии реформ», появились новые журналы: «Инженерный журнал» (1857), «Военный сборник» (1858) и «Оружейный журнал» (1861). Драгомиров был одним из тех, кто воспользовался этим всплеском интереса к военной периодике для того, чтобы его голос был услышан.

2.1. Новая система боевой подготовки войск

---

[408] См. подробнее: Всеподданнейший доклад по военному министерству 15-го января 1862 года // Столетие военного министерства. 1802-1902. Приложения к историческому очерку развития военного управления в России. СПб., 1902; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 41-61; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 14-27.

[409] *Brooks, W. E.* The Russian Military Press in the Reform Era // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. ed. By David Schimmelpenninck van der Oye and Bruce W. Menning (Cambridge Univ. Press and Woodrow Wilson Center, 2004). pp. 115-117.

Первым ключевым выступлением Драгомирова в печати была статья «Влияние распространения нарезного оружия на воспитание и тактику войск», появившаяся в «Оружейном сборнике» в 1861 году. Эта статья была посвящена одному из главных на тот момент вопросов тактики, спровоцированных наблюдениями за Крымской и Австро-французской войной 1859 года. Основной идеей статьи была мысль о том, что введение нарезного оружия привело к преобладанию рассыпного строя над сомкнутым, а это, в свою очередь, требует совершенно иных принципов подготовки войск и взаимоотношений между начальством и подчиненными. Не вдаваясь в пересказ статьи, следует указать на несколько ключевых идей, которые закладывал в нее Драгомиров. Отправной точкой для него служил принцип Морица Саксонского: готовить солдат к тому, что действительно нужно на войне. Следовательно, необходимо отказаться от того, что автор статьи считал привычками мирного времени, в частности, от сложных уставных форм и эволюций и заблаговременных смотров, нарушающих естественный ход обучения. В целом, система обучения должна быть рационально соображена и сбалансирована таким образом, писалось в статье, чтобы требования рассыпного строя (точная стрельба, применение к местности, умственное развитие солдат) были уравновешены развитием нравственных качеств войск. Основным средством для этого, по мысли автора, должны послужить «сквозные атаки»[410], практиковавшиеся Суворовым. Такая система обучения должна подготовить солдат одинаково способных действовать в рассыпном и сомкнутом строю, наносить противнику вред метким огнем и довершать его поражение штыковой атакой. Важнейшим условием развития морально-нравственных качеств войск Драгомиров считал установления отношений между начальниками и подчиненными на всех уровнях в рамки строгой законности. Наконец, тактика русской армии должна стать более гибкой, а значит, нужно придать больше самостоятельности младшим

[410] «Сквозные атаки» Суворова заключались в прохождении частей через строй друг друга, изображая действительную атаку. См.: Указания А.В. Суворова австрийским войскам об обучении двусторонним сквозным атакам // А.В. Суворов. Документы. Т. IV. М., 1953. С. 16-17.

начальникам, отказаться от «нормальных боевых порядков»[411] и перейти от громоздких батальонных колонн к ротным[412]. По сути, речь шла о совмещении традиции военной мысли делавшей упор на моральный фактор с современными требованиями боя.

Статья Драгомирова в большой степени отражала общие тенденции развития взглядов на тактику на рубеже 1850-1860-х годов. Как уже говорилось, сразу после Крымской войны появилось мнение, что огневой бой будет отныне преобладающим, но успех французов в 1859 году показал многим, что это мнение было поспешным[413]. Военные охотно приходили к последнему заключению, потому что оно согласовалось с имеющейся традицией военной мысли, ставившей во главу угла штык и моральный фактор. Как писал анонимный автор в «Военном сборнике», «казалось, навсегда простились с поговоркою великого Суворова: “пуля дура, штык молодец”, и сделали ее анахронизмом», однако «в 1859 году открылась итальянская кампания — и все спешат уже предсказания свои взять назад», потому что «случилось совершенно наоборот: верх одержал тот, целью и девизом которого было: вперед — удар в штыки»[414]. Новый опыт диктовал не смещение акцента в сторону огневой или штыковой тактики, а поиск разумного баланса между ними, что и предлагал в своей статье Драгомиров. Примечательно, что одновременно с его статьей (и скорее всего, в координации с ней) была опубликована статья Г.А. Леера с похожим названием — «Влияние нарезного оружия на современное состояние тактики». Коллега Драгомирова по Академии приходил буквально к тем же самым выводам: о необходимости поиска баланса между огневой и ударной тактикой, о приближении методов обучения к боевым условиям, о развитии самостоятельности начальников и т. п.[415]

---

411 По уставу 1831 г. в русской армии существовало пять «нормальных порядков», строго определяющих положение первой и второй боевой линии, резерва, дистанций и интервалов между ними. См.: Главный штаб. Исторический очерк. Образование (обучение) войск. Уставы и наставления // Столетие военного министерства. 1802-1902. Ч. 1. Кн. II. Отдел III. СПб., 1914. С. 6-7.

412 Влияние распространения нарезного оружия на воспитание и тактику войск // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 23-61.

413 *Griffith, P.* Infantry Armament and the Perception of Tactical Need… p. 27.

414 *Ч-ов П.* По поводу статьи: «О духе обучения войск» // ВС. - 1862. - №8. - С. 365-366.

415 *Леер Г.* Влияние нарезного оружия на современное состояние тактики. // ВС. - 1861. - №3. - С. 27-42; №4. - С. 297-316; №5. - С. 33-60; №7. - С.55-78; №8. - С. 321-340.

Драгомиров был одним из тех, кто увязывал изменения в тактике с более глубокими преобразованиями в системе подготовки войск. Этот взгляд соответствовал программе нового военного министра Д.А. Милютина. К 1861 году в русской армии были введены гимнастика и фехтование, приняты меры для развития грамотности и упрощения уставов. Александр II, в целом, одобрил отмену «нормальных» порядков, сковывавших тактическую инициативу начальников[416]. В докладе военного министра, подготовленном 15 января 1862 года, указывалось: «С предоставлением распорядительности частных начальников возможно большей инициативы и с производством самых учений в условиях, наиболее отвечающих боевым требованиям, строевое совершенствование нашей армии должно упрочиться и вместо рутины, существовавшей до войны, в начальниках укоренится убеждение, что уставы составляют лишь основу для обучения войск, а никак не полное обучение, которое именно и заключается в сообразном с обстоятельствами применении уставных правил»[417]. Иными словами, взгляды Драгомирова вполне укладывались в то русло, по которому Милютин намеревался направить развитие русской армии.

Однако это не означает, что статьи молодого профессора встретили всеобщее одобрение. Драгомиров вынужден был оговариваться, что он проходит некоторые вопросы молчанием, потому что их «бесстрастный разбор еще не всегда принимается у нас чуждым каких-либо задних мыслей»[418]. Когда в 1881 году статья «Влияние распространения нарезного оружия...» была напечатана повторно для сборника статей Драгомирова, в одном из мест появилось такое примечание: «Краткость выражения, т. е. умолчание о том, что само собою разумеется, была причиною, что это и подобные выражения казались невнимательным читателям отрицанием значения устава, чего вовсе нет. Заниматься следует и строем, и интервалами,

---

[416] Всеподданнейший доклад по военному министерству 15-го января 1862 года // Столетие военного министерства. 1802-1902. Приложения к историческому очерку развития военного управления в России. СПб., 1902. С. 92.

[417] Там же. С. 93.

[418] Влияние распространения нарезного оружия на воспитание и тактику войск // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 44.

и дистанциями: *но только не одним этим* заниматься следует, а и всем остальным»[419]. Эти замечания показывают, что уже в 1861 году, Михаил Иванович столкнулся с критикой в свой адрес. Причем, если близкий к Милютину «Военный сборник» критиковал его статью исключительно за «сухо-догматический тон» и чересчур ученые выражения[420], то другие, как видно из примечания, утверждали, что Драгомиров подрывает доверие к существующим уставам, а возможно, шли в своих обвинениях гораздо дальше. Неслучайно в своем биографическом очерке о Драгомирове М.Д. Бонч-Бруевич указывал: «Ясное дело, что такого рода проповедь казалась многим его современникам вредною для армии деятельностью; этот взгляд со стороны некоторых старших начальников армии, в свою очередь, причинял Драгомирову немало жестоких огорчений»[421].

Существовала определенная связь между прикладными военными вопросами и вопросами более высокого (политического, социального и идеологического) порядка. В русской дореформенной армии власть начальника над солдатами была как бы проекцией власти помещика над его крестьянами. Те новые принципы, которые Драгомиров предлагал установить, исходя из изменений в военном деле, а именно: отказ от дисциплины, основанной на страхе наказания, введение начал строгой законности в отношения начальников с подчиненными, развитие сознательности и чувства долга в солдатах – все это, согласуясь с реформами Александра II (отменой крепостного права, введением новых судебных уставов), в то же время противоречило тем понятиям о дисциплине, которые вытекали из крепостного права и были привычны генералам старшего поколения. Поэтому советские историки были по своему правы, когда, используя марксистскую фразеологию, говорили о Драгомирове как о «стороннике буржуазной по своей сути военной идеологии»[422]. В непростой внутриполитической обстановке начала 1860-х годов дистанция между

---

[419] По поводу статьи: «Краткий обзор Итальянской кампании 1859 г. в инженерном отношении» // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 17.

[420] Обозрение русских военных журналов // ВС. - 1861. - №10. - С. 492.

[421] *Бонч-Бруевич М.Д.* Михаил Иванович Драгомиров… С. 85.

[422] *Бескровный Л.Г.* М.И. Драгомиров // *Драгомиров М.И.* Избранные труды. М., 1956. С. 4.

обвинениями в подрыве дисциплины и подозрениями в революционных намерениях была невелика. Старшие начальники с беспокойством видели, как их власть в части начинает таять по мере введения новых военных реформ. С 1862 года началась разработка основных положений военно-судебной реформы, которая грозила вывести полковые суды из-под власти командиров полков и лишить их судебной власти над подчиненными. В следующем 1863 году в войсках были упразднены телесные наказания (кроме штрафованных нижних чинов). Одновременно начала распространяться новая система организации полкового хозяйства, которая предполагала более строгую отчетность и лишала командиров права пользоваться остатками от казенных сумм[423]. Комментируя эти начинания военного министерства, Д.А. Милютин признавался: «Меня упрекали в либеральном направлении и даже пробовали заподозрить меня в глазах Государя в затаенных революционных замыслах»[424]. Статьи Драгомирова воспринимались противниками реформ как новое посягательство на власть командиров частей, подрыв дисциплины, и для многих это означало наличие самых опасных тайных намерений.

Атмосфера, в которой рождались подобные подозрения, становилась еще более взвинченной в связи с восстанием в Польше, начавшимся в январе 1863 года. Для многих критически мыслящих русских военных мятеж стал своеобразным рубежом, когда им предстояло сделать четкий выбор: поддержать правительство, вплоть до участия в подавлении восстания, или решиться на открытый демарш[425]. Близкий друг Драгомирова подполковник Генерального Штаба Я. Савицкий, поляк по национальности, решил примкнуть к восставшим соотечественникам. В своих воспоминаниях он описывает прощание со своим товарищем:

> - Кто знает, встретимся ли еще когда-нибудь. Долг зовет меня в Польшу, где вероятно меня ожидает смерть. Будь здоров, Михаил, спасибо тебе за дружбу твою, я желаю тебе счастья, здоровья и успехов.
>
> - Вероятно и я поеду в Польшу. Я профессор тактики, а не был ни в одном

423 *Зайончковский П.А.* Военные реформы… С. 108-109, 124-125.
424 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863-1864. М., 2003. С. 378.
425 *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830-1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017. С. 80-81.

сражении, я не испытал своих способностей. В войне в Польше я смогу изучить, по крайней мере, действия войск в малых делах и партизанскую войну.

- Подожди, Михаил. Быть может, вскоре будет какая-нибудь большая война, там ты испытаешь свои способности. Потому что ни один честный человек теперь не должен ехать в Польшу, теперь, когда народ столько лет угнетенный и несчастный добивается свободы и человеческих прав.

- Меня это не касается! Я поеду. Если мы встретимся, прости мне, если я тебе пулю в лоб всажу.

- Знаешь что, Михаил, – ответил я, – мы были приятелями с детских лет и лучшего приятеля ты не имел, если, следовательно, мы встретимся, то говори кому-нибудь другому, чтобы стрелял в меня, и не доставляй мне перед смертью досады, что я погиб от руки ближайшего человека, потому что если я тебя встречу, то стрелять не буду[426].

Хотя патетический стиль этих строк вызывает сомнение в подлинности конкретных фраз, представляется, что Савицкий верно передал суть позиции Драгомирова. Бывший «гегелист, герценист, атеист и политический либерал» не только готов был участвовать в подавлении мятежа, но и желал этого, рассчитывая приобрести боевой опыт и тем повысить свой авторитет военного писателя и педагога. Уже ретроспективно Драгомиров писал: «Пусть припомнят, как ловко, при помощи французских газет, было подготовлено общественное мнение Западной Европы против нас в эпоху польского восстания...»[427]. Местоимение «нас», употребленное в этой фразе, показывает, что Михаил Иванович не отделял себя от России и правительства Александра II, а польское и западноевропейское воспринималось им настороженно: как нечто, что легко может обернуться враждебным. Это позволяет сказать, что к 1863 году Драгомиров отбросил всякие заигрывания с революционными идеями и считал себя совершенно на стороне правительства. Неслучайно Венюков, знавший о радикализме молодого Драгомирова, упрекал его потом в отходе от идеалов юности ради карьеры[428].

---

426 *Struś*, pulk. (Stella-Sawicki, J.) Op. cit. ss. 58-59.

427 *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война… С. 52.

428 *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 63.

Однако, как показали дальнейшие события, шлейф неблагонадежности еще долго тянулся за Михаилом Ивановичем.

Так или иначе, Драгомирова не привлекли к участию в боевых действиях, и он остался в Петербурге. При этом нападки на профессора Академии Генерального Штаба продолжались. М.Д. Бонч-Бруевич цитирует письмо к Драгомирову его отца от 29 мая 1863 года: «Не удивляйся клевете, она всегда как змея шипит, и не только до Киева, но и на край света достигает; пренебреги и будь спокоен. Это коварное и гнусное зло падает больше всего на людей даровитых и трудолюбивых. Завистники не любят трудиться, а стараются только срывать цветочки, удовлетворяя свою пустоту легкомысленным и непохвальным злословием. Христианство, как обязанность, внушает терпение. Будем же великодушны! Люби врагов чистым сердцем; читай молитву за ненавидящих нас и обидевших; – да простит им Господь. Не ведают бо, что творят»[429]. Главные «сражения» за новую систему подготовки войск предстояли впереди.

В 1861 году великий князь Николай Николаевич Старший был назначен командующим Отдельным Гвардейским корпусом. Великий князь сменил на этой должности генерал-адъютанта Н.Ф. Плаутина и заместил его в звании председателя Комиссии для улучшений по военной части, вскоре переименованной в Специальный комитет по устройству и образованию войск. На пост начальника его штаба был назначен генерал-адъютант граф А.И. Бреверн-де-Лагарди, по замечанию Д.А. Милютина, «отличавшийся строгостью и крутым нравом»[430].

Эти перемены были далеко не случайны. Милютин писал, что «устранение графа [Э.Т.] Баранова[431], также как и генерала Плаутина, было последствием неудовольствия Государя на излишнюю их мягкость, которой приписывались распущенность и упадок дисциплины в среде офицеров

---

429 *Бонч-Бруевич М.Д.* Михаил Иванович Драгомиров… С. 80-101.

430 *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М. 1999. С. 374.

431 Граф Э.Т. Баранов в 1856-1861 гг. занимал пост начальника штаба Гвардейского корпуса при командующем Н.Ф. Плаутине.

гвардии»[432]. Перемены в руководстве быстро дали о себе знать столичным войскам. «Говорили, – вспоминал Е.К. Андреевский, служивший в гвардейской артиллерии, – что великий князь находил постановку дела управления войсками недостаточно совершенною; добавляли, будто бы государь, передавая ему войска, сказал: “Поручаю тебе поднять в них дисциплину, войска требуют подтяжки, я в них замечаю какую-то непонятную для меня расшатанность”»[433]. Дошло до того, продолжал мемуарист, что «старослуживые говорили, что пошла опять линия, которую уже довелось забыть с 1849 года – со времен кончины блаженной памяти великого князя Михаила Павловича[434], когда нахождение в столице или пребывание его среди войск всегда было заметно по наводившимся им строгостям»[435].

К этому времени Драгомиров впервые был привлечен к работам над составлением новых уставов. Совместно с полковником В.В. фон Нотбеком и подполковником Г.А. Леером он подготовил устав для ополчений. Окончательный проект был готов 30 июня 1863 года[436]. Этот устав имел несколько характерных особенностей. Во-первых, в нем подробно прописывались права и обязанности всякого чина и степень их власти при наложении наказаний[437]. Иными словами, проводилась важная для Драгомирова мысль о том, что взаимоотношения между начальниками и подчиненными должны быть поставлены в строгие рамки законности. Во-вторых, строевое обучение было не только отнесено в самый последний раздел, но и существенно сокращено, вплоть до отмены обучения ружейным приемам[438]. То есть, и принцип учить только тому, что действительно нужно на войне, также нашел свое отражение. «Число эволюций по возможности ограничено, – говорилось в пояснительной записке к уставу, – и порядок перехода от одного строя к другому предоставлен частным начальникам, без

---

[432] Там же.
[433] *Андреевский Е.К.* Из записок за 47 лет // Исторический вестник. - 1916. - №4. - С. 98.
[434] В.кн. Михаил Павлович командовал Гвардейским корпусом в 1831-1849 гг.
[435] Там же.
[436] РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1150. Л. 1.
[437] Там же. ЛЛ. 4об-5.
[438] Там же. ЛЛ. 5об-6.

всякого подчинения его точным правилам, как то сделано в уставах для войск регулярных»[439]. Наконец, отметим, что в процесс обучения вводились сквозные атаки[440].

Итак, устав для ополчений существенно отличался от устава регулярных войск и приближался к тем идеям, которые проводил Драгомиров в своих статьях. Можно было бы говорить о том, что в нем впервые нашли отражение основные драгомировские положения, если бы не вмешался Специальный комитет по устройству и образованию войск. Комитет Николая Николаевича Старшего был серьезно обеспокоен характером проекта нового устава, и была образована особая комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н.К. Баумгартена для его исправления. Комиссия формально одобрила проект, но исключила или изменила в нем все то, что составляло его особенности. Устав был приведен в полное соответствие с уставами регулярных войск, а те новые начала, которые стремились провести Драгомиров и его соредакторы были сведены на нет[441]. Это было поражением сторонников изменения принципов обучения в русской армии.

Неудача с уставом для ополчения была для Михаила Ивановича в это время не единственным разочарованием. Солдатская справочная книжка, в которой Драгомиров писал строевую часть, подверглась критике на страницах «Военного сборника». Ему пришлось составить на нее ответ[442]. Задерживалось печатание его лекций для офицеров учебного пехотного батальона. Лекции получили благожелательный отзыв полковника Н.Н. Обручева[443], но несмотря на это, подверглись тщательному изучению начальства. В итоге, все окончилось благополучно. Было получено одобрение Николая Николаевича Старшего и обер-квартирмейстера Гвардейского корпуса генерал-майора Х.Х. Роопа[444]. 30 апреля 1864 года, спустя три месяца

---

439 Там же. Л. 6об.
440 Там же. Л. 7.
441 Там же. ЛЛ. 11об-14об.
442 По поводу рецензии на солдатскую справочную книгу, помещенной в Военном сборнике // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 156-166.
443 РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1174. ЛЛ. 5-5об.
444 Там же. ЛЛ. 2-12об.

после возбуждения вопроса, Александр II повелел выдать необходимую сумму для печатания лекций.

Проволочка, скорее всего, вновь объяснялась несоответствием представлений Драгомирова о дисциплине с представлениями о ней высокого начальства. «Солдат должен быть веден так, чтобы чувство страха возникало в его душе по возможности реже, – говорилось в его курсе, – ибо кто приучен бессознательно бояться своего, тот уже тем самым на известный процент приучен бояться и неприятеля. Уже из этого видно, что нравственное воспитание солдата коренится в характере нравственных отношений его к старшим: чем менее они дают места безотчетному страху, тем лучше»[445]. Для установления такой атмосферы в войсках необходимо строгое соблюдение законности в отношениях между солдатами и офицерами. «Там, где солдат уверен, что если он сделал свое дело, его пальцем никто не имеет права тронуть, – чувство бессознательного страха развиться не может»[446], – резюмировалось в лекциях.

Впрочем, эти столкновения и противоречия мало влияли на ход службы Драгомирова. 19 апреля 1864 года он был произведен в полковники с назначением начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Еще до официального приказа, 21 февраля 1864 года, он вступил в исправление этой должности, совмещая ее с преподаванием[447]. Великий князь Николай Николаевич Старший постепенно убеждался, что упущения по службе происходят не от одной «распущенности» войск, но и от несовершенства существующих уставов. 13 февраля 1863 года командующий Гвардейским корпусом подал записку на имя военного министра, в которой утверждалось: «Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич Старший, во время командования бывшим отдельным Гвардейским Корпусом, изволил обратить внимание на то, что в числе наших военных законоположений не имеется не только особого самостоятельного

---

445 *Драгомиров М.* Лекции тактики, читанные в учебном пехотном батальоне профессором Николаевской Академии Генерального Штаба М. Драгомировым. Курс 1863/1864 года. СПб., 1864. С. 43.

446 Там же.

447 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 678. Л. 6об.

устава, определяющего обязанности и порядок внутреннего быта войск при различных условиях службы их в мирное время, но, для весьма многих случаев, не существует вовсе никаких положительных и единообразных правил и войска руководствуются в этом отношении, частью отдельными указаниями, рассеянными по различным уставам, положениям и инструкциям, частью разнообразными распоряжениями Начальствующих лиц, а во многих весьма существенных случаях, просто установившимся обычаем»[448]. Драгомиров несколько позже писал, что предлагал написать устав о внутренней службе войск, начиная с 1860 года[449].

Милютин постановил передать дело на рассмотрение Главного комитета по устройству и обучению войск[450]. Началась разработка нового устава о службе в гарнизоне и создание устава о внутренней службе войск, которого прежде не существовало в русской армии[451]. Последний устав и был призван определить «обязанности и порядок внутреннего быта войск» в мирное время.

Драгомиров стал привлекаться к составлению вышеупомянутых уставов. То, что известно о дальнейшей деятельности Михаила Ивановича, ясно указывает, что он придавал огромное значение своей новой работе. Много позже, читая лекции наследнику Николаю Александровичу (будущему Николаю II), Драгомиров назовет устав внутренней службы «органическим статутом воинским»[452], а об уставе гарнизонной службе напишет в 1897 году: «Не нужно забывать, что под каждой запятой устава о службе в гарнизоне, (разумеется обязанностей, а не обряда) или кровью, или судом пахнет...»[453]. В 1864-1865 годах его имя исчезает со страниц периодических изданий, что объясняется, скорее всего, его интенсивной работой над этими уставами.

---

448 РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 189. ЛЛ. 55-55об.

449 Дополнения и пояснения к статье // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 357.

450 РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 186. ЛЛ. 1-5.

451 Идея устава о внутренней службе впервые появилась в 1845 г., но разработка его не была доведена до конца: Главный штаб… // Столетие военного министерства… Ч. 1. Кн. II. Отдел III. С. 144.

452 *Драгомиров М.* Конспект лекций по тактике, читанных ныне благополучно Царствующему Государю Императору, в бытность Его Императорского Величества Наследником Цесаревичем. // ВС. - 1912. - №9. - С. 24.

453 Как понимать выражение «неприкосновенность» часового? // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 110.

Видимо, редактура была кропотливой, и в ноябре-декабре 1865 года канцелярия комитета по устройству и образованию войск вынуждена была торопить Драгомирова с ее окончанием[454].

Изменения в уставе о гарнизонной службе были направлены на упрощение церемониальной части смены караула, упразднение некоторых устаревших терминов и излишней регламентации, улучшение условий несения караула (ограничение срока несения караула одними сутками, кроме исключительных случаев, дозволение снимать шинели и амуницию в караульном доме и отдыхать лежа). Подробно разрабатывался вопрос о правах и обязанностях часового, и о том, что он не имеет право делать. Если в уставе 1860 года было лаконично и неопределенно написано, что часовой должен применить оружие «в случае крайности», то в новом уставе гораздо четче фиксировалось, что часовой «в случае нападения на него или открытого сопротивления, обязан отразить силу силою»[455]. Определенно заявлялось, что начальник караула или часовой, применяя оружие против злоумышленника, освобождается от всякой ответственности[456]. Старые параграфы устава об обязанностях караула и его начальников переносились из середины книги в начало и стояли теперь сразу после общих положений. Таким образом, Драгомиров придал наиболее существенным пунктам устава возможную ясность и определенность и поставил их на самое видное место, что символизировало сдвиг приоритетов от церемониальной стороны к сущностной.

В конце жизни Драгомиров вспоминал об одной формулировке из этого устава, которой он придавал особенное значение. Он предлагал внести в устав положение о том, что «часовой есть лицо священное и неприкосновенное». «Мотивировал я свое предложение тем, – рассказывал Михаил Иванович, – что люди, привыкшие к кулачной расправе, не стеснялись и с часовыми. Т[о] е[сть], значит, предлагая ввести это

---

454 РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 189. Л. 22.

455 Там же. Д. 186. ЛЛ. 73-78, 157-160об; Воинский устав о службе в гарнизоне. СПб., 1867. С. 2-6. Ср.: Воинский устав о службе в гарнизоне. СПб., 1860. С. 52.

456 Воинский устав о службе в гарнизоне… 1867. С. 4, 16.

выражение, я разумел неприкосновенность в самом прямейшем смысле слова, не мудрствуя лукаво. Соредакторы нашли тогда, что для часового «священное» слишком много, будет с него «неприкосновенное». Я покорился, тем более, что первое слово было употреблено мною только в смысле усиления понятия неприкосновенности. И отстаивая необходимость помещения этого выражения в уставе, я именно имел в виду одну цель – так намозолить им глаза г[осподам] мордобойцам, чтобы они хотя бы часового-то миновали в невоздержном стремлении удовлетворить своей похоти заезжать в чужой образ и подобие Божие»[457]. Эта фраза не вошла в гарнизонный устав 1867 года, и была включена только в устав 1884 года[458].

Те изменения, которые Драгомиров предполагал внести в устав о внутренней службе, во многом носили тот же характер: прежде всего, в проекте видно стремление точно определить права и обязанности каждого чина. При этом проект предполагал усилить значение унтер-офицеров и дать нижним чинам некоторые права, которых они были прежде лишены (езду в публичных каретах и вход в харчевни)[459].

Некоторые предложения выходили за пределы вопросов, регулируемых уставом о внутренней службе. Так, Драгомиров и другие члены комиссии предлагали отдельно обговорить в уставе, что начальник «не может прибегать ни к одному из тех взысканий, которые в дисциплинарном уставе не поименованы»[460]. Предлагалось дать начальнику право не только ужесточать взыскание, данное младшим начальником, но и смягчать его. Предложение сопровождалось таким обоснованием: «В представлении подобного права старшим начальникам относительно наказаний, назначаемых младшими, некоторые видят подрыв дисциплины; но это не верно […] Всякий солдат очень хорошо понимает, за дело ли он строго наказан или нет; и несоразмерно строгие взыскания подрывают столько же авторитет

457 Как понимать выражение «неприкосновенность» часового? // Драгомиров М.И. Одиннадцать лет... Кн. 1. С. 110-111.

458 Воинский устав о гарнизонной службе. СПб., 1884. С. 47. Положение о «неприкосновенности» часового вошло затем во все уставы СССР и РФ и сохранилось там до сих пор: Устав гарнизонной службы. Пг., 1919. С. 43; Устав гарнизонной службы Красной армии. М., 1945. С. 19; Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 2007. С. 66.

459 РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 189. ЛЛ. 28-33об.

460 Там же. Л. 34.

начальника как и полный произвол, ибо имеют характер личного каприза, а не добросовестного применения закона к делу»[461]. Много внимания было уделено вопросу принесения жалоб, причем комиссия предлагала изменить норму дисциплинарного устава, дающую возможность тайного сговора для принесения жалобы, однако высказывалось мнение, что «основательная жалоба не может быть уничтожена *никаким нарушением форм* [подчеркнуто в оригинале, – С.Ю.]»[462].

Как видно из этих замечаний, Драгомиров и его соредакторы желали провести в устав о внутренней службе такие положения, которые были направлены на ограничение произвола начальников и введение внутреннего быта войск в рамки строгой законности. 8 декабря 1866 года состоялись прения по этому уставу в Комитете по устройству и образованию войск. Как и прежде, комитет формально одобрил соображения, но внес такие коррективы, которые перечеркивали работу Драгомирова. Прежде всего, из проекта исключалось все, что касалось дисциплинарного устава, то есть самые существенные предложения редакторов, касающиеся дисциплины и наказаний. Нижним чинам не разрешалось посещать кабаки и харчевни, а ездить в публичных каретах позволялось, «но только на наружных местах»[463]. Наконец, комитет постановил ввести устав «в виде опыта, не как окончательный устав, а как временное “*руководство*”» [подчеркнуто в оригинале, – С.Ю.][464], но на практике не было сделано и этого, и войска продолжали пользоваться разрозненными инструкциями различных начальников[465].

Новый устав о гарнизонной службе был введен в 1867 году, а устав о службе внутренней был введен только в 1877 году[466]. В 1861-1866 годах Драгомиров принял непосредственное участие в составлении устава для ополчения, гарнизонного устава и устава внутренней службы и в этих

---

461 Там же. ЛЛ. 34-34об.
462 Там же. ЛЛ. 35об-36об.
463 Там же. ЛЛ. 49-50.
464 Там же. ЛЛ. 48об-49.
465 Главный штаб… // Столетие военного министерства… Ч. 1. Кн. II. Отдел III. С. 143-145.
466 Там же. С. 133, 145.

основополагающих документах систематически пытался проводить идею о том, что образование и быт войск должны быть основаны на гуманности и законности. Ему удалось лишь частично внедрить эти начала в уставы из-за сопротивления более консервативных военных, преимущественно представителей старшего, николаевского поколения, от которых в значительной степени продолжали зависеть как содержание уставов, так и их применение на практике. Причины сопротивления можно понять. Они лежат в традиции понимания безусловного подчинения как основы воинской дисциплины. Неслучайно, что именно вокруг темы реального или мнимого подрыва дисциплины чаще всего вращались дискуссии Драгомирова и его оппонентов. Борьба мнений вокруг уставов хорошо показывает ту ситуацию неопределенности, в которой приходилось проводить военные реформы в 1860-х годах. У Драгомирова и его оппонентов были разные мнения на счет того, что можно и нужно сохранить в существующей военной системе, чтобы русская армия не утратила управляемость и свою идентичность, основанную на положении о военных как «слугах ГОСУДАРЯ и Отечества и защитников их от врагов внешних и внутренних»[467]. Допустимо ли было вводить в отношения между армейским начальником и его подчиненными те начала законности и гражданственности, которые только начинали пробивать себе дорогу вне армейской среды? Этот вопрос оставался открытым и осложнялся тем брожением, которое чувствовалось в обществе в первой половине 1860-х годов. В конце концов именно армия была «последним доводом» самодержавия в случае, если бы ситуация вышла из-под контроля, как это и случилось в Польше в 1863-1864 годах. Драгомиров придерживался мнения, что только на основе законности и гуманности в отношениях к подчиненным можно построить армию, которая способна эффективно защищать Россию «от врагов внешних и внутренних». С учетом его пока еще не высокого положения и авторитета, а также шлейфа «неблагонадежности», неудивительно, что он добился лишь частичного успеха в отстаивании своих идей. Но 1866 год принес существенные перемены.

[467] Устав о внутренней службе в пехотных войсках. СПб., 1877. С. 9.

2.2. Вопросы тактики

1866 год во многом стал переломным в карьере Драгомирова. 4 апреля 1866 года на Александра II было совершено неудачное покушение, после чего резко усилилось влияние консерваторов в окружении императора, а продолжение реформ было поставлено под вопрос. Летом 1866 года разыгралась австро-прусская война, которая была воспринята многими как переворот в военном деле[468]. На фоне свежих впечатлений от успехов пруссаков в «Русском инвалиде» появляются статьи о возможности перехода ко всеобщей воинской повинности[469]. Наконец, 1866 год открывал перед Михаилом Ивановичем новые перспективы в карьере и в его борьбе вокруг преобразований в армии.

Еще до австро-прусской войны, когда Драгомиров продолжал свою работу над уставом о гарнизонной службе и уставе о внутренней службе войск, на повестку дня стали выходить вопросы тактики. Как уже отмечалось ранее, Драгомиров понимал быт войск, обучение и тактику как взаимосвязанные вещи. Те войска, в которых проведено начало законности и гуманности, будут обладать необходимым для боя нравственным порывом, будут учиться тому, что нужно на войне. В своей статье 1861 года «Влияние распространения нарезного оружия...» он предлагал отказаться от «нормальных» боевых порядков и перейти к более гибким тактическим принципам, дающим простор инициативе младших начальников и лучше отвечавших изменениям в военном деле, происходящим после Крымской войны.

Как и в других случаях, эти предложения наталкивались на неприятие со стороны части военных, прежде всего, принадлежавших к старому николаевскому поколению. Отмена нормальных порядков была принципиально одобрена Александром II еще в 1862 году, но буксовала и потребовала сбора мнений высшего генералитета. Из 14 высокопоставленных

---

[468] Характерный пример — труд Л.М. Байкова, составленный в 1866 г., но опубликованный частично несколько позже: *Байков Л.* Влияние сражения под Кениггрецом на тактику // ВС. - 1872. - №6. - С.303-353.

[469] *А-в.* Письмо из Австрии // Русский инвалид. - 1866. - №195. - С. 2; *Г.* Военное обозрение // Русский инвалид. - 1866. - №243. С. 3; *Б.З.* Заметки о прусской армии // Русский инвалид. - 1866. - №244. - С. 3.

генералов 10 не признали возможным полностью отказаться от них[470]. Представители более старшего поколения (генералы Д.Е. Остен-Сакен, Ф.Ф. Берг, С.П. Сумароков, Н.Ф. Плаутин, П.А. Данненберг — все они перешагнули 70-летний рубеж к середине 1860-х годов) были единодушны во мнении, что совсем обойтись без нормальных порядков невозможно. Только четыре генерала (К.К. Врангель, К.Р. Семякин, А.Е. Врангель и А.П. Хрущев) были за их отмену. Все они принадлежали уже к постнаполеоновскому поколению. Драгомиров считал, что форма строя не имеет такого значения, как нравственная энергия войск. В свойственной ему манере жестких противопоставлений он указывал: «Стройность форм и стройность духа находятся в непримиримом противоречии в том смысле, что одна достигается не иначе как насчет другой; французы понимают это по инстинкту и остерегаются каких-либо нормальных форм, тем более, что между ними нет лучших, а всякая хороша в свое время»[471].

В 1865 году появилась статья Драгомирова «Об отношении строевых уставов к тактике», написанная в явной полемике с мнениями высокопоставленных сторонников сохранения «нормальных» боевых порядков. Прежде чем перейти к аргументам Драгомирова, необходимо отметить, что это была его первая статья, опубликованная в «Военном сборнике» после 1858 года. Как и в 1861 году, его выступление за отмену «нормальных» порядков подкрепил Леер, опубликовав незадолго перед выступлением своего коллеги по Академии статью по тому же вопросу. Статья Леера «О боевых порядках» была написана в том же духе, что и статья Михаила Ивановича, и заканчивалась вполне «драгомировским» выводом: «Форма построения бесспорно имеет важное значение, способствуя известной массе войск к выгоднейшему потреблению тех средств, которыми она располагает для боя; но есть многое, и, притом, весьма многое, что должно быть поставлено выше ее, например: выбор благоприятной минуты

---

[470] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 253. ЛЛ. 7-32об.

[471] Несколько заметок по поводу статьи: штыковой бой и «отзывов» на статью Г.В. // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 138.

для действия, выбор направления, а самое важное, конечно, *это человек, главное орудие на войне* [выделено в оригинале, – С.Ю.]»[472].

Статью Драгомирова отличает весьма резкий тон. Обращаясь к аргументам сторонников сохранения «нормальных» порядков, он восклицает: «Слова, слова и слова, должны на это сказать мы; или: ярлыки, ярлыки и ярлыки, за которыми нет и тени правильного представления о том, что и как в бою делается»[473]. Аргументы его противников, по мнению автора, выявляют «не совсем полное знакомство с тактической азбукой»[474]. Вспомним, что эти упреки были адресованы людям, участвовавшим во многих кампаниях, начиная с Наполеоновских войн, и исходили от человека, который пока никак не проявил себя на боевом поприще. Драгомиров был склонен вести полемику без компромиссов и не взирая на лица, что не могло не сказаться на восприятии его публицистики.

Очертим основные идеи статьи «Об отношении строевых уставов к тактике». Устав, в отличие от курса тактики, не может давать советы, но только приказывать, а значит, нормальные порядки в его составе будут неминуемо восприняты как обязательные[475]. Сохранение нормальных боевых порядков тем более вредно, потому что они ведут к подрыву самостоятельности в начальниках и отучают их анализировать обстоятельства боя[476]. Многие сторонники удержания в уставе нормальных порядков указывали, что они позволяют быстро построить часть, указав лишь номер порядка[477]. Но и это удобство, говорилось в статье, таит в себе опасность. Драгомиров возражал, что команда строить нормальный порядок ничего не говорит подчиненным о намерениях начальника, тогда как «знать, что собираемся сделать, составляет в бою первостепенное условие»[478]. Начальник обязан не отдать *команду*, а передать *приказание*, в котором он

---

472 *Леер Г.* О боевых порядках // ВС. - 1865. - №.9. - С. 107.

473 Об отношении строевых уставов к тактике // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 233.

474 Там же. С. 239.

475 Там же. С. 224.

476 Там же. С. 226-227.

477 См. напр. мнение генерала Н.Ф. Плаутина: РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 253. Л.14об.

478 Об отношении строевых уставов к тактике // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 234.

должен *указать* цели своих действий, и провести его по всем ступеням военной иерархии, чтобы все его подчиненные знали, в чем их роль. Впервые Михаил Иванович затронул тему техники отдачи приказаний[479]. В заключении Драгомиров выражал надежду на то, что его «слабый голос» поможет «мало по малу отделаться от рутины, глубоко засевшей в большинстве сознаний и, к несчастью, безраздельно в них царящей, на зло существу дела, на бесполезную гибель тысяч людей»[480]. «Дай Бог, чтобы этого пришлось ждать по возможности менее долго, – заканчивал статью автор, – Скоро это не сделается, но сделаться должно. Одного только нужно желать: чтобы этого добиться теоретическим путем в мирное время, а не практическим, т. е. не при помощи нравоучений в роде того, какое было прописано австрийцам в 1859 году»[481]. Как видим, Драгомиров не стеснялся не только высказывать свои суждения в резкой форме, но и угрожать гибельными последствиями в том, случае, если армия решительно не отринет прежних привычек.

Вопрос о «нормальных» порядках и других преобразованиях в тактике, тем не менее, оставался в подвешенном состоянии, когда к концу весны 1866 года обозначались осложнения между Австрией и Пруссией.

Когда неизбежность австро-прусской войны стала очевидной, полковник М.И. Драгомиров был отправлен в главную квартиру прусской армии в качестве военного наблюдателя. Исследовательница Г. Перссон отмечает, что Д.А. Милютин придавал большое значение сбору информации через военных атташе и наблюдателей при штабах воюющих армий[482]. Военного министра интересовало, прежде всего, практическое применение «полезных нововведений, которые будут в первый раз применены к настоящему делу в предстоящую войну по всем отраслям военного искусства»[483]. Дмитрий

---

[479] В литературе эти идеи известны как «тактика миссий» (mission tactics, Auftragstaktik). См. напр.: *Dupuy, T.N.* A Genius for War: The German Army and General Staff, 1807-1945. (Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, N.J., 1977). p. 116; *Echevarria, A.J.* After Clausewitz: German Military Thinkers Before the Great War (Univ. Press of Kansas, 2000). pp. 32-33, 38-41.

[480] Об отношении строевых уставов к тактике // *Драгомиров М.И*. Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 246.

[481] Там же.

[482] *Persson, G*. Op. cit. p. 65.

[483] РГВИА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 57. Л. 2об.

Алексеевич писал состоящему при прусском короле Свиты генерал-майору графу В.П. Голенищеву-Кутузову: «Ныне настала эпоха чрезвычайно любопытная, как в политическом отношении, так и в военном. Поэтому я вполне разделяю мнение Ваше о том, что было бы желательно чтобы при иностранных армиях состояли наши офицеры специальных родов оружия, чрез которых мы могли бы получать самые точные сведения о применении к практике всех тех усовершенствований и нововведений, которые введены в войсках в последнее время и которые будут в первый раз испытаны в настоящей войне»[484].

Первоначально на роль наблюдателя при прусской армии намечался Свиты генерал-майор Ф.П. Веймарн (окончивший Пажеский корпус и не имевший высшего военного образования), однако Д.А. Милютин был другого мнения: «Обдумавши еще выбор лица для командирования в Прусскую армию, я пришел к тому заключению, что лучше не назначать для сего флиг[ель]-ад[ъютанта] Веймарна, а послать кого-нибудь другого отсюда. Прежде всего можно […] предложить полк[овнику] Драгомирову, если только позволяют служебные его обстоятельства, о чем надобно спросить как начальство Гвардейское, так и Академическое. Если Драгомирову нельзя отправиться, то после него можно иметь в виду подполк[овника] Витмейера, или Леера, или Максимовского»[485]. Сама ситуация была характерной: военному министру предстояло сделать выбор между свитским генерал-майором и одним из четырех молодых офицеров Генерального Штаба, и предпочтение было отдано второму варианту. Это показывает, как офицеры Генерального Штаба начинают в 1860-е годы оттеснять представителей других элитных корпораций русской армии от назначений, требующих высокой компетентности. Важно отметить и то, что именно Драгомиров мыслился как наиболее предпочтительный вариант для Милютина. В письме Голенищеву-Кутузову военный министр характеризовал Михаила Ивановича

484 Там же. Л. 7.
485 Там же. ЛЛ. 4-4об.

как «отличного офицера»[486]. 17(29) июня, то есть через две недели после объявления войны, Драгомиров покинул Петербург и направился в Берлин[487].

Из-за различных проволочек русский военный агент не поспел к решающему сражению, которое состоялось 21 июня (3 июля) 1866 года при Кёниггреце (Садовой). Драгомиров присутствовал только при преследовании австрийской армии. Зато ему удалось познакомиться и пообщаться с представителями прусской военной и политической элиты, включая О. фон Бисмарка, Г. фон Мольтке, кронпринца Фридриха Вильгельма и принца Фридриха Карла[488]. Бóльшую часть времени он провел в V корпусе генерала К.Ф. фон Штейнмеца, который произвел на представителя русской армии особое впечатление. 70-летний генерал был одним из героев кампании, последовательно нанеся три поражения австрийцам, и выражал все военные добродетели, ценимые Драгомировым: энергию и решительность, требовательность и строгость без лишнего педантизма, великодушие к противнику[489]. На вопрос Драгомирова, каким образом он сумел взять сильную австрийскую позицию у Скалица, прусский генерал отвечал: «Эти вещи удаются очень просто; посылаешь в атаку; если не удалось, посылаешь еще, и так до тех пор, пока не удастся»[490]. Подобные решительные натуры всегда импонировали Михаилу Ивановичу больше, чем молчаливый штабной гений, вроде Мольтке, тем более в разговорах с командующим V корпусом русский агент находил подтверждения многим своим идеям: Штейнмец был убежденным противником смены частей после их ввода в бой, признавал усовершенствования огнестрельного оружия, но главным считал, «чтобы солдат был приучен безостановочно идти вперед, по бою барабана»[491]. Из общения с Штейнмецом и другими прусскими военачальниками, некоторых предоставленных прусской стороной документов и личного наблюдения

---

[486] Там же. Л. 8.

[487] Письма из главной квартиры прусской армии // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 248.

[488] *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров во время Австро-прусской войны // РС. - 1910. - №5. - С. 447-450; №10. - С. 167-174; 1911. - №1. - С. 219-226; №3. - С. 605-612.

[489] *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война… С. 46-48, 91-93, 144, 272-273.

[490] Там же. С. 92.

[491] Там же. С. 93.

составился обильный материал, который, в глазах Михаила Ивановича, подтверждал его прежние идеи и давал новую пищу для размышлений.

Месяцы, последовавшие после возвращения из командировки, можно назвать решающими в карьере Драгомирова. С 23 января 1867 года в стенах Академии он начал читать публичные лекции об австро-прусской войне, которые пользовались громадным успехом у публики и снискали одобрение начальства. Число слушателей некоторых его лекций доходило до 500 человек[492]. В совместном докладе начальника Главного Штаба генерал-адъютанта графа Ф.Л. Гейдена и начальника Академии генерал-майора А.Н. Леонтьева Милютину о лекциях говорилось в восторженных тонах: «Полковник Драгомиров своим живым рассказом, обстоятельностью разбора военных действий, тщательным указанием на наиболее характеристичные и выдающиеся черты этих действий, в их зависимости от организации военных учреждений и от новых элементов, введенных в новейшее военное искусство, – умел возбудить интерес своих слушателей, при чем он постоянно обращал их внимание на влияние организации, обучения, дисциплины и воинского духа армии на успех боевых действий, и потому лекции им читанные должны быть признаны в высшей степени полезными для военного развития слушателей. Присутствовав лично почти на всех этих чтениях, считаю долгом заявить Вашему Высокопревосходительству, что нахожу подобные лекции одним из лучших средств для установления в нашем военном обществе правильного взгляда на военное дело, а также и для распространения в нем военных познаний»[493]. Лектор получил благодарность от Александра II, и было решено устроить и другие публичные лекции в академических стенах[494]. Благодаря публичным лекциям, известность Драгомирова впервые перешагнула рамки узких кругов военных специалистов.

Драгомиров в лекциях и в последовавших за ними «Очерках австро-прусской войны в 1866 году» выводил исход сражений в Богемии из свойств и характера противоборствующих наций. Успех «прусской расы» для него

[492] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 659. Л. 3.
[493] Там же. ЛЛ. 3-3об.
[494] Там же. ЛЛ. 2, 6-7об.

был связан с прочно укоренившимся в ней «уважением к закону» и грамотностью подавляющей части населения. Благодаря этим свойствам нации, прусская армия была воспитана на свободном отношении к тактическим и стратегическим формам, здравом отношении к стрельбе, педантичности в службе, которая «не убивает дела», но заставляет серьезно и без злоупотреблений относиться к своим обязанностям. Офицеров Генерального Штаба в Пруссии отличает практичность, а весь офицерский корпус развит и серьезно относится к военному делу[495]. В прусской армии Драгомиров отмечает один, но весьма характерный недостаток: «В сношениях с солдатом офицер резок, даже груб»[496]. Все эти положительные характеристики, являющиеся для Михаила Ивановича прямым следствием «высокой цивилизации», позволили нанести поражение Австрии, которая «враждебна всякому ходу вперед», и понимает «основным условием своего существования безусловный консерватизм»[497]. Таким образом, Драгомиров представлял кампанию 1866 года как битву прогресса и консерватизма, а в его интерпретации угадываются отголоски полемики, которую он вел в 1860-е годы. Можно сказать, что его лекции были не просто наблюдением за противостоянием двух иностранных армий, но прямым продолжением борьбы вокруг военных реформ в России. «В военное время должен быть бит тот, кого били в мирное время, если только он встретится с небитым, – утверждал Драгомиров, – в военное время не может быть в себе уверен тот, в ком эта вера систематически была подрываема в мирное время обращением, основанным на произволе, а не на законе – в ком, вследствие этой же причины, нет особенного развития чувства долга, нет особенного расположения считать общее дело своим до такой степени, чтобы, не задумываясь, положить за него жизнь свою. Следовательно, хлопотать о совершенном оружии мало, одному все приписывать странно; нужнее хлопотать о том, чтобы человек был по возможности совершенным»[498]. В

[495] *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война… С. 3-65.
[496] Там же. С. 49.
[497] Там же. С. 20.
[498] Там же. С. 287-288.

этих словах заключался основной посыл лекций, и несомненно он был обращен прежде всего к тем, от кого зависел дальнейший ход преобразований в русской армии.

Впрочем, это не значит, что Драгомиров совершенно проигнорировал то, что не укладывалось в контекст его борьбы с военными консерваторами. Он отдавал должное тем факторам, которыми обычно объясняется успех пруссаков: стратегическому таланту Г. фон Мольтке, профессионализму прусского Генерального Штаба, железным дорогам и игольчатым ружьям. «Игольная паника», распространившаяся в связи с очевидными преимуществами прусской винтовки, беспокоила Михаила Ивановича: «В настоящее время, к несчастью, слишком сильно начинает распространяться мысль, будто человек может заменить себя машиной»[499]. Однако он признавал, что «оружие все-таки нужно иметь возможно лучшее, ибо только при этом условии цель достигается с наименьшими потерями»[500]. По поводу игольчатых ружей Драгомиров писал, что *«чем скорее их принять, тем лучше* [выделено в оригинале, – С.Ю.]»[501]. В артиллерии, по его мнению, кампания 1866 года «утвердила за нарезной системой бесспорное превосходство»[502], однако он не упустил из виду недостатки в ее применении: «Прусская артиллерия стреляла метко, маневрировала хорошо; материальная часть в превосходном состоянии; но есть расположение придавать потере орудий слишком большое значение, и убеждение, что, при нынешней дальности и действительности, артиллерия может и не сопровождать другие роды оружия беспрерывно, а остаться самостоятельно на задних позициях, содействуя оттуда пехоте и кавалерии»[503]. К таким же выводам о действиях прусских артиллеристов пришел и сам Мольтке: артиллерия должна быть мобильнее, должна действовать агрессивнее и обеспечивать более тесную поддержку другим родам войск[504].

---

499 Там же. С. 309.
500 Там же. С. 195.
501 Письма из главной квартиры прусской армии // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 251.
502 *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война… С. 299-300.
503 Там же. С. 58. См. также: Там же. С. 246.
504 *Dupuy, T.N.* Op. cit. p. 90.

В 1866 году Драгомиров отдавал технике должное. Действительно серьезный промах он допустил только в вопросе о преобразованиях в артиллерии. В очерке войны говорилось, что нарезная артиллерия позволяет унифицировать калибры полевой артиллерии, оставив только 4-фунтовые оружия[505]. Кампания 1866 года обошлась без штурмов серьезных земляных укреплений и не дала повода задуматься о значении артиллерии с сильным разрывным действием для их разрушения. Драгомиров писал, что ради быстроты «лучше взять бруствер штурмом, нежели уничтожать его подобным образом»[506]. Этот вывод выглядит ошибочным в свете тех проблем, с которыми столкнется русская армия через 11 лет, во время штурмов Плевны.

В конце 1866 года Драгомиров принял участие в работе комиссии генерал-адъютанта А.Р. Дрентельна, которая должна была разработать рекомендации по изменениям в уставе на основе опыта австро-прусской войны 1866 года. Комиссия была созвана в связи с отчетами ротмистра князя Э.Н. Мещерского, военного агента в Бельгии, который сообщал о переменах в тактике на осенних маневрах бельгийских войск[507]. Состав комиссии был смешанный: председателя (генерал-лейтенанта А.Р. Дрентельна) и трех членов (генерал-майоров Н.В. Симановского, С.А. Тидебеля и полковника А.Я. Фриде) назначал в.кн. Николай Николаевич Старший, а еще трех членов (генерал-лейтенанта П.К. Менькова, генерал-майора Л.Н. Клугина и полковника М.И. Драгомирова) избрал Специальный комитет по устройству и обучению войск, который также разработал программу вопросов[508]. Комитет интересовали выгоднейшие в новых условиях строи пехоты (в том числе, целесообразность сохранения в уставе нормальных порядков), изменения в обучении стрельбы, применение конницы и артиллерии, роль саперных работ. Рассматривая работу комиссии Дрентельна ретроспективно, следует сказать, что суть проблемы, поставленной перед комиссией, была шире. Речь шла о том, чтобы найти необходимый баланс между очевидными требованиями,

---

505 *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война… С. 300-301.
506 Там же.
507 РГВИА. Ф. 501. Оп. 2. Д. 946. ЛЛ. 8-8об. Донесение кн. Э.Н. Мещерского: Там же. ЛЛ. 15-18об.
508 Там же. ЛЛ. 12-13.

связанными с увеличением действительности огня, и менее очевидными требованиями контроля над боем в новых условиях. Первые требовали принятия как можно большего рассеивания войск и, соответственно, максимального расширения инициативы младших начальников и рядовых солдат, а также возможного развития огня. Вторые предполагали сохранение возможной сомкнутости строев, связи отдельных тактических единиц и подчинения усилий младших намерениям старших в командной иерархии и, в конце концов, оставления в руках начальников средств для того, чтобы прекратить пальбу и бросить свои части в штыковую атаку для достижения решительного результата. Очевидно, что эти требования находились в антагонизме. Проще говоря, комиссия Дрентельна должна была решить дилемму «огонь-контроль», и как мы увидим, именно Драгомиров предложил это решение.

Комиссия Дрентельна составила свой отчет, в котором признавалось, что в связи с прогрессом стрелкового и артиллерийского вооружения «огонь берет, по-видимому, безусловный перевес над штыком», а тактика требует «*возможно более полного развития самостоятельности частных начальников* [в оригинале подчеркнуто, – С.Ю.]», что можно достигнуть, только когда устав «отрешится от правил линейной тактики», основанной на строгих равнениях, дистанциях и однообразии[509]. Однако ключевым выводом комиссии было следующее, несколько противоречащее заключение: «Хотя значение огня в настоящее время увеличилось, но это не могло уменьшить значения штыка, а потому Комиссия пришла к единогласному заключению, что распространению в войсках мысли об уменьшении значения штыка, как крайне вредной, должно противодействовать всеми силами»[510]. Кажущееся противоречие между ролью огня и штыка разрешалось формулой, которая впоследствии станет классической для Драгомирова: «Пуля и штык не исключают, но дополняют друг друга: первая прокладывает дорогу второму, и упускать из виду то или другое одинаково вредно»[511]. Это ключевое

509 РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 817. ЛЛ. 11об-12.
510 Там же. Л. 12.
511 Там же. Л. 13.

тактическое суждение впервые прозвучало именно в отчете комиссии Дрентельна. Чтобы войска были одинаково способны и на огневой бой, и на штыковую работу, требовалась разумно выстроенная система обучения и воспитания войск, которая воспитывала бы в них энергию и предприимчивость и была основана на принципе «*что бесполезно на войне, то вредно вводить в мирное обучение* [в оригинале подчеркнуто, – С.Ю.]»[512]. Таким образом комиссия формулировала основные начала, которыми она руководствовалась. И сущность, и формулировки этих начал безусловно принадлежали Драгомирову, и в них чувствуется влияние той традиции военной мысли, на которую он опирался: исход боя зависит, прежде всего, от «нравственной энергии» войск, которая, в свою очередь, зависит от их обучения и воспитания.

Конкретные предложения комиссии сводилась к тому, чтобы сделать основной тактической единицей не батальон, а роту, дать ротным командирам больше простора для инициативы и поднять значение унтер-офицеров, которые одни способны обеспечить контроль над боем в рассыпном строю, особенно в деле бережливого расходования солдатами патронов[513]. От нормальных порядков рекомендовалось избавиться, в пользу чего приводились те же аргументы, что и в статье Драгомирова «О соотношении строевых уставов к тактике»[514]. Важным новшеством было предложение отказаться от равнения частей, составляющих одну линию[515]. В обучении войск комиссия предлагала возвратиться к приемам Суворова – атакам на видимую цель (забор, плетень) и сквозным атакам[516]. Наконец, артиллерия «не должна заботиться о том прикрыта ли она или нет», ее обязанность «облегчать достижение целей других родов войск»[517]. Артиллерия должна действовать агрессивнее и «как подпускать к себе неприятеля на близкий картечный выстрел, так и сама подскакивать для этого выстрела к

[512] Там же. Л. 13об.
[513] Там же. ЛЛ. 14об-17.
[514] Там же. ЛЛ. 40об-42.
[515] Там же. Л. 23об.
[516] Там же. ЛЛ. 18-20об.
[517] Там же. Л. 43об.

неприятельскому фронту», не заботясь о потере орудий[518]. Ее основная задача не дуэль с артиллеристами противника на предельных расстояниях, а непосредственная поддержка пехоты и кавалерии.

«Центр тяжести» в принятии тактических решений «спускался» с уровня батальонного командира на уровень ротного, который фактически освобождался от сковывающих его инициативу уставных норм (прежде всего, заданных заранее нормальных порядков и равнения по соседним ротам). Это позволяло лучше сберегать части от огня, приискивая укрытия на местности и варьируя скорость перебежек[519]. Унтер-офицеры ставились в положение его ближайших помощников в деле распространения контроля на те пространства, которые не покрывались его глазом и голосом, что было особенно актуально с учетом того, что бой, как и прежде, велся в дыму и орудийном грохоте, но шире применялись рассыпной строй и пользование закрытиями, которые давала местность. Акцент на штык и постоянная практика в штыковых атаках по суворовским образцам должны были укрепить в сознаниях начальников и рядовых мысль о том, что в любой момент по приказанию следует прекратить стрельбу и броситься в решительную атаку. Вполне естественным образом Драгомиров и его коллеги по комиссии предлагали «золотую середину» между «огнем» и «контролем», руководствуясь при этом, не неким «консерватизмом» или недоверием к достижениям техники, а вполне конкретными соображениями, связанными в первую очередь с пониманием того, что победа в бою достигается решительным движением вперед, а не перестрелкой.

27 апреля 1867 года состоялось заседание Военно-ученого комитета, на котором слушался отчет комиссии Дрентельна. Генералы граф Ф.Л. Гейден, князь Н.С. Голицын, М.И. Богданович, Г.В. Мещеринов, А.Н. Леонтьев, Э.И. Форш, Н.Н. Обручев и полковник С.П. Зыков не были согласны с некоторыми пунктами, из которых самым существенным было превращение роты во

---

518 Там же. ЛЛ. 44об-45.

519 Драгомиров подробно развил это в 1869 году: Винтовки, скорострельная и обыкновенная, с тактической точки зрения // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 492-493.

вполне самостоятельную тактическую единицу[520]. Драгомиров отстаивал положения отчета при поддержке других членов комиссии. В итоге, Военно-ученый комитет на заседаниях 26 и 31 октября 1867 году принял большинство аргументов комиссии Дрентельна: о роте как основной и вполне самостоятельной тактической единице, о вредности нормальных порядков, о необходимости ввести в обучение «суворовские» атаки на видимую цель и сквозные атаки, о необходимости более тесной поддержки войск артиллерией[521]. Однако, парадоксальным образом, комитет не признавал необходимым внести перемены в устав. «Не в такой мере настоятельны перемены оснований и редакции наших уставов, сколько необходимо изменение укоренившегося в частных начальниках убеждения и привычки неотступно следовать за буквою устава, нередко стеснительною, упуская самый смысл уставного положения, допускающий, почти всегда, полную свободу личной сообразительности начальника»[522], – отмечалось в заключении комитета. Предлагалось лишь дополнить устав инструкцией старшим начальникам[523]. Таким образом, те предложения, которые Драгомиров и его сотрудники по комиссии Дрентельна пытались проводить, остались лишь благими пожеланиями и не приобрели статус уставных положений.

Впрочем, заседания 26 и 31 октября 1867 года не подводили черту под тактическими дискуссиями. В ноябрьском номере «Военного сборника», то есть буквально в тот момент, когда утихли споры, вызванные комиссией Дрентельна, начала публиковаться статья Драгомирова «О вероятных переменах тактики в следствие распространения дально- и скорострельного оружия». Важно отметить, что это единственный зафиксированный нами случай, когда печатание статьи одобрил лично Милютин[524]. Статья начиналась с грозного предостережения: «Чувствуется что-то тревожное, как будто перед бедой неминучей; все медоточиво говорят о мире и в то же время

[520] РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 817. ЛЛ. 56-57об.
[521] Там же. ЛЛ. 137-146.
[522] Там же. Л. 164.
[523] Там же. Л. 42. Судя по всему, такая инструкция так и не появилась.
[524] РГВИА. Ф. 167. Оп. 1. Д. 10. Л. 164.

вооружаются с головы до ног. По-видимому, подступает один из тех катаклизмов, которые от времени до времени приводят в сотрясение человеческий мир и за неготовность к которым сильно наказывают...»[525]. Это тревожное пророчество не только связано с естественным желанием Драгомирова дополнительно надавить на противников тактических преобразований, но и вполне отражает общее настроение в военных и придворных кругах. Об этом свидетельствуют воспоминания Милютина. Военный министр приводит письмо от 20 января 1866 года графа Ф.Ф. Берга, которое заканчивалось такими словами: «Такое положение враждебности по отношению к нам обязывает нас быть бдительными, готовиться к войне, которая не неизбежна, но которая вполне возможна»[526]. В сентябре 1866 года Милютину написал министр иностранных дел князь А.М. Горчаков: «Политический горизонт мрачен и темнеет даже на Востоке. Вся беда от сфинкса, что на Сене [т. е. от Наполеона III, – С.Ю.]. Без него не было бы и Бисмарка. Франция найдет деньги для всяких неистовств...»[527]. Опасность положения усиливалась условиями строжайшей экономии, в которые было поставлено военное министерство. Из-за противодействия министерства финансов Милютин не мог принять даже естественных мер предосторожности на случай войны (например, пополнить неприкосновенные запасы)[528]. Складывалось впечатление, что все страны Европы вооружаются и готовятся к войне, кроме России. Неслучайно, Драгомиров в начале своей статьи ссылается на нашумевшую книгу генерала Л.Ж. Трошю «Французская армия в 1867 году»: «Во Франции является человек, который с гражданским мужеством, в наш грешный век редким, решился раскрыть глаза своим соотечественникам и показать, что не все так хорошо в их армии, как они думают [...]»[529]. Как и в случае со всеми

[525] О вероятных переменах в тактике, вследствие распространения дально- и скорострельного оружия // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 291.

[526] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865-1867. М., 2005. С. 256.

[527] Там же. Еще одно свидетельство «военной тревоги» после 1866 года: *Глиноецкий Н.* Иностранное военное обозрение // ВС. - 1868. - №5. - С. 59-84.

[528] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865-1867… С. 254, 362-364. См. также: *Зайончковский П.А.* Военные реформы… С. 66.

[529] О вероятных переменах в тактике, вследствие распространения дально- и скорострельного оружия // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 291. Драгомиров, очевидно, видел немало общего между собой и Трошю: «Тщетно генерал Трошю напоминает, что устав 1862 года

программными статьями Михаила Ивановича 1860-х годов, его поддержал Леер, напечатав в феврале 1868 года статью «Тактика и уставы»[530], схожую по содержанию и аналогичную по своему посылу.

Статья «О вероятных переменах в тактике...» представляла собой расширенную и дополненную версию отчета комиссии Дрентельна, поэтому мы не будем долго останавливаться на ее тактических выводах и сосредоточимся на других вопросах, которые позволяют проследить логику и исходные пункты мышления Драгомирова. Свои идеи о необходимости большей независимости рот, стимулирования инициативы младших начальников и особой значимости штыка Драгомиров обозначает термином «перпендикулярная тактика»[531], противопоставляя ее «линейной», основанной на развернутом строе, жесткой связи частей по фронту, столь же жесткой дисциплине и огне. Линейная тактика достигла апогея при Фридрихе Великом в середине XVIII века, когда огонь поставили во главу угла, но затем начался откат и поиск баланса между «перпендикулярными» и «линейными» началами, который Драгомиров связывал с Суворовым, революционными и Наполеоновскими войнами. Многие рудименты линейной тактики прожили до 1860-х годов, но теперь время настоятельно требует от них отречься окончательно. Из этого экскурса в историю тактики Драгомиров делал вывод, что нужно избегать одностороннего увлечения штыком или огнем и совершенствовать человека, доводя его качества до требований, которые к нему предъявляет перпендикулярная тактика с ее ставкой на инициативность, сознательность и порыв[532]. В статье Леера «Тактика и уставы» жесткое противопоставление линейной и перпендикулярной тактик проведено еще

есть не более как новое издание, дополненное, но неисправленное, устава 1760; тщетно доказывает, ссылаясь на кампании, в которых он участвовал, что этот устав теперь не годится — комиссия не удостоивает внимания этих заявлений и остается при своем мнении, что сложные и неприменимые в бою эволюции довершают тактическое образование офицеров на всех ступенях военной иерархии и воспитывают войска в привычках порядка, согласования, связи, дисциплины… Комиссия не снисходит до того, чтобы указать факты, на основании которых она пришла к этому убеждению; внутреннее чувство для нее такой аргумент, которого не могут сбить никакие факты». (Отдел XIII французского устава о полевой службе // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 402).

530 *Леер Г.* Тактика и уставы. Формы и дух линейной и перпендикулярной тактики, противопоставленные друг другу // ВС. - 1867. - №2. - С. 341-372.

531 Этот термин вошел в оборот в 1760-1770-е годы во французской военной литературе в ходе тактических дискуссий вызванных неудачами Франции в Семилетней войне: *Gat, A.* Op. cit. pp. 40-41.

532 О вероятных переменах в тактике, вследствие распространения дально- и скорострельного оружия // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 291.

рельефнее, а история развития этих понятий очерчена более подробно, и, хотя Леер воздержался в своей статье от мрачных предсказаний, он вполне прозрачно намекал, что перпендикулярная тактика влечет неизбежно переход ко всеобщей воинской повинности[533]. Таким образом, Драгомиров, как и его коллега по Академии, представлял свои идеи не просто как реакцию на технологический вызов, связанный с игольчатыми ружьями и другими усовершенствованиями, но как логическое последствие всей истории развития военного дела. Единственным следствием новых технологий для тактики будет то, что основной тактической единицей станет рота, и то, что прежние сторонники перпендикулярной тактики говорили о батальонной колонне или батальоне в развернутом строю, теперь следует применить к ней[534].

Статья Драгомирова вызвала живой отклик. Один из откликнувшихся писал, что в строевом офицерстве она обсуждалась, и некоторые подумали, что автор умаляет значение устава[535]. Вскоре страницы «Военного сборника» наполнились благожелательными и ругательными отзывами и другими статьями на тему возможных изменений в уставах. Из них особое значение имела статья помощника начальника Петербургского военного округа генерал-майора К.И. Гершельмана. Критик вывел полемику за рамки чисто военной: «Учением я это [идеи Драгомирова, – С.Ю.] называю по выражающемуся фанатизму, по докторальности тона статей и по очевидной требовательности со стороны авторов слепого последования за их убеждениями, под угрозою быть заклейменным разными эпитетами отсталости, пустых бутылок с громкими ярлыками и пр. и пр. […] Все это высказано теперь не в виде упреков авторам, а в доказательство, что излагаемые ими мысли уже не назидания или советы, а новое учение, переходящее, незаметно и вероятно помимо желаний авторов в какую-то

---

533 *Леер Г.* Тактика и уставы… С. 341-356.

534 См. напр. комментарии Драгомирова к ген. Ш.-А. Морану: Отдел XIII французского устава о полевой службе // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 404, 405.

535 *Конник.* Отзыв строевого // ВС. - 1868. - №4. - С. 201-202.

оппозицию [выделено в оригинале, – С.Ю.]»[536]. Впервые слухи об «оппозиционности» Драгомирова нашли отражение в печати. Обвинения Гершельмана сводились к тому, что Драгомиров недооценивает значение равнений, подрывает дисциплину, «привычку безусловного исполнения приказаний» и «доверие к существующим уставам». Его идеи, с точки зрения критика, ведут к «оправданию при неисполнении служебных требований», а «подобные отклонения, начиная с мелких, обращаются в привычку, что ведет к более крупным отклонениям»[537]. «И все это, – продолжалось в статье, – говорится докторальным тоном в виде аксиом, без всяких доказательств, или, если автор, в некоторых местах, и приводит возражения, ожидаемые им против его положений, то, вместо сравнения, говорит: “слова, слова, слова или ярлыки, ярлыки, ярлыки”»[538]. Все это были более чем серьезные обвинения. Редакция «Военного сборника» пыталась сбить градус полемики, предваряя статью Гершельмана собственным заявлением о том, что «статьи с “оппозиционным характером” никогда не могут занять место на страницах официального журнала»[539], но это осталось слабой попыткой защитить своего сотрудника.

Полемика вокруг изменений в уставе утихла только к лагерному времени 1868 года, после чего эта тема исчезает со страниц «Военного сборника». Первое время в карьере Драгомирова не произошло никаких видимых перемен, но через год после выхода статьи Гершельмана, произошел крутой поворот. 14 февраля 1869 года, в разгар учебного года в Академии, Михаила Ивановича назначили начальником штаба Киевского военного округа[540]. Л.Л. Драке, бывший тогда слушателем Академии, вспоминал, как его профессор оставлял преподавание: «Войдя в аудиторию младшего класса, он начал лекцию (кажется, по отделу “о фуражировках”), но, проговорив с видимым волнением несколько фраз, отошел за классную доску и затем спустя 1-2

---

536 *Гершельман*, г.-м. Несколько слов о современном направлении некоторых наших писателей по тактике // ВС. - 1868. - №1. - С. 4.

537 Там же. С. 5-10.

538 Там же. С. 6. Последняя фраза – отсылка к статье Драгомирова «Об отношении строевых уставов к тактике».

539 Там же. С. 3.

540 РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7106. ЛЛ. 841-853, 854-861.

минуты, объявив слушателям, что, к сожалению, чтения лекции продолжать не может, вышел из аудитории; в ближайший перерыв между лекциями, М. Драгомиров, по приглашению массы офицеров, прибыл в так называемую “курилку” (курительную комнату), где ему высказано было полное сочувствие и сожаление об оставлении академии; благодаря офицеров за это, М. Драгомиров в заключение своей короткой и прочувствованной речи привел слова, сказанные во время оно маршалом Тюренном (кажется): “Outre ça, messieurs, Je vous recommande le bon sens”[541], то-есть, что, кроме знания тактики, нужен конечно и здравый смысл. Офицерами младшего курса задумано было in corpore[542] быть на вокзале при отъезде М. Драгомирова в Киев; об этом как-то узнало начальство и “демонстративные” проводы были воспрещены [в сноске: «В аудиторию младшего класса прибыл штаб-офицер полковник Циклинский и объявил, что начальник академии рекомендует воздержаться от проводов М. Драгомирова офицерами всего курса», – С.Ю.]; тогда офицерами выбраны были депутаты, по одному из каждого рода войск, которые присутствовали на Николаевском вокзале при проводах почтенного профессора, после войны 1877-78 годов возвратившегося снова в академию уже в качестве ее начальника»[543].

Помимо этого ценного свидетельства, есть еще несколько воспоминаний, ясно указывающих на то, что Драгомировым были недовольны в окружении императора, а его перевод в Киев был связан с этим недовольством. Ф.П. Рерберг, близко общавшийся с семьей Михаила Ивановича в конце 1880-х годов, вспоминал: «Оставшись в Петербурге, профессором Академии, Михаил Иванович стал писать по этому вопросу [об обучении солдат — С.Ю.] и при том так смело, что один раз на докладе Военного Министра Государь Александр II изволил высказать следующую фразу: “Драгомиров своими писаниями развращает армию!”. Это слово долетело до Драгомирова, но этот убежденный в своей правоте, настойчивый и смелый человек –

---

541 «Помимо этого, я вам рекомендую руководствоваться здравым смыслом» (маршал А. Тюренн).

542 «Вместе», «совокупно».

543 *Д[раке] Л.* Наброски из прошлого. Отрывочные воспоминания 1868-1874 годов // Военно-исторический сборник. - 1912. - №1. - С. 63.

продолжал писать в том же духе. По прошествии некоторого времени в Зимнем дворце, по какому-то случаю состоялся “выход”. Когда император Александр II, следуя в голове Царской Фамилии, поравнялся с группою Академии Генерального Штаба, Он остановился (чего почти никогда не бывало), и, обернувшись к Михаилу Ивановичу сказал: “Драгомиров! А ты все продолжаешь мне развращать Армию?”. После этого случая все думали, что “Песенка Драгомирова” спета»[544]. О недовольстве императора своим отцом вспоминал А.М. Драгомиров: «Мой отец, еще в 60 годах прошлого столетия, начал борьбу за раскрепощение солдата и введение разумной, а не палочной дисциплины. Ему, тогда еще капитану генерального штаба, Александр II сказал: “я требую от тебя дисциплины, а не либеральных мыслей”»[545]. Наконец, этот эпизод оставил такой глубокий отпечаток, что сам Драгомиров несколько раз вспоминал о нем в конце жизни. «Не знаю известен ли вам тот факт, что в 1868 г[оду] шла довольно серьезная речь о том, не следует ли М. Драгомирова изъять из службы, так как он своими писаниями подрывает дисциплину и развращает молодых офицеров, – обращался Михаил Иванович к одному из своих критиков, – И речь о таковом изъятии доходила до весьма верхних этажей. По поводу этого анекдота припоминаю даже дружеский совет одного из благожелательных мне начальников: “Бросили бы вы писать эти статейки”. Следы всего этого эпизода, если бы он вас заинтересовал, можете найти в одной из статей «Военного Сборника» за 1868 г[ода] или за конец 1867 г[ода]»[546].

Следует отметить, что злоключения Драгомирова совпали по времени с атакой на военного министра Милютина. В мае 1868 года из-за границы вернулся князь А.И. Барятинский, после чего «консервативная партия» начала кампанию против военного министра. Осенью 1868 года граф Петр Шувалов и А.Е. Тимашев представили доклад о вредном направлении газеты

---

544 ДРЗ. Ф. 2. М-86 (Кн.1). Л. 158. *Рерберг Ф.П.* Всё в прошлом. Воспоминания. 1868-1910. М., 2018. С.273-274.

545 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т.I. Вып.2. Париж, [1921]. С. 54.

546 Четвертая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.2. С.148. См. также: Ответ «старому офицеру» // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 287; Теоретические основы воспитания и образования войск // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.1. С. 275.

«Русский инвалид», служившей голосом военного министерства в печати. В результате, в газете пришлось сменить редактора[547]. Вероятно, дополнительным средством давления со стороны консерваторов была новая волна студенческих волнений, которая давала о себе знать с осени 1868 года. Движение не обошло стороной, например, Медико-хирургическую академию, которая находилась в подчинении военного министра[548]. Драгомиров пользовался значительным влиянием в среде молодых офицеров Генерального Штаба и слушателей военно-учебных заведений, о чем свидетельствуют приведенные выше воспоминания Драке и другие источники[549]. С.Д. Шереметев вспоминал о столкновении князя А.М. Дондукова-Корсакова с одним из поклонников Драгомирова: «Гусарский офицер читал ему лекцию о взглядах Генерального штаба, о Драгомирове, тогда еще полковнике, и развивал свою мысль на тему значения “bayonette intelligente”[550] говорил о поднятии уровня образования посредством армии – словом, проповедовал Милютинскую систему... Кто бы узнал в этом гусаре будущего прославленного Скобелева?»[551]. Не исключено, что уход Драгомирова из Николаевской Академии Генерального Штаба был связан с кампанией против Милютина. «Ни один год еще не встречал я в таком тяжелом и грустном настроении, как наступивший 1869-й, – признавался военный министр, – Все испытанные мною в конце истекшего [1868] года неприятности и огорчения до того расстроили меня и нравственно, и физически, что я уже помышлял об оставлении своей должности»[552].

Так или иначе, в 1869 году Драгомиров оказался в Киеве на посту начальника штаба округа при командующем войсками генерал-лейтенанте Н.Ф. Козлянинове. На следующий год 52-летний командующий округа пережил удар, однако, несмотря на полностью расшатанное здоровье, не пожелал оставить свой пост, что поставило Драгомирова в крайне

547 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868- начало 1873. М., 2006. С. 95-99.

548 *Сватиков С.Г.* Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев) // Наша страна. Исторический сборник. СПб. 1907. С. 182-197.

549 *А[ндреевский] Е.К.* Михаил Иванович Драгомиров и военно-учебные заведения // РС. - 1908. - №10. - С. 49-52.

550 Букв. «мыслящий штык» (фр.), т. е. солдат, осознанно исполняющий свой долг.

551 *Шереметев С.Д.* Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 99.

552 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868- начало 1873… С. 145.

затруднительное и двусмысленное положение, так как вынуждало игнорировать неудобоисполнимые приказания. На эту ситуацию Михаил Иванович жаловался в письме Милютину от 1 сентября 1870 года[553]. Только 26 апреля 1872 года в Киев был назначен новый командующий — генерал-адъютант А.Р. Дрентельн. Князь А.М. Дондуков-Корсаков, тогдашний генерал-губернатор Юго-Западного края, писал, что Драгомиров «орудовал всем делом, а последние годы при умственном расстройстве Козлянинова, был настоящим командующим войсками»[554], а А.С. Лукомский признавался, что «слышал, что при генерале Козлянинове и Дрентельне Драгомиров как начальник штаба пользовался большим влиянием»[555].

Впрочем, независимое положение в Киеве едва ли устраивало Драгомирова. Во-первых, он был далеко от центра принятия решений. Во-вторых, с начала 1869 года и до 1872 года, то есть более трех лет, он не опубликовал ни строчки в военной периодике. Это небывало длительный период молчания для такого плодовитого автора, каким был Михаил Иванович, а с учетом того, что этот период пришелся на время франко-прусской войны 1870-1871 годов, нам кажется сомнительным, что отсутствие статей объясняется банальной загруженностью. По всей видимости, сказывались последствия бурных дискуссий 1868 года и неудовольствия Александра II. В результате, один из самых талантливых русских военных писателей не сыграл большой роли в интерпретации войны Пруссии и Франции для русской публики. Эту роль взяли на себя, прежде всего, Г.А. Леер и барон Л.Л. Зедделер[556]. С другой стороны, новые успехи прусского оружия не остались без последствий. Та связь, которую Драгомиров проводил между успехами на войне и всем строем государственной и общественной жизни, комментируя итоги кампании 1866 года, после 1871 года стала

---

553 ОР РГБ. Ф. 169. К. 63. Д. 26. ЛЛ. 1-5об. См. также: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868- начало 1873… С. 293.

554 Из дневника князя А.М. Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Кн. 9. СПб., 1905. С. 13.

555 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 101.

556 *Леер Г.А.* Публичные лекции о войне 1870-1871 годов между Францией и Германией до Седана включительно. СПб., 1873; *Он же.* Публичные лекции о войне 1870-1871 годов между Францией и Германией от Седана до конца войны. СПб., 1873; *Зедделер, барон*. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в германо-французской войне 1870-71 годов. // ВС. - 1872. - №7. - С. 33-115. Кроме того, см. записки Зедделера в Гл. Комитет по устройству и образованию войск: РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 277.

очевидной для всех. Зедделер отмечал, что для успеха на войне необходимо, чтобы «*вся нация, вся интеллигенция, все средства государства жили и служили для одной войны* [выделено в оригинале, – С.Ю.]»[557]. Леер в публичных лекциях о войне 1870-1871 годов отмечал, что именно военная система Пруссии во всей ее совокупности, будучи продолжением добродетелей нации, предопределила успех[558]. Вставал вопрос о более глубоких военных преобразованиях в России, включая введение всеобщей воинской повинности и более тщательной подготовке войск. Милютин в своих воспоминаниях отмечал перемену в настроениях: «Под живым впечатлением современных действий пруссаков и рассказов возвратившихся с театра войны наших офицеров, все главные начальники более или менее взялись за дело рационального обучения войск, за распространение тактических знаний между офицерами и командирами частей. Везде начали заводить в зимнее время лекции и беседы, решение тактических задач, военную игру, а в летнее время предпринимались “полевые поездки” сначала только офицеров Генерального штаба, потом с участием строевых офицеров разных родов оружия, а наконец, и одних строевых офицеров»[559]. Далее военный министр прибавлял, что дело обучения пошло бы еще успешнее, если бы не контрпродуктивное вмешательство Александра II: «В вопросе обучения войск он понимал, конечно, новые требования, – отмечалось в воспоминаниях, – но вместе с тем опасался, чтобы войска не утратили своей традиционной стройности и стойкости»[560].

Понимание «новых требований» выразилось и в изменении положения сторонников реформ в армии. Уже в 1870 году вышла книга Драгомирова «Опыт подготовки частей к бою. Подготовка роты», которая к 1873 году выдержала четыре издания. Книга была рекомендована Главным Штабом как «неофициальное руководство» при обучении рот и батальонов[561].

---

557 *Зедделер, барон*. Пехота, артиллерия и кавалерия… С.34-35.

558 *Леер Г.А.* Публичные лекции… до Седана включительно. С. 7; *Леер Г.А.* Публичные лекции… от Седана до конца войны. СПб., 1873. С. 366.

559 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868- начало 1873… С. 442.

560 Там же. С. 443.

561 *Драгомиров М.* Тактика. Ч.1. СПб., 1872. Предисловие. С. III.

«Начальники частей, – говорилось в предисловии, – приглашаются […] смотреть на предлежащий опыт не как на безусловно обязательный; исполнять его не столько по букве, сколько по духу, внося в это исполнение всю добрую волю и силу личного разумения»[562]. В 1872 году вышел курс тактики Драгомирова для военных училищ[563]. Оба эти издания существенно упрочили влияние Михаила Ивановича, пусть и не на содержание уставов, но на обучение их применению в боевой обстановке. 16 апреля 1872 года генерал-майор Драгомиров был включен в императорскую свиту, что было явным знаком монаршего благоволения. В том же году статьи Михаила Ивановича снова стали появляться в «Русском инвалиде» и «Военном сборнике».

Итоги франко-прусской войны 1870-1871 годов только укрепили убеждение, что России не удастся долго оставаться в стороне от европейских событий. Драгомиров писал, что разгром французской армии вызвал «нарушение европейского равновесия в пользу Пруссии в такой мере, с какой может сравниться только нарушение его в пользу Франции в эпоху Наполеона I»[564], а значит, «мировая трагедия, первый акт которой разыгран в 66-м, второй в 70-м году, еще не окончена»[565]. Неизбежность ввода всеобщей воинской повинности, о которой Драгомиров впервые заявил еще в ответе Гершельману в 1868 году[566], теперь стала абсолютно очевидной. Военное министерство рассчитывало при существующей системе выставить на главном театре военных действий не более 500-600 тысяч человек, полагая, что Германия, в случае вторжения, готова бросить на Россию миллионную армию[567]. Впрочем, Михаил Иванович считал переход на всеобщую воинскую повинность скорее неизбежным злом, нежели благотворной мерой. Несколько противореча своим прежним мыслям, он отмечал, что громкие победы

---

562 *М. Д[рагомиров].* Опыт руководства для подготовки частей к бою. Ч.1. Подготовка роты. Киев, 1871. С. 3-4.

563 *Драгомиров М.* Тактика… Ч.1. Предисловие. С. I.

564 По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 584.

565 Там же. С. 518.

566 Дополнения и пояснения к статье // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 363.

567 *Зайончковский П.А.* Военные реформы… С. 261.

пруссаков в 1870-1871 годах объясняются многими факторами, но прежде всего, банальным численным превосходством[568]. С переходом всех основных европейских держав на аналогичные системы комплектования армии этот фактор исчезнет, и войны могут приобрести затяжной характер, что пагубно скажется на народных средствах. Кроме того, количество неизбежно отразится на качестве войск[569].

В последнем номере «Военного сборника» за 1872 год начала выходить серия статей Драгомирова «По поводу некоторых статей, вызванных последними двумя кампаниями», которая ознаменовала возвращение генерала на страницы военной периодики после долгого перерыва. Лейтмотивом статей была мысль о том, что только теория, а не ограниченный личный опыт или наблюдения, могут предохранить от односторонних и поспешных выводов. Драгомиров критиковал работы Л.М. Байкова, барона Л.Л. Зедделера, прусского писателя А. фон Богуславски и Пленниса, противопоставляя им труд Г. Кардинала фон Виддерна (К. ф. В.), который единственный из разбираемых авторов, избежал односторонности и учел не одни только материальные, но и моральные факторы[570]. «Факты духа человеческого, хотя их ни взвесить, ни измерить нельзя, слишком внушительно заявляют свою реальность, чтобы их игнорировать», – подчеркивалось в разборе[571]. Впрочем, подспудным мотивом критики было не просто лишний раз указать на приоритет духовных начал на войне. Драгомиров очевидно клонил к тому, что необходим более профессиональный, основанный на знании подход к реформированию вооруженных сил.

В том, что касается конкретных мер, Драгомиров остался верен себе, и новая статья, как и предыдущие, изобилуют указанием на необходимость

---

[568] По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 545.

[569] Там же. С. 518.

[570] В переиздании статей Драгомирова 1881 г. в фразе «И очень, очень редко прокинется автор, который вспомнит *человека»* исчезли слова «подобно К.ф.В., или г. Лееру», присутствовавшие в оригинальной публикации: *Драгомиров М.* По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // ВС. - 1873. - Т.90. - №4. - С. 273.

[571] По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 584.

свободно варьировать тактические формы, поощрять инициативу младших начальников, приучать их соображать построения к конкретным обстоятельствам и возвысить роль унтер-офицеров и старших в звеньях[572]. Новым было то, что Михаил Иванович гораздо больше был теперь озабочен тем, что Клаузевиц называл «трением». По мнению Драгомирова, прусским офицерам недоставало контроля над войсками, что выразилось в неспособности удержать резервы от самовольного подкрепления боевой линии, неспособности удерживать сомкнутый строй, производить залпы и сберегать патроны[573]. Одной из проблем, которую выдвинула на первый план кампания 1870-1871 годов, было перемешивание частей во время боя, что делало управление почти невозможным[574]. «Не подлежит сомнению тот факт, что современные войска страдают недостатком внутреннего сцепления и самообладания под огнем»[575], – категорически заявлялось в статье. Поэтому Драгомиров, в отличие от других комментаторов, считал невозможным полный отказ от сомкнутого строя даже в боевой линии, хотя и выступал за более широкое использование разомкнутых (но не рассыпных) построений[576]. На появлении в его работах термина «разомкнутый строй»[577] следует обратить особое внимание. После кампании 1866 года в статье «О вероятных переменах в тактике» критически отмечалось: «Строго говоря, *мы не имеем теперь рассыпного строя, а имеем только разомкнутый* [выделено в оригинале, – С.Ю.], что далеко не одно и то же»[578]. Речь шла о том, что действия цепи искусственно «одеревенили» излишней регламентацией[579]. После кампании 1870-1871 годов взгляд был уже совсем иным. Драгомиров предлагал ввести разомкнутый строй в уставы как самостоятельный,

[572] Там же. С. 504, 521, 558-559.
[573] Там же. С. 520, 526-527, 552-553.
[574] *Зедделер*, бар. Пехота, артиллерия и кавалерия… С.50-51.
[575] По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 593. См. также обзоры аналогичных дискуссий о проблеме сочетания инициативы и контроля в Германии после 1871 г.: *Echevarria, A.J.* Op. cit. pp. 5-6, 13-15, 32-33, 38; *Brose, E.D.* The Politics of Military Technology in Germany During the Machine Age, 1870–1918. (Oxford; N.Y., 2001). pp. 20-21. 55-58.
[576] По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 526-527.
[577] Разомкнутный строй отличается от рассыпного сокращением интервала между стрелками до 1-2 шагов.
[578] О вероятных переменах в тактике, вследствие распространения дально- и скорострельного оружия // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 314.
[579] Там же. С. 314-315.

отличный от сомкнутого и рассыпного[580], потому что «оказалось, что нынешние средства и приемы удержания людей в руках далеко не достаточны, и что настоит крайняя необходимость дополнить их иными, более действительными»[581]. Этот строй теперь мыслился Михаилом Ивановичем как основной в огнестрельный период боя.

Другим средством, если не устранить хаос во время боя, то по крайней мере, приноровить войска к беспорядку и быстрому восстановлению строя, Михаил Иванович видел в тех же сквозных атаках[582]. Помимо этого, генерал предлагал шире применять обстреливание войск, в том числе и со станков, для приучения их к акустическим и психологическим эффектам огня. Отметим, что оба эти приема подверглись критике как искусственные и не ведущие к цели, однако критики, Байков, Зедделер и Волоцкой, не предложили ничего иного, кроме укрепления дисциплины и личного влияния офицеров, которые не отрицал и Драгомиров[583]. Наконец, Михаил Иванович уделил большое внимание вопросу техники отдачи приказаний[584] и посвятил ему отдельную статью[585].

Война между Пруссией и Францией диктовала Драгомирову смещение акцентов в дилемме «контроль-огонь» в сторону усиления контроля. Что же касается требований огня, то впервые ему пришлось отстаивать значение штыка против тех, кто считал, что огонь приобрел решающее значение. За 15 с лишним лет, прошедших после окончания Крымской войны, Драгомиров видел постоянные метания от отрицания штыка к его реабилитации. После крымского поражения некоторое время стрелковое дело получило повышенное внимание как в России, так и за рубежом, пока австро-

---

[580] По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 603.

[581] Там же. С. 520.

[582] Там же. С. 505, 532.

[583] *Байков Л.* По поводу статьи г. М. Драгомирова, помещенной в 12 № «Военного сборника» за 1872 г. // ВС. - 1873. - №4. - С. 307; *З[едделе]р.* По поводу статьи г. М. Драгомирова помещенной в 4 № «Военного сборника» за 1873 год // ВС. - 1873. - №6. - С. 283-293; Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1873 год. М., 1897. С. 498-499. Скорее всего, имеется в виду Николай Викторович Волоцкой.

[584] По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 506.

[585] О приказаниях и донесениях // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.1. С. 616-634.

французская война 1859 года не заставила снова заговорить о значении штыковых атак. Маятник качнулся в обратную сторону в 1866 году в связи с «игольной паникой», но опять ненадолго. Наконец, после поражения французов в 1870-1871 годах, снова заговорили о том, что огонь сделал штыковые атаки невозможными или, по крайней мере, трудно исполнимыми[586]. Противоречивость опыта 1850-начала 1870-х годов усиливалась колебаниями самих комментаторов этого опыта. Они нередко говорили о том, что пуля и штык «поменялись местами», в других местах сами же опровергая себя: указывая, например, что нельзя полагаться только на огонь[587]. Драгомиров, во-первых, предлагал четкую и определенную формулу «штык и пуля не исключают, но дополняют друг друга», а во-вторых, говорил, что только глубокое знание теории (которое, очевидно, предполагалось у него, но не у его противников) способно предохранить от шатаний в одну или другую крайность.

На стороне Драгомирова выступала не только логика, последовательность и определенность, но и военная традиция. Нацеленные на него аргументы Зедделера против сквозных атак он переводил на Суворова: «[…] вы полагаете, что к подобным жалким фокусам, как сколачиванье для наружного вида, был способен прибегать человек, воспитавший итальянскую армию и показавший швейцарским походом, что у него фокусов не было, а было дело и только дело!»[588]. Когда перемены начинали выглядеть неизбежными, военные царствования Александра II готовы были воспринимать тех, кто опирался на знакомые им принципы, восходящие к Морицу Саксонскому, Суворову, Наполеону и его сподвижникам, а не тех, кто говорил о радикальном перевороте в тактике.

В пользу Драгомирова говорил и тот простой факт, что пруссаки победили французов, несмотря на явное преимущество последних в стрелковом

---

586 *Зедделер, барон*. Пехота, артиллерия и кавалерия… С. 54.

587 Сравни статьи: *Байков Л.* Влияние сражения под Кениггрецом на тактику // ВС. - 1872. - №6. - С. 303-353; *Его же.* По поводу статьи г. М. Драгомирова... Такие же противоречия см.: *Зедделер, барон*. Пехота, артиллерия и кавалерия… С. 47-48, 54-55.

588 По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 531.

вооружении, которое дала более совершенная винтовка Шасспо[589]. Пример австрийского генерала Л. К. Ф. фон Габленца, который нанес в 1866 году поражение пруссакам при Траутенау, несмотря на их преимущества в вооружении, теперь подкреплялся целой россыпью побед пруссаков, которые они одержали, имея более слабое стрелковое вооружение[590]. Энергичность и решительность начальника и подчиненных ему войск стояла выше материальных факторов. По крайней мере, такой вывод напрашивался из опыта 1866 и 1870-1871 годов. Результаты, которые показали французские митральезы[591], тоже были скорее разочаровывающими, и Драгомиров не упустил возможности высмеять их[592]. Таким образом, опыт новейших кампаний был слишком противоречив и неоднозначен, чтобы дать надежную точку опоры для сторонников радикальных перемен в тактике. А главное, он показывал, что решительные результаты достигаются не благодаря усилившейся огневой мощи, а вопреки ей. Следовательно, как писал Драгомиров, «более совершенное оружие непременно требует и более совершенного человека»[593].

Так или иначе, опыт 1866, и особенно, 1870-1871 годов заставил пойти на существенные перемены. 1 января 1874 года в России была введена всеобщая воинская повинность. «Новейшие события доказали, – провозглашалось в императорском манифесте, – что сила государств не в одной численности войска, но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высшего развития лишь тогда, когда дело защиты отечества становится общим делом народа, когда все, без различия званий и состояний, соединяются на это святое дело»[594]. То, что эти слова формально исходили от

[589] Французская винтовка Шасспо достигала лучших баллистических результатов, чем прусское игольчатое ружье Дрейзе. За счет более продуманной обтюрации (запирания пороховых газов), Шасспо была более дальнобойной, и наносила большие потери уже с расстояния 1500-1800 шагов: *Зедделер, барон*. Пехота, артиллерия и кавалерия… С. 37.

[590] Винтовки скорострельные и обыкновенные, с тактической точки зрения // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 487; По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 506-507.

[591] Митральеза (картечница) – ранняя версия пулеметов. Представляла из себя 25 стволов, устанавливаемых на лафет. Поворот ручки производил выстрелы со скоростью около 100 выстрелов в минуту.

[592] По поводу некоторых статей, вызванных последними кампаниями // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 1. С. 507-507, 536.

[593] Там же. С. 585.

[594] Устав о воинской повинности с дополнениями и разъяснениями. Сост. полк. Н. Светлицким. М., 1876. С. 1.

самого императора Александра II, можно считать крупным успехом Драгомирова и его идей. Проблема была в том, что русская армия не сумела выработать ясной и четкой тактической доктрины к тому моменту, когда и ей пришлось выступить на поля сражений в 1877 году. Это хорошо иллюстрирует выпуск «Сборника материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг», посвященный тактической подготовке войск. Формально, основным уставным документом оставался Устав о строевой пехотной службе 1866 года. Он состоял из четырех отделов, каждый из которых в 1865-1875 годах переиздавался несколько раз, что потребовало от составителей сборника дать пояснительную записку. Но этот устав дополнялся различными официальными наставлениями, полуофициальными текстами (как, например, «Опыт подготовки частей к бою» Драгомирова и его же учебник тактики), не говоря о различных видах, проводимых строевыми начальниками от командующих округов до начальников дивизий[595]. Совокупность тактических принципов, выработанных в русской армии в 1860-1870-е годы, представляла из себя «двухэтажную» конструкцию, в основании которой лежали уставы, а на их основе «достраивалось» их практическое применение. Конечно, в условиях неопределенности выводов из кампаний 1850-1870-х годов, это было естественным решением, которое соответствовало мировой практике. Так, пруссаки вступили в войну с Францией, формально руководствуясь уставом 1847 года, в котором, по словам Зедделера, «только намекается о ротных колоннах; большинство же движений и действий основано на развернутом строе, более крупных колоннах и на так называемой линейной тактике». Реальным руководством к действию войск в бою была «Инструкция о высшем управлении войсками», которая была распространена между начальствующими лицами до полкового командира, и представляла из себя не узаконения, но советы, основанные на новейшей тактике[596]. Аналогичной была ситуация во французской армии, которая действовала по уставу 1862 года, восходящему еще к уставу 1791 года. После 1866 года во Франции была

[595] Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 21. Ч.1. СПб., 1903. С. I-VIII.

[596] *Зедделер*, бар. Пехота, артиллерия и кавалерия… С. 44-45.

принята серия инструкций, которая постепенно трансформировала тактику «наступления во что бы то ни стало» (*offensif à outrance*) в более оборонительный вариант, основанный на огне. С этой тактикой французская армия вступила в войну 1870-1871 годов[597]. Проблема была в том, что в русской армии, в отличии от прусской, накануне 1877 года не появилось никакой обобщающей инструкции, наподобие «Инструкции о высшем управлении войсками».

Из-за этого достаточно непросто определить степень влияния Драгомирова на тактику русской армии к 1877 году. Его вклад в нее очевиден, однако он не был столь решительным, чтобы, вслед за Б. Меннингом, говорить о том, что «новые уставные требования наступательной тактики пехоты» создавались «под руководством Драгомирова»[598]. Скорее речь шла о сложных поисках компромисса между сторонниками более радикального перехода к огневой тактике, вроде Байкова и барона Зедделера, сторонниками взвешенного обновления уставов, к которым следует отнести Михаила Ивановича, и наконец, третьей группы более консервативно настроенных военных. Кроме того, как справедливо отмечает А. Эчеварриа, «действия на поле боя обычно связаны скорее с неразберихой, произведенной туманом и трением, свойственными войне, нежели с недостатками в теории или доктрине»[599]. Драгомиров понимал эту дистанцию между уставными правилами и их применением в бою, что заставляло его уделять повышенное внимание обучению войск, которое, в конечном счете, было нацелено на практику в преодолении трения, под которым следует понимать многочисленные боевые явления, неподвластные уставу – от невозможности поднять войска в атаку до неверно переданных приказаний.

2.3. Выводы

В 1860-1870-е годы Драгомиров принял участие в разработке военных реформ, проводимых под руководством военного министра Д.А. Милютина.

---

597 *Ortholan, H*. L´Armée du Seconde Empire, 1852-1870. (Éditions Soteca, Napoleon III, 2009). pp. 110-111.
598 *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 67.
599 *Echevarria, A.J.* Op. cit. p. 4.

Он участвовал в написании ключевых уставов, преподавал в Николаевской Академии Генерального Штаба и полемизировал в военных журналах по вопросам обучения войск и тактики. Его влияние на все эти вопросы было возрастающим, но не решающим. Развитие русской армии в 1860-1870-х годах в гораздо большей степени зависело от Милютина, в.кн. Николая Николаевича Старшего, плеяды более опытных генералов, и, в конце концов, от императора Александра II, причем противоречия между ними и Михаилом Ивановичем касались не столько вопросов тактики, потому что все более или менее признавали необходимость поиска баланса между требованиями огня и требованиями контроля над войсками, сколько более фундаментальных вопросов о взаимоотношениях между начальниками и подчиненными в войсках и об основах, на которых будет строиться дисциплина в обновленной русской армии. Колебания в этих вопросах в конечном итоге происходили от неопределенностей относительно сохранения прежних традиций русской армии, относительно необходимых реформ как в самой армии, так и в русском обществе, наконец, относительно тех выводов, которые вытекали из войн 1850-1870-х годов. Такие события как польское восстание 1863-1864 годов или выстрел Каракозова 1866 года давали козыри в руки консерваторов и влияли на судьбу военных реформ примерно в той же степени, в какой они влияли на ход реформ в других сферах. С другой стороны, успехи прусской армии в 1866 и в 1870-1871 годах заставляли двигаться в сторону более существенных перемен. Наконец, позиция Михаила Драгомирова в значительной степени определялась традицией военной мысли, идущей от Морица Саксонского и Суворова и отдававшей подготовке войск, их сплоченности и моральному фактору первенствующее значение, определяющее успех в бою в гораздо большей степени, нежели материальным факторам.

Глава 3. М.И. Драгомиров и русско-турецкая война 1877-1878 годов

3.1. Подготовка 14-й пехотной дивизии

9 мая 1873 года генерал-майор Михаил Драгомиров прибыл в Кишинев и вступил в командование 14-й пехотной дивизией[600]. Дивизия состояла из четырех полков трехбатальонного состава: 53-го Волынского пехотного, 54-го Минского пехотного, 55-го Подольского пехотного и 56-го Житомирского пехотного полков. В каждом полку было 15 рот. Летом 1873 года 14-я и 15-я пехотные дивизии поменялись местами дислокации, в результате чего дивизия Драгомирова стала располагаться в Бессарабской губернии[601]. Расквартирование полков менялось в зависимости от времени года и насущных потребностей, но эти изменения были незначительны. Например, в 1876 году оно было следующим. Десять рот Волынского полка находились в Кишиневе, пять рот — в Миренах (18 верст от Кишинева). Шесть рот Минского полка также находились в Кишиневе, а остальные роты располагались по деревням в 11-21 верстах от города. Штаб Подольского полка находился в Тирасполе, как и четыре его роты. Остальные роты квартировали по деревням в 9-20 верстах. Житомирский полк занимал Бендеры своим штабом и восьмью ротами. Еще две роты располагались в казармах Бендерской крепости. Остальные роты квартировали по деревням и предместьям в 3-8 верстах[602]. Таким образом, 30 рот было размещено казарменным порядком, и 30 рот – по деревням. Половина дивизии не имела собственных казарм, что значительно затрудняло процесс обучения.

Другой важной проблемой было лагерное место для летних занятий под Бендерами. Лагерь располагался в низменности, которая подтоплялась в дождливую погоду, что заставляло вносить корректировки в занятия в случае выпадения осадков. Так случалось в 1873 и в 1875 годах. В течение 1874-1875

---

600 РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7106. ЛЛ. 841-853, 854-861.
601 *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами // ВС. - 1875. - №1. - С. 34.
602 Сборник материалов… Вып. 5. СПб., 1898. С. 42-43.

годов лагерь под Бендерами был оборудован и приведен в порядок, хотя неудобство, связанное с дождями, разумеется, решить не удалось[603].

14-я пехотная дивизия входила в состав Одесского военного округа, войска которого предназначались для обороны Черноморского побережья и действий против Османской империи. Отчеты командующих Одесским округом (1862-1874 – генерал-от-инфантерии граф П.Е. Коцебу, 1874-1879 – генерал-адъютант В.С. Семека) позволяют судить о том, как шла подготовка дивизии накануне русско-турецкой войны 1877-1878 годов. До Драгомирова дивизией не менее 13 лет командовал генерал-лейтенант В.С. Козловский. Судя по отчетам графа Коцебу, 14-я дивизия не выделялась на фоне остальных частей округа, а «занятия грамотностью в 14-й дивизии были слабее прочих, и общие результаты были бы еще ниже, если бы не Минский полк, в котором занятия эти получили должное развитие»[604].

В сентябре 1873 года временный командующий войсками Одесского военного округа генерал-лейтенант В.С. Семека смотрел занятия 14-й пехотной дивизии и других частей в Бендерском лагере. Отметим, что к тому моменту Драгомиров командовал дивизией всего четыре месяца, и, конечно, этот смотр был не показателен. Семека отмечал, что «в общем значении, исполнение [тактических задач на местности] было осмысленно и распоряжения в большинстве правильные; но в частностях, ошибки замечались при каждом решении»[605].

Посетив те же занятия в 1875 году, Семека отмечал значительный прогресс: «В прошлом году, на смотру цельной стрельбы, результаты ее в 14-й пехотной дивизии были неудовлетворительные: в общей сложности, они не достигали хорошей оценки; в течение же года, занятия стрельбой, видимо, производились так старательно и так отчетливо, что успехи за год оказались весьма значительные»[606]. Особенно бросились в глаза командующему округом находчивость и самостоятельность чинов дивизии: «С истинным

---

603 *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами... С.34-35; *Он же.* О занятиях войск в общем сборе под Бендерами в 1875 году // ВС. - 1875. - №12. - С. 125, 127, 135, 142.

604 Сборник материалов… Вып. 21. Ч.2. СПб., 1903. С. 210.

605 Там же. С. 186.

606 Там же. С. 252.

удовольствием я видел, как каждый батальонный и ротный командир, без всякой суеты, самостоятельно и толково распоряжается частью. Могли быть ошибки и недосмотры (их было однако немного), но где же их и не бывает. Особенно важно то, что каждый начальник проникся обязанностью – самостоятельно командовать частью, скоро обдумывать, что ему надо делать и в большинстве случаев – обдумывать правильно. С такими задатками обучения, боевое развитие войска обеспечено. На этих же батальонных учениях я любовался находчивостью и сметливостью офицеров и солдат, при всякой неожиданности»[607].

Можно заключить, что к осени 1875 года, когда состоялся осмотр, Драгомиров сильно подтянул довольно среднюю часть. Генерал Семека не дал никаких отрицательных отзывов 14-й дивизии, хотя он не стеснялся указывать на недостатки и ошибки в подготовке других частей своего округа. Смотр августа 1876 года упрочил репутацию драгомировской дивизии[608].

В своих воспоминаниях И.Г. Моторный, бывший подпоручик 14-й пехотной дивизии, подробно описывает методы, которыми Драгомиров пользовался при обучении дивизии. В первый свой приезд в Минский полк, где служил Моторный, Драгомиров столкнулся с тем, что ротные командиры полка не могут решить даже простую тактическую задачу. «После этого генерал собрал всех офицеров, – вспоминает Моторный, – и сказал: “в незнании я вас не виню, вас не учили; теперь будем учиться тому, что от нас потребуется на войне”»[609]. Затем Драгомиров провел собеседования со всеми офицерами от командира полка до всех ротных командиров. Вопросы были одинаковые: «Имеете ли жалобу или претензию?», «Читаете план?» (далее следовало несколько вопросов по полуверстному плану), затем давалась тактическая задача, «Сколько долгов частных и сколько в офицерский капитал?», в конце следовал вопрос на знание караульного устава[610].

---

607 Там же. С. 252-253.
608 Там же. С. 259-264.
609 *Моторный И.Г.* Виноват ли М.И. Драгомиров в наших поражениях // Разведчик. - 1907. - №873. - С. 410.
610 Там же.

«По приеме дивизии, – продолжал Моторный, – подряд первые два года, он [Драгомиров — С.Ю.] при инспекторских смотрах положительно каждому офицеру предлагал в своем присутствии решить тактическую задачу на плане и несколько в поле, во время лагеря […] и всегда спрашивал, почему задача решена так, а не иначе, и когда получал объяснения, то всегда оставался доволен, хотя зачастую с решением не соглашался, добавляя, “а я бы решил так-то, потому-то”. Если же решающий не отвечал, почему он решил задачу так, а не иначе, то Михаил Иванович приходил в раздражение, крича: “вы и не подумали, решая ее, а так себе наугад”, и сейчас же решающего высылал из комнаты, а если задание происходило в поле, то он недовольный отъезжал к другой роте»[611].

Задачи и вопросы задавались внезапно, что требовало от офицеров постоянного внимания. Драгомиров указывал, что любой начальник «обязан был на маневрах, если видел, что в своем отряде произошла ошибка, или противник сделал промах, без всякого указания высшего начальства, немедленно принять меры к исправлению ошибки, или принять такое решение, чтобы еще больше затруднить положение неприятеля, и в то же время о принятом решении донести ближайшему своему начальнику»[612]. Моторный постоянно подчеркивает в своих воспоминаниях, что основной упор в подготовке дивизии делался именно на развитие инициативности подчиненных. Драгомиров старался бороться со страхом перед ошибками в своих офицерах. «Им постоянно твердилось, что ошибка ничего не значит, если, для ее исправления, офицер, ни сколько не теряясь, выйдет и спокойно скомандует, что следует», – передавалось в отчете о занятиях в Бендерском лагере[613].

Особенное внимание уделялось ротным командирам. Ротный командир обязан был составлять программы обучения, с тем чтобы занятия шли планомерно, и предъявлять письменные программы при инспекторских

---

611 Там же. С. 410-411.
612 Там же.
613 *Г.Б.* О занятиях войск… С. 127.

поездках Драгомирова[614]. Начальник дивизии нередко приглашал командующих рот на обед без присутствия штаб-офицеров для знакомства в неформальной обстановке. Таким образом, Драгомиров установил достаточно эффективный контроль за обучением в дивизии, вплоть до обучения индивидуальных бойцов. Удовлетворявшие требованиям выдвигались в обход более старших товарищей. Так, Моторный, будучи подпоручиком, получил в командование роту в обход прочих штабс-капитанов и поручиков, которые «страшно обиделись и хотели принести жалобу на Драгомирова, но так и не жаловались»[615]. Такие методы подготовки дивизии очевидно нравились не всем. Хотя подавляющее большинство мемуаристов пишет о самых проникновенных отношениях между Драгомировым и солдатами и офицерами 14-й дивизии, а Моторный в 1907 году выступил со статьей в защиту «незабвенного учителя», отголоски недовольства Михаилом Ивановичем также находили место. Характерный пример – сатирическая карикатура «Генерал Онагренко», опубликованная в 1898 году. В образе «Потапа Ивановича Онагренки» безошибочно угадывается Драгомиров. В рассказе «бригадный командир» Онагренко предстает грубым, двуличным, заискивающим перед солдатами и местными помещиками, но придирчиво обращающимся с офицерами, склонным к пьянству и обжорству. Онагренко поощряет анонимное доносительство и даже держит специальный портфель для доносов и книжку, куда вносит промахи офицеров[616]. «Говорили, что инспектирующий [т. е. Онагренко, — С.Ю.] “свирепствует”, задает какие-то “задачки” (задачек этих почему-то офицерство в особенности боялось, и больше всех люди старые, с сединой). Болтали, что будто бы тех, кто не поймет или не тотчас решит задачку, Онагренко “уничтожает”»[617], – пишет автор. В письме к графу И.И. Воронцову-Дашкову генерал М.И. Батьянов упоминает этот рассказ: «Там описывают Драгомирова[,] когда он был Начальником дивизии»[618].

---

614 Там же. С. 145.
615 *Моторный И.Г.* Указ. соч. С. 410-408, 411.
616 *Длусский К.* Генерал Онагренко // Наблюдатель. - 1898. - №3. - С. 182-214; №4. - С. 154-185.
617 Там же. №4. - С. 171.
618 ОР РГБ. Ф. 58. Ч. 1. К. 8. Д. 30. Л. 5.

Так или иначе, дивизия постепенно впитывала в себя требования Драгомирова, суть которых хорошо передают отчеты о лагерных сборах под Бендерами в 1874 и 1875 годах. Занятия войск, собранных в лагере, проходили в соответствии с проектом инструкции для летних занятий (в 1874 году) и ее окончательным вариантом (в 1875 году)[619]. При этом лагерные сборы имели свои определенные особенности, на которых мы и сосредоточим внимание.

В 1873 году в парольном приказании были объявлены «правила, или, лучше сказать, советы, которые предлагались исполнять на маневрах», которые в дальнейшем постоянно дополнялись[620]. Главной целью маневров считалось предоставление начальникам войск практики в распоряжении войсками, отдаче приказаний и применении уставных форм[621]. Требовалось, «чтобы начальник указывал своим подчиненным цель действия, предоставляя им свободу относительно применения формы»[622]. Процесс передачи приказаний очень четко контролировался, вплоть до того, что намеренно посылались фальшивые ординарцы с несуразными приказаниями[623]. «Обращено было внимание на то, чтобы за выбытием из строя ротного командира тотчас же принимал команду старший, не ожидая на то особого приказания», – сообщалось в отчете[624].

Следует отметить, что на процесс передачи приказаний в русской армии в 1875 году было обращено особенное внимание. Так, например, в приказе командующего Варшавским военным округом генерала от инфантерии графа П.Е. Коцебу от 13 июня 1875 года говорилось: «На бывших двухсторонних ученьях и маневрах замечено мною, что в войсках округа не вполне еще усвоена правильная система передачи приказаний и доставления донесений»[625]. Далее следовали подробные разъяснения от командующего.

---

619 Летние сборы войск в 1874 году // ВС. - 1875. - №1. - С. 28. Текст инструкции: Инструкция для летних занятий в первой половине лагерного сбора 1875 г. в пехоте // Русский инвалид. - 1875. - №110. - С. 2.

620 *Г.Б.* О занятиях войск... С. 137.

621 Там же; *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами... С.38, 43-44, 45-46.

622 *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами... С.42.

623 Там же. С. 45-46.

624 Там же. С.37.

625 Приказ войскам Варшавского военного округа // Русский инвалид. - 1875. - №132. - С. 2.

Постоянно составлялись сводные роты и батальоны военного состава (до 58 рядов во взводе – 116 человек), чтобы дать командующим практику, более приближенную к условиям военного времени. «Тут выяснилось, насколько труднее командовать ротою военного состава, – отмечалось в отчете, – и в какое затруднительное положение становится тот, кто привык, как говорится, сидеть на роте»[626].

Пример с фальшивыми ординарцами дает представление о том, насколько неистощим был Драгомиров на разные выдумки и уловки, которые должны были воспитывать в его дивизии неусыпное внимание на учениях. Применялось также переиначивание команд[627], посылка офицеров, провоцировавших на нарушение устава караульной службы[628], от постов и разъездов требовалось записывать информацию о проезжающих, вплоть до масти лошадей в экипаже, искать специально оставленные предметы[629] и т. п. Об «иезуитских» приемах Драгомирова по воспитанию внимательности и дотошности в исполнении караульной службы сообщает и упомянутый рассказ «Генерал Онагренко»[630]. Внимательность всех участников учений от командующих до рядовых было одним из ключевых и постоянно повторяемых требований Драгомирова.

Проводились учения с боевыми снарядами и патронами, предложенные Драгомировым еще в начале 1860-х годов и «которые теперь сделались обычными и исполняются почти во всех лагерях»[631], а также отсылающие к суворовским приемам и нацеленные на воспитание готовности сойтись на штык сквозные атаки пехоты на пехоту и кавалерии на пехоту[632].

Многие из отрабатываемых навыков оказались чрезвычайно полезными во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Офицеры постоянно практиковались в чтении карт, и судя по отчету делали в этом большие успехи: «Дело это настолько пошло вперед, что во всяком полку большая

626 *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами... С.35.
627 Там же. С. 36-37; *Г.Б.* О занятиях войск... С. 127-128.
628 *Г.Б.* О занятиях войск... С. 138.
629 Там же. С. 138.
630 *Длусский К.* Указ. соч. №3. С. 198-199.
631 *Г.Б.* Летние сборы войск в 1874 году // ВС. - 1875. - №1. - С. 29.
632 *Г.Б.* О занятиях войск... С. 138, 149; *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами... С. 46-47.

половина офицеров читает планы не только крупных масштабов, но и трехверстные карты»[633]. Перед началом войны адъютант великого князя Николая Николаевича Старшего Д.А. Скалон отмечал, что «у Михаила Ивановича в дивизии три четверти офицеров умели читать карту и были тактически подготовлены»[634]. Кроме того, отдельные части дивизии упражнялись в погрузке в железнодорожные вагоны и разгрузке из них. Необходимость практики этого элемента для Драгомирова стала очевидна еще в 1866 году, о чем он докладывал в одном из отчетов[635]. Погрузка батальона с обозом и восьмью лошадьми во время практических занятий занимала час и восемь минут[636]. В 1877 году 14-я пехотная дивизия отправилась на театр боевых действий походным порядком, но те части, которые должны были транспортироваться к Дунаю по железным дорогам, мешкали с погрузкой и срывали расписание движения поездов[637]. Отрабатывалась посадка стрелков на крупы лошадей[638], сноровка, которая пригодилась на Шипке.

Следует задаться вопросом, как решался в 14-й дивизии вопрос о соотношении огневой и ударной тактики. Моторный упоминает о том, что Драгомиров «высказывал мысль, что ружье бьет случайно, человек наверняка, а потому пуля только может прокладывать путь штыку, но не одерживать победы, победа всегда остается за штыком»[639]. Каждый маневр завершала сквозная атака[640], то есть проводилась мысль о том, что бой завершается ударом в штыки. От начальников требовалось постоянно настаивать на необходимости сбережения патронов[641]. Однако из этого не следует вывод, что Драгомиров пренебрегал огнем или строил подготовку своей дивизии исключительно на штыковой работе. Во-первых, немало внимания уделялось тому, «чтобы наступающий помнил каждую минуту

633 *Г.Б.* О занятиях войск... С. 139.
634 *Скалон Д.А.* Мои воспоминания 1877-1878 гг. Т.1. СПб., 1913. С. 18.
635 РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Д. 57. ЛЛ. 75об-76.
636 *Г.Б.* О занятиях войск... С. 125.
637 *?Молотов А.* Изнанка войны // Русский архив. - 1905. - №9. - С. 75.
638 *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами... С. 47.
639 *Моторный И.Г.* Указ. соч. С. 410-408.
640 *Г.Б.* О занятиях войск... С. 149.
641 *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами… С. 43-44.

меры уменьшения потерь от огня»[642]. Во-вторых, все выше изложенное показывает, что Драгомиров делал ставку, прежде всего, на инициативность подчиненных, особенно ротных командиров, развития их тактической грамотности и готовности к случайностям боя и разумному риску, полной внимательности и способности управлять боем. Вслед за А. Эчеварриа следует признать, что в тактике после 1871 года вопрос о правильном сочетании огня и штыка был не настолько важным и спорным, как вопрос о разумном сочетании инициативы и дисциплины в ходе атаки[643]. Драгомиров старался подтянуть инициативность младших командиров, потому что этот элемент традиционно был не на высоте в русской армии.

Мы уже указали на то, что командующий Одесским округом генерал Семека отметил заметный прогресс драгомировской дивизии. Другие источники также выделяли 14-ю пехотную дивизию еще перед началом русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Граф И.И. Воронцов-Дашков, оставивший неоконченный, но обещавший быть весьма резким дневник войны 1877-1878 годов, описывая объявление войны в Кишиневе 12 апреля 1877 года, признавался: «Должен сказать, хороша Драгомировская дивизия»[644]. Прибыв в Кишинев в ноябре 1876 года, в.кн. Николай Николаевич Старший расспрашивал Драгомирова о методах подготовки его части, а его начальник штаба А.А. Непокойчицкий даже предложил составить нечто вроде наставления для других войск, на что Драгомиров своего согласия не дал: «Нет, нет, Боже сохрани, – возразил ген[ерал] Драгомиров, – что для одного монастыря годится, то для другого может оказаться ядом»[645]. Ответ великого князя довольно примечателен и свидетельствует как о одобрении и интересе к драгомировской методике, так и о теплых и дружеских отношениях между ним и начальником 14-й дивизии: «Не хочешь дать свое: ну, брат, что понадобится, возьмем, – засмеялся великий князь; – сам знаешь и сам же с удовольствием отдашь все...»[646].

---

642 *Г.Б.* О занятиях войск... С. 149.
643 *Echevarria, A.J.* Op. cit. pp. 32-33.
644 ОР РГБ. Ф. 58. Ч. 1. П. 129. Д. 7. Л. 1.
645 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-8 гг. // РС. - 1909. - №4. - С. 94.
646 Там же. С. 94.

Подготовка Драгомировым 14-й пехотной дивизии в течение 1873-1876 годов строилась, главным образом, на развитии инициативности и тактической грамотности офицеров дивизии, что, как будет показано далее, сыграло решающую роль в том, что 14-я пехотная дивизия проявит себя с самой лучшей стороны в русско-турецкой войне 1877-1878 годов.

3.2. Мобилизация 1876 года

В течение 1875-1876 годов Драгомиров пользовался большим вниманием в.кн. Николая Николаевича Старшего. После 1873 года, очевидно по причине занятости, Драгомиров не часто выступал в военной прессе, поэтому приглашение в феврале 1876 года выступить с чтением сообщений во дворце великого князя в Петербурге стало для него удачной возможностью высказаться по наиболее важным вопросам. Николай Николаевич Старший, как и прежде, занимал пост командующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа. Штаб округа дал объявление о лекциях и пригласил на них всех желающих офицеров. «В военных кругах того времени было известно, какой интерес вообще возбуждали сообщения М.И. Драгомирова; поэтому понятно, какое оживление вызвало извещение штаба округа», – вспоминал Е.К. Андреевский[647]. На первое сообщение, состоявшееся 22 февраля, собрался весь цвет военного Петербурга. Присутствовал сам хозяин дворца, его сыновья Николай и Петр, цесаревич Александр Александрович, великие князья Владимир, Сергей и Павел Александровичи, принц Александр Петрович Ольденбургский, герцоги Николай и Евгений Лейхтенбергские, Пав.А. Шувалов, И.И. Воронцов-Дашков, начальники гвардейских дивизий, командиры бригад, полковые командиры, профессора Николаевской Академии Генерального Штаба и многие офицеры[648].

Сообщение называлось «О приемах обучения совокупным действиям пехоты с кавалерией» и посвящено было, главным образом, вопросу о

---

647 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров перед войной 1877-8 гг. // РС. - 1909. - №2. - С. 392.

648 Там же. С. 394-395.

сквозных атаках[649]. В 1872 году сквозные атаки как метод подготовки раскритиковал полковник барон Л.Л. Зедделер, считавший, что при том развитии огня, который он наблюдал в качестве русского военного агента при прусских войсках в 1870-1871 годах, рукопашные схватки становятся редкостью[650]. Вероятно, Драгомиров хотел продолжить полемику с Зедделером по этому вопросу. Скорее всего, его оппонент присутствовал на сообщении.

Второе сообщение состоялось 24 февраля и называлось «О военных призраках и миражах». В этом сообщении Драгомиров критиковал модные увлечения в военной мысли 1870-х годов, пренебрежение штыком и боязнь обходов (самый модный, с его точки зрения, «мираж»), а затем перешел к темам противопоставления самосохранения и самоотвержения и значения товарищества[651]. Во время пребывания в Петербурге Драгомиров много общался с военными, присутствовал на беседах и встречах офицеров[652]. После одного из своих сообщений он познакомился с молодым офицером В.А. Сухомлиновым, который в будущем станет его близким сотрудником[653].

Впрочем, интересно не столько содержание сообщений, сколько реакция на них в военных кругах. Как передает Андреевский, «сообщения даровитого генерала произвели большое впечатление вообще; со всех сторон слышались восторженные отзывы: все высказанное лектором разбиралось до мелочей, повторялось на разные лады»[654]. Однако выступления Драгомирова вызвали также неблагоприятные для него толки, с которыми столкнулся сам Андреевский в доме графа М.И. Бреверна-Делагарди. Старшие гвардейские начальники одобрительно отзывались о чтениях Драгомирова, тогда как некий гвардейский штабс-капитан Мартов высказал «будто бы лектор в примерах, приведенных им, делал ясные, прозрачные намеки на лиц,

649 Там же.
650 *Зедделер [Л.Л.], барон.* Пехота, артиллерия и кавалерия… С. 55.
651 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров перед войной 1877-8 гг… С. 396-397. Это сообщение составило в 1881 году одну из частей «Армейских заметок»: Армейские заметки ч. II // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 44-58.
652 *Беляев Т.* Офицерские беседы л.-гв. Во 2-й артиллерийской бригаде // Русский инвалид. - 1876. - №38. - С. 2-3.
653 *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 57-58.
654 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров перед войной 1877-8 гг… С. 397.

находившихся в числе посетивших его сообщения, касался личностей и осуждал лиц, которые вовсе не заслужили ни насмешек, ни колкостей». Андреевский продолжал: «Тут же Мартов приводил, какое осуждение кого касалось и, нисколько не стесняясь, называл фамилии генералов и командиров, якобы поднятых Драгомировым на смех»[655]. Другие молодые офицеры подтвердили, что слышали то же самое «на днях в квартире начальника штаба [графа И.И. Воронцова-Дашкова] и в штабе, и что будто бы Цесаревичу весь тон сообщений Драгомирова не понравился, поэтому будто бы его высочество не пожелал удостоить своим посещением второе сообщение […] Кто-то добавил, будто бы генерал, прибыв по делу о катастрофе на Тилигульской насыпи[656], сам предложил великому князю главнокомандующему свои лекции»[657]. О «слегка неблагоприятном настроении» во время сообщений вспоминал и Сухомлинов, связывая его с несколько «школьным» изложением, к которому прибегал лектор в присутствии высокопоставленных военных чинов[658].

Хозяин дома Магнус Иванович Бреверн-Делагарди одернул молодых офицеров: «[…] ведь это выходит как бы наускиванье названных вами лиц на приезжего лектора, вы создаете ему не только дурные отношения здесь в округе, но и прямо личных врагов...»[659]. Еще более примечательную отповедь на измышления по поводу сообщений дал светлейший князь А.К. Имеретинский, которую следует привести целиком: «Все это ничто иное, как чудовищное изобретение и праздное измышление здешней службы: я не говорю, что в этом есть что-либо общее, но в семье не без урода; – многие из служащих здесь очень боятся каждого, кто явится в виде восходящего светила; – того гляди, перебьет дорогу, отобьет место или завоюет дорожку, по которой путь уже заранее каким-то невидимым, но предопределенным шаблоном распределен здесь, так сказать, между своими. – Как можно

---

655 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-78 гг... С. 89.

656 Железнодорожная катастрофа на Тилигульской насыпи произошла недалеко от Бендер. Погибли сотни новобранцев.

657 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-78 гг… С. 89-90.

658 *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 58.

659 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-78 гг… С. 90.

допустить, чтобы приезжий – умный, дельный, образованный человек вдруг был бы отличен; пожалуй позарятся на него, возьмут его сюда на какой-нибудь пост; тогда все рассчеты карьеристского шествия доморощенных светил нарушатся. – Драгомиров несомненно способнее многих подвизавшихся здесь на службе; но он и не думает вторгаться в Петерб[ургский] округ: те, которые его боятся, спешат мелочными наговорами, если и не очернить его, то оттеснить. – Никто не знает, почему Цесаревич не приехал на второе сообщение; и вряд ли он кому-нибудь об этом говорил; я слышал, что в самую минуту, назначенную для выезда его во дворец главнокомандующего, у него сильно заболел одиннадцатимесячный ребенок [речь о в.кн. Ксении Александровне, – С.Ю.]; Цесаревич и остался дома в ожидании врача. Кому-то понадобилась наличность того факта, будто бы Наследник не поехал из-за несочувствия речам Драгомирова – и пустили слух. Долго ли? Кому неизвестна вообще самая высокая деликатность и корректность его высочества, во-первых, а во-вторых, кто не знает, какое сердечное расположение в Наследнике Александре Александровиче осталось к Драгомирову из-за той любви, которую питал к этому учителю своему покойный Цесаревич Николай Александрович, Брат, которого память его высочество чтит так свято. И этому-то учителю своего святопочитаемого Брата вдруг Наследник, – из-за каких-то мелочей, окажет невнимание или, еще того хуже, сделает афронт! Далее: генерал Драгомиров в роли профессора, навязывающего свои лекции главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу Старшему! Что могло бы быть сочинено более неудачно, чем это? Великий князь всегда дорожил и дорожит знаниями таких людей, как Драгомиров; он всегда, всю жизнь искал случая доставлять возможность строевым офицерам пополнять свои знания на сообщениях таких ученых и уж, без сомнения, сам просил Мих[аила] Ив[ановича] взять на себя труд сделать одно-другое сообщение – “нам на поучение”...»[660].

К сожалению, Андреевский недоговаривает в своих воспоминаниях и оставляет без ответа многие важные вопросы. Из его рассказа ясно, что в

[660] *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-8 гг… С. 90-91.

среде Петербургского военного округа существовало недоброжелательное отношение к Драгомирову, вызванное, прежде всего, опасением, что влиятельный военный писатель «перебьет дорогу» «доморощенным светилам». Близость начальника 14-й дивизии к в.кн. Николаю Николаевичу Старшему, командующему Петербургским военным округом, а также, по всей видимости, к наследнику, который тогда занимал должность командующего Гвардейским корпусом, делала такую перспективу весьма реальной. Круг тех постов, которые мог занять генерал Драгомиров, уже бывший начальником штаба гвардейской дивизии и начальником штаба Киевского военного округа, в случае если «возьмут его сюда на какой-нибудь пост» достаточно узок. Во-первых, он мог быть переведен на командование одной из гвардейских пехотных дивизий, вероятнее 2-й, потому что 1-й командовал в.кн. Владимир Александрович. Отметим, что Лейб-гвардии Гренадерским полком, входящим во 2-ю гвардейскую дивизию, командовал барон Зедделер. Во-вторых, Драгомиров мог занять пост начальника штаба гвардейского корпуса (этот пост занимал в то время граф И.И. Воронцов-Дашков) или начальника штаба Петербургского военного округа (этот пост занимал граф Пав.А. Шувалов) и стать тем самым ближайшим сотрудником соответственно или цесаревича Александра Александровича или в.кн. Николая Николаевича Старшего. Едва ли случайно, что в качестве источника сплетен всплыл штаб Петербургского военного округа и даже «квартира начальника штаба».

Как известно, Драгомиров так и не получил в 1876 году назначение в Петербург. История с его сообщениями важна для того, чтобы проникнуть в сложную систему взаимоотношений в среде военной элиты Российской империи, в которую постепенно входит Драгомиров. По всей видимости, перед русско-турецкой войной 1877-1878 годов он имел определенную поддержку со стороны в.кн. Николая Николаевича Старшего, равно как и недоброжелательство, исходившее из его штаба.

Впрочем, по мере того, как развивался Балканский кризис 1875-1876 годов, вызванный боснийским и болгарским восстаниями, а затем и началом

сербо-турецкой войны 1876 года, на повестку дня выдвигались совсем другие проблемы.

Недоброжелательство Драгомирова к немцам и его симпатии к Франции хорошо известны. К сожалению, нет никаких сведений, был ли Драгомиров, как многие в русском обществе накануне русско-турецкой войны 1877-1878 годов, охвачен симпатиями к балканским христианам. Отсутствие таких свидетельств говорит в пользу того, что Драгомиров воспринимал надвигавшуюся войну скорее как военный профессионал, нежели как славянский патриот. Необходимость подготовки к войне на Балканах стала для него очевидной осенью 1875 года. Именно к этому времени А.И. Косич относит создание в Кишиневе кружка офицеров Генерального Штаба, которые «условились совместно ближе ознакомиться с Европейской Турциею, как вероятным театром войны»[661]. В этот кружок вошли Драгомиров, сам Косич, тогда помощник начальника штаба Одесского военного округа, командир Подольского полка полковник М.Л. Духонин, начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии барон А.В. Каульбарс и другие. В кружке изучался театр возможных боевых действий и предыдущие русско-турецкие войны, прежде всего, 1806-1812 и 1828-1829 годов[662].

События подтверждали предположения членов кружка о том, что война близко. Уже в начале 1876 года были приняты некоторые меры по приведению обоза 14-й дивизии в состав и состояние, необходимые для выступления в поход. В марте 1876 года было преступлено к заготовке оружия по военному составу, а в августе было приказно принять меры по пополнению лошадей и материальной части[663]. Наконец, 2 ноября 1876 года началась мобилизация четырех корпусов русской армии.

Мобилизация 1876 года была первой в истории русской армии, совсем недавно перешедшей на комплектование по всеобщей воинской повинности. В первые две недели ноября полки 14-й дивизии пополнились запасными.

---

661 *Косич [А.И.]*. Рущукский отряд. Участие 12 корпуса, входившего в состав Рущукского отряда в компании 1877-78 годов. Киев, 1884. С. 1.

662 Там же. С. 1-2.

663 Сборник материалов… Вып. 5. 1898. С. 7.

Каждый полк должен был получить по 1 439 запасных нижних чинов. Штатная же численность полка мирного времени была 150 унтер-офицеров, 108 музыкантов, 1 560 нижних чинов рядовых и 123 нестроевых. Запасные из Полтавской и Харьковской губерний, а также отчасти Херсонской, Бессарабской и Екатеринославской губерний должны были влиться в полки, увеличив их численность примерно на 50%[664]. Для Драгомирова и его подчиненных это означало необходимость усиленной работы, чтобы сплотить части, подтянуть запасных и не допустить размывания качества дивизии.

Поскольку выступления в поход следовало ожидать в любой момент, условия для подготовки и переподготовки нижних чинов были экстремальными из-за недостатка времени. Тем интереснее те указания, который Драгомиров дал для занятий с поступившими на укомплектование. Требовалось заниматься с ними следующими элементами подготовки:

«1) Обязанности часового пройти показом и искушением [т. е. с применением тех «иезуитских» приемов и уловок, о которых говорилось выше, — С.Ю.].

2) Как можно чаще твердить, чтобы о всяком замечании докладывали ближайшему начальству. Ни в какой мелочи не спускать.

3) Удар штыком в чучела.

4) Прицеливание и спуск курка ежедневно. Сборка и разборка.

5) Стройное движение. Наступление и отступление цепью. Развивать внимание»[665].

Кроме того, Драгомиров требовал, чтобы фельдфебели каждый раз при перекличке повторяли следующее: «Береги пулю; выпустишь издалека, вблизи стрелять нечем будет, а тут-то и стрельба. Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко. Никакая конница тебя не возьмет, пока смотришь ей в глаза»[666]. Все это еще раз подтверждает, что самыми важными требованиями начальника 14-й пехотной дивизии были внимание, твердое знание обязанностей часового, готовность сойтись на штык и дисциплина огня. Прицеливание, сборка и разборка винтовки связаны с необходимостью

---

664 *Макшеев Ф.* Хозяйственный быт 14-й пехотной дивизии в войну 1877-1878 гг. // ВС. - 1901. - №2. - С. 117.

665 Сборник материалов…Вып. 5. С. 53.

666 Сборник материалов… Вып. 5. С. 53.

ознакомить запасных с винтовкой Крнка. Примечательно также требование практиковать действие цепями. С одной стороны, это, скорее всего, связано с тем, что мобилизованные старослужащие имели смутное представление о таких действиях, с другой стороны, это показывает, что Драгомиров хорошо отдавал себе отчет в необходимости рассыпных построений.

Другой проблемой было непропорционально большое число унтер-офицеров и музыкантов среди вновь поступивших на службу. Избыток был переведен в строй на положение рядовых по шесть унтер-офицеров и четыре музыканта на роту[667]. Сверхкомплект унтер-офицеров к 1 января 1877 года составлял 511 человек, а музыкантов — 25 человек[668].

Многие из запасных оказались уже не способными нести службу. Например, Минский полк исключил из своих рядов как слабосильных в 1877 году 184 человека, из которых 56 человек поступило на службу в 1863 году[669]. Впрочем, большинство нижних чинов, пополнивших 14-ю дивизию, представляли вполне добротный и даже ценный материал. Из 5812 человек, поступивших в дивизию, 4569 человек имели знаки отличия. 3416 человек имели нашивки за 6-летнюю службу, а 279 – нашивки за отличную стрельбу. Многие имели медали за походы, например, за службу на Кавказе медали получили 658 человек, а за усмирение польского мятежа — 176 человек. Семь человек имели знак отличия Военного ордена (Георгиевский крест)[670]. Благодаря тому, что от начала мобилизации в ноябре 1876 года и до выступления в поход в апреле 1877 году прошло более пяти месяцев, Драгомиров имел достаточно времени, чтобы втянуть запасных в службу и превратить пополнение в действительное усиление своей дивизии. Это признавалось в послевоенном отчете дивизии: «Впрочем и призывные, благодаря долгим сборам к войне, с ноября до апреля, успели подучиться и сплотиться с остальными товарищами. Вместе с тем, они внесли с собой бывалость, опытность в военном деле и походах и этим немало возвышали

667 Там же. С. 5-6.
668 Общий обзор состояния здоровья нижних чинов 54-го пех. Минского полка за 1877 год // Сборник материалов... Вып. 10. С. 133.
669 Там же.
670 РГВИА. Ф. 2344. Оп. 2. Д. 251. ЛЛ. 58-59.

дух и самоуверенность, развитые впрочем уже в дивизии до высокой степени ее воспитанием»[671]. Благодаря тому, что у многих запасных был боевой опыт, приобретенный на Кавказе, в Польше или в Средней Азии, качество войск в 1877 году было достаточно высоким. С этим контингентом русские командующие могли рассчитывать на храбрость и стойкость войск в значительно большей степени, чем, например, в русско-японскую войну 1904-1905 годов или в Первую мировую войну.

Делу обучения дивизии перед выступлением в поход сильно помешала необходимость назначить большое число офицеров на укомплектование запасных батальонов, местных и крепостных войск, а также военно-временных госпиталей и станций железных дорог. Всего 14-я дивизия лишилась таким образом 10 штаб- и 75 обер-офицеров, девяти врачей и 21 фельдшера. Из 60 командиров рот выбыло в тыловые учреждения 20. Таким образом, к 1 января 1877 года некомплект штаб-офицеров составлял 12 человек, а обер-офицеров — 101 человек[672]. Драгомиров докладывал эту проблему в.кн. Николаю Николаевичу Старшему[673]. Негодование начальника 14-й дивизии передавал Скалон: «Но начальник дивизии М.И. Драгомиров жаловался, что дивизия ограблена распоряжением Главного Штаба, вытребовавшего из нее 80 офицеров для назначения комендантами на станциях железных дорог и притом в капитанских и штабс-капитанских чинах. Такие распоряжения озлобляют строевые части против Военного Министерства и вселяют убеждение, что оно никогда не входит в положение действующих частей […] У Михаила Ивановича в дивизии три четверти офицеров умели читать карту и были тактически подготовлены, а теперь его дивизия имеет не больше пяти таких офицеров на батальон»[674].

Проблема решалась переводом в строевые части офицеров, вернувшихся из отставки, и из других служб, например, из жандармов[675]. Большинство из этих офицеров отстали от службы и не соответствовали требованиям

---

671 Там же.
672 Сборник материалов… Вып. 5. С. 40.
673 Там же. С. 16-22.
674 *Скалон Д.А.* Указ. соч. С. 17-18.
675 РГВИА. Ф. 2344. Оп. 2. Д. 251. ЛЛ. 18-31.

Драгомирова, поэтому начальник дивизии требовал, чтобы они по возможности уступали командование ротами младшим по званию, но «коренным» офицерам 14-й дивизии. Разумеется, это порождало конфликты[676]. Кроме того, некоторые знакомые Драгомирову офицеры получили от него приглашение занять командные посты в дивизии. Таким образом батальон в Подольском полку получил Генерального Штаба подполковник Алексей Андреевич Боголюбов[677], которого Драгомиров знал еще юнкером, и, скорее всего, по выбору Драгомирова на бригаду в дивизии был назначен генерал-майор М.Ф. Петрушевский. В прочем, это были паллиативные меры. В каждом полку дивизии было 15 ротных командиров, но только 6-7 из них были «коренными». Несколько менее других пострадал Житомирский полк, сохранивший 9 прежних ротных командиров[678].

По всей видимости, раздражение в среде строевых начальников на действия центральных военных органов и тыловых служб – всех тех, кто объединялся под названием «военной бюрократии» – было очень сильным в ходе мобилизации. Как видно из цитировавшегося выше сообщения Скалона, Драгомиров был в числе начальников, в полной мере разделявших эти настроения. При циркуляре от 22 ноября Главный штаб разослал опросный лист о замеченных в ходе мобилизации недостатках. Первым пожеланием от 14-й дивизии значилось, «чтобы, с объявлением мобилизации, из полков не брали ротных командиров и вообще не обирали в пользу тыльных учреждений действующие полки, в которых наличный состав остается недостаточным»[679]. Выяснилось дурное качество присылаемых в полки патронов[680] и мобилизованных лошадей[681]. Очень остро стояла проблема заболеваемости войск. Нездоровый климат Бессарабии и неудовлетворительная обеспеченность казарменными помещениями и

---

676 *А[ндреевский] Е.К.*. М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-78 гг… С. 451-452; *Макшеев Ф.* Указ. соч. С. 121, 124.
677 *А[ндреевский] Е.К.*. М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-78 гг... С. 451-452.
678 РГВИА. Ф. 2344. Оп. 2. Д. 251. Л. 59.
679 Сборник материалов... Вып. 5. С. 37.
680 Там же. С. 25.
681 *Макшеев Ф.* Указ. соч. С. 117-121.

раньше приводили к вспышкам лихорадок в дивизии[682]. Когда в районе Кишинева стали сосредотачиваться мобилизованные войска, проблемы усугубились. Любопытный факт приводится в Общем обзоре состояния здоровья нижних чинов 54-го пехотного Минского полка за 1877 год: в 1876 году в полку заболело 2982 человека, а в 1877 году — 2363 человека[683]. Иными словами в мирном 1876 году заболело на 619 человек больше, чем в военном 1877 году, несмотря на то, что Минский полк пережил такие тяготы войны, как почти пятимесячное пребывание на Шипкинском перевале в условиях холодной осени и суровой зимы.

Последнее обстоятельство едва ли могло скрыться от Драгомирова, который живо интересовался военной медициной и участвовал в работе совещаний по санитарно-медицинской части под руководством военно-медицинского инспектора В.И. Приселкова[684].

Мобилизация 1876 года выявила массу проблем как в деле комплектования войск нижними чинами и офицерами, так и в деле их обеспечения всем необходимым. Недовольство ходом мобилизации выражал и в.кн. Николай Николаевич Старший. «Что было бы, если бы турки не приняли ультиматума [о прекращении боевых действий против Сербии, — С.Ю.]», – передавал его слова Скалон, – «Двадцать четыре дня прошло [со дня начала мобилизации, — С.Ю.], что же у нас сделано? Уже были две задержки при движении по железной дороге. А парки еще не трогались. Корпусные штабы еще не открыли своих действий, кроме двенадцатого, и то потому, что он в исключительном положении, так как корпусной командир Ванновский командовал обеими дивизиями и был на месте»[685]. Драгомиров оказался свидетелем этих недоработок, и все увиденное не только окажет на него большое впечатление, но и заставит усомниться в эффективности той системы, которую уже 15 лет выстраивал Д.А. Милютин.

---

682 *Г.Б.* О занятиях войск... С. 127.

683 Общий обзор состояния здоровья нижних чинов 54-го пех. Минского полка за 1877 год // Сборник материалов... Вып. 10. С. 133.

684 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-78 гг. // РС. - 1909. - №5. - С. 325.

685 *?Скалон Д.А.* Указ. соч. С. 9.

Главнокомандующим Действующей армии был назначен в.кн. Николай Николаевич Старший, с которым, как и следовало ожидать, у Драгомирова установилось полное взаимопонимание. «М.И. Драгомирова главнокомандующий постоянно приглашал к себе, – пишет Андреевский, – и, можно сказать, в лице его нашел одного из лучших, надежнейших и полезнейших советчиков в ту годину спорой работы на пользу армии, царя и отечества»[686]. В ходе мобилизации в русской армии были сформированы корпуса, и 14-я пехотная дивизия, вместе с 9-й пехотной генерал-лейтенанта князя Н.И. Святополк-Мирского и 8-й кавалерийской дивизией генерал-лейтенанта князя А.Н. Манвелова, вошла в состав VIII армейского корпуса, командующим которого был назначен генерал-лейтенант Ф.Ф. Радецкий.

Драгомиров не знал прежде своего нового непосредственного начальника, который был на 10 лет его старше. Несмотря на это, у них установились прекрасные отношения, Радецкий стал вхож в семью Драгомирова, и они продолжили тесно общаться после русско-турецкой войны 1877-1878 годов[687]. В тяжелые для обоих месяцы после ранения Драгомирова на Шипке Михаил Иванович писал Радецкому: «Позвольте вам поклониться низко, низко за добрые отношения и за науку; в вас первом увидел то, что нужно для боя, что мне инстинктивно и неясно грезилось до того, что так мало ценится в мирное время. В вас первых воочию увидел я и то каменное спокойствие, которое в бою нужно прежде и больше всего, и ту бесконечную снисходительность к людской слабости, которая свойственна только тем, которые, понимая все, и прощают все. Мало пробыл я с вами и глубоко скорблю об этом, но я из этого малого вынес много и много поучительного. Да будет благословенно имя ваше и да сохранит вас Бог целым и невредимым в том аде, в котором вы так доблестно стоите и другим даете силу стоять»[688].

---

686 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-8 гг. // РС. - 1909. - №4. - С. 96.

687 *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров // Исторический вестник. - 1915. - №2. - С. 433-434.

688 *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров // Исторический вестник. - 1915. - №4 - С. 92.

Радецкий принадлежал к тому типу военных деятелей, которых Драгомиров всегда особенно уважал[689]. Хотя Федор Федорович и окончил Военную академию в 1849 году, он заработал свою репутацию не в штабах или на страницах военно-теоретических трудов, а на боевой службе на Кавказе. Большинство участников русско-турецкой войны 1877-1878 годов отзывались чрезвычайно уважительно о Радецком, отмечая как его боевые, так и человеческие качества[690]. Доверительные отношения между ним и Драгомировым подкрепили боевые качества VIII корпуса.

При этом, все могло случиться по-другому. Назначения на корпусное командование оставалось в руках Александра II, и он рассматривал на VIII корпус кандидатуру генерала-от-кавалерии графа А.И. Бреверна-Делагарди, брата Магнуса Ивановича, в доме которого обсуждались сообщения Драгомирова в 1876 году. Генерал Бреверн-Делагарди, «отличавшийся строгостью и крутым нравом»[691], был 63-летним выходцем из гвардии николаевского времени, который с 1869 года оставался не у дел из-за конфликта с Милютиным. Мы уже упоминали о переменах в гвардии, когда граф Бреверн в 1861 году занял пост начальника ее штаба. По не вполне ясным причинам, он сам уклонился от командования VIII корпусом. «Несколько раз М.И. Драгомиров вспоминал впоследствии об этом эпизоде, – рассказывал Андреевский, – при чем говорил: но что было бы с восьмым корпусом и при [Систовской] переправе, и при обороне Шипки, если бы, вместо скромного, тихого, смирного Ф.Ф. Радецкого, командиром его был назначен величавый граф Александр Иванович; это бесспорно умный, твердый, настоящий военный человек, но как он справился бы с боевой ролью – да еще при такой исключительной почти сверхъестественной обстановке – трудно себе представить. Вот уж доподлинно Господь оберег и его и корпус от такого опасного эксперимента. Да я думаю, и ему самому это

---

689 *Безсмертный*. Из воспоминаний о генерал-адъютанте М.И. Драгомирове // Русский архив. - 1912. - №6. - С. 226.

690 См., например: *Бобриков Г.И.* В долине Дуная в 1877 года // РС. - 1912. - №11. - С. 247; *Greene F.V.* Sketches of Army Life in Russia. NY., 1880. p. 143.

691 *Милютин Д.А.* Воспоминания… 1860-1862. С. 374.

не раз приходило на ум»[692]. Не исключено, что Андреевский несколько смягчил рассказ Драгомирова. Как уже говорилось, сам мемуарист отзывался о графе Бреверне отнюдь не как о «бесспорно умном, твердом» и «настоящем военном человеке», да и если он был таковым, то непонятно, откуда взялись сомнения у Драгомирова относительно того, «справился бы он с боевой ролью». К уже обозначенным проблемам мобилизации вполне могло добавиться еще и неудачное назначение на один из ключевых постов в Действующей армии.

Впрочем, неудачных кадровых решений не удалось избежать. На пост начальника штаба Действующей армии был назначен генерал-от-инфантерии А.А. Непокойчицкий, а основным его сотрудником стал генерал-майор К.В. Левицкий, официально бывший помощником начальника штаба, но реально взявший в свои руки бóльшую часть штабной работы. Оба этих военных деятеля заслужили нелестные отзывы как у участников кампании, так и у последующих исследователей[693].

Вся зима 1876/1877 годов прошла в нервном ожидании начала боевых действий, известном как «кишиневское сиденье». Слухи о скором выступлении в поход перемежались со слухами о замирении с турками. К этому стоит добавить опасную болезнь главнокомандующего, которая, в случае неблагоприятного исхода, грозила вновь перетасовать начальствующих лиц[694]. Опасались, что главнокомандующим назначат графа П.Е. Коцебу, который, как считалось, протежирует немцам[695]. Драгомиров находил время обсудить злобу дня с многочисленным военным обществом Кишинева. Известно, что у него в доме ежедневно бывал М.Д. Скобелев[696]. Полковник Д.С. Нагловский, состоявший тогда для поручений при Непокойчицком, передает, что Драгомиров нередко бывал в обществе офицеров Генерального Штаба, многие из которых, как Скобелев и

---

692 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-8 гг… С. 86-88.

693 ?См.: *Газенкампф М.А.* Мой дневник. 1877-1878 гг. СПб., 1908. С. 91; *?Боткин С.П.* Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. С. 122; *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М.-Жуковский, 2002. С. 606.

694 *?Андреевский Е.К.* Из записок 1877-1878 гг. // РС. - 1915. - №5. - С. 302-304.

695 *?Нагловский Д.С.* Кишеневское сиденье (Из дневника) // РС. - 1902. - №11. - С. 260.

696 *Драгомирова С.А.* Скобелев // Исторический вестник. - 1915. - №3. - С. 796.

Нагловский, были его учениками в Николаевской Академии Генерального Штаба в 1860-е годы: «Все мы очень любили и уважали Михаила Ивановича Драгомирова, а потому речь была откровенная, задушевная. Вскоре он увидел нашу общую нелюбовь к «воно» [кличка Левицкого, — С.Ю.] и, по-видимому, согласился с нашим мнением о нем. Между прочим, он напал на дислокацию армии. Оказалось, что она составлена без всякого соображения как с мирною дислокациею, так и с планом передвижения войск. Вследствие этого произошло несколько chassé-croisé [«чехарда», фр. — С.Ю.]. Кроме того, были важные пропуски; так, были пропущены все дивизионные интендантские транспорты. Наконец, многие части, раньше приходящие на свои квартиры, расположились ближе к станциям выгрузки, а приходящие позже должны были проходить через них и располагаться дальше, вследствие чего произошло большое замедление в расквартировании войск. Так, через расположение одной 14-й дивизии прошли четыре другие дивизии 11-го и 12-го корпусов. Вообще работа по составлению дислокации велась самым курьезным образом. К.[В.] Левицкий созвал несколько офицеров генерального штаба, но не привлек их к общему обсуждению вопроса. А дал каждому разместить по несколько частей, определив приблизительно районы. Таким образом, вся работа велась в определенных клетках, как бы за перегородками, и при том К.[В.] Л[евицкий] потребовал окончить работу в один день, вследствие чего неизбежно вкрались крупные ошибки, вызвавшие общий ропот в армии»[697]. В свою очередь, Левицкий постарался распространить неблагоприятное мнение о Драгомирове: «Так, в отчете государю о смотре великим князем [Николаем Николаевичем Старшим] 14-й пех[отной] дивизии я, – продолжает Нагловский, – написал, что дивизия оказалась в очень хорошем виде. Он вычеркнул слово очень. Затем на одном из смотров, великий князь заметил, что не следует делать отступлений от устава. И вот Левицкий, побывав недавно на одном ученьи какой-то части 14-й дивизии, поднял во дворце разговор, что Драгомиров напрасно делает

[697] *Нагловский Д.С.* Указ. соч. С. 246-247.

нововведения в уставе и постоянно от него отступает. Разговор этот велся горячо и громко, так чтобы все слышали. Скверно; но в духе говорившего»[698].

Таким образом, система мобилизации русской армии показала в 1876 году определенные недостатки, которые не скрылись от глаз Драгомирова. Отметим, что эти недостатки проявились и в укомплектовании мобилизующихся частей солдатами и офицерами, и в организации снабжения войск всем необходимым, и в назначениях на высшие посты. Центральные органы военного ведомства вызвали раздражение своими решениями, и Драгомиров был не чужд этим настроениям. Все это скажется в последствии в дискуссиях об итогах русско-турецкой войны 1877-1878 годов и о перспективах «милютинской системы». С другой стороны, можно сказать, что Михаил Иванович подошел к началу войны в сильной позиции. Он пользовался большим доверием в.кн. Николая Николаевича Старшего и быстро установил полное взаимопонимание со своим непосредственным начальником Радецким. Его авторитет был высок и в армии, особенно в среде молодых офицеров Генерального Штаба, большинство из которых были его учениками в 1860-е годы. Так или иначе, теперь только война могла расставить все по местам.

3.3. Боевые действия

12 апреля 1877 года в Кишиневе в присутствии императора Александра II была объявлена война Турции и отслужен молебен. Многие участники отмечали, какое сильное впечатление оставило это действие. «Памятный день, никогда его не забуду, – признавался в дневнике Воронцов-Дашков, – и не забуду то чувство гордости быть Русским, которое во мне ощущалось при виде этой веселой и безграничной готовности каждого солдатика пойти и лечь за правое дело “За веру и Царя”»[699]. Драгомиров плакал во время молебна. Император поцеловал его и подарил ему образ, который Михаил Иванович хранил до самой смерти[700].

---

698 *Нагловский Д.С.* Указ. соч. С. 262-263.

699 ОР РГБ. Ф. 58. Ч. 1. П. 129. Д. 7. Л. 1.

700 *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров // Исторический вестник. - 1915. - №4. - С. 92.

Поход начался 14 апреля и быстро обнаружил новые непредвиденные проблемы. Почти весь апрель в Бессарабии шли дожди, которые совершенно размыли дороги. Это затруднило движение артиллерии и, особенно, обоза, который оказался негодным для походных условий[701]. 18 апреля части 14-й пехотной дивизии подошли к селению Леово, у которого была запланирована переправа через реку Прут, однако дожди разлили водную преграду и переправиться, причем без своих обозов, успел только Минский полк. После этого мост разорвало[702]. Остальные части дивизии простояли у Леово 4-5 дней и переправились через Прут только 26 апреля против Фальчи, то есть совсем в другом месте[703].

Движение до Бухареста происходило с постоянными задержками из-за тяжелых переходов и разлившихся рек, и в итоге дивизия подошла к столице Румынии с двухнедельным опозданием. Срыв расписания движения затруднил и без того не безупречную работу товарищества «Горвиц, Грегер и Коган», которое поставляло в войска продовольствие и фураж. Жена полковника Духонина, устроившаяся в 14-ю дивизию сестрой милосердия записала в дневник: «Продовольствие оказалось в руках еврейских агентов, которые снабжают войска хлебом вполне сгнившим, так что квартирмейстерам приходилось из десяти хлебов едва по куску вырезать не зеленого. В большинстве же случаев товарищество старается совсем ничего не давать под разными предлогами; фуража конечно никто не ставит, и потому идем полями, срываем колосья хлеба, так как купить негде»[704]. Трудности похода и снабжения не замедлили сказаться на состоянии дивизии. Число заболевших признавалось умеренным, но все-таки достигало 464 человек, то есть 37 на 1000 человек списочного состава. 5 мая дивизия рассталась с четырьмя офицерами и 104 нижними чинами, которые были отправлены в тыл, «так как тащить их с собой было затруднительно и не

---

701 Сборник материалов... Вып. 10. СПб., 1902. С. 112-113. Жалобы на обоз см.: *?Карцов П.П.* Из прошлого. Ч.2. СПб., 1888. С. 552-553; *?Скалон Д.А.* Указ. соч. С. 8; *?Молотов А. Указ. соч.* С. 75; *?Аргамаков В.Ф.* Воспоминания о войне 1877-1878 гг. // Журнал ИРВИО. - 1911. - Кн.7. - С. 161.

702 Сборник материалов... Вып. 10. С. 113.

703 Там же. С. 137, 244.

704 *Духонина Е.В.* Мирная деятельность на войне. М., 1894. С. 18.

имело цели»[705]. Всего за время похода убыло по разным причинам 590 нижних чинов и шесть офицеров[706]. К счастью, в мае в Румынии установилась хорошая погода, и многие проблемы тем самым отпали[707].

Война начиналась тяжело для 14-й пехотной дивизии и ее начальника. К недостаткам мобилизации прибавились новые трудности. Избежать влияния дурной погоды на марши едва ли было возможно, однако не все проблемы были неизбежны. Большие нарекания вызывала организация обозов. «Перед кампанией мы получили лошадей с борку и сосенки, – вспоминал в последствии Драгомиров, – Представьте себе, запрягают их по четыре в ряд: одна дернет, другая станет, та станет, эта дернет. Словом, съездить четверкой в ряд гораздо труднее, чем, например, сделать спевку хору певчих. Это раз. Затем другое. Пошли в поход. По Бессарабии дорога была действительно адская: распущенная глина все. На третьем или четвертом переходе, видим, тащат фуру, кажется, 6 или 8 пар волов. Что такое? Денежный ящик такой-то конной легкой батареи. Нужно вам сказать, что эта конная батарея входила в состав кавалерийской дивизии, которая в это время ушла вперед на несколько переходов, я думаю, перехода за три-четыре по ту сторону Прута, а ящик тащился еще по сю сторону Прута»[708]. Обоз организовывался, исходя из предпочтения меньшего числа повозок, но большей грузоподъемности. «Вообще идея расчленения грузов – большая идея, – резюмировал по этому поводу Михаил Иванович, – а нужно мерить на те, на полевые, – когда иной раз грязь по ступицу. Тогда и получится совсем иное, чем то, что кажется, если по паркету ходить»[709].

Сами марши были плохо рассчитаны и не учитывали специфики местных условий. Это сказывалось на снабжении и продолжительности сна солдат[710]. Нагловский, который вместе с Левицким занимался организацией маршей, пытался добиться от своего начальника разрешения послать в

[705] Сборник материалов... Вып. 5. С. 78.
[706] Там же. С. 80.
[707] Там же. С. 74-75.
[708] Сообщение генерал-майора Энгельгардта о новой укороченной 6-дюймовой пушке и замечания, вызванные этим сообщением, в Николаевской Академии Генерального Штаба 21 и 28 января, 4 и 11 февраля 1888 г. СПб., 1888. С. 91.
[709] Там же. С. 92.
[710] Общий обзор состояния здоровья нижних чинов 54-го пех. Минского полка за 1877 год... С. 134.

Румынию офицеров Генерального Штаба для разведывания дорог, но этого не было сделано[711]. Наконец, судя по дневнику Нагловского, он предвидел широкий разлив Прута[712], который мог помешать переправе, но и в этом случае его предвидение никак не помогло армии. Как следствие, в армии поднимался ропот на штаб. Ходили слухи о связях товарищества и главных деятелей штаба Действующей армии. «Всех тут замешали, – вспоминал Воронцов-Дашков, – и Числова[713] взяла и Струков[714] взял, даже куш называют, но никак не хотят допустить, что без подкупа, так спроста, дали Русскую армию на съедение жидовскому кагалу. И действительно допустить трудно; кто-нибудь да взял, да нужно полагать и преисправно»[715]. Когда Радецкий, командующий XII корпусом генерал П.С. Ванновский и некоторые другие начальники стали заготавливать необходимое войскам своими силами[716] последовал гневный приказ главнокомандующего: «Я строжайше подтверждаю всем подчиненным Мне войскам, управлениям и лицам отнюдь не позволять себе ни малейшего уклонения от распоряжений Интенданта армии по интендантской части, предваряя, что в противном случае должен буду подвергать виновных взысканию и обращению к их ответственности того убытка казны, который произойдет от сего»[717]. Разумеется, приказ был приписан влиянию защитников интересов товарищества из штаба армии.

Так закладывался антагонизм между полевыми начальниками и штабными деятелями, который будет чувствоваться и усиливаться в течение всей русско-турецкой войны 1877-1878 годов и который окажет большое влияние на ее оценку Драгомировым.

13 мая части 14-й пехотной дивизии достигли предместий Бухареста, а 17 мая расположились в селениях по Журжевскому шоссе[718]. Началась непосредственная подготовка к переправе через Дунай. Около 20 мая солдаты

---

711 *Нагловский Д.С.* Указ. соч. С. 253, 261-262.
712 Там же. С. 262.
713 Любовница в.кн. Николая Николаевича Старшего.
714 Адъютант в.кн. Николая Николаевича Старшего.
715 ОР РГБ. Ф. 58. Ч. 1. П. 129. Д. 7. Л. 4.
716 *?Газенкампф М.А.* Указ. соч. С. 10.
717 ?Сборник материалов... Вып. 97. СПб, 1911. С. 34. В приказе от 24 июня 1877 года в.кн. Николай Николаевич признал «причины, по которым некоторые части войск позволили себе такое отступление от определенного порядка довольствия, заслуживающими уважения» (Там же. С. 63).
718 Сборник материалов... Вып. 10. С. 114, 138, 244.

Драгомирова начали отрабатывать посадку и высадку из понтонов, «так как предвиделось уже, что дивизия примет участие в переправе»[719].

Переправа через Дунай должна была стать первой крупной операцией русской армии на Балканском театре, и от ее успеха во многом зависел дальнейший ход боевых действий против турок. Назначение на эту операцию именно 14-й пехотной дивизии является знаком высокого доверия к ее начальнику. Важно понять, почему именно Драгомиров получил это назначение.

Судя по всему, окончательное решение о том, что именно 14-я дивизия будет переправляться через Дунай было принято в мае 1877 года, примерно тогда, когда начались учения по посадке и высадке из понтонов. Возможно, что Драгомиров и раньше знал, что ему предстоит осуществлять эту операцию или, по крайней мере, догадывался об этом. Скалон в дневниковой записи от 20 декабря 1876 года вспоминал, что вечер он «провел у Михаила Ивановича Драгомирова, разговаривали о способах обороны переправы»[720].

Представляется, что доверие в.кн. Николая Николаевича и авторитет Драгомирова в армии сыграли решающую роль в этом назначении. О личных отношениях главнокомандующего и начальника 14-й пехотной дивизии уже было сказано. О том, что еще до начала непосредственных боевых действий Драгомиров входил в число самых авторитетных начальников в армии, свидетельствует целый ряд источников. В.В. Верещагин вспоминал о первой встрече с Драгомировым накануне переправы: «Драгомиров пользовался и пользуется большой популярностью и теперь считается одним из лучших боевых генералов нашей армии»[721]. А.Н. Витмер писал, какой вес имела аттестация Скобелева, которую дал Драгомиров, «пользовавшийся в армии огромным авторитетом»[722]. В отчете 14-й пехотной дивизии определенно говорится, что «знания и таланты» Драгомирова были «известны всей армии», и поэтому 14-я дивизия «избрана была Главнокомандующим в

---

719 Сборник материалов... Вып. 5. С. 81.
720 *Скалон Д.А.* Указ. соч. С. 26.
721 *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М., 2015. С. 114.
722 *Витмер А.Н.* По поводу возражений М.А. Газенкампфа // РС. - 1910. - №6. - С. 610.

авангард для трудного, рискованного дела – переправы через Дунай»[723]. Наконец, характерны слова, с которыми Драгомиров обратился к своим солдатам накануне переправы: «Нам поручили переправу […] не потому, что мне верят, а потому, что вам верят; поняли?»[724].

Выбор 14-й дивизии на ответственную операцию, которая, по сути, должна была задать тон всей кампании, был не случайным и ярко свидетельствует о том высоком положении, которое Драгомиров занимал в армии еще до основных событий русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

Необходимость форсировать Дунай в случае войны с турками была очевидной задолго до начала боевых действий, поэтому уже в конце октября 1876 года в Румынию были посланы флотские офицеры для разведки берегов Дуная и поиска необходимых перевозочных средств и мостового материала[725]. Всю зиму в Кишинев свозились цепи и канаты, плелись сети против торпед, а понтонеры тренировались в наведении мостов и гребле на Днестре[726]. Одновременно формировались контуры будущей операции. Рассчеты инженерных средств для переправы ясно указывали на то, что переправу придется производить в несколько рейсов, учитывая, что за один рейс на правый берег удастся перевезти не более одного полка пехоты[727]. Операцию предполагалось начать ночью, а для обеспечения переправы от турецкой Дунайской флотилии предполагалось выстроить выше и ниже переправы сильные батареи[728]. В соответствии с планом Обручева, переправа должна была осуществляться на среднем Дунае, причем место высадки уже в этом плане обозначается как «Систово-Рущук»[729].

В мае 1877 года, когда русские войска сосредоточились на территории Румынии, началась конкретизация операции по форсированию Дуная. 12 мая были посланы рекогносцировочные партии для определения конкретного

---

723 Сборник материалов... Вып. 5. С. 100.

724 *Моторный И.Г.* Указ. соч. С. 409; *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров... №4. - С.89.

725 Ъ. Подготовка инженерных средств для переправы через Дунай в июне 1877 года. // Военный сборник. - 1879. - №11. - С. 22-23.

726 Там же. С. 12-14.

727 Сборник материалов... Вып. 23. С. 3-4.

728 Там же. С. 15-16.

729 *?Газенкампф М.А.* Указ. соч. Приложение 1. С. 3.

места высадки. Рассматривались следующие варианты: 1) у устья Ольты, в районе Турну-Магуреле, 2) против Систова, 3) в окрестностях Журжева, против Рущука 4) близ устьев Арджиса, 5) против Силистрии, 6) против Гирсова. Кроме того, румынские офицеры должны были произвести разведку местности в районе Рахова, Лом-Паланки и выше Калафата. Николай Николаевич Старший также распорядился устроить «особую рекогносцировку дорог от Фратешти и Журжева [где располагались части 14-й пехотной дивизии, — С.Ю.] на Александрию и Бригадир к Зимнице [где 14-я пехотная дивизия будет переправляться в действительности, — С.Ю.]»[730]. Эти распоряжения указывают, что уже на этом этапе пункт Зимница-Систово считался приоритетным. Нагловский, отправленный для разведки именно этого пункта, настаивал, что он является самым удачным для переправы ввиду удобств местности и того факта, что от Систова, самой южной точки течения Дуная, ближе всего до Балкан и Шипкинского перевала, самого удобного из центральных перевалов Балкан[731]. 9 июня Драгомиров и в.кн. Николай Николаевич Старший, Непокойчицкий и Левицкий отправились на рекогносцировку к Зимнице и окончательно утвердили ее в качестве места начала операции[732].

Вся подготовка от начала заготовки материалов до дня переправы заняла восемь месяцев. Степень участия Драгомирова в планировании операции по форсированию Дуная едва ли была значительной и сводилась к участию в принятии окончательного решения о месте переправы. Андреевский так передает слова Драгомирова о подготовке операции: «Много работы и стараний было приложено к тому, чтобы дело это подготовить с возможной чистотой; не раз вспоминал Мих[аил] Ив[анович], Великий князь главнокомандующий, говорил он, на виду у всех, потрудился лично над разработкой этого вопроса и не упускал ни малейшей подробности; ему

730 Сборник материалов... Вып. 23. С. 16-17.

731 Там же. С. 41-44.

732 РГВИА. Ф. 2344. Оп. 2. Д. 251. Л.70; *Остапов А.* 14-я пехотная дивизия в войну 1877-1878 гг. (Из записок участника) // ВС. - 1881. - №12. - С. 366; *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров... №4. - С.90-91.

принадлежит бóльшая часть заслуги в трудном деле подготовки деталей этого первого боевого шага...»[733].

Сам ход переправы у Зимницы-Систова 15 июня 1877 года хорошо известен и подробно описан в литературе[734]. Поэтому остановимся только на некоторых наиболее важных моментах.

4 июня 1877 года Драгомиров отдал по дивизии следующий приказ:

«Объявляется к руководству:

1) Начальникам всех степеней не забывать назначать кто их должен заменить в случае убыли.

2) Предварить всех, что в случае дела поддержка будет, но смены никогда. Кто попадет в боевую линию, останется в ней, пока дело сделано не будет, потому патроны беречь, хорошему солдату 30 патронов достанет на самое горячее дело.

3) Как бы тяжело ни приходилось, не унывать, а помнить, что только претерпевший до конца спасется. Святой долг офицеров самим это постоянно помнить и людей подбадривать, чтобы этого не забывали.

4) При вечерней и утренней молитве после «Отче наш» петь: *«Господи сил, с нами буди, иного бо разве Тебе помощника в скорбех не имамы. Господи, помилуй нас»*. [курсив в оригинале — С.Ю.]

5) Вынос раненых возложен на санитаров, следовательно никто для этого и ни для чего другого рядов оставлять не должен. Офицеры и унтер-офицеры следят, чтобы этого не было. Держись кучно, выручай друг дружку — будет хорошо.

6) Забирать патроны с убитых и раненых.

7) Штаб-офицерам в огне рекомендую спешиваться.

[...]

Никогда не забывать объявлять перед делом, что собираемся делать. Последний солдат должен знать, куда и зачем он идет. Тогда, если начальник и будет убит, смысл дела не потеряется. Если начальник будет убит, людям не только не теряться, но еще с бóльшим ожесточением лезть вперед и бить врага.

Помнить, что сигналы наши могут быть подаваемы и неприятелем, а потому начальникам рекомендуется воздерживаться от их употребления, а работать преимущественно словесными приказаниями. Сверх того, *отбоя, отступления и т. д.*

---

733 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-1878 гг. // РС. - 1909. - №11. - С. 342.

734 См.: Описание Русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове. Т.2. СПб., 1901. С. 129-164; *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1956. С. 116-127; *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и подвиг освободителей. София, 1979. С. 17-23.

вовсе и никогда не подавать — и предупредить людей, что если такой сигнал услышат, то это только обман со стороны неприятеля.

У нас ни флангу, ни тылу нет и быть не должно, всегда фронт там, откуда неприятель. Делай так, как дома учился: стреляй метко, штыком коли крепко, иди всегда вперед и Бог наградит тебя победой.

Подписал: Командующий дивизией С.Е.В. г.-м. Драгомиров.

ДОПОЛНЕНИЕ

к приказу по 14-й пехотной дивизии и прикомандированным к ней частям, от 4 июня, за №43

1) Помнить меры предохранения от огня: в огнестрельный период боя строй разомкнутый; близко ложатся снаряды — передвинуть вперед; ложиться только по приказанию старшего начальника.

2) Помнить, что пока дело совсем не кончено, еще ничего не сделано, т. е. нужно бить до тех пор, пока ничего свежего и еще устроенного перед тобою не останется. Иначе, получив подкрепление, могут снова поворотить на нас. Подписал: Командующий дивизией С.Е.В. г.-м. Драгомиров»[735].

В этом важнейшем приказе видна забота Драгомирова о том, чтобы бой ни в коем случае не вышел из-под контроля начальников, даже в случае их убыли или подачи неверных сигналов. Солдаты предостерегались от пустого расхода патронов и должны были быть готовы к любой неожиданности, а от их начальников требовалось «помнить меры предохранения от огня». Подчеркивалось значение разомкнутого строя в огнестрельный период боя.

Успех переправы зависел в значительной степени от действий первого рейса, в который попали, главным образом, роты Волынского полка. Им необходимо было отбросить турок подальше от берега, и тем обеспечить спокойную переправу остальным войскам. Трудность этого дела увеличивалась тем, что высадка планировалась в овраге ручья Текир-Дере, то есть в местности пересеченной, с обилием растительности, перекрывавшей обзор начальникам. Руководить в этих условиях боем, да еще и ночью, было чрезвычайно трудно. Импровизация была неизбежна. Однако первый рейс в целом справился со своей задачей. Как отмечал отчет дивизии, «характеристическою чертою боя было то, что первые вступившие в бой

[735] Сборник материалов… Вып. 23. С. 47-48.

части не составляли не только цельных батальонов или рот, но даже взводов; каждая вновь прибывшая часть пристраивалась к первым попавшимся кучкам [т. е. происходило перемешивание, – С.Ю.], и такими то импровизированными частями-товариществами наши храбрецы, предводимые и руководимые случайными начальниками, без малейшей надежды на близкую поддержку, выдержали славный бой; каждое товарищество зорко следило за тем, чтó делается у соседей, и как только последние подавались вперед или им угрожал неприятель, немедленно следовала помощь или производилось передвижение в связи с движением соседей»[736]. В том, что первый рейс сумел самоорганизоваться в этих непростых условиях, видна заслуга системы подготовки Драгомирова, которую он проводил с 1873 года.

Второй рейс переправлялся под ожесточенным огнем, и на его долю выпала значительная доля потерь дивизии[737]. Характерен эпизод, когда ротный командир Моторный, высадившись во втором рейсе, направил своих людей, вопреки приказу Драгомирова, не вправо от оврага Текир-Дере, а влево, тем самым обеспечив безопасность места высадки с этого направления. Драгомиров не только не наказал подчиненного за проявление инициативы, но представил его к ордену Св. Георгия[738].

Драгомиров переправился со своим штабом, к которому самовольно присоединился генерал-майор М.Д. Скобелев, с третьим рейсом. Первым делом после высадки, начальник дивизии начал формировать резерв и наводить порядок в хаосе боя[739]. Его усилиями и стараниями его подчиненных переправа была окончательно обеспечена и началось расширение плацдарма. К трем часам дня русские части заняли Систово[740].

Согласно отчету 14-й пехотной дивизии, потери в бою при переправе составили 748 убитых и раненых, из которых 636 пришлось на долю

---

[736] Там же. С. 85.

[737] *Остапов А.* Указ. соч. С.391; *Моторный [И.Г.]* Переправа через Дунай 15-го июня 1877 г. 2-й стрелковой роты Минского полка // ВС. - 1883. - №6. - С. 182.

[738] *Моторный И.Г.* Виноват ли М.И. Драгомиров... С.411; *Моторный [И.Г.]* Переправа через Дунай... С. 182-192.

[739] *Цуриков С.А.* Воспоминания о войне 1877-1878 годов // Исторический вестник. - 1901. - №1. - С.124-125.

[740] Сборник материалов... Вып. 23. С. 83-84.

Волынского и Минского полков, то есть — первого и второго рейсов соответственно[741]. Утром 15 июня на правый берег Дуная переправился в.кн. Николай Николаевич Старший расцеловал Драгомирова и выслушал рассказ о ночном бое, который Драгомиров подал ему «своим своеобразным языком»[742]. Чуть позже переправился и сам царь, расцеловал Радецкого и Драгомирова и вручил им георгиевские кресты 3-й степени. Георгиевские кресты 4-й степени получили бригадные командиры 14-й дивизии Иолшин и Петрушевский[743].

Для Драгомирова события 14-15 июня стали триумфом. 20 июня он писал жене: «Вот уже пятый день в Систове и до сих пор не могу успокоиться; по ночам скверно сплю, слезы готовы литься каждую минуту. Государь был милостив, выше всякого выражения и всяких заслуг. Раза три или четыре принимались оба плакать, да и было от чего. Наши мальчики оказались пророками, у меня Георгий на шее»[744]. Для него Систовский бой стал не просто боевым крещением, но и важнейшей в карьере проверкой. Незадолго до переправы он так описал свои чувства в письме к супруге: «Пишу почти накануне великого для меня дня, в котором должно оказаться, *чего стою я и моя система образования и воспитания солдата* [выделено мной, — С.Ю.], и стоим ли мы вообще оба, то-есть я и моя система, чего-нибудь. Когда будешь читать это письмо, вопрос уже будет решен в ту или другую сторону. Я здоров, как бык, люди в отряде подобрались хорошие, может, Бог наградит счастьем. До свиданья»[745]. Его беспокойство вполне понятно. Много лет спустя Моторный вспоминал «анекдот (может быть быль), который передавался вскоре после переправы 14-й дивизии». Якобы Драгомиров в разговоре с императором признался, что накануне 15 июня думал «отчасти о переправе, а главное о том, что когда я был профессором и писал о воспитании и об образовании нашей армии, то мои критики отвечали: «Драгомиров ученый, но нестроевой»; когда же я принял дивизию

741 Там же. С. 84.
742 *Газенкампф М.А.* Указ. соч. С. 40.
743 Там же. С. 41-42.
744 *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров... №4. - С. 90.
745 Там же. С. 89.

и писал о том же, то они отвечали: «Драгомиров строевой, но не боевой». Перед переправой меня ежеминутно преследовала мысль, что если Бог благословит меня победой, то что тогда напишут мои оппоненты?»[746]. Этот «анекдот» очень точно передает переживания Драгомирова и находит подтверждение в других источниках. В письме к своему другу (С.А. Драгомирова не называет его) Драгомиров писал: «Я возблагодарил судьбу, что наградила меня удачей переправы; какой бы вой и гвалт поднялись бы, если бы мне пришлось окунуться в Дунай… А невероятного в этом ничего не было, на этот счет я себе иллюзий не делал»[747].

Успех переправы, прежде всего, подтвердил верность принципов подготовки, которые исповедовал Драгомиров, и укрепил его авторитет в качестве военного теоретика. «Тактические приемы и ученья в лагере под Бендерами, веденные ген[ералом] Драгомировым, оправдались блестящим образом», – было записано в полковом дневнике 54-го Минского полка[748]. Залогом успеха, как отмечалось ранее, стала ставка на систематическое развитие инициативы подчиненных. Один из офицеров дивизии отмечал, что во время переправы пригодилась практика в намеренном перемешивании частей[749]. Подчиненные Драгомирова были готовы к самым разнообразным случайностям боя.

Переправа у Зимницы-Систова 15 июня 1877 года стала одной из самых успешных операций русской армии в русско-турецкую войну 1877-1878 годов и поворотным пунктом в карьере Драгомирова. Два фактора сыграли ключевую роль в этом успехе. Во-первых, это тщательная восьмимесячная подготовка переправы, в которой участвовали в.кн. Николай Николаевич Старший, специалисты флотского и инженерного ведомств, многие офицеры Генерального Штаба, от части и Драгомиров. Симптоматично, что в 1877-1878 годах русской армии удавались те операции, на подготовку которых имелось достаточный запас времени (помимо переправы, можно привести

---

746 *Моторный И.Г.* Виноват ли М.И. Драгомиров… С. 408.
747 *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров... №4. - С.93.
748 Сборник материалов... Вып. 10. С. 118.
749 *Остапов А.* Указ. соч. С. 411.

примеры Авлияр-Аладжинской операции и перехода через Балканы). Когда этого времени не было и приходилось импровизировать, русская армия обычно показывала себя не столь успешно. Второй фактор – это та работа, которую провел с дивизией Драгомиров в течение четырех лет командования. Заслуга Драгомирова в общем успехе лежит, прежде всего, в том, что он сумел сделать из 14-й дивизии эффективный инструмент реализации замыслов штаба Действующей армии. Ставка на инициативность подчиненных оправдала себя в бою у Систова. Наконец, распоряжения Драгомирова и бой за переправу показывают, что он вовсе не являлся таким «рутинером штыка», как его представляли. В его распоряжениях подчеркивалось необходимость беречь части от огня и использовать стрелковые цепи.

Хотя трудно было спорить с тем, что успех Систовской переправы подтвердил верность военно-педагогических принципов Драгомирова, уже в первые дни после переправы генерала, по его собственному выражению, «начинают пробовать и кусать»[750]. После боя Систово было разграблено совместно болгарами и нижними чинами 14-й пехотной дивизии. Этот факт подтверждается как отчетом дивизии[751], так и весьма ярким приказом Драгомирова от 24 июня: «Больно мне и стыдно было узнать вчера, братцы, что и между вами есть свиньи, которые в чудном городе напиваются до положения риз, да, кроме того, и не платят за выпитое. А один унтер-офицер Волынской 7-й роты еще попробовал разить караул. Наша дивизия сделала такое дело, после которого стыдно не беречь своей славы, да еще перед чужими людьми. Предупреждаю, что вперед, кто попадется в том, что возьмет что-нибудь даром, будет разстрелян на месте»[752]. Недоброжелатели Драгомирова воспользовались этим случаем. «Ген[ерал] Драгомиров, въехавший в Систов каким-то римским триумфатором с венком из роз на голове и усыпанный цветами, – писал С.Д. Шереметев К.П. Победоносцеву, – теперь живет там в свое удовольствие и, кажется, мало заботится о

750 *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров… №4. - С.90.
751 Сборник материалов... Вып. 5. С. 106.
752 Там же. С. 106-107.

дисциплине своих войск, кот[орые] на первых же порах порядком погуляли в завоеванном городе. Многое свалили на болгар, что было делом наших солдат, и если подобные бесчинства будут повторяться в прочих городах Болгарии, то я не знаю, много ли мы выиграли во мнении этого народа»[753].

Впрочем, эта история не имела продолжения и не поколебала того доверия, которое испытывал к Драгомирову главнокомандующий. После захвата 25 июня 1877 года Тырнова Передовым отрядом генерала И.В. Гурко, в.кн. Николай Николаевич Старший в ночь на 27 июня написал письмо Александру II, в котором излагал план своих дальнейших действий. Командующий Действующей армии намеревался ограничиться наблюдением за Рущуком, выдвинуть IX корпус «к стороне Плевно и Ловчи для обеспечения правого фланга», а самому с VIII корпусом выдвинуться «вслед за отрядом Гурко на Тырново и далее за Балканы»[754]. Таким образом, Радецкому и Драгомирову вновь предстояло сыграть решающую роль и, возможно, в случае успеха, увенчаться лаврами покорителей Константинополя. Однако этому не суждено было сбыться. Военный министр Д.А. Милютин посчитал план великого князя «крайне рискованным и даже безрассудным»[755]. Под его влиянием, Александр II отверг предложение своего брата и предложил ждать подхода из России XI и IV корпусов.

27 июня 14-я дивизия выступила к Тырнову, в окрестностях которого сосредоточилась 6 июля. После этого драгомировскую дивизию начали «раздергивать». 7 июля Минский полк должен был подняться на Шипкинский перевал до Габрова, а 20 июля подкрепить Волынский полк, взятый у Драгомирова 18 июля для занятия Сельви. Подольский и Житомирский полки в это время действовали по Осман-Базарской дороге в противоположном направлении[756]. Дело в том, что командование ожидало нападения на Тырново либо со стороны Ловчи к Сельви, либо со стороны Осман-Базара[757], а первая неудача под Плевной 8 июля увеличила

753 Переписка С.Д. Шереметева с К.П. Победоносцевым // Российский архив. Т. IX. М., 1999. С. 292.
754 Сборник материалов... Вып. 2. С. 194-195.
755 *Милютин Д.А.* Дневник. 1876-1878… С. 258.
756 РГВИА. Ф. 2344. Оп. 2. Д. 251. Л. 196.
757 *Газенкампф М.А.* Указ. соч. С. 88.

нервозность в распоряжениях. 18 июля состоялся второй штурм Плевны, также окончившийся неудачей. После этого, в наименее крепких умах нервозность сменилась паникой. 7 августа командующий 1-й бригадой 9-й пехотной дивизии генерал-майор И.Е. Борейша донес Радецкому, что был оттеснен от Беброва крупными силами турок[758]. Радецкий, очевидно, посчитал, что началось ожидавшееся наступление турецких сил от Осман-Базара для поддержки Сулеймана-паши, начавшего как раз в этот момент штурм Шипкинского перевала. На помощь были двинуты части VIII корпуса. Однако Борейша просто ошибся, приняв горстку башибузуков за крупные силы, и движение началось как раз в тот момент, когда VIII корпус срочно понадобился на совершенно другом направлении. В следствии этой ошибки солдатам 14-й дивизии и других частей VIII корпуса пришлось по удушающей жаре сделать 40-верстный марш от Тырнова до Елены (8 августа), потом обратно (9 августа), затем из Тырнова до Габрова — еще 42 версты (10 августа) и от Габрова до Шипки (11 августа). Последний переход часть войск проделала верхом за спинами казаков и сходу вступила в бой на перевале. Один из офицеров 14-й дивизии писал в письме: «Жара была свыше 40°R[759]. Люди падали кучами; 3 человека умерли дорогою от солнечного удара, а 40 так заболело, что, по рассказам медиков, половина из них тоже жить не будет»[760].

Драгомиров прибыл на Шипку вместе с авангардом своей дивизии около 7 часов вечера 11 августа. Утром 12 августа по приглашению генерал-майора В.Ф. Дерожинского Драгомиров поднялся на пригорок, чтобы обозреть местность и почти сразу был сражен пулей, попавшей ему в коленный сустав правой ноги[761].

На этом непосредственное участие Драгомирова в русско-турецкой войне 1877-1878 годов было завершено. Он был перевезен в Кишинев к своей семье. Опыт боевой жизни оказался ярким, но непродолжительным.

---

758 *Газенкампф М.А.* Указ. соч. С. 89.

759 Примерно 48°С.

760 *Кобылянский Я.П.* Письма из действующей армии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Река времен. Книга истории и культуры. Кн.1. М., 1995. С. 158.

761 *Greene F.V.* Op. cit. p. 50.

3.4. Восприятие войны и итоги

Для Драгомирова настали тяжелые дни. Его рана не была опасной для жизни, но она грозила сделать его неспособным к строевой службе. Н.И. Пирогов, осматривавший раненого, считал необходимым ампутацию, и только по настоянию других врачей, генералу сохранили ногу[762]. Как говорилось в справке о ранении, пуля прошла «с повреждением связочного аппарата и суставных поверхностей костей», а «процесс заживления может закончиться или неподвижностью, или ограниченным движением коленного сустава»[763]. О возвращении в строй не могло быть речи. Всю оставшуюся жизнь Драгомиров испытывал проблемы с ездой верхом и подъемам по лестницам. На большинстве поздних изображений его можно увидеть с палочкой.

Нет сомнений, что, несмотря на рану, генерал продолжал следить за ходом войны, особенно за боями вокруг Шипки, где продолжали воевать его близкие друзья и сослуживцы. Один участник войны вспоминал встречу с раненым Драгомировым: «Генерал говорил о последних атаках турок, о геройских подвигах наших солдат. Когда мы стали высказывать ему сожаление, он сказал: “Эх, господа, меня нечего жалеть, вот вы поберегите генерала Радецкого”»[764]. Практически все, видевшие Михаила Ивановича сразу после ранения отмечали его подавленное состояние. Например, П.П. Карцов отмечал, что «нервы его были сильно потрясены», а после недолгого разговора «невольно выступившие у Драгомирова слезы прервали его»[765]. Еще более красноречиво свидетельство князя А.М. Дондукова-Корсакова: «Я нашел его относительно в удовлетворительном состоянии и тяжкая рана его в колено не угрожала уже тяжелыми последствиями. Была полная надежда на сохранение ноги. Но я нашел Михаила Ивановича в крайне нервном состоянии. Он рассказывал мне с критической точки зрения о совершившихся

---

762 *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров… №4. - С. 91.
763 ОР РГБ. Ф. 169. К. 96. Д. 63. ЛЛ. 1-2.
764 *С.* Заметки стрелка 3-й бригады // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877-1878 гг. Т. II. СПб., 1879. С. 180.
765 *Карцов П.П.* Указ. соч. Ч.2. С. 607.

военных действиях, сдержанно отзываясь о начальниках, но превознося с восторгом нашего солдата, прерывая все это слезами и рыданиями. При этом немного и рисовался. Жена его, которая была при нем, мне говорила, что он иногда по целым часам плакал»[766].

«Сдержанность» по отношению к начальствующим лицам и «восторг» по отношению к подвигам простых солдат стали для Драгомирова главным «эмоциональным» итогом русско-турецкой войны. Для генерала и ранее было свойственно несколько сентиментальное отношение к русскому солдату, что можно отчасти объяснить его близостью к народничеству в молодости. Теперь же противопоставление храбрых и самоотверженных солдат и невсегда стоящих на той же высоте начальников станет характерной чертой военных взглядов Драгомирова. В своих последующих статьях он редко высказывался о событиях этой войны, но к одному бою возвращался несколько раз. Это сражение за Горный Дубняк 12 октября 1877 года, которое станет для Михаила Ивановича ярким свидетельством того, что командующие лица не достойны тех, кем они командуют. В 1904 году Драгомиров писал о бое при Горном Дубняке: «[…] о сознательной атаке без подготовки огнем там и речи не было, а была расплата за мирное обучение, даже вплоть до попытки на десятки верст подавать сигналы орудийными залпами[767]. Эта была поучительная иллюстрация, не более, к слову маршала Саксонского: “не зная делать что нужно, делали то, что умели”. О том, что укрепление перед штурмом должно быть обрекогносцировано и обработано огнем, никто не подумал; равно как и о том, что без приказания войска не смеют бросаться в атаку. И потому, попав в сферу выстрелов, они сразу выпали из рук и полезли, как кому Бог на душу положил. А стрельба была, но такая же, как и атака – попадали и в своих. По общераспространенному тогда мнению в Финляндском и Павловском полках кое-кто был перебит своими снарядами, в том числе командир первого из них В.Н. Лавров. В конце концов Горный Дубняк был взят “дуром”, как один раненый солдатик объяснил в

[766] Из дневника князя А.М. Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Кн. 9. СПб., 1905. С. 13.

[767] Штурм Горного Дубняка начался неодновременно и быстро вышел из-под контроля И.В. Гурко и его штаба, так как войска не выждали сигнала к его началу, который должен был быть подан залпами пушек.

Кишиневе г-ну К—ца, заведывавшему на вокзале кормлением проезжавших раненых»[768]. К этому следует добавить, что упомянутый генерал-майор В.Н. Лавров был близким другом семьи Драгомировых[769]. В другой статье Драгомиров недвусмысленно намекал на то, что виновником этих недоразумений был полковник А.К. Пузыревский, «один из лучших офицеров нашего генерального штаба» и «действительный знаток тактики»[770], который был начальником штаба у И.В. Гурко. По поводу Иосифа Владимировича у Драгомирова тоже установилось негативное отношение. «Я так тебе скажу, – писал Драгомиров неизвестному корреспонденту, – будь Скобелев главнокомандующим, охотно и не задумываясь пойду к нему под команду, не взирая на то, что он у меня в академии сидел на скамье; к Гурке, который старше меня и моим учеником не был, не пойду ни за что по воле»[771]. Михаил Иванович не пояснил причину такого отношения, но его супруга, приводящая в своей статье это письмо, отмечала, что «холодное отношение к людям составляет отличительную черту их обоих [т. е. Скобелева и Гурко, — С.Ю.]»[772]. Скорее всего, мнение о легкомысленном отношении к жизни и судьбе солдат и послужило причиной негатива, который Драгомиров испытывал к Гурко.

С сентября по декабрь 1877 года 14-я пехотная дивизия вместе с другими частями отряда Радецкого находилась на Шипкинском перевале в крайне тяжелых условиях[773]. «Шипкинская эпопея» завершилась 28 декабря 1877 года боем при Шипке-Шейнове, в ходе которого возник известный конфликт между Скобелевым и Радецким, из-за того, что первый вовремя не поддержал атаку других частей отряда[774]. Радецкий был вынужден послать в лобовую атаку на турецкие укрепления свои войска. М.Ф. Петрушевский так описал в письме к Драгомирову эту атаку: «Мы собственно дрались часа три, так от 12

[768] Восьмая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 2. С. 321.
[769] *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров… №4. - С. 92. Драгомировы, живя в Петербурге, снимали комнаты в доме вдовы генерала Лаврова по Загородному проспекту, 26 для себя, а потом и для своих взослых детей, когда в 1889 году переехали в Киев: ДРЗ. Ф. 2. М-86. Рерберг Федор Петрович. (Кн.1). ЛЛ. 120-121.
[770] Вторая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 2. С. 40.
[771] *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров… №3. С. 799.
[772] Там же.
[773] Сборник материалов… Вып. 5. С. 126-229; Вып. 10. С. 140-240.
[774] *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров… №3. - С. 796-803.

до 3; взяли кое-что. Потеряли процентов 60, выбыло много народа из 14-й дивизии, а главное из Подольского полка... Так и ходит он, родной, до сих пор в 32 рядов в роте... Тяжелы были часа полтора, пока нежданно-негаданно узнали о сдаче неприятеля. Говорят, атака наша оттянула таборов 20, которые иначе могли бы быть посланы к укреплению войск, дравшихся против Скобелева и [Н.И. Святополк-]Мирского. Дай Господь, коли так, недаром положили столько народа»[775]. При этом, боевая служба шипкинцев не была, по их же мнению, оценена по достоинству, и дело не ограничивалось тем, что Скобелев «присвоил лавры» боя 28 декабря себе[776]. «Под Константинополем, – писал Петрушевский, – собираются делать парад всем войскам, находящимся в окрестностях, объявлено, что в мундирах. 8-й корпус заявил, что на Шипке так оборвались: ни тебе не только мундиров, показаться нельзя иначе, как в заплатанных шинелях, которые, однако, прикроют наготу нашу; в ином виде на парад явиться не можем. Отвечали: “На парад в мундирах, а если кто этого исполнить не может, тот не будет удостоен участвования на параде”. Так у нас и записано; В.И. Дмитровский[777], бывший в главной квартире, все подпевал: “На парад назади, а как дело – впереди”»[778].

Несмотря на то, что русско-турецкая война 1877-1878 годов окончилась победой России, а войска в.кн. Николая Николаевича Старшего остановились в шаге от Константинополя, Драгомиров, как и многие другие участники войны[779], был скорее разочарован ее результатами и озабочен перспективами армии, которая ценой неимоверных усилий добилась победы над весьма слабым противником.

Как уже говорилось, переправа у Систова 15 июня 1877 года и вся война против Турции стали поворотным моментом в карьере Драгомирова. Подготовка 14-й пехотной дивизии, строившаяся на инициативности младших начальников, оправдала себя. Авторитет Драгомирова сильно

---

775 Там же. №2. - С. 436.

776 Драгомиров был склонен оправдывать и защищать Скобелева: Там же. №3. - С. 797-799.

777 Начальник штаба у Радецкого.

778 Там же. №2. - С. 437.

779 Например, генерал Д.П. Дохтуров писал из Сан-Стефано: «На мой взгляд общее настроение духа мрачное. Впереди войска ничего не видят, исключая возвращения в Россию и притом далеко не триумфаторского»: ?ОР РГБ. Ф. 58. Ч. 1. К. 34. Д. 7. Л. 9-10.

возрос, поскольку он на практике доказал верность своих военно-педагогических принципов и свою компетентность в качестве военачальника. Если до 1877 года Драгомиров был одним из уважаемых генералов, имевших определенное влияние на военную политику России, то после 1877 года он превратится в одного из тех, кто будет формировать эту политику. Боевой опыт был как раз тем компонентом, которого не хватало Михаилу Ивановичу для перехода на новый карьерный уровень.

Следует еще раз подчеркнуть, что этот опыт был скорее негативным. Уже на этапе мобилизации Драгомиров столкнулся с некоторыми неадекватными элементами русской военной системы, которые усиливались во время движения армии к Дунаю и далее в течение кампании. Проблема, с его точки зрения, заключалась, прежде всего, в начальствующих лицах. Тем драматичнее выглядели в его глазах подвиги простых солдат и младших офицеров, свидетелем которых он был. Победа была добыта именно их усилиями во многом вопреки начальству, а русская дипломатия и истощенная армия не смогли удержать ее плоды, что привело к пересмотру Сан-Стефанского договора на Берлинском конгрессе. Одним словом, война была разочарованием для Драгомирова. Спустя десять лет после завершения кампании Драгомиров произнес: «Все мы грешны, все и покаемся, чтобы в будущем прорух, не скажу, совсем не было, но чтобы было по возможности меньше»[780].

Опыт русско-турецкой войны 1877-1878 годов укрепил в сознании Драгомирова противопоставление простого и честного солдата его начальнику. Примерно по тем же принципам он начинает противопоставлять строевых начальников, какими были Радецкий и его подчиненные по 14-й дивизии, корыстным и некомпетентным штабным деятелям, объединяемым понятием «военная бюрократия». «Полупобеда» в 1877-1878 годов была, по его мнению, добыта усилиями солдат и строевых начальников, скорее вопреки действиям и распоряжениям центральных военных органов и военных теоретиков, занявших штабные посты в Действующей армии.

[780] Сообщение генерал-майора Энгельгардта… С. 87.

Приобретенный боевой опыт позволил Драгомирову окончательно войти в круг наиболее влиятельных лиц русской армии, однако этот опыт не стоит переоценивать. Он участвовал в кампании с 12 апреля по 12 августа, то есть ровно четыре месяца. За это время он только дважды побывал в боях: 15 июня при переправе и 11-12 августа на Шипке. То есть в деле он находился не более 24 часов. К тому же Драгомирову не суждено было увидеть такие ключевые эпизоды войны, как штурмы Плевны, «шипкинское сидение» и переход через Балканы. Его боевой опыт был ограниченным, и последующая карьера Драгомирова должна была показать, насколько он был достаточен, чтобы адекватно оценить произошедшее на Балканах.

Глава 4. М.И. Драгомиров и уроки русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Русско-турецкая война 1877-1878 годов стала поворотным моментом в карьере генерала М.И. Драгомирова. До войны на Балканах он был ярким военным писателем, но именно успешный боевой опыт придал его авторитету мощный вес. Когда в декабре 1877 года встал вопрос о назначении наследника Александра Александровича командующим войск Западного отряда, а следовательно, и о выборе для него начальника штаба, граф И.И. Воронцов-Дашков предложил две кандидатуры: «Будь Драгомиров здоров, я бы его назвал рядом с Обручевым, но все-таки после, по двум причинам. Первая та, что Обручев всю жизнь специально занимался изучением Европейской Турции; вторая та, что он менее дипломат, чем Михаил Иванович, который все-таки немного да ухаживал бы за Главнокомандующим»[781]. Хотя в итоге была принята совершенно другая комбинация[782], предложение графа Воронцова показывает, что Михаил Иванович понимался как один из ведущих военных специалистов в русской армии. Александр II полностью доверял раненому генералу, о чем свидетельствует его назначение генерал-адъютантом в первую годовщину Систовской переправы. Его имя стало хорошо известно в Западной Европе[783]. Большинство исследователей русской армии сходятся на том, что Михаил Иванович вошел в когорту начальников, определявших лицо русской армии в послемилютинскую эпоху[784].

Возросшему статусу генерала Драгомирова соответствовали новые задачи. Русско-турецкая война 1877-1878 годов показала не только

---

781 Письма И.И. Воронцова-Дашкова Александру III // *Измаил-заде Д.И.* И.И. Воронцов-Дашков – Кавказский наместник. М., 2005. С. 209.

782 *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев… С. 239-240.

783 Переписка М.И. Драгомирова с А. Дрыгальским… С. 634; *[Villebois-Mareuil G., de]* L´Armée Russe: et ses Chefs en 1888. Paris, 1888. pp. 210-237.

784 *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1993. Т. 3. С. 22-24; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973. С. 256-257; *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев… С. 276-277; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 128-129; *von Wahlde, P.* “Military Thought in Imperial Russia” PhD diss. Indiana University, 1966. p. 117; *Steinberg, J.W.* All the Tsar's Men: Russia's Generall Staff and the Fate of the Empire, 1898-1914. (Woodrow Wilson Center Press, Washington D.C., 2010). p. 44.

достижения милютинских реформ, но и их оборотные стороны и слабые места[785].

Главная и наиболее глубокая из этих проблем была связана с особенностью устройства русской армии, в которой функция планирования подчинялась функции администрирования. На институциональном уровне это выражалось в том, что Генеральный Штаб входил в состав Военного министерства на правах одного из отделов и, следовательно, не был оформлен в самостоятельный орган с четко определенными функциями и положением. Иными словами, стратегия была подчинена администрации.

Вторая важная проблема заключалась в том, что Милютин не сумел полностью переломить ситуацию с подготовкой офицеров, и она оставалась далекой от совершенства как на уровне младших офицеров, так и на уровне высших начальников.

Третьей проблемой было отсутствие действительно эффективных механизмов для анализа современных тенденций в военном деле и, особенно, для перевода сделанных теоретических выводов в практическое русло. Это значительно снижало возможности для дальнейшего развития и во многом предопределило парадоксальную ситуацию, когда, по признанию большинства исследователей, «в конце XIX-начале XX в. наблюдается заметный подъем русской военно-теоретической мысли»[786], «1880-е и 1890-е гг. отмечены настоящим взрывом оригинальных работ и изданий»[787], «не было недостатка в крупных военных деятелях»[788], однако общая ситуация в армии характеризуется как «застой»[789].

Следует добавить, что корректировку военной системы приходилось проводить в ситуации, когда уроки русско-турецкой войны 1877-1878 годов не были достаточно внятными и определенными, когда влияние членов императорской фамилии и их протеже в армии оставалось весьма сильным,

[785] Подробнее о критике милютинских реформ: *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 179-196; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 28-33, 130, 142-145; *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев… С. 95-117, 292-293.

[786] Русская военная мысль. Конец XIX-начало XX в. Под ред. П.А. Жилина. М., 1982. С. 35.

[787] *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 139.

[788] *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 22.

[789] Там же. С. 5, 26. Схожие оценки см.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия… С. 62; *Steinberg, J.W.* Op.cit. p. 19.

когда у государства был большой недостаток средств, и наконец, когда общая ситуация (прежде всего, рост армий и прогресс вооружений) ставила перед военным руководством Российской империи новые вызовы.

В 1878-1889 годах генерал Драгомиров занимал должность начальника Николаевской Академии Генерального Штаба. Его должность и авторитет предполагали участие в решении означенных проблем. В этой главе мы рассмотрим его роль в попытках административных реформ в русской армии, в деле обучения офицеров Генерального Штаба и в дискуссиях о тактике, которые велись после 1878 года.

4.1. Участие М.И. Драгомирова в комиссии графа П.Е. Коцебу 1881 г.

В 1881 году, после убийства Александра II, на престол взошел его сын Александр III. Д.А. Милютин и ряд других сторонников продолжения реформ были вынуждены выйти в отставку[790]. В военной сфере, как и в других сферах жизни общества, встал вопрос о дальнейшей судьбе реформ завершившегося царствования.

Одним из первых на подчинение стратегии администрации указал фельдмаршал князь А.И. Барятинский, критикуя Положение о полевом управлении войск 1868 года. Суть критики фельдмаршала сводилась к тому, что по новому положению «учреждения военного времени истекают из учреждений мирных», и следовательно, «общим руководителем войны становится неизбежно центральное военное управление», в то время как связь войск с императором утрачивается[791]. Хотя князь Барятинский умер в 1879 году, его взгляды воскресли, как только выяснилась неизбежность отставки Милютина. Генерал Р.А. Фадеев, правая рука князя и «реликт 1860-х и 1870-х годов»[792], по выражению Б. Меннинга, повел в 1881 году новую атаку на милютинские учреждения. Смена на престоле и еще живое чувство разочарования итогами русско-турецкой войны 1877-1878 годов давали ему

---

790 *Милютин Д.А.* Дневник. 1879-1881… С. 318-325; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия… С. 61-62.

791 Цит. по: *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. М., 1888-1891. Т.3. С. 209-222.

792 *Меннинг Б.У.* Пуля и штык… С.141.

надежду на успех, а цареубийство 1 марта 1881 года позволяло представить бюрократическое средостение в армии в качестве опасной тенденции, способной привести к нарастанию революционных настроений в войсках[793]. Главной целью Фадеева было «снова выделить армию из гуртового состава военного ведомства, возвратить ей личность и восстановить прежнюю неразрывную связь, соединявшую последнего ротного командира, чрез все ступени строевого командования, с самим Государем»[794]. Это предполагалось сделать, восстановив пост начальника Главного штаба Его Императорского Величества, который бы был «органом Государя по командованию готовыми боевыми силами и выразителем военных потребностей государства», в то время как «военный министр останется распорядителем материальной части и сырого материала: каждый будет делать свое, а не чужое дело»[795].

Александр III приказал составить Особую комиссию для обсуждения Высочайше преподанных вопросов обустройства военного управления под председательством графа П.Е. Коцебу, в которую вошли наиболее авторитетные военные деятели русской армии[796]. С 6 октября по 7 ноября комиссия графа П.Е. Коцебу провела девять заседаний, рассмотрев недостатки управления армией, возможность их устранения частными мерами, целесообразность сохранения военных округов, выделения из министерства Генерального Штаба и другие вопросы[797]. Хотя широта

---

[793] Подробней см. письма Р.А. Фадеева к графу И.И. Воронцову-Дашкову: ОР РГБ. Ф. 58. Ч. 2. П. 51. Д. 3. Л. 1-27об.

[794] Там же. Л. 1об.

[795] Там же. Л. 1об-2.

[796] Состав комиссии графа Коцебу: в.кн. Владимир Александрович, в.кн. Николай Николаевич Старший и в.кн. Михаил Николаевич, управляющий военным министерством П.С. Ванновский, начальник Главного штаба Н.Н. Обручев, начальник Главного военно-судного управления св.кн. А.К. Имеретинский, начальник Главного интендантского управления Н.Н. Скворцов, товарищ генерал-фельдцейхмейстера Л.П. Софиано, товарищ генерал-инспектора по инженерной части М.П. Кауфман, начальник Канцелярии Военного министерства А.А. Якимович, его помощник П.П. Лобко, помощник начальника Главного управления военно-учебных заведений барон Л.Л. Зедделер, состоящий по инженерному ведомству ген.-лейтенант В.В. Фейхтнер, министр двора граф И.И. Воронцов-Дашков, начальник Николаевской Академии Генерального Штаба М.И. Драгомиров, командующие военных округов: А.Р. Дрентельн (Киевский округ), граф Э.И. Тотлебен (Виленский округ), князь Д.И. Святополк-Мирский (Харьковский округ), П.П. Альбединский (Варшавский округ), председатель Комитета по устройству и образованию войск Г.И. Чертков, помощник командующего войсками Петербургского военного округа А.П. Костанда, начальники штабов округов: П.П. Павлов (Кавказский округ), Н.О. Розенбах (Петербургский округ). Строй представляли командиры корпусов: граф Пав.А. Шувалов, Ф.Ф. Радецкий, М.Д. Скобелев, Х.Х. Рооп, барон Э.И. Деллингсгаузен, О.Б. Рихтер и начальник дивизии князь И.Ф. Шаховской. Председательствовал граф П.Е. Коцебу. Итого 30 членов комиссии и председатель.

[797] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 49. ЛЛ. 14–16. Анализ протоколов комиссии см.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия… С. 92–102.

поставленных вопросов грозила полностью перечеркнуть деятельность военного министерства Милютина, как писал П.А. Зайончковский, вследствие противодействия Ванновского и Обручева, несочувствия многих членов комиссии идее преобразования и общего желания избежать дополнительных финансовых затрат, «никаких конкретных решений касательно изменения системы военного управления и военных округов по существу принято на было, за исключением вопроса о необходимости переработать Положение о полевом управлении армии в военное время»[798].

Тем не менее, работа генерала Драгомирова в комиссии Коцебу представляет существенный интерес для нашего исследования, так как предполагала прямое и недвусмысленное высказывание об итогах военных преобразований 1860-1870-х годов.

Драгомиров видел проблемы, которые постфактум признавались исследователями едва ли не главным недостатком милютинских преобразований[799]. В сложившейся к 1881 году военной системе слишком часто, пользуясь определениями Б. Меннинга, «боевые структуры» попадали в зависимость от «структур снабжения»[800]. Это явление проявлялось на верхнем административном «этаже» в подчинении Генерального Штаба военному министру и спускалось вниз по организационной структуре, создавая трения и конфликты на всех уровнях. Опыт прошедшей войны ясно это показал. Условия мирного времени и условия военного времени, писал Драгомиров, требуют от военной организации ровно противоположного, «ибо мирная деятельность в армии имеет целью развитие и сбережение сил, а военная – употребление или потребление их»[801]. Вся суть выступлений Драгомирова в комиссии Коцебу и смысл двух его записок, составленных осенью 1881 года, которые мы рассмотрим ниже, сводились к необходимости побороть всевластие военной бюрократии.

---

798 Там же. С. 102.

799 *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С.142-145; *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев… С. 207.

800 *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 142.

801 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. Л. 18об.

Казалось бы, позиция Драгомирова вела его к идее выделения Генерального Штаба в независимый от Военного министерства орган, а значит, в фадеевский лагерь. Характерно, что главный вдохновитель комиссии Коцебу считал Михаила Ивановича своим союзником. Обращаясь к графу И.И. Воронцову-Дашкову с просьбой дать время на подготовку к ответам на предложенные вопросы, Фадеев писал: «Очевидно что таким образом преимущество будет на нашей стороне, так как мы с Вами *и Драгомировым* [выделено мной, – С.Ю.] одни в силах им воспользоваться [...]»[802]. Когда 6 октября открылись заседания, Драгомиров действительно присоединился к той критике, которая обрушилась на военных администраторов из уст Воронцова-Дашкова и некоторых других членов комиссии, хотя генерал и сделал существенные оговорки: «Я не согласен с Гр[афом] Воронцовым, что надо менять *корни* [выделено в оригинале, – С.Ю.], но разделяю его мнение, что у Государя должен быть представитель Строевого Элемента»[803].

Осенью 1881 года, во время работы комиссии Коцебу, Драгомиров составил отдельное мнение по представленным на рассмотрение вопросам, а также особую записку «против канцеляризма». Оба эти документа позволяют более полно представить его позицию по вопросам о судьбе реформ Милютина.

Главным объектом критики Драгомирова, как уже говорилось, была военная бюрократия. Записка против канцеляризма полна примеров пренебрежительного, а иногда и оскорбительного отношения различных «чиновников в эполетах» к представителям строя, взятых из опыта русско-турецкой войны 1877-1878 годов[804]. Весьма характерно для генерала, что, помимо грубого отношения к строевым начальникам, он обвинил военное чиновничество в равнодушии к нуждам солдат. «Бюрократическая манипуляция там, где [нрзб] переписываются, человек страдает, а иногда и гибнет, – возмущался генерал, – Тогда бы они [служащие штабов и

802 ОР РГБ. Ф. 58. Ч. 2. П. 51. Д. 3. Л. 37об.
803 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 46. Л. 8об.
804 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. ЛЛ. 4-7.

канцелярий. – С.Ю.] уразумели, что развитие глазной болезни, цинги, смертности не есть только повод к заведению нового дела, и что это факт, а не только слова, изображаемые соответственными буквами алфавита… Но, к несчастью, они доброхотно до перехода в строй не снизойдут, ибо рыба ищет где глубже, человек где лучше»[805]. Административные лица, по мнению автора записки, не только не привлекаются к суду там, где ротных командиров «казнят»[806], но и получают за свою недоброкачественную службу награды, включая сугубо боевые[807]. Очевидно, на позицию Михаила Ивановича оказывали сильное влияние свежие впечатления минувшей войны, которые закрепляют в его сознании характерные для него противопоставления солдата и начальства, а также строевого и бюрократического элементов в армии[808].

Ситуация, по мнению Драгомирова, зашла слишком далеко. «Так, – отмечалось в записке, – из разъяснений оказалось, что к[омандующие] войсками проникнуты были горячим желанием блага войскам. Военный министр был проникнут тем же желанием и, не взирая на это, войска дурно кормлены, дурно расквартированы, недостаточно воспитаны и обучены»[809]. При этом, констатировал генерал, «неудовлетворительные, как и удовлетворительные периоды всякой организации могут проистекать или от людей, или от системы организации; но так как оказывается, что в разбираемом случае люди не виноваты, то виновата система[,] из этой дилеммы выхода нет»[810]. Отметим, что Михаил Иванович, присоединяясь к критике бюрократического засилья в армии, определенно выводил из-под удара лично Милютина. Поскольку «люди не виноваты», а «виновата

---

805 Там же. ЛЛ. 6об-7.

806 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 46. Л. 8; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д.257. Л. 12.

807 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. ЛЛ. 4-4об, 15об-16.

808 Отметим, что другие члены комиссии 1881 года тоже критиковали военную бюрократию, особенно интендантство. Х.Х. Рооп: ОПИ ГИМ. Ф. 155. Д. 150. Л. 203. М.Д. Скобелев: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. Л. 33об. Ф.Ф. Радецкий: РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 46. Л. 32об. Скобелев заявлял в знаменитой речи 12 января 1882 года похожие мысли: «Господа, всякий раз, когда державный хозяин Русской земли обращался к своему народу, народ оказывался на высоте призвания и исторических потребностей минуты. С интеллигенцией же не всегда бывало то же, и если в трудные минуты кто-либо банкрутился перед царем и народом, то, конечно, та же интеллигенция». Цит. по: *Кнорринг Н.Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев // Белый генерал. М., 1992. С. 220.

809 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. ЛЛ. 3-3об.

810 Там же. Л. 3об.

система», необходимо было производить изменения в военной администрации на системном уровне. Системность проблем закреплялась для Драгомирова тем, что протестовать против военного чиновничества бесполезно, поскольку «везде докладывал бы этот протест надлежащему начальнику тот же самый чиновник»[811]. В результате «войска никогда не налицо, они за себя не говорят; они отсутствуют; а отсутствующие, как известно, всегда виноваты»[812] – и здесь Драгомиров, действительно, сходился во мнениях с группой Фадеева, желавшей для строя прямой связи с императором. Кроме того, Михаил Иванович понимал, что «ожидать, что чиновники сами себя начнут сокращать, значит ожидать от них такого самоотвержения, которое почти равносильно — самоубийству»[813].

Однако, обозначив проблему, Драгомиров начинал колебаться в выборе средств ее разрешения. Он не был уверен, что выделение Генерального Штаба в самостоятельный орган, независимый от военного министерства, не навредит армии. «Теория свидетельствует в пользу разделения»[814], – признавал Михаил Иванович, но далее начинал делать оговорки. Во-первых, его пугала предстоящая новая ломка[815]. «Нельзя скрыть от себя того, – продолжал он, – что в настоящее же время вера в незыблемость и постоянство закона, благодаря беспрерывным переменам, подорвана настолько, что продолжить даже это дело теперь едва ли расчётливо: необходимо дать успокоиться и войскам, и управлениям»[816]. Во-вторых, Драгомиров видел, что при независимом положении военного министра и начальника Генерального Штаба будут «нужны нечеловеческие усилия со стороны представителя верховной власти, чтобы вынести, примирить и направить к великой цели благоденствия армии этот ни на минуту не утихающий антагонизм между двумя столь высокопоставленными

811 Там же. Л. 5об.
812 Там же. Л. 7об.
813 Там же. Л. 8.
814 Там же. Л. 17.
815 В комиссии Коцебу на опасность «ломки» активно упирал в.кн. Михаил Николаевич: «Живем ли мы в такую эпоху, чтобы ломать коренным образом? Теперь ломать опасно; лучше постепенно исправлять» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 46. Л. 9).
816 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. Л. 16об.

лицами»[817]. Очевидно, генерал сомневался в том, что Александру III это удастся. Трения приведут к тому, что рано или поздно либо военный министр, либо начальник Генерального Штаба поглотит своего соперника[818].

Эти оговорки заставляли генерала искать средств к устранению бюрократического всевластия, не предполагающих коренной переделки системы военного администрирования. Такими средствами ему виделось «восстановление *чувства ответственности* [выделено в оригинале, – С.Ю.]» и «уничтожение […] бесплодных наростов» в механизме военного управления[819]. Под этими последними Драгомиров понимал, прежде всего, постоянные комитеты, дублировавшие функции различных отделов военного министерства (Комитет по устройству и образованию войск, Обозный комитет, Военно-кодификационный комитет и др.)[820]. Впрочем, «в особенности важно первое [т.е., «восстановление чувства ответственности», – С.Ю.], – указывалось в записке, – *ибо никакие перемены в организации не помогут, если кара за злоупотребление будет существовать только для войск, а для центральных управлений не только не будет кары даже за вопиющие злоупотребления, но не взирая на эти последние, будут ежегодно давать им награды по норме превышающей войсковую* [выделено в оригинале, – С.Ю.]»[821].

Однако эти меры не давали строевому элементу желаемого Драгомировым представительства перед властью. Соответственно, записка все же предполагала некоторое переустройство. Драгомиров предложил обратиться к французскому опыту. Во Франции до 1858 года существовал развитый институт инспекторов войск, реализованный и в России, но в более скромных масштабах. Генерал предлагал увеличить число инспекторов и придать им роль противовеса военной бюрократии. «Инспекторы, – развивал он свою мысль, – состоят при министерстве и образуют комитеты по родам

[817] Там же. Л. 17. Многие члены комиссии Коцебу, включая барона Л.Л. Зедделера, одного из лучших знатоков прусской армии в России, также указывали на этот недостаток «прусской системы»: РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 46. ЛЛ. 15об, 16, 18. См. также: *Craig G.* The Politics of the Prussian Army, 1640-1945. (Oxford Univ. Press, London, Oxford, NY. 1964). pp. 223-232; *Brose E.D.* Op. cit. pp. 5–6.

[818] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. Л. 17.

[819] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. Л. 16, 26-26об.

[820] Там же. ЛЛ. 13-15об.

[821] Там же. Л. 16.

оружия; объезжая каждый год армию, они получают возможность знать нужды её из дела, а не из бумажных отчётов. Они же содействуют военному министру в обсуждении требуемых улучшений по всем отраслям войсковой жизни и службы. [...] Они же суть и естественные члены Военного совета, который составляется под председательством военного министра из начальников главных управлений и инспекторов войск, затем членов Военного совета, имеющих только одно это звание, быть не должно. Лица же, назначаемые в Военный совет за продолжительную службу, могут оставаться с полным содержанием в запасных войсках. Само собой разумеется, что подобная мера не может распространяться ни в каком случае на членов В[оенного] совета, уже состоящих в оном, впредь до естественного их из Совета удаления»[822]. Драгомиров был уверен, что в России, как во Франции, военный министр не сможет полностью подчинить себе подобную коллегию инспекторов.

В России в середине XIX века имелось пять генерал-инспекторов: пехоты, кавалерии, артиллерии, стрелковых батальонов (с 1876 года – стрелковой части в войсках) и инженерной части. С 1864 года началось ежегодное инспектирование, причем Д.А. Милютин в воспоминаниях признавал их пользу: «[…] многое, не доходившее до министерства обычным путем, через военно-окружное начальство, узнавалось из личных наблюдений инспектировавших лиц и вызывало новые меры со стороны центральной власти»[823]. Впрочем, военный министр сразу оговаривался, что не все инспекторы оказались на высоте своего положения, и критиковал манеру в.кн. Николая Николаевича Старшего инспектировать кавалерийские части, не считаясь с военно-окружными начальниками[824]. Драгомиров же признавал их деятельность достаточно эффективной и дающей дополнительную степень контроля: «Известно, как со введением этих инспекций поднялась в войсках стрельба»[825]. Если Милютин довольно неопределенно указывал, что «мало-

822 Там же. ЛЛ. 27-28.
823 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864… С. 560.
824 Там же. С. 560-561.
825 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 46. Л. 19.

помалу инспекторские объезды сокращались и по прошествии нескольких лет прекратились совсем»[826], то Драгомиров полагал, что их деятельность прекратилась из-за того, что они были неудобны администрации[827]. Чтобы избежать нового поглощения, Михаил Иванович предлагал резко увеличить количество инспекторов так, чтобы на каждые две дивизии (пехотные и кавалерийские) и на каждые четыре артиллерийских бригады приходилось не менее одного инспектора. «Такой порядок, – утверждал Драгомиров, – представлял бы и ту выгоду, что инспектор заинтересован не скрыть, а раскрыть беспорядки в части ему неподчиненной; постоянный же начальник заинтересован в обратном: т. е., в случае крупного упущения, он скорее предпочтёт распорядиться собственным судом, не доводя дело до высшей инстанции»[828]. Эти же начальники являлись бы естественными корпусными командирами в военное время, тогда как существование корпусов в мирное время Драгомиров, как и некоторые другие члены комиссии Коцебу, признавал излишним[829]. Когда в комиссии Коцебу стали раздаваться критические замечания в адрес «прусской системы», разделяющей Генеральный Штаб и министерство, Драгомиров выдвинул свои предложения относительно инспекторов. Его идею поддержал князь А.К. Имеретинский: «У нас есть крупные лица боевые, – и вот наши инспекторы...»[830]. К этому предложению также присоединился граф Пав.А. Шувалов[831].

Действительно ли предложенные меры были способны изменить ситуацию? Сам автор этих предложений указывал, что система инспекторов требует «назначения такого их числа и при том не дряхлых людей, какое соответствовало бы нашим пространствам и числительности нашей армии», кроме того, «постановки относительно военного министра в независимое положение» этих людей, и наконец, «уважения к их донесениям»[832]. Эти самые нюансы, особенно последний, и заставляют усомниться в

826 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864… С. 560.
827 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 46. ЛЛ. 18об-19.
828 Там же. Л. 22.
829 Там же. Л. 26об. Это мнение совпадало с мнением Ф.Ф. Радецкого: ОПИ ГИМ. Ф. 155. Д. 150. Л. 81.
830 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 46. Л. 20.
831 Там же. Л. 22.
832 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. Л. 22.

действенности предложений Драгомирова. Во французском военном министерстве, по словам П. Гриффита, из года в год игнорировали предложения инспекторов, причем их вмешательство раздражало не только военного министра, но и полковников, которых они инспектировали[833]. Если Драгомиров не верил в способность Александра III примирить интересы начальника Генерального штаба и военного министра, то остается не понятным, почему он решил, что император будет способен примирить такие же конфликты между военным министром и коллегией инспекторов. Наконец, ничто не помешало французскому военному министру, далеко не пользовавшемуся таким же положением как его русский визави, уничтожить этот институт в 1858 году. Учреждение инспекций на новом основании, в случае своей реализации, породило бы целый ряд конфликтов и противоречий, отнюдь не гарантируя устранения тех недостатков, которые оно было призвано искоренить.

Протоколы заседаний комиссии Коцебу не зафиксировали каких-либо возражений против предложения Драгомирова, но генерал вместе с графом Шуваловым заявили, что в случае не принятия инспекторов, они поддержат идею разделения военного министерства, что и случилось в действительности[834]. Драгомиров вместе с еще восемью генералами подписал особое мнение, в котором утверждалось, что «устранение существующих недостатков центрального военного управления, т. е. Военного министерства, посредством частных изменений в устройстве оного» невозможно, и следует превратить Генеральный Штаб в самостоятельное учреждение независимое от военного министра[835].

Как видно из выше сказанного, такой резкий поворот противоречил взглядам Драгомирова, высказанным в его записках, и Михаил Иванович примкнул к меньшинству противников Милютина только после того, как не был принят его более умеренный проект расширения инспекций. Нелишним

---

833 *Griffith P.* Military thought in the French army… pp. 89-90.

834 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. Л. 22.

835 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 49. ЛЛ. 4об–5. Кроме Драгомирова, под этим мнением подписались гр. И.И. Воронцов-Дашков, кн. А.К. Имеретинский, А.П. Костанда, Ф.Ф. Радецкий, О.Б. Рихтер, кн. Д.И. Святополк-Мирский, кн. И.Ф. Шаховской и гр. Пав.А. Шувалов.

будет отметить, что эта позиция вызвала удивление и у самого отставного министра[836]. Очевидно, Драгомиров должен был выбирать из двух зол: или сохранение существующего статус-кво, или осуществление серьезной «ломки» военной администрации. Его выбор в пользу второго варианта объясняется тем, что для него существующее положение было категорически неприемлемым. Это подтверждается резким критическим тоном его записок. Однако победил в конечном счете другой взгляд, и система военной администрации осталась прежней. Помимо причин бесплодности работы комиссии Коцебу, на которые указал П.А. Зайончковский[837], следует отметить отсутствие хорошо продуманного альтернативного проекта в рядах сторонников перемен. Драгомиров, как и другие критики милютинской системы, хорошо и красноречиво указывал на недостатки существующих порядков. Однако их колебания между различными альтернативами господству военного министерства (выделение Генерального Штаба, усиление роли инспекторов) не могли не ослабить их позицию. Сами эти проекты не были лишены вполне очевидных недостатков. Одним словом, ни Драгомиров, ни другие члены комиссии Коцебу, не смогли выработать новый административный механизм, который бы восстановил баланс между «боевыми структурами» и «структурами снабжения».

4.2. Начальство М.И. Драгомирова в Николаевской Академии Генерального Штаба в 1878-1889 гг.

Еще до работы в комиссии Коцебу в жизни и карьере М.И. Драгомирова произошли серьезные изменения. Как уже говорилось, рана полученная генералом на Шипке, не позволяла надеяться на возвращение к строевой службе. Поэтому 1 апреля 1878 года, когда Михаил Иванович оправился от раны, он был назначен начальником Николаевской Академии Генерального Штаба вместо только что ушедшего из жизни генерал-лейтенанта А.Н.

---

836 «По сведениям мною полученным, все три великие князя (т. е. оба фельдмаршала и Владимир Александрович), а также граф Коцебу, Ванновский, Дрентельн, Альбединский стали решительно на стороне большинства, чего, признаться, я не ожидал; а зато, столь же неожиданно для меня, в ряды противников моих стали Драгомиров и Рооп» (*Милютин Д.А.* Дневник. 1879-1881… С. 388-389).

837 *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия… С. 102.

Леонтьева[838]. Назначение на этот пост, разумеется, было связано не только с ранением[839]. Во-первых, многие источники свидетельствуют о том, что Александр II после русско-турецкой войны 1877-1878 годов забыл о прежнем недоверии к Драгомирову и был расположен к нему как к человеку, связанному с лучшими воспоминаниями о начале прошедшей кампании. Император не только проявлял внимание к герою Систова и Шипки в тяжелые дни поправки от ранения[840], но и часто встречался с ним после его нового назначения. В день первой годовщины Систовской переправы Михаил Иванович был приглашен на торжества в Царское Село, где был назначен генерал-адъютантом[841]. Через год Милютин с некоторым раздражением писал, что на обеде в честь переправы «героем дня был Драгомиров»[842]. Видимо, последняя встреча генерала и Александра II состоялась 25 января 1881 года, когда Драгомиров был приглашен на обед в узком кругу вместе с императором, светлейшей княгиней Юрьевской, К.П. Победоносцевым, адмиралом Г.И. Бутаковым и М.Т. Лорис-Меликовым[843]. Можно констатировать, что после 1878 года генерал пользовался доверием и расположением действующей власти.

Вторым и наиболее важным аспектом этого назначения была карьера Драгомирова. Среди всех офицеров Генерального Штаба только он обладал должным авторитетом, известностью в России и за рубежом, а главное, уникальным сочетанием богатого педагогического опыта с боевым и практическим. Новый начальник Академии должен был повысить престиж учебного заведения и обеспечить более практическое направление преподавания. Все эти соображения делали генерала естественным и практически безальтернативным кандидатом на вакантный пост начальника Николаевской Академии Генерального Штаба.

---

838 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 786. Л. 19.

839 Впрочем, надо отметить, что во главе Академии очень часто вставали именно люди неспособные продолжать службу в строю из-за ранений и травм. Так И.О. Сухозанет потерял ногу в 1831 году, а А.Н. Леонтьев получил перелом ноги незадолго до назначения в 1862 году: *Глиноецкий Н.П.* Указ. соч. С. 24, 207.

840 *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров // Исторический вестник. - 1915. - №4. - С. 93.

841 РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 7106. ЛЛ. 841-853, 854-861; *Милютин Д.А.* Дневник. 1876-1878… С. 442.

842 *Милютин Д.А.* Дневник. 1879-1881… С. 70.

843 К.П. Победоносцев в 1881 году (Письма к Е.Ф. Тютчевой) // Река времен. Кн. 1. Государь. Государство. Государственная служба. М., 1995. С. 182.

Всю историю Академии перед ее начальниками стоял вопрос о главной цели этого учебного заведения: следует ли ее понимать просто как школу офицеров Генерального Штаба или как военный университет, готовящий широко образованных в военном отношении офицеров для решения самых разнообразных задач[844]. Едва ли не основной слабостью русской армии XIX века, по сравнению с прусской (германской), был низкий уровень общего образования ее начальников и тесно связанный с ним недостаток готовности к саморазвитию и самообучению[845]. Это обстоятельство вынуждало расширять задачи высших военных школ, придавая им функции «рассадника» военных знаний в войсках, а выпускники этих школ нередко служили опорой менее образованным командующим или подменяли военно-чиновный аппарат там, где требовалась компетентность выше средней[846]. Как писал Скобелев в своей записке по поводу окружной системы, офицеры Генерального Штаба «назначаются на службу или в главные управления военного министерства, или в окружные и войсковые штабы, где они остаются на канцелярских должностях от чина поручика до полковника, некоторые и до генерала», пропадая для войск и теряя боевые навыки[847]. Леонтьев, управлявший Николаевской Академией в 1862-1878 годах, считал ее прежде всего училищем офицеров Генерального Штаба и, не отвергая полностью цель распространять в войсках военные знания, старался уничтожить крен в излишнюю теоретизацию[848]. Таким образом, как писал Г.А. Леер, русская Академия до русско-турецкой войны 1877-1878 годов «занимает середину» между французской аппликационной школой Генерального Штаба и Берлинской Военной Академией[849], которые

---

844 *Глиноецкий Н.П.* Указ. соч. С. 6-9, 13, 208-209; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С.59; *Van Dyke, C*. Russian Imperial Doctrine and Education, 1832-1914. (New York, Westport, Connecticut, London, 1990). pp. 34-35, 3-39, 60-61; *Steinberg J.W.* Op. cit. pp. 55, 73.

845 *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 56-61.

846 *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 100; *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т.1. Париж, 1969-1970. С. 151.

847 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 257. Л. 34об.

848 О занятиях конференции Николаевской академии Генерального Штаба за учебный 1867-1869 год // ВС. - 1869. - №3. - С. 37; *Глиноецкий Н.П.* Указ. соч. С. 208-209.

849 *Леер Г.* Генеральный штаб в Пруссии и во Франции // ВС. - 1868. - №11. - С. 56.

представляли собой два полярных подхода к роли высших военно-учебных заведений — училище и военный университет, соответственно[850].

Помимо этих проблем Академии Генерального Штаба, которые можно считать традиционными, следует учитывать те новые проблемы, которые появляются после русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Кампания против турок послужила для корпуса офицеров Генерального Штаба чем-то вроде «аттестата зрелости»: престиж корпорации возрос, а сомнения в необходимости специалистов штабного дела окончательно развеялись, прежде всего, в связи с тем, что военное дело слишком очевидно усложнилось, чтобы доверить штабную работу непрофессионалам, как это часто случалось в первой половине XIX века[851]. С другой стороны, претензия офицеров Генерального Штаба на некое привилегированное положение слишком явно сталкивалась с интересами целых групп, нередко пересекающихся, в составе армии: старых генералов, гвардии, придворных кругов и т. д[852]. Эти две проблемы, то есть профессионализация Генерального Штаба и конфликт с традиционной военной элитой, были тесно связаны. Например, первая из них требовала выработки четких инструкций для деятельности офицеров Генерального Штаба, а значит, необходимо было решать такие деликатные вопросы, как, например, допустимость отказа скреплять диспозицию своего начальника офицером Генерального Штаба в случае несогласия с ней. Более тесный и более профессиональный круг задач лишал опоры в лице генштабистов некомпетентных командующих и слабые военно-бюрократические структуры. Поэтому в пособии М.А. Газенкампфа говорилось, что «наш генеральный штаб служит: во 1-х, вспомогательным органом начальников дивизий, корпусных командиров и главных начальников военных округов (а в военное время – и главнокомандующего), по всем отраслям управления войсками и преимущественно по строевой части; во 2-х для занятий военно-учеными работами, нужными для подготовки к войне и

---

850 *John W. Steinberg.* Op.cit. pp. 22-24.

851 *Rich, D. A.* The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. (Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., London, England, 1998). pp. 151-154; *Steinberg J.W.* Op.cit. pp. 9-10.

852 *Mayzel, M.* The Formation of the Russian General Staff. 1880-1917. A Social Study // Cahiers du Monde russe et soviétique. - 1975. - Vol. 16. - No. 3/4. - pp. 299-300, 303, 306.

самой войны; и в 3-х – для заведывания такими отраслями делопроизводства в военном министерстве, которые по характеру своему требуют особой подготовки или вообще высшего военного образования»[853]. Короче говоря, необходимо было встроить Генеральный Штаб в общую структуру армии, желательно избежав при этом излишних трений с ее элементами.

Следует указать, что решения многих из этих проблем находились вне компетенции нового начальника Академии. Однако от Драгомирова зависело, какое направление примет Николаевская Академия Генерального Штаба после войны с турками. Свое отношение к этой проблеме генерал выразил в юбилейной речи в честь 50-летия Академии 28 ноября 1882 года. Обозначив «двоякую цель», которая была поставлена перед учебным заведением со дня его основания, Михаил Иванович отдал должное своим предшественникам[854], после чего перешел к вопросу о дальнейших целях Академии. «В настоящее время, – говорил Драгомиров, – когда, вслед за окончанием последней войны, снова явился запрос на усиленную со стороны академии деятельность, она может удовлетворить этому запросу, не прибегая ни к каким преобразованиям в порядках, главнейше установившихся при Я.И. [Ростовцеве], в непосредственное управление академией: сначала генерала [Г.Ф.] Стефана, потом генерала [А.К.] Баумгартена»[855]. Таким образом, Драгомиров не видел необходимости в широких преобразованиях в вверенном ему учреждении. «Настоящий состав учебного и административного кадра академии, – заявлял он, – имеет в виду одну цель: поддержать ее в том состоянии, в котором она была оставлена генералом Леонтьевым»[856]. Как и его предшественник, Михаил Иванович считал, что «комплектование генерального штаба – снова приобретает преобладающее значение и, по-видимому, оттесняет на задний план вторую – распространение образования в армии; но только по-видимому»[857]. К сожалению, из опубликованного текста речи до конца не

---

853 *Газенкампф М.А.* Устройство и служба русского Генерального штаба. СПб., 1888. С.1.

854 Русское военное обозрение. Пятидесятилетний юбилей Николаевской Академии Генерального штаба // ВС. - 1883. - №1. - С. 13-27.

855 Там же. С. 27.

856 Там же. С. 29.

857 Там же. С. 28.

ясно, что означала оговорка «но только по-видимому», но общее содержание речи позволяет понять ее смысл. Драгомиров, говоря о Ростовцеве, умершем в 1860 году, отмечал: «Последующему времени принадлежит выяснение мысли о такой постановке службы генерального штаба, при которой офицер этого корпуса, исполняя свои прямые служебные обязанности, тем самым способствует и распространению образования»[858]. Иными словами, новый начальник Академии не видел смысла превращать ее в военный университет, так как и, оставаясь училищем офицеров Генерального Штаба, Академия сумеет повысить образовательный уровень в русской армии, просто давая ей достаточное число специалистов штабного дела. Это была программа поддержания статус-кво в деятельности Николаевской Академии Генерального Штаба.

Итак, роль Академии и основные принципы ее функционирования при Драгомирове не изменились, а ее начальник сосредоточился на решении насущных задач. В Генеральном Штабе после русско-турецкой войны 1877-1878 годов оставался ощутимый некомплект. Н.П. Глиноецкий приводит такие цифры:

В 1877 году:	**По штату**	**Налицо**	**Некомплект**
Генералов	36	26	10 (27,7%)
Штаб-офицеров	190	169	21 (11%)
Обер-офицеров	166	64	102 (61,4%)[859]

Характерно письмо командующего Финляндским военным округом генерал-адъютанта Н.В. Адлерберга, отправленное Драгомирову в апреле 1880 года: «Из двух состоящих в Окружном Штабе, офицеров Генерального Штаба, один на предстоящее лето будет уволен в 4-х месячный льготный академический отпуск, а другой исправляет должность Старшего Адъютанта Штаба Округа, так что некого будет командировать в Тавастгуский лагерный сбор»[860]. В это время в Академии как раз шел разбор вакансий, но только один выпускник выбрал для службы Финляндский военный округ, а

858 Там же..С. 27.
859 *Глиноецкий Н.П.* Указ. соч. С. 305-306.
860 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 808. Л. 52.

начальник Академии не имел возможности и права влиять на этот выбор, о чем Драгомиров и написал в ответном письме[861].

Для принятия мер по ликвидации некомплекта офицеров Генерального Штаба была в 1879 году составлена комиссия под председательством профессоров А.Е. Станкевича и М.А. Газенкампфа. Комиссия предложила сократить обязательный срок службы в строю до поступления с четырех до двух лет. Однако конференция Академии, по настоянию Драгомирова, допустила сокращение только до трех лет[862]. Тем не менее, выпуск офицеров вскоре вырос вдвое по сравнению с довоенными годами:

Год	**1876**	**1877**	**1878**	**1879**	**1880**	**1881**	**1882**	**1883**	**1884**
Выпуск	24	25	55	-	13	51	51	69	57
Геодез. отд-е	4	-	3	-	1	-	1	-	1[863]

За исключением падения выпуска в 1880 году, который был вызван малым набором в послевоенном 1878 году, число выпускников удалось быстро нарастить, и к 1884 году некомплект был ликвидирован[864].

Решению этой задачи сильно поспособствовала атмосфера в армии, установившаяся после русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Несмотря на довольно противоречивое отношение к офицерам Генерального Штаба в строю, война, как уже говорилось, поспособствовала подъему престижа корпорации «штабистов» и доказала их незаменимость. Кроме того, война стимулировала тягу к знаниям, и, согласно воспоминаниям генерала Н.А. Епанчина, «офицерство стало гораздо более интересоваться военной литературой, часто велись дружеские беседы по военным вопросам, усерднее стали заниматься тактическими занятиями, решением задач на планах»[865]. Решение поступать в Академию уже не обязательно выглядело в глазах сослуживцев как экстравагантный поступок или желание бежать из строя.

---

861 Там же. ЛЛ. 52-53.
862 *Глиноецкий Н.П.* Указ. соч. С. 318-319.
863 *Машкин Н.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века. М., 1997. С. 292-293.
864 Там же. С. 131.
865 *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 134.

Более располагающая к интеллектуальным занятиям атмосфера в армии подталкивала офицеров к этому решению.

Играла роль и личность Драгомирова, а также другого маститого профессора академии Г.А. Леера. Поручик Ф.П. Рерберг вспоминал: «В те времена Николаевская Академия Генерального штаба представлялась нам — молодым офицерам — недосягаемым святилищем военных наук и внушала нам чувства священного трепета»[866]. Теми же словами описывал свои чувства при поступлении М.В. Грулев: «Все же я был наверху блаженства. Не только пред лицо Драгомирова и Леера, но и в стены академии вступил я с трепетом душевным и с большим рвением погрузился в лекции и книги»[867]. Михаил Иванович старался поддерживать репутацию учебного заведения как главного сосредоточения интеллектуальной армейской жизни. К оппонированию темам слушателей Академии привлекались известные военные специалисты, включая А.Н. Куропаткина, П.Л. Лобко, барона Л.Л. Зедделера, Н.П. Михневича, Н.К. Шильдера и Н.Ф. Дубровина. В 1888 году личные приглашения начальника Академии на защиту тем получили 42 человека[868]. Расписание защит распространялось среди офицеров Генерального Штаба с тем, чтобы любой желающий мог явиться на них[869]. Кроме того, в стенах Академии проходили диспуты по актуальным военным вопросам, которые потом вспоминал Ф.А. Макшеев: «Кто не помнит ряда блестящих диспутов в академии при Драгомирове и под его непосредственным руководством по разнообразным животрепещущим вопросам прогрессирующего военного дела: полевые мортиры, формы долговременной фортификации, броненосный флот и миноносцы и проч. Диспуты эти открывались сообщением специалиста, которое затем подвергалось обсуждению желающих и возражениям. Все затем печаталось (с необходимыми чертежами) и рассылалось, кажется, всем офицерам

866 ДРЗ. Ф. 2. М-86 (Кн.1). Л. 166; *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 285.
867 *Грулев М.В.* Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 133.
868 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 931. ЛЛ. 1-9.
869 Там же. Л. 18.

генерального штаба»[870]. Большинство исследователей вполне справедливо считают, что Драгомирову удалось существенно поднять авторитет Академии[871].

Увеличивавшееся количество слушателей грозило снизить качество преподавания. Во-первых, штат профессоров и адъюнктов Академии остался прежним, несмотря на двухкратный рост числа их подопечных. Во-вторых, свои ограничения вносили учебные помещения в небольшом здании на Английской набережной. В-третьих, Драгомирову удалось добиться лишь незначительного увеличения штата административных служащих и отпуска средств на вознаграждение преподавателей и учебные принадлежности[872]. Наконец, задача увеличить число выпускаемых офицеров провоцировала Академию снижать учебные требования. В частности, в 1881 году были снижены требования на вступительном экзамене по истории и русскому языку (хотя повышены требования по воинским уставам и военной администрации), исключены письменные ответы на экзамене и принято решение изъять из учебного плана одну из трех тем дополнительного курса[873].

Влияние Драгомирова на содержание курсов было ограниченным: любое изменение в их составе требовало санкции со стороны конференции Академии. Сам он читал несколько лекций младшему курсу о воспитании и образовании солдат[874]. «С каким интересом слушались эти лекции!», – вспоминал Ф.А. Макшеев[875]. В руках начальника Академии, по сути, был только один действенный инструмент – подбор профессоров. Драгомиров практически полностью заменил административный персонал, который с 1878 года возглавлял правитель дел Академии подполковник В.А. Сухомлинов (с 1884 года — полковник П.А. Плеве). Со смертью А.Е. Станкевича в 1881 году был обновлен состав преподавателей военного

870 *Макшеев Ф.А.* Несколько слов о Драгомировском и Лееровском периодах начальствования академией // ВС. - 1907. - №12. - С. 236.

871 *Машкин Н.А.* Указ. соч. С.34; *Mayzel, M.* Op. cit. p. 300; *Van Dyke, C.* Op. cit. pp. 93-94.

872 *Глиноецкий Н.П.* Указ. соч. С. 320.

873 Там же. С. 327-328. Тема по военной администрации была изъята, а тема по военной истории и стратегическая тема — оставлены.

874 Сами эти лекции не сохранились ни в напечатанном виде, ни в виде конспектов, но очевидно, они повторяли содержание глав «Обучение» и Воспитание» в «Учебнике тактики»: *Драгомиров М.И.* Учебник тактики. СПб., 1879. С. 33-40.

875 *Макшеев Ф.А.* Указ. соч. С. 235.

искусства: Леер остался на своем месте, Н.Н. Сухотин и П.К. Гудима-Левкович были произведены из адъюнктов в профессора, а их места заняли П.С. Кублицкий и А.К. Пузыревский. Обновился и состав преподавателей военной статистики: А.И. Макшеев и Н.Н. Обручев уступили кафедру П.О. Щербову-Нефедовичу и М.М. Литвинову (в 1886 году сменен А.М. Золотаревым). В 1884 году из Академии ушел генерал-майор П.Л. Лобко, соответственно на должность профессора военной администрации был перемещел полковник М.А. Газенкампф, а его адъюнктом был назначен капитан А.Ф. Редигер. Вполне понятно, что Драгомиров выбирал на открывшиеся вакансии знакомых ему офицеров, но сама смена преподавательского состава вызывалась естественными причинами. Нельзя сказать, что Драгомиров старался заменить преподавателей своими ставленниками.

Ф.А. Макшеев отмечал, что среди преподавателей Академии были как противники «теоретизации» военного дела, так и сторонники выработки стройной и научно обоснованной теории военного искусства. «Такое разномыслие в среде жрецов науки было правда неудобно; создавалась неопределенность в основных взглядах на военное дело, – рассуждал он, – Но, с другой стороны, это давало пищу живому обмену мнений, который и велся на страницах газет и журналов»[876]. Таким образом, Николаевская Академия Генерального Штаба в 1878-1889 годах была скорее площадкой для дискуссий, нежели средством для Драгомирова насадить свои взгляды.

Прежде всего, преподавание стратегии, тактики и военной истории, объединенные в комплекс взаимосвязанных предметов, в значительной степени контролировалось Леером. После периода сотрудничества в 1860-е годы между ним и Драгомировым установилась едва прикрытая вражда. А.С. Лукомский спрашивал о ее причинах в 1890-е годы: «Михневич [ученик Леера, – С.Ю.] нам разъяснил, что Леер и Драгомиров являются яркими

[876] Там же. С. 235.

представителями двух течений. Леер – теоретик и считает стратегию наукой, а Драгомиров – практик и считает стратегию искусством»[877].

Как уже отмечалось, Драгомиров признавал теорию военного искусства на том основании, на котором существуют теория живописи или музыки[878]. Поддаются теоретизации лишь свойства войск и местности, но не «неизвестные данные», такие как случайности, неожиданности, порыв войск и гений полководца. Эти данные не сводимы к четким законам, а где нет законов, там нет и науки[879]. Леер же признавал, что военная наука не в силах дать рецепты успеха на поле боя, но в ее силах установить ряд безусловных принципов военного дела. Например, Леер считал бесспорным принципом, что противника следует бить в самое чувствительное для него место. Принципы дополнялись правилами, или условными положениями. Например, если противник занял растянутую позицию, то самым чувствительным местом будет центр этой позиции, а если его позиция компактна – фланги[880].

Леер не уставал повторять, что теория постоянно должна проходить проверку практикой, а приложения принципов и правил бесконечны[881], но несмотря на это, в его работах видно желание регулировать свободное творчество полководца, что не могло находить сочувствие у Драгомирова. Иными словами, конфликт между двумя самыми известными профессорами Академии воспроизводил две параллельные тенденции в военной мысли XIX века: подчеркивание хаотичности и зависимости военного дела от случайностей и, с другой стороны, желание свести это сложное явление к поддающимся овладению принципам[882]. Едва ли случайно, что в 1880-е годы Драгомиров начал знакомить русскую публику с Клаузевицем, утверждавшим сложную природу войны. В 1885 году появился его разбор частичного

---

877 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 71-72.

878 Эта аналогия была в ходу еще среди военных писателей эпохи Просвещения. В начале XIX века ее использовали Г. фон Шарнхорст и К. фон Клаузевиц: *Gat, A.* Op. cit. pp. 167, 179.

879 *Драгомиров М.И.* Разбор романа «Война и мир»… С. 46; *Драгомиров М.И.* Тактика. Ч. 1. СПб., 1872. С. 4-6.

880 *Леер Г.* Две отправные точки по отношению к задачам теории военного искусства // ВС. - 1883. - №11. - С. 14.

881 *Леер Г.* Стратегия-наука и стратегия-искусство // ВС. - 1874. - №1. - С. 35-37; *Он же.* Две отправные точки… С. 8.

882 *Gat, A.* Op.cit. pp. 269, 315.

перевода Клаузевица на французский язык, выполненного де Ватри[883], а потом он перевел французский перевод немецкого оригинала на русский[884]. Впрочем, Драгомиров едва ли мог решить этот конфликт в свою пользу, так как авторитет Леера стоял слишком высоко, а его курс стратегии был четко продуман, тесно связан с курсами тактики и военной истории и прошел солидную проверку временем.

С другой стороны, новые сотрудники кафедры военного искусства, Кублицкий и Пузыревский, явно склонялись на сторону начальника Академии. А.С. Лукомский, поступивший в Академию в 1894 году, вспоминал, что только Кублицкий «делал постоянно ссылки на М.И. Драгомирова, рекомендовал нам внимательно штудировать курс тактики Драгомирова и читать его книги и статьи»[885]. Пузыревский высказывался в духе Драгомирова о том, что «в военном деле главнейшим, господствующим боевым фактором является человек с его бесконечно изменчивой психической природой»[886]. В 1890-е годы он будет резко критиковать школу Леера за приверженность «постоянным принципам» и «заоблачной стратегии»[887]. Сухотин, видимо, тоже воспринимал идеи Леера как слишком оторванные от жизни. Однако, став в 1898 году начальником Академии, по словам Деникина, «понося гласно и резко и самого Леера, и его школу, и его выучеников, сам он не приблизил нисколько преподавание к жизни»[888].

Отсутствие единых взглядов мешало выработке ясных выводов из русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Тем более, занятия по военной истории в Академии преимущественно посвящались другим войнам. На основе опыта Берлинской академии Леер ввел в курс подробные разборы одной из кампаний, которые должны были подкрепить теоретические выводы его лекций по стратегии[889]. Подробность требовала, чтобы кампания была хорошо задокументирована, а это, в свою очередь, ограничивало выбор

[883] Русский инвалид. 1885. №255; Армейские заметки ч. II // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 353-354.
[884] *Клаузевиц, К., фон.* Учение о войне Клаузевица: Основные положения. СПб., 1888.
[885] *Лукомский А.С. Указ.* соч. С. 71.
[886] Цит. по: *Бескровный Л.Г.* Очерки военной историографии России. М., 1862. С. 229.
[887] *Пузыревский А.К.* Претенциозное краснобайство // Русский вестник. - 1895. - №232. - С. 278; Памяти врага заоблачной стратегии // Разведчик. - 1904. - №719. - С. 786.
[888] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 2014. С. 78.
[889] О занятиях конференции Николаевской академии… С. 44-45.

кампаний. В 1881 году Германский Генеральный Штаб закончил публикацию истории войны против Франции 1870-1871 годов. 8-томный труд был чрезвычайно подробным, и действия расписывались вплоть до уровня рот[890]. Но франко-прусская война 1870-1871 годов читалась в Академии уже с 1872/1873 учебного года, а если учесть, что для слушателей Академии было обязательным посещение публичных лекций Леера, читавшихся сразу после войны, то изучение этой войны началось на год раньше. С тех пор она не выходила из программы и ежегодно проходилась в старшем классе под руководством Сухотина[891]. Проблема была в том, что Леер задавал определенный взгляд на эту войну. «Вместо того, чтобы задаваться вопросом, где и как Мольтке и его последователи отходили от французской парадигмы [имеется в виду военное искусство Наполеона, – С.Ю.], – писал Б. Меннинг, – Леер старался продемонстрировать, что они во всем ей следовали»[892]. Леер считал, что Мольтке продемонстрировал развитие наполеоновского стратегического и тактического искусства, и в этом плане нельзя говорить о начале новой эпохи в военном искусстве[893]. В итоге, изучение кампании 1870-1871 годов в стенах Академии слабо способствовало усвоению ее слушателями изменений, происходивших на их глазах в военном деле: влияние всеобщей воинской повинности, железных дорог и телеграфа, новых видов вооружений и т. п.

Военно-исторической комиссии, занимавшейся составлением истории русско-турецкой войны 1877-1878 годов не удалось столь же оперативно выпустить официальную историю последней войны русской армии, если не считать появления разбора действий на Кавказском театре, и она не была включена в программу Академии вплоть до начала русско-японской войны 1904-1905 годов[894]. На ненормальность этой ситуации указывал Куропаткин в 1898 году[895]. В младшем классе подробно изучались кампания Фридриха

---

890 *Bucholz, A.* Molltke, Schlieffen and German War Planning, (Berg Publishers, 1993). pp. 77-78.

891 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1136. Л. 59.

892 *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 188.

893 *Леер Г.А.* Публичные лекции… до Седана включительно. С. 251.

894 *Золотарев В.А.* Россия и Турция: Война 1877-1878 гг. М., 1983. С. 78-83.

895 Куропаткин оставил такую резолюцию на одном из отчетов: «Нельзя нам не изучать последней серьезной веденной нами войны, хотя и не в полном объеме»: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1136. Л. 41.

Великого в 1757 году, кампании Наполеона 1796-1797 и 1809 годов, причем в последней кампании особое внимание уделялось переправам через Дунай, которые совершал Наполеон. Разбор этой кампании занимал семь лекций[896]. Кроме того, в курсе военной истории подробнее других изучалась эпоха Густава Адольфа, Северная война и Итальянский и Швейцарский поход Суворова. Однако с 1885 года военные действия Петра и Суворова перестали выделяться особо в курсе военной истории. Таким образом, на младшем курсе упор делался на «классические» кампании XVIII-начала XIX веков. Как правило, в 1880-е годы в старшем классе в паре с франко-прусской войной 1870-1871 годов шла польская кампания 1830-1831 годов, детально разработанная еще А.Е. Станкевичем, труд которого продолжил Пузыревский[897]. Внимание именно к этой кампании, помимо прочего, объясняется тем, что она проходила в Польше, то есть на территории, которая стала бы театром военных действий в случае войны с Германией[898]. Однако в кампании 1830-1831 годов принимали участие армии, не соразмерные с теми, какие могли мобилизовать Россия и Германия в конце XIX века. Поэтому позднее, к неудовольствию Пузыревского, кампанию 1830-1831 годов заменили кампанией 1813 года[899].

В конце обучения слушатели Академии должны были составить свою историческую работу по теме, предложенной профессорами. Из 51 военно-исторической темы, предложенной слушателям Академии в 1888 году, семь тем (13,7%) были посвящены последней войне с Турцией. Если добавить к этому еще шесть тем по франко-прусской войне 1870-1871 годов, то получается, что четверть слушателей разрабатывали свои темы на самом актуальном историческом материале. Много внимания уделялось также Гражданской войне в США 1861-1865 годов и Крымской войне — шесть и пять тем соответственно. Поход в Хиву 1873 года и Ахал-текинская экспедиция 1880-1881 годов также были включены в круг тем. Войны за

---

896 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1136. Л. 60; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 792. ЛЛ. 23-24.
897 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1136. Л. 59.
898 *Пузыревский [А.К.]*. Польско-русская война 1831 г. Т.1. СПб., 1890. С. II.
899 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1136. ЛЛ. 40-41.

объединение Германии были широко представлены: три человека получили темы из австро-прусской войны 1866 года и, как уже говорилось, шесть тем были посвящены франко-прусской войне 1870-1871 годов, причем три темы из шести касались осады Парижа. Возможно, в этой операции видели модель, схожую с плевненской. Непосредственно Плевны касалась только одна тема. Итого, 47% тем были посвящены войнам недавно минувшего времени (1859-1881 годов). С другой стороны, эпоха Наполеоновских войн продолжала привлекать внимание: 16 тем были посвящены войнам Бонапарта, и каждый третий слушатель получал работу по этому периоду. Из XVIII века брались только по одной теме из Северной и Семилетней войн[900].

Таким образом, курс военной истории в Николаевской Академии Генерального Штаба имел ряд недостатков. То, что за десять лет после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 годов ее не удалось включить в учебный курс, следует считать наиболее важным из них. Под влиянием Леера франко-прусская война 1870-1871 годов понималась скорее как подтверждение «неизменных принципов», нежели как повод задуматься над изменениями в военном деле. Войны далекого прошлого, прежде всего, XVIII и начала XIX века, занимали непропорционально много места в программе. В итоге, постановка образования в Академии подталкивала слушателей к недооценке происходящих изменений в военном деле. К этому следует прибавить подъем «русской школы» военной истории (Д.Ф. Масловский, А.З. Мышлаевский, А.Ф. Петрушевский и др.), который обозначился в 1880-е годы[901]. Поиск основ русского военного искусства в деятельности Петра I, Румянцева и Суворова, увенчавшийся созданием в Академии кафедры русского военного искусства в 1889 году (уже после ухода Драгомирова), в известной степени отводил внимание от решения более актуальных проблем.

Сам Драгомиров едва ли мог существенно изменить эту ситуацию. Серьезное изучение русско-турецкой войны 1877-1878 годов блокировалось

---

900 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 931. ЛЛ. 10-13.

901 *Бескровный Л.Г.* Очерки военной историографии России… С. 185, 218-246; *Мещеряков Г.П.* Русская военная мысль в XIX в. М., 1973. С.238-246; Русская военная мысль… Под ред. П.А. Жилина. М., 1982. С. 147-188; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С.192-194.

медленной работой Военно-исторической комиссии и тем обстоятельством, что большинство видных участников войны оставались живы, занимали высокие посты и оставались вне критики. Видимо, его устраивала подобная ситуация, как и, в целом, постановка учебной части в Академии. Единственная попытка крупной ее реформы была предпринята не им, а полковником А.П. Скугаревским[902].

В 1885 году Скугаревский выступил в печати с идеей четче определить функции офицеров Генерального Штаба путем создания для них инструкции и возврата курса обязанностей офицеров Генерального Штаба в расписание Академии. По мысли автора статьи, это позволило бы не только вписать Генеральный Штаб в общую структуру армии, но и преодолеть известную враждебность к корпорации в войсках[903]. Александр III заинтересовался статьей и потребовал мнения Н.Н. Обручева и М.И. Драгомирова[904]. Драгомиров соглашался с тем, что было бы полезно свести все существующие нормы, касающиеся Генерального Штаба, в единое положение, но резко возражал против регламентации отношений с начальством «будь это официальное положение, будь это курс, – все равно»[905]. Идея была отвергнута не без помощи Д.А. Милютина, запрошенного по этому вопросу. «Что же касается до упоминаемого Вами в двух местах […] отсутствия особого курса “службы Генерального Штаба” в нашей Николаевской Академии, то вероятно Вам известно, что такой курс существовал в Академии в эпоху ее младенчества. Я припоминаю, что нам преподавал старый опытный Полковник Иванов ”обязанности офицеров Генерального Штаба”, – и должен сознаться, что этот курс был до крайности слаб, даже можно сказать, странен, по своей бессвязности, пустословию и

---

902 В 1881-1888 гг. ген. А.П. Скугаревский занимал пост начальника штаба 1-й гв. пех. дивизии. К сожалению, несмотря на то, что он играл большую роль в военной мысли России, а также в руководстве штаба Петербургского военного округа, эта фигура осталась без внимания историков. О нем см.: *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. С. 107; *Епанчин Н.А.* Указ. соч. С. 169. Менее благожелательный отзыв: *Деникин А.И.* Старая армия... С. 124.

903 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 888. Л. 3.

904 Там же. ЛЛ. 34-34об; *Скугаревский А.П.* О полевой службе Генерального штаба // ВС. - 1885. - №1. - С. 63.

905 Там же. ЛЛ. 36-37.

пошлости. Мы, учившиеся, обращали его на смех», – признавал отставной министр[906].

У Драгомирова был свой взгляд на привитие будущим офицерам Генерального Штаба правильных отношений к начальству. Суть его сводилась к тому, что сама Академия должна была стать практической школой такта и своеобразным «фильтром», блокирующим неспособных его усвоить. Эти воззрения начальника Академии наложили своеобразный отпечаток на весь ее «драгомировский» период.

Анонимный мемуарист писал: «[…] необходимо только отметить, что по сравнению с временем ген[ерал]-лейтенанта Леонтьева в академии установился несколько иной режим, соответствующий чрезвычайно оригинальному и своеобразному складу ума и характера Михаила Ивановича – режим, который несомненно помнят многочисленные офицеры генерального штаба, прошедшие в это время академию, и который, отличаясь некоторой суровостью и прямолинейностью, был довольно тяжел для обучающихся в академии офицеров»[907]. К сожалению, скудность источников личного происхождения позволяет лишь отчасти воссоздать черты этого режима. Слушатели Академии дают довольно противоречивую картину. Ф.П. Рерберг признавал, что «порядки в Академии были строгие» и царствовали «драконовские правила»[908]. В то же время, В.В. Витковский вспоминал: «Я поступил первым и никогда не видел со стороны Драгомирова никакого недоброжелательства […] Время моего пребывания в Академии, а, особенно, потом в Пулкове, оставило самые приятные воспоминания. Тут я *не испытывал начальнического гнета* [выделено мной, – С.Ю.], и не предавался вынужденной праздности»[909]. М.В. Грулев с благодарностью вспоминал Драгомирова и его «просвещенный либерализм». Начальник Академии дал ему выдающуюся аттестацию, несмотря на то, что он закончил учебу по

---

906 Там же. Л. 42. Аналогичный отзыв о курсе дал генерал-адъютант К.И. Гершельман: *Гершельман К.* Заметки на статью: «О полевой службе генерального штаба» // ВС. - 1885. - №8. - С. 219.

907 *Б-в А.* К 75-летию Николаевской Академии Генерального штаба // ВС. - 1907. - №12. - С. 219-220.

908 ДРЗ. Ф. 2. М-86 (Кн.1). Л. 171; *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 293-294.

909 *Витковский В.В.* Пережитое. Вып. 2. Л., 1928. С. 80.

второму разряду[910]. Ни один из мемуаристов не вспоминал каких-либо эксцессов в Академии, за исключением А.С. Лукомского. Он поступил в Академию в 1894 году, то есть спустя пять лет после ухода Драгомирова, и рассказывал, что «по слухам» бывший начальник Академии «лично вносил правку в “случайности экзаменов”»: «Он, как во время лекций, так и при постоянных посещениях Академии, а также на экзаменах постоянно и по различным вопросам беседовал со слушателями Академии. Он знал отлично весь состав офицеров, проходивших курс Академии, и делал выводы о пригодности или непригодности их для службы в Генеральном штабе. А затем – в руках начальника Академии была масса способов и возможностей, чтобы проводить одних и топить других»[911]. Например, Драгомиров, по рассказам Лукомского, препятствовал причислению к Генеральному Штабу тех, кто был замечен в пьянстве[912].

Забавный эпизод, описанный в воспоминаниях Ф.П. Рерберга, помогает понять и принципы «отбора», которыми руководствовался начальник Академии, и своеобразный начальнический стиль Михаила Ивановича. Рерберг был 19-летним подпоручиком, который хорошо знал семью Драгомирова и был принят в их доме. Выпив в молодой компании, Рерберг устроил полушутливую перепалку с одним из родственников генерала. Дело могло завершиться для молодого человека скандалом, но Драгомиров подозвал его и произнес следующее: «Слушай хорошенько, если ты только с.с. не поступишь ко мне в академию, я тебе все зубы выбью!». Раззадорившийся Рерберг ответил дерзко. «Ого, да ты вот какой! Какая мать

---

910 *Грулев М.В.* Указ. соч. С. 134-135.

911 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 77. Все слушатели курса выстраивались в зависимости от успехов в учебе в очень плотный ранжир. Например, в 1880 году 13 офицеров причислялись к Генеральному Штабу: 9 из них окончили Академию по 1-му разряду и производились в следующий чин, а 4 офицера закончили академию по 2-му разряду и оставались в прежнем чине. Гвардии поручик барон Е.А. Рауш-фон-Траубенберг недобрал 0,03 балла, чтобы окончить курс по 1-му разряду, но, как правило, конференция Академии «не считала препятствием к зачислению в 1 разряд» столь небольшое отставание. В отличие от Рауш-фон-Траубенберга, четырем другим офицерам не была сделана поблажка, хотя у следующего в списке офицера средний балл выходил 9,85, у следующего — 9,67, у предпоследнего — 9,52 и у последнего — 9,14. Для окончания Академии по первому разряду требовалось иметь средний балл 10. Когда разница в баллах настолько мала, любая незначительная неудача на экзаменах играла роль, и Драгомиров мог двигать вперед одних или опускать вниз по списку других, руководствуясь своими соображениями: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 808. ЛЛ. 2-7.

912 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 77.

тебя родила? Слышишь, я требую, что бы ты явился ко мне в академию...»[913]. Товарищ Рерберга Н.Н. Шлиттер стал уверять, что и он почел бы «за честь и за счастье продолжать свое образование под начальством такого известного генерала, как Ваше Превосходительство»[914]. «Послушай брат – начал он [Драгомиров, – С.Ю.], обращаясь к Шлиттеру; все думали, что он по достоинству оценит речь Шлиттера и его пригласит в Академию... ты что же это думаешь, что я совершенно пьян, достаточно мол старому сказать в эту минуту несколько этаких да вот энтаких слов, так может быть как-нибудь и в академию проскочишь, что называется, «без мыла»... Ну, нет брат, не на таковского напал, а вот этого не хочешь, вместо академии, и он показал совершенно сконфуженному и покрасневшему до волос Шлиттеру, комбинацию из трех пальцев»[915].

Определенно, Драгомиров уделял большое внимание нравственным качествам будущих офицеров Генерального Штаба: независимости суждений, моральному облику, отсутствию дурных привычек и наклонностей, дисциплине без подобострастия перед начальством, наличию «мягкой настойчивости» (выражение, повторяющееся в аттестациях, данных Драгомировым полковникам В.А. Сухомлинову и А.Н. Штрику[916]). Он требовал от командиров ответственно относиться к аттестациям офицеров, командируемых в Академию[917]. Если офицер был отчислен из Академии и пытался поступить в нее вновь, об этом обязательно была отметка в документах. Скорее всего, если за бывшим слушателем числился проступок, его поступление блокировалось. Если поступающий был отчислен из другой академии, то туда посылался запрос о причинах отчисления[918]. Приказы по Академии в 1880-е годы пестрели замечаниями дисциплинарного характера, например: «Штабс-Капитан Смирнов сегодня, при встрече с его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Николаевичем не

[913] ДРЗ. Ф. 2. М-86 (Кн.1). ЛЛ. 116-118; *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 209.
[914] ДРЗ. Ф. 2. М-86 (Кн.1). Л. 118; *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 210.
[915] ДРЗ. Ф. 2. М-86 (Кн.1). Л. 118; *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 210.
[916] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 856. ЛЛ. 2, 8.
[917] Там же. Д. 775. ЛЛ. 5об-6об.
[918] Там же. Д. 872. ЛЛ. 105-105об.

стал во фронт, за что объявляю ему замечание. Вместе с тем подтверждаю г.г. офицерам, чтобы они вообще ходили внимательно по городу, а по Английской набережной в особенности»[919]. Делались и такие замечания: «Штабс-капитан Перский, вызванный в Академию по делам службы, опоздал на 20 минут против назначенного времени без уважительной причины, за что объявляю ему выговор»[920]. Гвардии прапорщик Чичагов получил выговор за то, что «в письме от 15-го апреля сего года, адресованном к отцу его, Коллежскому Советнику Петру Чичагову, заведомо поместил оскорбительные для отца выражения и угрозы»[921]. Настоящей травле со стороны Драгомирова подвергся подпоручик Н.Ю. Шильдер-Шульднер[922]. Сначала он получил замечание за то, что наклеил ситуационный чертеж на папку, выполнив лишнюю и ненужную работу. Затем он был подвергнут двухдневному аресту «за недостаточное знакомство с духом субординации». И через две недели к этому был прибавлен еще день ареста с той же формулировкой[923]. Скорее всего, за сухими записями в приказах по Академии кроется острый конфликт строптивого подчиненного и его начальника.

Придирки и грубость Драгомирова обсуждались в высоких сферах[924] и, помноженные на произвольные «поправки в случайности экзаменов», не могли не приводить к серьезным скандалам. По завершении первого полугодия учебного 1880/1881 года слушатели Академии обратились с коллективной анонимной жалобой на своего начальника, которую имеет смысл привести полностью:

> Открытое письмо
>
> Военному министру и начальнику Главного штаба
>
> Мы обращаемся к Вам с просьбой расследовать и довести до сведения ГОСУДАРЯ вопиющую несправедливость Генерала Драгомирова, при

[919] Там же. Д. 884. Л. 31. В.кн. Михаил Николаевич был известен очень щепетильным отношением к воинскому приветствию.
[920] Там же. Л. 59.
[921] Там же. Д. 836. Л. 87.
[922] Сын известного генерала Юрия Ивановича Шильдер-Шульднера, без успеха действовавшего под Плевной.
[923] Там же. Д. 884. ЛЛ. 8, 60, 64.
[924] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.-Л., 1924. С. 105.

исключении им офицеров из Академии. А ныне мы возмущены еще наглым оскорблением офицера, уже оканчивающего Академию, от которого последний сошел с ума. Драгомиров систематически издевался над ним в течении 2 лет и, хотя несчастного спасти может только Бог, но справедливость требует лечить его и заступиться за него, как за безумного. Ген[ерал] Драгомиров был причиной, что теперь оканчивает только около 50 чел[овек] из 105 поступивших. Сколько государств[енных] денег потрачено напрасно этим человеком! Грустно становится, что у нас дисциплина понимается как флаг, прикрывающий злоупотребления начальника и горе тому подчиненному, который не знает о существовании на Руси вообще, а в военной службе особенно — сей азбуки. Печально также и то, что гласная жалоба грозит всегда негласным преследованием. Отсутствие правдивости ведет к незаконному способу подачи вполне законных заявлений. Но в этом вините не нас. Мы так или иначе просим защиты и, если закон умышленно опоздает, пренебрегая нашим положением, то нам уже остается, для спасения от предстоящей еще 2-летней пытки, лишь тайное насилие. Желаем Леера[925].

В воспоминаниях М.И. Венюкова этот эпизод передан с некоторыми деталями: «Оскорбив, например, одного из академических офицеров, Се...ского, публичным замечанием, что тот «подхалюзничает», цитируя в сочинении своем учебник его, Д[рагомир]ова, – он, в ответ на требование извиниться, дает приказание отвезти С...-ского в сумасшедший дом, что и исполняется...»[926]. Разумеется, история не имела последствий, однако Драгомирову пришлось оправдываться[927]. Учащиеся других военно-учебных заведений с тревогой смотрели на ситуацию в Николаевской Академии Генерального Штаба: «Надо заметить, однако, что в [Военно-Юридической] Академии никого не губили, никому не мешали подняться... Мы приходили в Академию с аттестациями своего прежнего, строевого начальства. Но в самой Академии никто не пытался, вне экзаменов, обставленных официально, шаблонно, познакомиться с нами, в смысле пригодности нашей к той ответственной, специальной, военно-судебной деятельности, которая неминуемо, сейчас же подкарауливала нас в будущем. Никто не давал себе

925 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 78. Д. 991. Л. 1-1об.
926 *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 64.
927 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 809. ЛЛ. 1-1об.

труда вникнуть в наш умственный, внеслужебный кругозор, в наши характеры, в наши духовные «я», наконец, в те интимные побуждения, которые привели нас в Академию […] в то время как соседка наша, Академия Генерального Штаба, на глазах наших неумолимо, безжалостно выбрасывала из себя обратно в строй те элементы, которые оказывались ей негодными при ознакомлении с ними в течении курса, мы, слушатели Военно-Юридической Академии, были совершенно спокойны, зная, что подобный «остракизм» не ждет нас, а вся судьба наша зависит от хорошей памяти и добросовестно вызубренного к экзаменам по книжке или тетрадке академического курса»[928]. Н.А. Машкин приводит показательную статистику по высшим военно-учебным заведениям. По его данным, среднее число поступивших в Николаевскую Академию Генерального Штаба в 1880-е годы составляло 116 человек, тогда как выпускалось только 69 человек. Отсев во время учебы составлял 40,6%. В Инженерной академии в те же годы была похожая картина (отсев — 45,5%), но в Артиллерийской академии и Военно-юридической академии курс заканчивали почти все поступившие (80,6% и 95,8%). Если сравнить данные по Академии Генерального Штаба за 1880-е годы (драгомировский период) и 1890-е годы (лееровский период), то ситуация принципиально поменялась. В 1890-е годы в Академию поступал в среднем 71 слушатель, а выпускалось 69. Заканчивали Академию 97,2% слушателей, а отсев производился при поступлении и при переводе на дополнительный курс, окончание которого приводило к зачислению в Генеральный Штаб[929]. В итоге, при Леере причисление к Генеральному Штабу зависело уже не от начальника Академии, а от результата экзаменов, то есть «в значительной степени […] от счастья и случая»[930].

---

928 *Жиркевич А.В.* Пасынки военной службы. Материалы к истории мест заключения военного ведомства в России. Вильна, 1912. С. 73.

929 *Машкин Н.А.* Указ. соч. С.180. С 1892 года в Академии в виде опыта стали принимать на младший курс 150 человек и только 40 переводить со старшего курса на дополнительный. А.С. Лукомский объяснял это желанием поднять в войсках общеобразовательный ценз, возвращая в строй офицеров, прошедших два курса Академии. Мемуарист оговорил и оборотные стороны этого решения: создание атмосферы нездоровой конкуренции, подчинение комплектования Генерального Штаба лотерейным экзаменам, порождение класса обиженных офицеров, возвращавшихся в строй в статусе неудачников: *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 68.

930 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 77.

Бескомпромиссность Драгомирова при отсеве слушателей была не просто его прихотью, но частью целенаправленной политики, связанной с проблемой встраивания корпуса Генерального Штаба в общую структуру армии. Драгомиров опасался, что без тщательного отбора в Генеральный Штаб пройдут люди, способные бросить тень на всю корпорацию и без того, имеющую неблагоприятную репутацию заносчивых «моментов» и карьеристов. По мнению Михаила Ивановича, важно, чтобы офицер Генерального Штаба был «скромен, порядочен, толков и хлопотал о деле, а не о себе», и поэтому «на эти места и нужно *подбирать порядочных, а непорядочных устранять…* [выделено мной, – С.Ю.]». «*...И в этом одном,* – завершал свою мысль Драгомиров, – *а не в каких-либо писанных инструкциях, залог того, что дело пойдет* [в оригинале подчеркнуто, – С.Ю.]»[931]. Позже Драгомиров поучал офицеров Генерального Штаба, прибывавших в Киевский округ, что офицер Генерального Штаба должен быть «ближайшим помощником войскового начальства» и жить с ним «как жена с мужем», он должен быть всегда благожелательным со строевыми офицерами и, наконец, он должен «учиться и учиться», поскольку после Академии он обладает одной лишь теорией, но не знает практики службы Генерального Штаба[932].

Переходя к итогам управления Драгомировым Николаевской Академией Генерального Штаба имеет смысл еще раз вернуться к статье Макшеева 1907 года. Статья была написана с явной целью вывести Драгомирова из-под огня критики, который обрушился на военно-учебное заведение после русско-японской войны 1904-1905 годов, и суть ее сводилась к проведению четкой грани между «драгомировским» (1878-1889) и «лееровским» (1889-1898) периодами в жизни Академии. Макшеев считал, что именно после ухода

---

931 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 888. Л. 38.

932 Перед Драгомировым в этот момент стояли молодые офицеры Генерального Штаба А.С. Лукомский, С.А. Ронжин и И.Г. Эрдели. Двое из них, Лукомский и Эрдели, оставили воспоминания об этом внушении. Более подробное у Лукомского (цитаты взяты у него): *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 86. И менее подробное: *Эрдели И.Г.* Из моих воспоминаний о генерал-адъютанте М.И. Драгомирове // Часовой. - 1931. - №47. - С. 18-19. Похожее поучение см.: *Деникин А.И.* Старая армия… С. 100.

Драгомирова в ней начался упадок, который привел к неудовлетворительной работе генштабистов на полях Маньчжурии.

Действительно, 1889 год был вехой в истории Академии, которой разграничиваются два очень разных периода. Помимо уже сказанного о принципах отсева, надо указать на то, что цель существования Академии Генерального Штаба при Леере была пересмотрена в пользу идеи военного университета, а те принципы на которых строил подготовку офицеров Генерального Штаба Драгомиров были забыты. Лукомский вспоминал, что в 1894-1897 годах, когда он обучался в Академии, «имя Драгомирова в Академии было вообще не в моде»[933].

Кроме того, сильно изменился преподавательский состав. Преподавание военных наук, помимо Леера, стали определять Н.П. Михневич, П.А. Гейсман и Н.А. Орлов (все трое с 1892), а также В.И. Баскаков (с 1895). Все они шли в русле идей Леера и, пожалуй, за исключением Михневича, не приобрели репутацию в ученом мире, сравнимую с ушедшими Пузыревским или Редигером. «[…] подбор профессоров при нем не отвечал тем высоким требованиям, которые Леер ставил самому себе», – признавал Б.В. Геруа[934]. После своего ухода Пузыревский много критиковал академический «ареопаг, спевшийся в унисон» и считал необходимым «стащить нашу официальную стратегию с заоблачных высот и притянуть к земле»[935], так как она «в последние 30 лет с убийственным единообразием, почти никогда не нарушаемом, разрабатывается у нас в одном известном направлении, вследствие подавляющего авторитета (обуславливаемого выдающимися дарованиями и ученостью) лица, ставшего за все это время во главе нашей стратегической литературы [т. е. Леера, – С.Ю.]»[936].

В-третьих, сильно упал отбор обучающихся, попадавших в Генеральный Штаб. При Леере установился «несколько безалаберный со статским

933 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 71.
934 *Геруа Б.В.* Указ. соч. Т.1. С. 126.
935 *Пузыревский А.* Стратегия. Н.П. Михневич // Разведчик. - 1901. - №583. - С. 1180-1181.
936 *Пузыревский А.* К вопросам стратегии. А.Н. Петров // Разведчик. - 1898. - №380. - С. 83.

оттенком режим»[937], и обучающиеся офицеры стали пропускать занятия[938]. Важно отметить, что еще до русско-японской войны 1904-1905 годов появились заметки критиковавшие порядки в Академии. Помимо указанных выше выпадов Пузыревского следует отметить анонимный фельетон «В академии», в котором выписан некий поручик Декадентов, невежественный, но заносчивый и озабоченный своей карьерой, и потому поступающий в Николаевскую Академию Генерального Штаба. В конце концов Декадентов нарывается на поучение старого генерала: «И в наше время, [...] господа, не все только звезды поступали в академию, и в наше время были в ней люди более и менее талантливые, но вот чего не было, так не было, – это нынешнего в высокой степени, по моему мнению, неуважительного отношения к академии, являющейся теперь в представлении весьма многих чем-то в роде естественного продолжения кадетского корпуса. Допускаю, что наше время было временем наибольшего расцвета академии, время леонтьевское, драгомировское. […] Ореол, окружавший академию, внушал известный страх той негодной для ответственной службы в генеральном штабе посредственности, которая ныне ползет из всех щелей нашего обширного отечества в академию, прикрываясь исканием высшего военного образования, а в действительности — руководясь исключительно надеждою, – среди многих, сотен прибывающих на экзамены, – проскользнуть как-нибудь, всеми правдами и неправдами, в академию, а затем в генеральный штаб»[939].

Управляя Академией, Драгомиров четко расставлял приоритеты. Постановка собственно учебной части его вполне устраивала, несмотря на наличие разных точек зрения на фундаментальные вопросы военного искусства и весьма малое внимание к русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Это приводило к тому, что Академия в 1880-е годы не выполняла функции обработки и систематизации наиболее актуального боевого опыта и выработке на его основе ясных выводов, применимых на практике. Вместо

---

937 *Б-в А.* К 75-летию Николаевской академии генерального штаба… С. 223.
938 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 73.
939 *Я.* В академии // Разведчик. - 1903. - №680. - С. 957.

этого Драгомиров выполнял более практические задачи: добился повышения престижа Академии и ликвидации некомплекта офицеров Генерального Штаба. Он целенаправленно проводил линию жесткого отбора офицеров, которые должны были составить будущую элиту русской армии и служить опорой не всегда компетентным строевым начальникам. Методы, которыми Драгомиров пользовался, можно назвать спорными, а результаты, в смысле конкретных служебных карьер и достижений выпускников Академии 1880-х годов, неоднозначными, но начальник Академии сумел поддержать высокие стандарты обучения. Есть серьезные основания считать, что эти стандарты стали падать уже после его ухода в 1889 году.

4.3. М.И. Драгомиров и тактические дискуссии в 1878-1889 гг.

Опыт русско-турецкой войны 1877-1878 годов ставил перед русской армией две ключевые тактические проблемы. Первая из них была связана с растущей силой огня, а вторая — с неудачным опытом штурмов укрепленных позиций (эту проблему можно условно назвать «проблемой Плевны»). Примерно с середины 1880-х годов на эти две проблемы наложилась третья – начался новый виток развития технологий вооружений, связанный с появлением новых образцов тяжелых орудий, магазинных винтовок и пулеметов.

Растущая сила огня диктовала свои тактические требования. Многие русские военные писатели отмечали, что в ходе прошедшей войны русская армия терпела ощутимые потери от ружейного огня с непривычно дальних дистанций: начиная с 3000 шагов до противника, и особенно, начиная с 2000 шагов[940]. Это обстоятельство заставляло поставить вопрос об изменении тактических форм наступления в сторону развития рассыпного строя и огня с дальних дистанций. При этом было другое обстоятельство, хорошо осознаваемое всеми участниками дискуссий, которое мешало радикальному изменению тактических установок. Акцент на ведение дальнего огня мог

[940] См. напр.: *Зедделер Л.*, барон. Несколько практических выводов из нашей последней войны // ВС. - 1878. - №5. - С. 71; ***. Обзор мнений, высказанных в нашей военной литературе по разным военным вопросам за 1877-1879 годы // ВС. - 1880. - №8. - С. 261.

привести к большому расходу патронов на ранних этапах боя, и что еще важнее, к потере контроля начальствующих лиц над войсками и утрате ими наступательного импульса. Рассыпной строй также труднее поддавался контролю офицеров, нежели сомкнутый или разомкнутый, отстаиваемый Драгомировым в довоенные годы. К этим проблемам добавлялось почти неизбежное перемешивание войск в финальных фазах атаки. Иными словами, требования огня входили в противоречие с требованиями сохранения контроля над боем[941].

Решение этих тактических проблем лежало на обязанностях Главного комитета по устройству и обучению войск, который с 1874 года возглавлялся генерал-адъютантом Г.И. Чертковым (формальным председателем комитета был в.кн. Николай Николаевич Старший). В Комитете хорошо понимали противоречие между требованиями огня и требованиями контроля. Им была поставлена задача дать «способы для широкого применения в бою рассыпного строя и для развития огнестрельного действия в размерах, отвечающих совершенству настоящего вооружения», но вместе с тем, указать «приемы для сохранения огня в руках начальников цепи» и достичь такого порядка управления цепью, «который обеспечивал бы возможность поддержать в ней дисциплину близкую к той, которая до настоящего времени требовалась в сомкнутом строе»[942].

Ключевым документом, в котором были бы сформулированы новые тактические рецепты, должна была стать «Инструкция для действия рот и батальонов в бою», и, несмотря на означенное выше противоречие, Комитет по устройству и обучению войск готовился дать довольно радикальное решение проблемы огня. Отдел об огне в готовящейся инструкции разрабатывал барон Л.Л. Зедделер, от которого, судя по документам[943], и исходил импульс к повышению роли огня в бою. Первоначальный вариант инструкции предполагал ряд мер, направленных на усиление огня: в начале

---

941 О дилемме огонь-контроль см.: *Echevarria, A.J.* Op. cit. pp. 5-6, 13-15, 32-33, 38; *Brose, E.D.* Op.cit. pp. 20-21.

942 РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 469. Л. 8.

943 См. письмо Л.Л. Зедделера к Г.И. Черткову от 2 мая 1878 г.: РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 469. ЛЛ. 1-1об.

боя рекомендовалось «иметь цепь достаточно густую», вводились новые типы стрельбы, включая «обстреливание местности на дальних дистанциях»[944]. 9 июня 1878 года военному министру Д.А. Милютину был подан рапорт Черткова, в котором говорилось о том, что работа над инструкцией завершена[945]. Вскоре после этого Милютин дал словесное приказание Драгомирову подготовить и представить разбор Инструкции, что и было выполнено Михаилом Ивановичем к 30 июля 1878 года[946].

Замечания Драгомирова демонстрируют несколько принципиальных расхождений с авторами Инструкции. Генерал обвинял членов комитета в абсолютизации требований огня и игнорирования других факторов. Прежде всего, Михаил Иванович был не согласен с принципиальным заявлением о том, что «рассыпной строй есть основное расположение пехоты в бою»[947]. Он указывал, что «в этом взгляде часть принята за целое, т. е. огонь […] за весь бой»[948]. Между тем, огонь есть только один из факторов боя, – говорилось в разборе, – другие факторы его, т. е., управление людьми, действие холодным оружием, местность, указывают на значение сомкнутого строя, ни в каком случае не меньшее, если не большее рассыпного»[949].

С целью избежать перемешивания авторы Инструкции предлагали с самого начала боя высылать цепь достаточно густую (не более трех шагов на человека). Подобная рекомендация также не находила понимания у Драгомирова. В его разборе указывалось, что это приведет только к напрасным потерям, тогда как на поздних этапах боя перемешивания все равно не удастся избежать, что признавали и сами авторы Инструкции[950]. «Дело не в перемешивании, но в том, чтобы устранить вредные последствия оного, – утверждал Михаил Иванович, – Это можно достигнуть только одним путем: *помирившись с перемешиванием, все силы и все внимание устремить*

944 Там же. Л. 1об.
945 Там же. ЛЛ. 7-8об.
946 Там же. Л. 36.
947 Там же. Л. 39.
948 Там же. Л. 39об.
949 Там же.
950 Там же. ЛЛ. 40-40об.

на то, чтобы восстановить значение и ответственность унтер-офицеров в строю [в оригинале подчеркнуто, – С.Ю.]»[951].

По поводу повышения значения младших начальников, не исключая и унтер-офицерский состав, Драгомиров писал весьма резко: «Не смею скрыть того, что в настоящее переходное время личные воззрения многих начальников не стоят на этой точке; и что только при настойчивом устранении от дела тех, которые не могут или не хотят отрешиться от прежних воззрений, можно ожидать достижения вышепостановленной цели в более или менее отдаленном будущем»[952]. Ясно, что эти строки диктовались, прежде всего, горьким разочарованием в качестве начальствующих лиц, принимавших участие в русско-турецкой войне 1877-1878 годов.

В столкновении Драгомирова и авторов первоначального проекта Инструкции хорошо видны те принципиальные различия, которые разделяли военных писателей 2-й половины XIX века. Эти противоречия в меньшей степени вытекали из понимания или непонимания современной силы огнестрельного боя. В 1884 году, разбирая сообщение В. фон Шерфа, Драгомиров высказал весьма определенно, что «кампании, на которые ссылается г. Шерф [франко-прусская война 1870-1871 гг. и русско-турецкая война 1877-1878 гг., – С.Ю.], доказали и то, и другое, т. е. что *огонь теперь стал действительнее прежнего* [выделено мной, – С.Ю.] и что военные и боевые цели остались по-прежнему достижимыми»[953]. Гораздо важнее для понимания тактических дискуссий после 1878 года обратить внимание на разницу в понимании проблем контроля.

Ключевой характеристикой боя, согласно Драгомирову, была его принципиально неустранимая хаотичность. В разборе доклада Шерфа Драгомиров дал длинный перечень проявлений беспорядка в бою: огонь атакующего переходит в «произвольную трескотню», тогда как огонь обороняющегося приводит к остановкам, а нередко и отступлениям, наступление ведется не прямо вперед, а уклоняясь в стороны в поисках

---

951 Там же. ЛЛ. 40об-41.
952 Там же. ЛЛ. 41-41об.
953 Армейские заметки. ч. III // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 136.

укрытий, командиры выбывают от огня и на их место являются импровизированные начальники, а «масса предоставляется в конце концов самой себе»[954]. Попытки ввести упорядоченность в этот хаос с помощью уставных правил Драгомиров считал обреченными на провал: «[…] нельзя безнаказанно установлять правила и исключения там, где все волнуется, все течет; где на каждом шагу правило обращается в исключение, и наоборот»[955]. Но тем не менее, «боевые цели остались по-прежнему достижимыми». Следует не стремиться избежать хаотичных явлений с помощью правил, устанавливаемых уставами и инструкциями, но подготовить в мирное время войска к преодолению хаоса боя, выработать в войсках необходимую и правильную инерцию обучения, основанную на готовности к неожиданностям. Он считал адаптацию уставов к новым реалиям вполне завершенной: «Форма разработана революционными войнами до тех пределов, за которыми трудно придумать что-либо новое», и следовательно, «влияние нарезного оружия – и влияние громадное – действительно обнаружится, но только не на боевых порядках, а на воспитании и образовании солдата»[956]. В итоге, как писал Драгомиров в опубликованном разборе «Инструкции», «дело не в уставе, а в том как его применяют при мирных занятиях войск […] Все дело, следовательно, *в характере требований* [выделено в оригинале, – С.Ю.], а не в уставе»[957]. Неслучайно, одним из любимых афоризмов Михаила Ивановича были слова Морица Саксонского «не зная делать, что нужно, делаем то, что умеем»[958]. Русская армия, по мнению генерала, нуждалась, прежде всего, в выработке правильных привычек в бою, в том числе и привычке к перемешиванию, которое «*всегда было и всегда останется нормальным характеристическим явлением боя* [выделено в оригинале, – С.Ю.]»[959], и повысить роль младших

954 Там же. С. 144-146.

955 Там же. С. 142. Схожие идеи, вытекавшие из традиции Шарнхорста, Клаузевица и Мольтке, высказывали в Германии сторонники Auftragstaktik (тактики миссий): *Echevarria, A.J.* Op. cit. pp. 38-39.

956 Предисловие к статье «Муштровка или воспитание?» // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 199.

957 Разбор «Инструкции для действия роты и батальона в бою» // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 2. С. 209-210.

958 Армейские заметки ч. V // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т.2. С. 191.

959 Разбор «Инструкции для действия роты и батальона в бою» // *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей… Т. 2. С. 214.

начальников, в том числе и унтер-офицеров, которые непосредственно отвечают за контроль над войсками на поле боя.

Следует задаться вопросом, насколько другие ключевые военные писатели 1880-х годов разделяли эту точку зрения. Как показывает «Обзор мнений, высказанных в нашей военной литературе по разным военным вопросам за 1877-1879 годы», большинство русских военных авторов предлагали как раз те или иные изменения в уставах и наставлениях. Г.А. Леер предлагал ввести разомкнутый строй, переходный от сомкнутого к рассыпному, а также увеличить дистанции между боевыми линиями и увеличить число линий[960]. Барон Л.Л. Зедделер предлагал ввести в уставы стрельбу с дальних расстояний[961]. В.Л. Чебышев шел вразрез общему мнению и на основе математических выкладок предлагал не увеличивать строй в глубину, но делать его тоньше[962]. Какие бы изменения не предлагали эти авторы, они касались, главным образом, изменений в уставных формах. Не менее примечательно замечание А.П. Скугаревского, который считал, что настроение войск «очень капризно, на него нельзя всегда рассчитывать» и не следует надеяться, «что всегда в таких случаях найдутся Скобелевы»[963]. «Совершенно избежать перемешивания войск в современном бою трудно, – заключал указанный автор, – но не следует возводить его в систему, в единственный, нормальный способ усиления передовых войск»[964]. Как видим, Драгомиров шел вразрез мнению подавляющего большинства наиболее авторитетных военных писателей 1880-х годов.

В соответствии с указанными принципами, Драгомиров предлагал свою редакцию инструкции[965], причем настаивал на том, что она должна быть опробована в войсках, прежде чем будет принята. Чертков не хотел допустить перехвата инициативы в деле разработки Инструкции и 27 октября 1878 года написал в этом духе письмо начальнику Главного штаба графу Ф.Л.

960 ***. Обзор мнений… // ВС. - 1880. - №5. - С. 54-55.
961 Там же // ВС. - 1880. - №8. - С. 261.
962 Там же // ВС. - 1880. - №5. - С. 66-67.
963 *Скугаревский А.П.* Атака пехоты. Разбор спорных вопросов. СПб., 1888. С. 17.
964 Там же.
965 РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 469. ЛЛ. 45об-83об.

Гейдену[966]. Еще до того, 18-24 августа, по поручению военного министра Драгомиров провел пробные занятия по своей версии Инструкции с 27-й дивизией Виленского военного округа и остался полностью удовлетворен ими[967]. Комитет по устройству и образованию войск рассмотрел замечания Драгомирова, принял некоторые, большей частью несущественные из них, но принципиальные возражения Драгомирова отверг. Проект Инструкции для действия роты и батальона в бою и объяснительная записка к нему были опубликованы в первом номере «Военного сборника» за 1879 год[968].

Таким образом, дискуссии в связи с проектом «Инструкции» завершились в 1879 году. В дальнейшем, Драгомиров мало принимал участие в работе Комитета по устройству и обучению войск. Документы Комитета показывают, что в 1880 году он был приглашен на заседания, посвященные разработке общей системы воинского образования в связи с планами перехода к трехлетнему сроку службы и его замечания были учтены для составления примерного плана занятий в общем сборе дивизии пехоты с бригадой артиллерии и бригады кавалерии с конной батареей[969]. Ему посылали материалы Комитета по составлению Строевого пехотного устава 1881 года[970], но в документах отразились лишь частные замечания генерала, главным образом, редакционного характера[971]. В 1881 году контакты комитета и Драгомирова прекратились, что совпало с переменой царствования и уходом в отставку с поста военного министра Д.А. Милютина. К этому моменту Комитет выполнил основной объем работ по обновлению уставных положений, вызванному русско-турецкой войной 1877-1878 годов, и в 1884 году был упразднен. Что касается Драгомирова, то он предпочел проигнорировать вышедшую Инструкцию, и его «Учебник тактики», изданный в том же 1879 году, был полным отражением его личных взглядов на поднятые вопросы[972].

966 Там же. ЛЛ. 85-85об.
967 Там же. ЛЛ. 95-109. См. также: *Залесов Н.Г.* Записки Н.Г. Залесова // РС. - 1905. - №6. - С. 532-533.
968 Русское военное обозрение. Проект Инструкции для действия роты и батальона в бою // ВС. - 1879. - №1. - С. 33-57.
969 РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 486. ЛЛ. 38-38об, 272об-273, 276об.
970 Там же. Д. 392. Л. 27.
971 Там же. Д. 519. ЛЛ. 38-39.
972 *Драгомиров М.И.* Учебник тактики… См. особенно: С. 60, 71-75.

Однако это не значит, что подведение тактических итогов русско-турецкой войны 1877-1878 годов завершилось. Опыт трех штурмов Плевны ставил перед русской армией важный вопрос о возможности атаки укрепленных позиций в новых условиях[973]. В ходе лагерного сбора 1886 года под Красным селом была образована комиссия для составления правил по атаке укреплений, в которую вошел А.П. Скугаревский. Последний вспоминал: «Собираясь раза два в неделю, мы месяца полтора горячо спорили о формах для атаки пехоты, и если наконец составили общий доклад, то лишь потому, что нашли не удобным в частной комиссии предлагать изменения уставных форм для обучения войск, хотя далеко не все члены были убеждены в том, что формы эти годятся для применения в настоящее время»[974]. Скугаревский смотрел на возможность штурмовать укрепленные позиции весьма скептически: «[…] при теперешнем огне нельзя рассчитывать одолеть его [обороняющегося, – С.Ю.] и тройными и четверными силами»[975].

Драгомиров не разделял этот скепсис. 5 июня 1886 года он показывал начальству Петербургского военного округа приемы обучения атаке и обороне укреплений[976]. Фронтальное наступление велось с расстояния 1000 шагов цепью с резервами, причем Драгомиров требовал, чтобы войска прошли расстояние по возможности быстрее. Цепи было приказано не залегать, а резервам — отпускать ее на достаточно большие расстояния (300-400 шагов), после чего быстро продвигаться вперед разомкнутым строем с залеганиями. С расстояния 200 шагов резервы входили в цепь, и производилась сквозная атака[977].

Эти приемы мало отличались от тех, которые использовались русской армией при атаке плевненских укреплений, что вызвало полемику Драгомирова и Скугаревского[978]. В ходе спора Михаил Иванович указывал, что он предложил только частный случай атаки, который он считает самым

---

973 Об аналогичных дискуссиях в немецкой армии см.: *Brose, E.D.* Op. cit. pp. 55-58.
974 *Скугаревский А.П.* Атака пехоты... С. 10.
975 Там же. С. 20.
976 Армейские заметки. ч. IV // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 148.
977 Там же. С. 151-152.
978 Там же. С. 153-156.

сложным, а потому и самым поучительным[979]. Так или иначе, мысль о невозможности взятия с фронта укрепленных позиций он считал очередным «миражом», который вытекает из чувства самосохранения и увлечения первичными непродуманными впечатлениями[980]. Таким же «миражом» для него было охватывание флангов как единственно верный рецепт атаки укреплений[981]. Акцент на фланговый охват имел свои недостатки, которые не ускользнули от внимания генерала. Ссылаясь на В. фон Шерфа, Драгомиров указывал, что в Европе уже нет армии, настолько необученной, что она не сможет противодействовать охвату[982]. «Конечно, это не исключает значения охватывающих атак, – продолжал генерал, – но только ставит их на должное место, выясняет в особенности то военно-педагогическое положение, что им учить не только бесполезно, но, пожалуй, и вредно, ибо можно привить нелепое убеждение, будто если охвата сделать нельзя, то и атаковать нельзя»[983]. Тот, кто сможет провести фронтальную атаку, по мнению генерала, сумеет провести и всякую другую, включая охват[984].

Как и в вопросе о влиянии огня, ключом к преодолению «проблемы Плевны» Драгомиров считал правильное воспитание и образование войск[985]. Русская армия, по мнению генерала, далеко не овладела этим «ключом». Солдаты слишком не приучены к личной ответственности[986], начальники не умеют правильно отдавать приказания[987], маневры воссоздают батальные картины, а не приучают войска преодолевать опасность, а начальников – управлять ими в бою[988]. Размытые в русской армии представления о боевой подготовке дополнительно, по мнению Михаила Ивановича, колебались из-за сокращения сроков службы и усилению акцента на обучении в ущерб

---

979 Там же. С. 148, 152.
980 Армейские заметки. ч. II // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 44, 47-48, 56.
981 Армейские заметки. ч. III // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 138-139. Об увлечениях охватами в немецкой армии см.: *Echevarria, A.J.* Op. cit. pp. 34, 40; *Brose, E.D.* Op. cit. pp. 22.
982 Армейские заметки. ч. III // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 138-139.
983 Там же. С. 139.
984 Там же.
985 Там же. С. 142.
986 Там же. С. 115.
987 «[…] дай Бог на двадцать начальников найти хоть одного, который бы в отдаваемых приказаниях выполнял без осечки, раз в раз, поставленные выше условия»: Там же. С. 122-123.
988 Там же. С. 126-133.

воспитанию, что вызывалось усовершенствованием огнестрельного оружия[989].

Впрочем, решение «проблемы Плевны», по крайней мере, частичное, пришло с неожиданной стороны. В 1884 году на Усть-Ижорском полигоне прошли сравнительные испытания поражения пехоты во рвах из полевых орудий и мортир. Капитан инженерных войск Н.Э. Прескотт, анализируя эти испытания, писал, что стрельба прямой наводкой не способна поразить солдат за земляными укреплениями, тогда как результаты стрельбы навесным огнем из мортир «приводят нас к заключению, что полевые мортиры должны будут принесть громадную и незаменимую пользу атакующим войскам»[990]. Проблема заключалась в том, что мортиры могли вести огонь только с тяжелых станков, и их было трудно применять в полевой войне. Выход был найден артиллерийским генералом А.П. Энгельгардтом, который разработал для мортиры лафет, позволявший стрелять с колес. Таким образом, мортира более не уступала по мобильности обычному полевому орудию, а более мощный заряд, летящий по навесной траектории, был способен доставать пехоту, укрывшуюся за земляными укреплениями, и разрушать сами укрепления[991].

Следует особенно подчеркнуть, что, когда наметилось технологическое решение «проблемы Плевны», Драгомиров немедленно за него ухватился. Он оказал поддержку Энгельгардту как в печати, так и в аудитории Николаевской Академии Генерального Штаба, в которой в 1885 и 1888 годах состоялись специальные диспуты, посвященные новым мортирам[992]. Драгомиров признавался, что сразу встал на точку зрения, «что чем скорей это орудие будет введено, тем лучше»[993].

---

989 Там же. С. 147.

990 *Прескотт Н.* Несколько слов об атаке полевых укреплений, усиленных искусственными препятствиями // ВС. - 1884. - №7. - С. 54.

991 *Мещеряков Г.П.* Указ. соч. С. 262-263; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С.155-156; *Айрапетов О.Р.* Развитие концепций использования и управления тяжелой артиллерией и гонка вооружений в конце XIX-начале XX века // Ostkraft. - 2018. - №1. - С. 29-31.

992 Калибры орудий в полевых армиях нормального состава // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 246; Сообщение генерал-майора Энгельгардта… С. 1. См. также: *Энгельгардт Б.А.* Два юбилея // Пажи — рыцари России. Духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса. М., 2004. С. 93.

993 Сообщение генерал-майора Энгельгардта… С. 2. Отметим, что, помимо Драгомирова, большую роль в введении полевых мортир сыграл товарищ генерал-фельдцейхмейстера в.кн. Михаила Николаевича генерал Л.Г. Софиано. Подробный разбор диспута 1885 года и затронутых на нем вопросов, а также

18 июня 1888 года последовал приказ о создании восьми мортирных батарей, а к 1894 году состав тяжелой полевой артиллерии, вооруженной полевыми мортирами Энгельгардта, был доведен до пяти полков с 16 батареями[994]. Содействие пехоте навесным огнем делало излишним ведение дальнего ружейного огня, против которого Драгомиров восставал в 1879 году, и давало надежду на благоприятный исход в случае атаки укреплений.

В то время, когда в Николаевской Академии Генерального Штаба разгорались диспуты по поводу мортир Энгельгардта, гонка вооружений в Европе делала новый виток, который заставил большинство военных авторитетов сосредоточить свое внимание на вопросах, касающихся вооружения и возможных изменений в тактике.

Как уже говорилось, Драгомиров понимал перемены, которые происходят в военном деле. «Не все равно, – признавал он, – стрелять из берданки и дальнобойного орудия или из гладкоствольных ружей и орудий; не все равно и стоять под теми и другими, и еще более не все равно – сформировать солдата в 25, 15 или же в три года»[995]. В 1860-1870-е годы Драгомиров, не уставая подчеркивать значение штыка и моральных сил, все-таки никогда не восставал против введения новых систем вооружения. Напомним, что во время австро-прусской войны 1866 года он писал: «Если это так, должно признать за игольчатыми ружьями огромное преимущество, при условии разумеется, тщательного обучения стрельбе: *и чем скорее их принять, тем лучше* [выделено у Драгомирова, – С.Ю.]»[996]. Однако, когда встал вопрос о введении магазинных винтовок, он выступил против этого новшества. Мы постараемся объяснить причины такого шага генерала.

критика мортир Энгельгардта см.: *Плюцинский А.* По поводу бесед о полевой шести-дюймовой мортире // ВС. - 1885. - №10. - С. 217-251; №11. С. 72-93; №12. С. 230-263. Более благоприятный отзыв на мортиры: *Случевский К.* Полевая мортира по отношению к военно-инженерному делу // ВС. - 1885. - №7. - С. 87-108.

994 *Айрапетов О.Р.* Развитие концепций использования… С. 30.

995 Армейские заметки ч.I // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 21.

996 *Д[рагомиров М.]*. Письма из главной квартиры прусской армии // Русский инвалид. - 1866. - №188. - С. 4.

Хотя в литературе можно встретить иное мнение[997], Драгомиров вовсе не отвергал бездумно любое техническое новшество в военном деле, о чем ясно указывают приведенные выше примеры с игольчатым ружьем и мортирами Энгельгардта. Об этом же говорит и простое непредвзятое обращение к тем статьям, в которых Драгомиров касался военно-технических вопросов, что будет показано ниже. В своем отношении к технике Михаил Иванович был избирателен и осторожен и руководствовался определенной логикой, которую мы постараемся проследить.

В основе этой логики лежала идея, «что новое средство, дабы быть действительным, должно удовлетворять не какому-либо одному, но *всем* [выделено в оригинале, – С.Ю.] условиям, и притом не только полевого боя, но и армейской организации»[998]. Второе ключевое положение генерала заключалось в том, что оружие развивается либо в сторону повышения меткости, либо в сторону повышения скорострельности, причем, одно вступает в противоречие с другим. Меткость гораздо важнее скорострельности, потому что в бою играет роль не количество выпущенных, а количество попавших пуль[999]. Кроме того, Драгомиров, в соответствии с тогдашним пониманием будущей войны, считал, что к 1880-м годам достигнут предел разумной скорострельности. При атаке все равно не представится целей для частой стрельбы, а обороняющийся может достичь примерно той же скорости стрельбы, что и у магазинной винтовки, просто высыпав патроны на бруствер[1000]. Поэтому Драгомиров не выступал против тех технических новинок, которые вели к повышению меткости (заряжание с казны, уменьшение калибра, введение металлического патрона), но протестовал против усовершенствований в скорости стрельбы (магазин, пулемет).

---

997 Мнение о Драгомирове как последовательном противнике любой технической новинки восходит, главным образом, к Е.И. Мартынову, который писал, что «какое бы новое изобретение техники ни появилось в военном деле, Драгомиров всегда восставал против него»: *Мартынов Е.И.* Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906. С. 86.

998 Армейские заметки ч. V // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 162.

999 Там же. С. 143, 175.

1000 Там же. С. 171-172.

Следует указать и на тот опыт, который Драгомиров имел к 1887 году, когда писал в «Армейские заметки» статью против магазинных винтовок. В Крымскую войну русская армия вынуждена была воевать с гладкоствольными ружьями, тогда как английская пехота была вооружена нарезными, но генерал не считал, что это было важной причиной поражения русской армии[1001]. Затем Наполеон III в 1859 году повел свои войска в Италию с незнакомыми им нарезными орудиями. Во время Гражданской войны в США в 1861-1865 годах американцы использовали магазинные винтовки Винчестера, но после войны отказались от них[1002]. Пруссаки бились с австрийцами с более совершенными игольчатыми ружьями в 1866 году, но в 1870-1871 году сумели победить французов, обладавших более совершенной винтовкой Шасспо. Последние, как и в 1859 году, встретили войну с неизвестным им самим оружием – митральезами[1003]. Этот пример неудачного использования технической новинки Драгомиров приводил достаточно часто[1004]. Наконец, русской армии в 1877-1878 годах сильно осложнило действие превосходство турок в качестве винтовок и артиллерии, но не помешало в конце концов решить боевые задачи. Иными словами, весь накопленный опыт совершенствования огнестрельного оружия в 1850-1870-е годы свидетельствовал перед Михаилом Ивановичем, что, во-первых, технические новинки отнюдь не обеспечивают существенного превосходства, а во-вторых, отнюдь не все они были удачными с технической точки зрения и с точки зрения их применения.

Новый виток развития стрелкового вооружения начался, когда в 1886 году французская армия приняла на вооружение магазинную винтовку Лебеля. Она была способна стрелять почти в два раза быстрее, чем немецкая винтовка Маузер-71/84, принятая на вооружение всего за два года до того.

[1001] Когда Драгомирову напомнили эту тему и привели слова солдата, который объяснял поражение тем, что противник был с ружьями «англицкими», а они — с «казенными», Драгомиров отмахнулся: «Эк куда махнул! Во-первых, и вздор сказал солдат; не так уже особенно «англицкие» ружья были лучше казенных, как ему казалось; да и штуцеров, почитай, было немногим больше нашего, если принять в рассчет наших штуцерных; только их употребить забыли»: Там же. С. 160.

[1002] Там же. С. 174.

[1003] Пример с Наполеоном III в 1859 и в 1870-1871 годах: Там же. С. 162.

[1004] Помимо, приведенного выше, см.: Калибры оружия в полевых армиях европейского состава // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 249.

Кроме того, во французской винтовке впервые применялся мощный бездымный порох на основе нитроглицерина[1005], что, надо отметить, не привлекло внимание Драгомирова.

Зато им учитывалась непростая международная обстановка, которая служила фоном обсуждений перспектив магазинных винтовок и одним из источников скепсиса Михаила Ивановича. Во Франции в 1886-1887 годах разгорался буланжистский кризис, который потенциально мог привести к конфликту с Германией. Россия могла оказаться втянутой в него, имея вдобавок значительные осложнения на Балканах. 6 ноября 1886 года Петербург разорвал дипломатические отношения с Болгарией, и рассматривалась возможность оккупации страны, в которой после переворота 9 августа 1886 года воцарилась крайне нестабильная обстановка. Вмешательство в болгарские дела грозило осложнениями с Веной и Лондоном[1006]. Драгомиров писал свою статью против магазинных винтовок между 8 декабря 1886 года и мартом 1887 года, скорее всего, в январе-феврале 1887 года, то есть в разгар международной напряженности, и нельзя было исключать открытия боевых действий либо на франко-германской границе, либо на Балканах, либо и там, и там.

Если Россия оказалась бы втянутой в конфликт, перевооружение могло создать дополнительные проблемы, которые Драгомиров считал несвоевременными. В соответствии с опытом войн 1850-1870-х годов, он заключал, что лучше идти в бой с хорошо знакомой винтовкой Бердана, чем с новым оружием[1007]. Поэтому Драгомиров писал в статье о магазинных винтовках, «что даже и самое наилучшее орудие не много даст, если действие им не обращено людям в привычку – вторую натуру»[1008], и далее приводит примеры кампаний 1859 и 1870-1871 годов, о которых говорилось выше. «В настоящее время почти все контингенты наших отпускных ознакомлены с

1005 *Glover, M.* Op. cit. p. 162; *Brose, E. D.* Op. cit.. pp. 44, 47; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 153.

1006 *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801-1914 гг. Т. 3. М., 2018. С. 631.

1007 О том, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов русские солдаты испытывали проблемы с освоением новой винтовки (тогда это была «берданка») см.: *?Аргамаков В.Ф.* Воспоминания о войне 1877-1878 гг. // Журнал ИРВИО. - 1911. - Кн. 3. - С. 52.

1008 Армейские заметки ч. V // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 162.

ружьем Бердана: новая система потребовала бы переучиванья, – писал генерал, – сделать его физической возможности нет, даже если бы магазинки настолько превосходили современное оружие, что не принять их было бы нельзя. Но идти на переучиванье для системы, которая в общем, не лучше, а хуже нынешней, – просто вредный абсурд, абсурд притом и дорогой, ибо перевооружение обошлось бы во много миллионов»[1009]. Из этих строк видно, что Михаил Иванович учитывал, помимо прочего, и печальный опыт перевооружения русской армии в 1860-1870-е годы, когда она в течение короткого времени приняла на вооружение последовательно четыре варианта винтовок (Карле, Крнка, Бердана-1, Бердана-2), было затрачено много средств (только введение системы Крнка потребовало 25 млн рублей при общих военных расходах в 1869 году 147,7 млн), но к 1877 году армия все равно подошла с устаревшим вооружением[1010].

Наконец, Драгомиров усмотрел целый ряд недостатков в самих магазинных винтовках, почему и заключил, что эта система «в общем не лучше, а хуже нынешней». Его не устраивало, что новые винтовки опорожняют магазин за 20 секунд, а потом их перезарядить в бою немыслимо, что приходится усложнять механизм введением разобщителя для стрельбы одиночными выстрелами, что одиночная стрельба из магазинного ружья медленнее и менее точна, что новые винтовки тяжелее и скорее утомляют бойцов и т. п[1011]. В русской армии эксперименты с магазинными винтовками проводились еще с 1883 года, когда при Оружейном отделе Артиллерийского комитета была создана комиссия генерал-лейтенанта Н.И. Чагина[1012], и важно оттенить, что против введения магазинных винтовок восставал не один Драгомиров, но и многие другие военные писатели, близко соприкасавшиеся с этими опытами. То, что против введения магазинных винтовок выступал и Чебышев[1013], чье мышление было едва ли не

1009 Там же. С. 174-175.

1010 *Зайончковский П.А.* Военные реформы… С. 169-180; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал. М., 1973. С. 303, 484; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 50-53.

1011 Армейские заметки ч.V // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 163-169.

1012 *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке… С. 312.

1013 *Чебышев В.* Заметка по вопросу об употреблении магазинных ружей // ВС. - 1887. - №3. - С. 85-86.

диаметрально противоположным образу мыслей Драгомирова, является красноречивым фактом. Одним словом, не Михаил Иванович заражал всех недоверием к новым техническим средствам, но скорее его мнение отражало общий настрой в широких военных кругах[1014].

В статье Драгомирова о «магазинках» никак не расставлялись приоритеты между различными аргументами против их введения. Однако, видно, что для него весьма важным был вопрос о влиянии технических новинок на моральное состояние войск. «Не подлежит сомнению тот психический факт, – категорично заявлялось в статье, – что, чем более человек надеется на машину в достижении какой-либо цели, боевой в особенности, тем менее верит он самому себе, и так как в бою он за машиною до конца спрятаться не может, ибо приходит минута, когда, показав, насколько совершенна его машина, настает необходимость выдержать и ему самому экзамен в том, насколько он человек, – то тут, при совершенной машине, и оказывается, насколько он сам несовершенен, жидок»[1015].

Драгомирову было свойственно подчеркивать задачу совершенствовать в первую очередь человека, а не технические средства. Хотя многие специалисты отмечали эту особенность мышления генерала, попытки объяснить ее вряд ли можно признать удовлетворительными. Л.Г. Бескровный справедливо выводил ее из философских взглядов Драгомирова, но не дал их развернутой характеристики, ограничившись указанием на «идеализм» и «реакционный характер»[1016]. Современный исследователь А. Гат показал, что акцент на моральные силы и тесно связанные с ними понятия, такие как самоотвержение, храбрость, решительность, волю, готовность рисковать и т. п. были общим местом в военной мысли XIX века, вытекая, главным образом, из наполеоновского наследия, интерпретированного К. Клаузевицем и Г. Жомини, и подтвержденного, в глазах военных экспертов, войнами 1850-1870-х годов, в первую очередь,

---

[1014] См. также: *С.Г.* Тактическое значение залпов в сравнении с стрельбою из магазинок // ВС. - 1887. - №6. - С. 165-170.

[1015] Армейские заметки ч. V *// Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 173-174.

[1016] *Бескровный Л.Г.* М.И. Драгомиров // *Драгомиров М.И.* Избранные труды… С. 15.

войнами за объединение Германии[1017]. Максима Наполеона о том, что «три четверти вещей на войне касаются моральных факторов; баланс материальных сил составляет лишь одну четверть»[1018], максима, которую Драгомиров любил повторять[1019], оставалась актуальной и к 1880-1890-м годам. «Надеюсь, никто не станет утверждать, чтобы, например, ружье Лебеля или скорость передвижения могли действовать на изменение в человеке логики, чувства, страстей, воображения»[1020], – указывал Михаил Иванович.

Пренебрежение к технике было заложено в военную традицию XIX века наполеоновским опытом. К концу века оно получало дополнительную подпитку из двух источников. Во-первых, это беспокойство, разделяемое многими военными, по поводу эффектов промышленной революции: индустриализации, урбанизации, демографического роста и того, что воспринималось как повышение влияния буржуазии, культ материализма, погоня за комфортом, усиление пацифистских настроений, упадок психологической стойкости в человеке. Все эти тенденции, в которые вписывался и культ технологий, грозили подорвать дух войск и воинские ценности в то самое время, когда не за горами столкновение уже не просто армий, но «вооруженных наций». «Чем благороднее и лучше становится жизнь народа при посредстве культуры, науки, искусства и богатства, – писал К. фон дер Гольц, – Тем более теряет он в случае войны, и поэтому вполне последовательно, что он должен как можно более заботиться о лучшей подготовке себя к войне»[1021]. Тревога по поводу эрозии воинского духа под воздействием социально-экономических и культурных изменений не оставляла Драгомирова с начала 1880-х годов. Об этом свидетельствует его письмо к А. Дрыгальскому, написанное в 1880 году: «Полагаю даже, что основная болезнь нашего века – именно недостаток воспитания воли. Отсюда

[1017] *Gat, A.* Op. cit. pp. 344-345, 390-395.
[1018] *Colson B.* Napoleon on War. (Oxford Univ. Press, Oxford, 2015). p. 124.
[1019] Военные заметки // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 348. О значении Наполеона в глазах Драгомирова см.: Там же. С. 324-349.
[1020] Там же. С. 346.
[1021] *Гольц, К. фон дер,* бар. Вооруженный народ. СПб., 1886. С. 6. О знакомстве Драгомирова с этим трудом см.: Армейские заметки. ч. III // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 138.

торжество максимов в роде laissez-faire, laissez-passer [букв. «позвольте делать», «позвольте идти своим чередом», фр. – С.Ю.]; отсюда же и то, что мы свои права очень помним, а об обязанностях предпочитаем, если и не совершенно забывать, то и не всегда совершенно помнить; отсюда же страсть к наслаждениям, приводящая ко взгляду, как на величайшее несчастье, на такие случайности в жизни, от которых в другие эпохи человек бы и не поморщился; отсюда, наконец, масса самоубийств[1022]. Одним словом, я пришел к убеждению, что воля – основная жизненная сила; что ее высшее напряжение вызывается войною, особенно боем; и что философы делают большую ошибку, считая эту область проявлением якобы одних только звериных инстинктов и потому недостойною их наблюдения. Заключение из всего этого ясно: нужно гимнастировать волю так настойчиво и упорно, как только можно; но, разумеется, не забывая и ума»[1023]. К 1890-м годам эта тема станет одной из доминирующих в статьях генерала.

Второй источник скепсиса по поводу техники, тесно связанный с первым – представление о грядущей войне между европейскими державами. Драгомиров отвергал вероятность того, что в большой европейской войне один из противников, за счет магазинных ружей или каких-либо других усовершенствований, получит большое преимущество: «Но ведь теперь такой разницы между противниками в Европе нет и быть не может, а огне- и паропоклонники в своем увлечении не хотят этого знать»[1024]. Следовательно, все будет зависеть от людей, от того «глупо или умно они мыслят, слабо или сильно хотят, боятся ли за драгоценные дни свои или же проникнуты *самоотвержением*, которое, как мы уже условились, *одно дает ясность мысли и твердость решений в опасных положениях* [выделено в оригинале, – С.Ю.]»[1025].

Все эти подспудные мотивы, скрываясь за другими аргументами или явно выходя наружу, определяли отношение Драгомирова к техническим

[1022] Сыновья генерала Иван Михайлович и Александр Михайлович по разным причинам покончат с собой примерно на рубеже 1880-1890-х годов.

[1023] Переписка М.И. Драгомирова с А. Дрыгальским… С. 635-636.

[1024] Военные заметки // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 347.

[1025] Там же.

усовершенствованиям. При этом чрезвычайно важно определить границы, до которых доходило его отвержение техники. Мы уже указывали на примере полевых гаубиц и усовершенствований меткости стрелкового оружия, что это отвержение не было абсолютным. В той же статье против магазинных ружей, Драгомиров писал, что «ружья малых калибров заслуживают тщательного испытания, а в случае удовлетворительных его результатов – и принятия», с которым, впрочем, «торопиться нельзя, пока не будут устранены технические трудности»[1026]. Очевидно, разница в отношении к введению магазина и уменьшению калибра, объясняется тем, что второе усовершенствование улучшало меткость, дальность, настильность траектории полета пули и позволяло увеличить боекомплект, что для Драгомирова было важнее развития скорострельности[1027].

Точно таким же не абсолютным было неприятие генералом пулеметов, что было упущено его последующими критиками[1028]. Вопрос о будущем пулеметов (в то время чаще их называли «картечницами») стал подниматься практически одновременно с вопросом о магазинных винтовках. Например, Скугаревский еще в 1888 году выражал оптимизм по поводу нового вида вооружений: «Какова будет система будущих ружей – вопрос специальный; но я не могу не высказать, что между многими предложениями есть одно, которое пока находится в зародыше, но которому можно предсказать большую будущность. Это – утилизирование отдачи (картечницы Максима)»[1029]. Однако Драгомиров не верил в «большую будущность» нового изобретения, грозившего довести скорострельность до предела, что и было им высказано в статье «Калибры оружия в полевых армиях европейского состава», появившейся в 1891 году[1030]. Главным аргументом против пулеметов в ней, помимо неудачного использования митральез в 1870-1871 годах, выставлялась их неуниверсальность. В полевой войне европейских

[1026] Армейские заметки ч. V // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 182.

[1027] Дискуссии о перевооружении русской армии новым стрелковым оружием, как известно, кончились принятием в 1891 году винтовки капитана С.М. Мосина, обладавшей магазином, уменьшенным калибром в три линии и патроном, в котором применялся бездымный порох: *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 154.

[1028] *Мартынов Е.И.* Из печального опыта… С. 86.

[1029] *Скугаревский А.П.* Атака пехоты… С. 58.

[1030] Калибры оружия в полевых армиях европейского состава // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 241-250.

держав 60 солдат способны обеспечить такую же огневую мощь как один пулемет, но «лафета у него [солдата, – С.Ю.] нет, лошадей ему не нужно, прикрытия тоже не нужно и можно его употребить на всякую солдатскую работу»[1031]. Из этого замечания видно, что Драгомиров в 1891 году понимал пулемет как орудие, близкое к артиллерийскому, то есть с лафетом и на конной тяге, чем он и являлся на тот момент. Этот традиционный взгляд только начинал меняться к началу 1890-х годов по мере введения более легких конструкций[1032], и Е.И. Мартынов, критикуя взгляды Драгомирова на пулеметы после русско-японской войны, не делал на этот счет никаких оговорок. Критик, кроме того, совершенно проигнорировал то, что не показывало Михаила Ивановича как безусловно отвергающего пулеметы. Но в статье Драгомирова есть важная оговорка: «Мотивы, по которым я считаю пулеметы нелепостью в полевой армии нормального состава, прямо указывают и на те случаи, где они не только полезны, но, пожалуй, даже и необходимы»[1033]. Речь шла о случаях, при которых существует необходимость экономить место (крепости) и экономить число едоков («степные экспедиции»)[1034].

Как известно, атаки на «магазинки» не остановили русское правительство, и в 1889 году Александр III отдал распоряжение начать работу над созданием нового образца винтовки. В 1891 году была принята трехлинейная винтовка С.М. Мосина, имевшая магазин, малый калибр и патроны с бездымным порохом[1035]. В 1891-1892 годах в войсках Туркестанского и Сибирского военного округов прошли испытания пулеметов системы Норденфельдта, и комиссия Главного артиллерийского управления пришла к тому же выводу, что и Драгомиров: «[…] при

[1031] Там же. С. 249.

[1032] *Ellis J.* The Social History of the Machine Gun. (Croom Helm, London, 1975). pp. 63-65.

[1033] Калибры оружия в полевых армиях европейского состава // *Драгомиров М.И.* 14 лет… С. 250.

[1034] А.А. Керсновский писал об использовании в экспедиции Скобелева к Геок-Тепе пулеметов: «Он [Скобелев, – С.Ю.] не пренебрегал никаким средством, которое могло бы хоть сколько-нибудь сберечь силы солдата на походе и кровь его в бою (мы можем видеть всю разницу между открытым умом Скобелева и узким доктринерством Драгомирова – разницу между полководцем Божьей милостью и рутинером военного дела)»: *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 298. Как видим, Михаил Иванович как раз признавал пулеметы необходимостью в таких операциях, как взятие Геок-Тепе.

[1035] Приказ №3124 С.-Петербург. Мая 11-го дня 1891 года. (По Главному Артиллерийскому управлению) // Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1891 год. СПб., 1892. С. 185; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С.154.

нынешнем вооружении пехоты и полевой артиллерии пулеметы вообще и прежних систем в особенности имеют для полевой войны весьма малое значение; по перевооружению же пехоты ружьями уменьшенного калибра и магазинами и по предстоящему усовершенствованию полевой артиллерии указанное значение пулеметов станет, вероятно, еще меньше»[1036]. Однако, комиссия сочла, что для вооружения крепостей пулеметы «могут принести несомненную пользу», в результате чего было заказано 250 единиц[1037].

Говоря о тактических дискуссиях 1880-х годов, мы хотели бы уйти от выводов на счет того, в чем «прав» и в чем «не прав» был Драгомиров. В конце концов, русско-турецкая война 1877-1878 годов не давала однозначного материала для суждений, особенно, если не учитывать последующий опыт русско-японской и Первой мировой войны. Определенно можно сказать, что генерал вполне осознавал все то, что обыкновенно понимается под тактическими уроками русско-турецкой войны 1877-1878 годов, и прежде всего, возросшие силу огня и трудность атаки хорошо укрепленного противника. Исходя из этого и из того понимания значения техники, которое мы постарались раскрыть, мы считаем, что было бы большим упрощением и даже прегрешением против истины считать Драгомирова «ретроградом», «традиционалистом» или «рутинером военного дела». Ведя дискуссии в довольно неопределенной и стремительно меняющейся ситуации, Михаил Иванович стремился не упустить в погоне за требованиями огня, того, что считал более важным, а именно, правильную, с его точки зрения, подготовку войск к войне, способную обеспечить решение боевых задач в условиях «хаоса боя».

4.4. Выводы

Русско-турецкая война 1877-1878 годов ставила перед русской армией несколько ключевых вопросов. Первый из них, насколько созданная Д.А. Милютиным система военной администрации оптимальна. Второй – какое

[1036] Цит. по: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке… С. 321.
[1037] Там же. С. 321-322.

место займут в общей структуре армии представители новой военной элиты, а именно, офицеры Генерального Штаба. Третий – как адекватно приспособить существующие тактические нормы к требованиям современного боя. К середине 1880-х годов к этим вопросам добавился и вопрос о новых технологиях и их влиянии на военное дело. Вполне ожидаемо, русская армия и политическое руководство страны не готовы были давать на эти вопросы радикальные ответы, и, в сущности, часть вопросов (особенно на организационном уровне) была отложена, а часть (преимущественно тактические вопросы) получила ответы в виде умеренной корректировки существующего положения вещей.

На основе проанализированных источников можно однозначно сказать, что Драгомиров хорошо осознавал данные проблемы.

В выступлениях на заседаниях комиссии Коцебу и в записках, относящихся ко времени ее работы, Драгомиров пытался найти способы скорректировать крен в ущерб строевому элементу и в пользу военной бюрократии, который был свойственен сложившейся к тому моменту системе военной администрации. Любопытно, что прочие его решения и рекомендации назревших в 1880-е годы и назревающих вопросов тоже носили, если можно так выразиться, «антибюрократический» характер, хотя, с другой стороны, не предполагали коренных изменений.

На посту начальника Николаевской Академии Генерального Штаба Михаил Иванович старался продолжить курс своих предшественников. Что касается проблемы встраивания офицеров Генерального Штаба в существующую структуру армии, то он не верил в действенность каких-либо инструкций или специальных курсов. В его представлении, Академия (а вернее, в значительной степени, он сам) будет проводить фильтрацию тех, кто желает пополнить ряды корпорации генштабистов и прививать им необходимое чувство такта и другие качества, позволяющие избежать трений с начальством и сослуживцами.

После 1878 года Драгомирова вполне устраивала ситуация с существующими уставными формами, примерно так же, как его устраивала

сложившаяся к тому времени система преподавания в Академии. Соответственно, и ответы на новые тактические вызовы ему виделись не в составлении новых инструкций, а в совершенствовании существующей системы обучения и воспитания войск. Во многом, он просто выступал за развитие действующей тактической структуры, отдавая приоритет человеку и моральным силам в соответствии с господствующими со времен Наполеона представлениями о первостепенной важности этих факторов.

В этой связи важно подчеркнуть, что Драгомиров, несмотря на многие отмеченные в этой главе противоречия с другими военными писателями, был скорее ярким и неординарным выразителем общепринятых в военной среде идей, нежели их источником. Критика бюрократизации армии, проповедь значения моральных сил, скепсис по отношению к техническим новшествам – все это вытекало скорее от военной традиции XIX века, от общественных настроений того времени и от того опыта, который был доступен военным в 1880-е годы. Те люди, которые солидаризировались с ним по тем или иным вопросам, делали это не под влиянием генерала и его статей, а в соответствии со своим собственным видением стоявших проблем, которое формировалось в значительной степени под воздействием этих ключевых для военной, а равно и любой другой, мысли.

Поэтому важно понимать влияние Драгомирова, но не преувеличивать его. Безусловно, после русско-турецкой войны 1877-1878 годов он являлся знаковой фигурой для русской армии, однако он далеко не определял ни ее организационной структуры, ни ее тактической доктрины, что ясно показывает история с комиссией Коцебу и с принятием «Инструкции для действия рот и батальонов в бою». Мы оставили за скобками очевидное решающее значение императора и военного министра, а также финансовые соображения, которые сдерживали многие начинания в армии. Впрочем, в 1889 году, с назначением на пост командующего Киевским военным округом, Михаил Иванович шагнул на новую карьерную ступень, которая предполагала уже не только чисто военную, но и определенную политическую ответственность.

Глава 5. М.И. Драгомиров и военно-политическое развитие России в 1889-1905 гг.

15 июля 1888 года в Киеве умер генерал-губернатор и командующий Киевским военным округом генерал-адъютант А.Р. Дрентельн. Первое время его пост занимал генерал от инфантерии Ф.Ф. Радецкий. Старый соратник Драгомирова по 1877 году был уже в преклонных летах, и после его падения с лошади в августе 1889 года он получил отставку. 12 августа состоялось назначение графа А.П. Игнатьева Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором, а на следующий день пост командующего Киевским военным округом получил Драгомиров. Тем самым, должности генерал-губернатора и командующего округом, совмещаемые прежде Дрентельном, были разделены[1038].

Киев, Варшава и Вильна были центрами трех приграничных краев и соответствующих военных округов. Лица, назначаемые начальствовать в эти три края, понимались как представители императора, а значит, должны были обладать не только административным опытом, но и высоким положением при дворе. Однако после 1878 года, когда Германия и Австро-Венгрия стали пониматься как вероятные противники России в будущей европейской войне, а на основе трех приграничных военных округов предполагалось сформировать три армии для действия против центральных держав, приходилось учитывать также и боевую репутацию кандидата. «Требуется сочетание административных и военных качеств с высоким положением в социальной иерархии», – отмечал французский военный атташе Л.-Э. Мулен[1039]. И.Ф. Гурко, назначенный в Варшаву в 1883 году, обладал всеми необходимыми качествами, но таких генералов не могло быть много. Генералы А.П. Никитин и Н.С. Ганецкий, последовательно занимавшие пост командующего Виленским военным округом в 1880-е годы, в глазах Александра III, видимо, не отвечали всем требованиям, поэтому Виленским генерал-губернатором в это время был И.С. Каханов. Такое же положение

[1038] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7106. ЛЛ. 854-861; *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров, командующий войсками // РС. - 1912. - №1. - С. 120-121.

[1039] SHAT, 7N, 1476. Sur la nomination d´un nouveau Gouverneur Général en Pologne (1 mars 1901).

вещей установилось с 1889 года и в Киеве. Причиной этому было отсутствие административного опыта у Драгомирова.

Отделение в Киеве административной власти от военной, как отмечал министр финансов С.Ю. Витте, часто приводили к трениям, пока в 1898 году не «одолел Драгомиров, или, вернее говоря, одолел генерал Ванновский, военный министр, министра внутренних дел того времени Горемыкина, а потому граф Игнатьев был сделан членом Государственного Совета, а Драгомиров был сделан и командующим войсками, и генерал губернатором»[1040].

Драгомиров стал первым командующим приграничным военным округом, который был тесно связан с корпорацией Генерального Штаба, что говорит о росте ее влияния[1041]. С новым постом были связаны не только подготовка округа и его войск к войне, но и участие в решении важнейших военно-политических вопросов, вставших перед Россией на излете XIX века.

5.1. Боевая подготовка Киевского военного округа

В 1888 году был упразднен Харьковский военный округ, а его территория была разделена между Московским и Киевским. Таким образом, Драгомирову подчинялись войска, размещенные не только в Киевской, Подольской и Волынской, но и в Курской, Харьковской, Полтавской и Черниговской губерниях. Эти войска были объединены в IX, X, XI и XII армейские корпуса, к которым в 1898 году добавился вновь образованный XXI корпус.

Генерал Дрентельн командовал войсками Киевского военного округа в 1881-1888 годах и, хотя не имел такой же боевой репутации, как у Драгомирова или Гурко, считался строгим начальником, вполне отвечавшим задачам командующего округом в мирное время[1042]. Тем не менее, первые

[1040] *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 492-493.

[1041] До Драгомирова среди командующих трех округов только генералы Н.Ф. Козлянинов (1869-1872), А.П. Никитин (1884-1886) и Ф.Ф. Радецкий (1888-1889) окончили Николаевскую Академию Генерального Штаба. Впрочем, это произошло задолго до того, как Академия приобрела свои новое положение после преобразований 1850-1860-х годов.

[1042] *[Ярон С.Г.]* Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожила. Киев, 1910. С. 106-116; *Витмер А.Н.* Мой первый начальник Александр Романович Дрентельн // ИВ. - 1914. - №3. - С. 886-912; *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 125-126.

меры Драгомирова на новом посту касались преимущественно отладки механизма работы округа.

Важным вопросом был подбор сотрудников. Как и в случае с подбором персонала в Николаевскую Академию Генерального Штаба, Драгомирову приходилось отчасти довольствоваться тем, что ему досталось в наследство от предшественников, отчасти подбирать себе сотрудников по своей воле, отчасти работать с теми, кто назначался к нему в округ по воле Петербурга. Начальники штаба при Драгомирове менялись достаточно часто: 1888-1892 гг. – генерал-майор Я.Д. Малама, 1892-1894 гг. – генерал-майор А.С. Беневский, 1894-1896 гг. – генерал-лейтенант П.В. Кононович-Горбацкий, 1896-1899 гг. – генерал-майор Е.С. Шимановский, 1899-1902 гг. – генерал-лейтенант В.А. Сухомлинов. Из них первый, Малама, достался Драгомирову в наследство от Радецкого. Первым желанием нового командующего округом было назначить на этот пост кого-то из Академии. Выбор пал на А.К. Пузыревского, однако тот в последний момент переменил решение и стал начальником штаба у Гурко в Варшавском военном округе. Это значительно охладило отношения между ним и Драгомировым[1043]. Кроме того, на предложение стать его начальником штаба отказал Драгомирову А.Ф. Редигер, так объяснявший свой отказ: «Я хорошо знал Драгомирова по Академии и по рассказам брата, служившего у него в округе, знал до чего он капризен и непостоянен в своих отношениях к людям, а потому меня вовсе не тянуло на службу к нему в округ...»[1044]. Впрочем, с Маламой и затем Беневским, Драгомиров прекрасно сработался[1045]. Когда в 1894 году Беневский ушел помощником к Обручеву, Драгомиров рассчитывал провести на его место Шимановского, однако военный министр Ванновский не дал осуществить это намерение, так как Шимановскому не хватало старшинства[1046]. Он уступил место Кононовичу-Горбацкому и занял пост

[1043] ДРЗ. Ф. 2. М-86. Рерберг Федор Петрович. (Кн. 1). ЛЛ. 159-160; *Рерберг Ф.П.* Указ. соч. С. 275-276. См. также: ДРЗ. Ф.1. Оп. №А74. Лукомский А.С. ЛЛ. 166-167.

[1044] *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т.1. С. 308.

[1045] SHAT, 7N, 1472. Au sujet des chefs de l´armée russe. (1 juin 1891); SHAT, 7N, 1473. Nouvelles nominations dans le haut personnel de l´armée (31 mars 1894).

[1046] SHAT, 7N, 1473. Nouvelles nominations dans le haut personnel de l´armée (31 mars 1894); *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров, командующий войсками // РС - 1912. - №2. - С. 392-394.

только в 1896 году, став первым начальником штаба округа, которого действительно можно считать креатурой Драгомирова. Генерал дал ему такую аттестацию: «Незаменимый мне помощник. Во всем, что касается мобилизации, он меня подталкивает»[1047]. Слабый здоровьем, Шимановский в 1899 году был сменен Сухомлиновым, еще одним человеком, прочно ассоциировавшимся с Драгомировым.

Шимановский принадлежал плеяде лучших выпускников Николаевский Академии Генерального Штаба[1048] в период, когда ей управлял Драгомиров, и занимался преимущественно мобилизационной готовностью и детализацией плана войны против Австро-Венгрии. Вместе с ним в 1880 году курс окончил генерал-майор А.А. Маврин, который в 1898-1902 годах был дежурным генералом в штабе округа. Н.В. Рузский работал на штабных должностях в Киевском военном округе с 1882 года. В 1896 году он сменил Шимановского в должности окружного генерал-квартирмейстера. Все трое, Шимановский, Маврин и Рузский, играли при Драгомирове огромную роль и составляли костяк штаба. По многим свидетельствам, они являлись ценными и знающими помощниками Драгомирова[1049]. Среди других важных людей, служивших в штабе округа, следует назвать начальника военных сообщений полковника Ф.В. Мартсона и П.А. Фролова, бывшего дежурным генералом до Маврина. Из более молодого поколения, которому предстояло играть большую роль в годы Первой мировой войны и в последующих революционных событиях, хорошо известны зять Драгомирова А.С. Лукомский, его близкий товарищ и сын генерала В.М. Драгомиров, С.А. Ронжин, Ю.Н. Данилов, М.Д. Бонч-Бруевич, А.А. Самойло и другие.

Драгомиров мог сказать тому из офицеров штаба, кто его не устраивал, «нам с вами не служить!»[1050], так что его штаб постепенно превращался в

1047 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 428. Л. 2.

1048 Он окончил академию первым в списке в 1880 г.: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 808.

1049 SHAT, 7N, 1473. Compte rendu d´un voyage en Russie, executé par Monsieur le Commandant Laurent Chirlonchon. (1893); SHAT, 7N, 1476. Observations sur les grandes manoeuvres de Koursk en 1902. (1903); ДРЗ. Ф.1. Оп. №А74. Лукомский А.С. ЛЛ. 150, 205-206; Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 137; *Самойло А.А.* Две жизни. М., 1958. С. 85; *Милоданович Е.А.* Пятнадцать лет на должностях Генерального штаба // (http://lepassemilitaire.ru/pyatnadcat-let-na-dolzhnostyax-generalnogo-shtaba-e-a-milodanovich/ – дата обращения 6.04.2019).

1050 *Милоданович Е.А.* Пятнадцать лет на должностях Генерального штаба…

подобранный вручную механизм. Лукомский перечисляет требования командующего Киевским округом: 1) правильная постановка воспитания и обучения войск, 2) правильная боевая подготовка, приближенная к боевой действительности, 3) точное знание гарнизонной службы, 4) правильное ведение войскового хозяйства, 5) доведение до совершенства мобилизационной готовности, 6) выработка плана войны с Австро-Венгрией, 7) подготовка приграничного района[1051]. Вся административная часть ложилась на плечи помощника командующего округом (в 1895-1901 гг. – генерал А.И. Косыч), штаб округа занимался преимущественно 5-м, 6-м и 7-м пунктами, то есть всем, что касается мобилизации и планирования, а Драгомиров занимался направлением и контролем над подготовкой войск и общим руководством[1052]. Значительную часть времени генерал проводил в поездках по округу, и несколько специальных комфортабельных вагонов, которые предоставляло ему общество Юго-западных железных дорог были, по выражению одного французского офицера, «его домом на колесах»[1053], наравне с особняком командующего округом в Киеве на Александровской улице. Став в 1898 году Киевским генерал-губернатором, Драгомиров во дворце генерал-губернатора почти не жил[1054].

Драгомиров завел правило, что всякое его замечание, приказание или распоряжение заносилось в особую тетрадь, состоявшим при нем офицером Генерального Штаба. Штаб округа сводил все указания и замечания командующего в специальные сборники, которые затем печатались и рассылались офицерам округа, а некоторые приказы и замечания печатались в газете «Разведчик», с которым постоянно сотрудничал Драгомиров. Чтение этих приказов и замечаний понималось как обязательное для офицеров округа[1055]. Таким образом, устанавливалась постоянная связь между генералом и подчиненными ему войсками, помимо постоянных объездов.

1051 ДРЗ. Ф.1. Оп. №А74. Лукомский А.С. ЛЛ. 149-150.

1052 SHAT, 7N, 1473. Rapport du Capitaine Cheminon sur un voyage executé en Russie aux mois d´Août et de Septembre 1897 (11 novembre 1897).

1053 Ibid.

1054 *Кривенко В.С.* Памяти М.И. Драгомирова // Новое время. - 1905. - №10639 (23 октября). - С. 6.

1055 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров, командующий войсками. // РС. - 1912. - №11. - С. 391-392; *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии. б.и. С. 1218.

В ходе первого своего объезда войск осенью 1889 года Драгомирову открылись неприглядные стороны быта его войск. 27 октября 1889 года вышел самый знаменитый его приказ: «В некоторых частях дерутся. Прошу помнить, что в дисциплинарном Уставе ясно указано какие на нижних чинов можно налагать взыскания и кроме коих никто иных налагать не смеет. Рекомендую охотникам до ручной расправы ознакомиться с XXII к[нигой] Св[ода] В[оенных] П[остановлений] 1869 г. ст[атья] 185[1056], из которой они откроют чего могут ожидать в будущем, если позволят себе впредь, рядом с дисциплинарным Уставом ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным, сочинять свой собственный»[1057]. Этот приказ был перепечатан газетами и вызвал большой резонанс наряду с неоднозначной реакцией в Петербурге. Не менее примечателен и следующий приказ командующего. Драгомиров указывал на случай самоубийства солдата-чуваша и требовал «налегая на изучение инородцами русского языка, не считать с их стороны, как бы нарушением служебного обычая, если вне службы они между собою говорят на родном языке, поют свои песни и т.п.»[1058].

Помимо этого, Драгомиров постарался разъяснить в своих первых приказах суть своих ключевых требований. Он указывал, что начальники и их подчиненные должны знать законы, приказы и распоряжения, регулирующие их деятельность, и где можно навести о них справку, что в случае непонимания требований подчиненные не стеснялись переспрашивать. Были составлены программы обучения для молодых солдат и старослужащих и составлены указания офицерам, обучающим солдат. Эти документы полностью отражали педагогические принципы Драгомирова. Указывалось на необходимость строгого соблюдения иерархии при отдаче приказаний и донесений и неменее строгого соблюдения всех нюансов караульной службы.

[1056] Драгомиров ссылается на Устав о воинских наказаниях: «185. За нанесение нижним чинам ударов или побоев, виновные в том офицеры подвергаются: содержанию на гауптвахте от 1 до 6 месяцев или взысканию дисциплинарному, а в случае повторения, – исключению из службы или отставлению от оной» (Воинский устав о наказаниях. Казань, 1879. С. 74).

[1057] Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений командующего войсками Киевского военного округа генерал-адъютанта Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. Киев, 1895. С. 1.

[1058] Там же. С. 1-2.

Драгомиров требовал «твердо помнить, что основные законы караульной службы суть вместе с тем и основные законы военного дела»[1059].

В конце августа 1890 года войскам Киевского военного округа предстояло пройти первые и весьма серьезные испытания: на Волыни намечались большие маневры в присутствии императора Александра III. Волынские маневры были грандиозным событием. В общей сложности к ним привлекалось примерно 130 000 человек, что делало маневры самым масштабным сбором войск в мирное время в Европе за весь XIX век[1060]. В брестских маневрах 1886 года приняло участие примерно в два раза меньше войск, а елизаветградские маневры 1888 года уступали по масштабу брестским[1061]. Командовать «Люблинской» армией назначался Гурко, а «Волынской» армией – Драгомиров. Назначение двух самых ярких, из оставшихся к тому времени в живых, героев русско-турецкой войны 1877-1878 годов обеспечивало маневрам громкую вывеску[1062].

Целью маневров было познакомить войска с приграничным районом, треугольником Дубно-Ровно-Луцк, изучить ценность оборонительных позиций по рекам Иква и Стырь и дать практику корпусным командирам в командовании крупными соединениями[1063]. Кроме того, большую роль в маневрах должны были играть крупные массы кавалерии. Конницей Драгомирова командовал генерал-лейтенант А.П. Струков, а конницей Гурко – в.кн. Николай Николаевич Младший[1064]. Отец последнего в.кн. Николай Николаевич Старший назначался главным посредником. В инструкции посредникам указывалось, что командующие армиями должны направить все внимание на «исполнение движений, наблюдение за работой штабов и оценку донесений, данных их подчиненными»[1065].

Армия Драгомирова защищала укрепления Луцка, Ровно и Дубно против войск Гурко, наступавших двумя колоннами от Владимира-Волынского и

1059 Там же. С. 52.
1060 SHAT, 7N, 1472. Au sujet des grandes manoevres de Wolhynie (1 septembre 1890).
1061 SHAT, 7N, 1472. Envoi d´une intsruction relative aux grandes manoevres de Wolynie (10 juin 1890).
1062 Сравнение Гурко и Драгомирова см.: *Геруа Б.В.* Указ. соч. Т.1. С. 219-222.
1063 SHAT, 7N, 1472. Envoi d´une intsruction…
1064 Мулен ошибочно переставил их местами: SHAT, 7N, 1472. Relatif aux manoevres d´automne (26 mai 1890).
1065 SHAT, 7N, 1472. Au sujet des grandes manoevres de Wolhynie (1 septembre 1890).

Горохова, имея небольшие фланговые отряды слева, у Ковеля, и справа, у Рудни[1066]. Многое зависело от кавалерии Волынской армии, однако Струков уже 25 августа (первый день маневров) полностью провалил свою задачу. Мулен так передавал этот эпизод: «Генерал Драгомиров жаловался на недостаток сведений собранных его разведывательной кавалерией. На этот счет, я не могу не поделиться теми признаниями, которые он сделал по поводу генерала Струкова, командующего этой кавалерией. Этот офицер, один из самых молодых дивизионных начальников русской кавалерии и один из ее учителей с самой лучшей репутацией, выказал в течение последних маневров робость, недостаток инициативы и страх ответственности, которые не оставили никакого сомнения в его неспособности осуществлять командование большими массами кавалерии. Полное разочарование. Это печальный факт, потому что Струков был одним из начальников, на которых более всего рассчитывали как на владеющего этим родом войск. Драгомиров, который его все равно очень любит, не остановился перед тем, чтобы немедленно сказать: «Это спортсмен[1067], а не генерал кавалерии – я не могу дать еще более точной характеристики»[1068]. Ничто не помешало Гурко сконцентрировать свои войска, провести рекогносцировку Луцка и атаковать его 27 августа. На одну дивизию Драгомирова обрушились три дивизии Люблинской армии. «Посредники посчитали, что оборона позиции продолжалась до полудня, вопреки всякой правдоподобности, чтобы позволить Императору взглянуть на маневр, и только после этого защитникам было позволено отступить на правый берег», – отмечал Мулен[1069].

Затем Драгомиров вынужден был перейти в контрнаступление, подчиняясь давлению в.кн. Николая Николаевича Старшего, «или скорее, как он мне сам передал, чтобы сделать подобие уступки этой идее», пояснял Мулен[1070]. «Идеи великого князя Николая, – продолжал передавать этот

[1066] SHAT, 7N, 1472. Voyage à Kief. 2me rapport. – Rapport sur les manoeuvres de l´armée russe en Volhynie (15 novembre 1890).
[1067] Под словом «спортсмен» тогда понимался человек, занимающийся именно конным спортом.
[1068] Ibid.
[1069] Ibid.
[1070] Ibid.

эпизод французский военный атташе, – уже страдавшего от тяжелой болезни, которая лишила его теперь разума, поставили начальников волынской и люблинской армии в весьма неловкое положение во время больших маневров у Ровно. Они еще более смутили Гурко и Драгомирова, которые всегда были очень преданными бывшему главнокомандующему Дунайской армии, и не переставали быть в течение кампании среди его верных товарищей по оружию. Потребовалось столько же дипломатии, сколько и терпения, чтобы не вступать в конфликт с все более властной и упрямой волей, которая была поражена болезнью и чувствовала угрозу близкого помрачения»[1071].

31 августа состоялся общий бой у Ровно, а 2 сентября маневры завершились парадом. Драгомиров был награжден милостивым рескриптом императора Александра III. Однако ни он, ни Гурко не были удовлетворены произошедшем. Командующий Варшавским округом в разговоре с коллегой Мулена полковником Ж.-Ж. Бриуа заявил, «что командующим генералам не было предоставлено достаточно инициативы, а достигнутые результаты были разочаровывающими»[1072]. Драгомиров же был в ярости. Он поблагодарил войска за полученный рескрипт специальным приказом, к которому следовало прибавление только для офицеров с характерным названием «Чего нам недостает».

Этот жесткий и обширный текст был настоящим разносом подчиненных. В двадцать одном пункте Драгомиров перечислил все выявленные им в ходе маневров ошибки и факты нерадения. Не называя фамилий, командующий указал, что три генерала не имеют никакого права на его благодарность: один из них представился императору, минуя цепь командной иерархии, второй воспользовался фургоном, в то время как его войска маршировали, а потом занял позицию не справа, как ему было указано, а слева от укреплений, третий по небрежности допустил, чтобы две дивизии бродили всю ночь в поисках своих биваков. Драгомиров был взбешен пренебрежением к его постоянным требованиям относительно порядка на марше и в обозах и

[1071] Ibid. В.кн. Николай Николаевич Ст. умрет в апреле 1891 г. от тяжелой болезни, которая давала о себе знать в ходе маневров: SHAT, 7N, 1472. Au sujet de la mort du G. Duc Nicolas (12 mai 1891).
[1072] SHAT, 7N, 1472. Au sujet des grandes manoevres…

особенно о регулярности и правильности связи между различными штабами. «Как все это примем в расчет, то должны будем с полною искренностью признать, что от путаницы и бестолковщины нас Бог спас; но нашей в том заслуги было мало»[1073], – горько сетовал генерал. Михаил Иванович не увидел и требуемого им отношения к солдату. «Побольше сердца, господа, в отношениях, особенно к молодому солдату, если хотите, чтобы и его сердце открылось вам навстречу. В бою ведь на одной казенщине далеко не уедете. Кто не бережет солдата, не достоин чести им командовать»[1074]. Несмотря на определенный приказ, некоторые начальники пренебрегли возможностью присутствовать при погрузке и разгрузке своих войск на железной дороге. Артиллерия показала себя неумелой в выборе позиции и часто оставалась на ней, пока пехота наступала вперед. В заключение Драгомиров давал правила, которые он требовал сделать привычкой войск. Эти правила сводились к необходимости подчинять первоначальные распоряжения разведке расположения и намерений противника, сохранять сильный резерв, расходовать его бережно, но в решительный момент пускать в ход без сомнений, не опасаясь перемешиваний и больших потерь. «Говоря об этом, не могу опять не напомнить начальникам частей о необходимости относиться к делу не с формальной стороны, *а от души* [выделено в оригинале, – С.Ю.]», – наставлял Драгомиров[1075]. Приказ завершался довольно характерно: «Если что из этого попадает в периодическую печать, будет бесчестно со стороны того, кто это сделает. Хлопочу только об одном – чтобы было яснее; всякие нескромности не мне повредят, а делу, ибо заставят меня писать по-казенному»[1076].

Первый год Драгомирова в должности командующего Киевским военным округом завершился неоднозначно и высветил многие проблемы и вопросы, касающиеся как русской армии, так и роли Драгомирова в ней.

[1073] Сборник руководящих приказов… Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. С. 69.
[1074] Там же. С. 71.
[1075] Там же. С. 73.
[1076] Там же. С. 79.

В приказе «В некоторых частях дерутся» Драгомирову вновь пришлось указывать на необходимость придерживаться гуманного отношения к солдату и соблюдения строгой законности, о чем он говорил еще 30 лет назад. Несмотря на то, что в 1860-1870-е годы, в том числе и под его давлением, эти требования постепенно вошли в уставы русской армии, они туго усваивались. Командующий округом узнал о фактах растления солдат офицерами[1077], обвешивания при раздаче хлеба и других вопиющих нарушениях[1078]. Волынские маневры также выявили непонимание, игнорирование и недостаточно тщательное соблюдение тех принципов, на которые Драгомиров указывал в предшествующий маневрам период. Многие исследователи указывают на то, что недостаточно разработать отвечающую боевым реалиям доктрину и провести ее в уставы и наставления. Необходимо также иметь дисциплинированный корпус офицеров, способный усвоить эти требования, а со стороны военного руководства необходимы воля и решительность, чтобы навязать свои идеи и осуществлять неусыпный контроль за их соблюдением[1079]. В русской армии существовали проблемы с переносом теоретических принципов в практическую плоскость, и Драгомиров вновь сталкивался с этими проблемами. Идея о существующей дистанции между распоряжениями власти, чаще остающимися благими пожеланиями на бумаге, и их укоренением в сознании людей, как мы уже видели в предыдущей главе и еще увидим в этой, составляла одно из фундаментальных убеждений Михаила Ивановича. В письме князю И.Ф. Шаховскому Драгомиров писал: «А что до мордобития, то ведь это народная привычка; если удастся вытравить в 10 лет, то и это будет великая победа»[1080].

Нельзя сказать, что Драгомиров проявлял много деликатности и терпения в насаждении своих принципов и представлений. Это был жесткий и порой грубый начальник. Даже Мулен, восхищавшийся Драгомировым, поражался бескомпромиссностью Михаила Ивановича в отношении с

[1077] ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 243. Л. 29.

[1078] Сборник руководящих приказов… Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. С. 43.

[1079] *Echevarria, A.J.* Op. cit. p. 4; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 130.

[1080] ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 243. Л. 33.

подчиненными, когда передавал своему начальству свой перевод приказа «Чего нам недостает»: «[Приказ] интересен еще и как образец грубости и брутальной жесткости, с которой генерал Драгомиров обращается со своими подчиненными высокого ранга. Во время моей поездки в Киев я сам был свидетелем беспощадной и неустанной строгости его требований по службе. Все это в глубине соединено с самой большой добротой сердца, крайней заботой о бедном русском солдате, жертве пренебрежительного отношения своих офицеров, и в то же время самой высокой оценкой, самой искренней и самой открытой привязанностью к офицерам, которые посвящают всех себя своему делу»[1081]. Впрочем, французский военный атташе, в отличие от других критиков необузданного нрава командующего Киевским военным округом, считал, что такая политика оправдана и должна привести к положительным изменениям: «Что до такого образа действий и до откровенности своего характера, то генерал Драгомиров наталкивается на вражду и подвергается мелочной и низкой мести неспособных и ленивых, чью глупость и нераспорядительность он высмеивает, что не удивительно в стране, где придворные привычки распластываться перед самодержавной властью вошли в административные нравы. Но понемногу паразитические элементы киевской армии будут изгнаны, отставшие пойдут искать своих синекур в другое место, их сменят офицеры, которые будут знать наперед, что их начальник потребует от них, и которые будут одухотворены священным огнем; и тогда эта армия станет тем, что Драгомиров хочет сделать: могущественным и монолитным инструментом с такими превосходными качествами, которые позволят ей, как армии Александра, Цезаря, Фридриха II и Наполеона, атаковать с шансами на успех даже армию намного превосходящую по числу»[1082].

Среди тех, кто не оценил начальнического стиля Драгомирова, был военный министр Ванновский. Приказ «В некоторых частях дерутся» сильно испортил их отношения, хотя это и было вызвано более резкостью

[1081] SHAT, 7N, 1472. Voyage à Kief. 3me rapport. – Ordre du Général Dragomiroff sur les manoeuvres (1 octobre 1890).
[1082] Ibid.

выражений и публичностью, нежели его сутью. Так или иначе, отношения командующего Киевским военным округом и военного министра оставались сдержанными и натянутыми еще в 1893 году, хотя и имели тенденцию к нормализации[1083]. П.Л. Юдин связывал трения между Ванновским и Драгомировым стремлением последнего к независимому положению[1084]. Грубость генерала использовали его враги. Начальник Киевского губернского жандармского управления В.Д. Новицкий характеризовал Драгомирова как «человека невозможно дурного характера, хама по душе, грубой, невоспитанной натуры […]; он был безусловно алкоголик, и алкоголизм делал его невозможным и отменно дерзким человеком; не было ни одного учреждения в Киеве, в котором он не оскорбил бы кого-либо и совершенно напрасно словесно или особенно хамскими приемами, в высшей степени дерзкими»[1085]. «Войска его ненавидели, в особенности, начальники отдельных частей и генералы, которых он оскорблял постоянно, унижал в глазах подчиненных, через что и дисциплина в войсках Киевского округа заметно для каждого была павшей», – завершал свою характеристику Новицкий[1086]. Эти слова безусловно несут печать личной вражды[1087] и во многом преувеличены, однако их высказал один из тех, кто был вынужден близко соприкасаться с генералом по службе в его поздние годы.

Говоря о резкости Драгомирова с подчиненными, следует иметь в виду и оборотную сторону проблемы. В период 1878-1904 годов, то есть более 25 лет, русская армия не имела опыта крупных боевых действий. Длительный мир имел два очевидных последствия. Во-первых, война была единственным относительно эффективным инструментом отбора начальников, позволявшим выдвинуть таланты и избавиться от тех, кто не соответствовал должности. Без этого инструмента подбор высших генералов неизбежно страдал. Во-вторых, война, в том числе локальные боевые действия на Кавказе и в

1083 SHAT. 7N, 1473. Renseignements sur le Commandement des Armées du Campagne (18 mars 1893).

1084 *Юдин П.Л.* К характеристике Драгомирова и Радецкого // Голос Минувшего. - 1915. - №10. - С. 158.

1085 *Новицкий В.Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 149. Контраргументы относительно пристрастия Драгомирова к спиртному см.: ДРЗ. Ф.1. Оп. №А74. Лукомский А.С. ЛЛ. 190-191.

1086 *Новицкий В.Д.* Указ. соч. С. 149.

1087 Об отношениях Новицкого и Драгомирова см.: ДРЗ. Ф.1. Оп. №А74. Лукомский А.С. Л. 185.

Туркестане, давали боевой опыт. В 1890 году Ф. Грязнов писал: «Действительно, в наше время миллионных армий, существующих в период мирного времени в относительно небольшом кадровом составе, при условии продолжительных периодов мира, при сокращенных сроках службы и, наконец, при значительно развившихся условиях техники военного дела, – положение высших начальников стало до нельзя трудным, чуть ли не обратным тому, что было в периоды почти беспрерывных походов и войн, сравнительно небольших армий, при продолжительных сроках службы и, вообще, при условиях более простой и, что главное, несравненно менее подвижной обстановки»[1088]. Генералы 1890-1900-х годов были обречены на мирно-военную службу, на которой притуплялись их боевые качества. В этих условиях, например, хозяйственные таланты нередко ценились в вопросах производства в следующий чин не ниже военных, чинопроизводство тормозилось старыми генералами, на что постоянно жаловались в военной прессе[1089]. А.И. Деникин отмечал, что в русской армии было принято благодушно относиться к ошибкам и невежеству, и ему приходилось слышать резкое осуждение генералов только от Гурко и в.кн. Николая Николаевича Мл. «[…] так же, говорили, относился к делу Драгомиров»[1090], – добавлял он.

«Во все царствование императора Александра III военным министром был Ванновский, – отмечал А.С. Редигер, – и во все это время в военном ведомстве царил страшный застой. Чья это была вина, самого ли государя или Ванновского, я не знаю, но последствия этого застоя были ужасны. Людей неспособных и дряхлых не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а двигались по линии, утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда они добирались до высших должностей, они уже мало отличались от окружающей массы посредственностей. Этой нелепой системой объясняется и ужасный состав начальствующих лиц, как к концу царствования Александра III, так и

[1088] *Грязнов Ф.* По поводу постановки и ведения больших двухсторонних маневров // ВС. - 1890. - №7. - С. 34.

[1089] См. напр.: *К.У.* Хозяйство в ущерб строю // Разведчик. - 1898. - №390. - С. 306-307; *Алексеев А.М.* Четыре «назревших» вопроса // Разведчик. - 1898. - №391. - С. 323.

[1090] *Деникин А.И.* Старая армия… С. 108.

впоследствии, во время Японской войны!»[1091]. Драгомиров не одобрял сложившегося при Ванновском положения с производством в чины. В отчете военному министру 1890 года он писал: «Заключая вопрос о личным составе, долгом считаю доложить, что по моему искреннему убеждению выбор старших начальствующих лиц, начиная с командиров полков и выше, следовало бы делать не только по старшинству, а и по пригодности. Относительно же выбора генералов на должности командиров корпусов, полагаю, что он должен бы обусловливаться преимущественно способностями. Дело настолько важно, что личное самолюбие обойденных не должно бы влиять на него»[1092]. В следующем году Драгомиров указал, что, по его мнению, 18 генералов округа «надо признать не отвечающими требованиям походной и боевой службы, а следовательно не годными и в мирное время» и вновь указал на неудобства производства исключительно по старшинству[1093]. Последнее требование повторилось в отчетах за 1892 и 1893 годы[1094].

В 1890 году корпусными командирами в Киевском военном округе были генералы князь И.Ф. Шаховской, Я.И. Овандер, В.Д. Дандевиль и Н.Я. Зверев[1095]. Из них только Дандевиль принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, командуя бригадой. Из последующих 12 командующих корпусом[1096] в округе при Драгомирове, все принимали участие в войне с турками (В.Ф. Винберг прибыл на Балканы только в январе 1878 года, получив дивизию). Из них семь человек занимали на войне те или иные штабные должности, один (Д.П. Дохтуров) командовал бригадой, остальные – полками и батальонами. У ближайших подчиненных командующего

[1091] *Редигер А.С.* Указ. соч. Т.1. С. 158-159. Аналогичные замечания делал Мулен: SHAT, 7N, 1472. Rapport sur les manoeuvres de Krasnoé Sélo (19 août 1891).

[1092] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 501. ЛЛ. 10-11.

[1093] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 504. ЛЛ. 3-4.

[1094] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 505. ЛЛ. 4-5; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 506. Л. 3.

[1095] Мулен пишет: «Среди начальников армейских корпусов Драгомирова, Овандер и Винберг [сменивший Дандевиля после Волынских маневров, – С.Ю.] пожилые и уставшие духом и телом. Зверев потерял голову на маневрах и показал недостаток глазомера. Шаховской, наоборот, доказал проницательность, глазомер и способности, кроме того, он в самом добром здравии физически и как кавалерист»: SHAT. 7N, 1472. Au sujet des chefs de l´armée russe (1 juin 1891).

[1096] Генералы: В.Ф. Винберг, А.А. Барсов, М.И. Батьянов, П.Г. Дукмасов, Д.П. Дохтуров, Н.Д. Новицкий, Ю.В. Любовицкий, А.К. Водар, Л.А. Юнаков, В.Н. Филиппов, И.А. Карасс, К.К. Случевский, Ф.А. фон Таль.

округом просто не было достаточного опыта командования крупными частями в боевых условиях, а мирная служба не могла заменить им практику. Как писал Драгомиров в своем отчете военному министру 1890 года, «из четырех корпусов, входящих в состав войск Киевского военного округа, только один 10-й собирается в полном составе в лагере при Чугуеве, а остальные собираются только по дивизиям»[1097]. При этом, нужно учитывать, что средний возраст командующего корпусом в Киевском округе при вступлении в должность составлял 61 год. Пожилые генералы могли совершенствоваться в командовании войсками только при условии сохранения должной энергии и наличия определенных личных талантов. Сама система, установившаяся в русской армии в конце XIX века, мало стимулировала их.

Чтобы исправить эту систему, Драгомиров предлагал большее значение придавать аттестациям высших начальников. В своих статьях он несколько раз обращался к этому вопросу[1098], отмечая, что «великий грех берут на свою душу те начальники, которые преследуют подчиненных самостоятельных, упорных, твердых, с сознанием личного, хотя бы даже и щепетильного достоинства […] ибо в трудные минуты опереться можно только на то, что сопротивляется»[1099]. Сохранившиеся аттестации Драгомирова показывают, что он старался быть объективным. Например, своего близкого друга генерал-лейтенанта А.И. Домонтовича Драгомиров аттестовал так: «Был конь, да изъездился» (1901–1-я пол. 1902 гг.), «Болезнен и слеп» (1902–1-я пол. 1903 гг.)[1100]. Лукомский писал, что два человека в Киевском округе особенно упорствовали в неисполнении требований Драгомирова: это – М.И Батьянов и Д.П. Дохтуров[1101]. Первого из них, «одного из лучших генералов русской армии»[1102], по отзыву Мулена, Драгомиров старался характеризовать

[1097] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 503. ЛЛ. 13-14.
[1098] Аттестация // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.1. С. 183; Аттестации // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.1. С. 308-309; Заметка по поводу статьи «Характерные аттестации» // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.1. С. 325-328; Третья дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.2. С. 89-90.
[1099] Третья дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет... Кн.2. С. 90.
[1100] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 428. Л. 4.
[1101] ДРЗ. Ф.1. Оп. №А74. Лукомский А.С. ЛЛ. 160-161.
[1102] SHAT, 7N, 1472. Au sujet d´un article de l´Invalide Russe sur la poudre sans fumée (13 juin 1892).

объективно: «Весьма способный военный и боевой человек. Скор и даже опрометчив в заключениях. Ловок» (1893), «Весьма способный и боевой человек. К сожалению любит выскакивать. Скор и опрометчив в решениях. Пронырлив. Треть года в отпусках. Двуличен. В нравственном отношении – надежен в меру своих способностей. В деле нужно держать на глазах» (1894)[1103]. Дохтуров тоже сначала получил блестящую аттестацию: «Отличный командир отдельной большой части. Поведет ее сознательно и целесообразно в мирное и насквозь в военное время. Счастлив, что он вернулся в округ»[1104] (1894). Однако довольно быстро Драгомиров решил расстаться со строптивыми командирами. «Ушел из округа, о чем не сожалею, так как за последнее время обнаруживал нежелательные странности» (1899–1-я пол. 1900 гг.), – гласила аттестация Дохтурова[1105]. Батьянова удалось «выжить» из округа, воспользовавшись мелкой оплошностью, которую можно было трактовать как растрату средств[1106]. После того, как Николай II взошел на престол и почувствовал себя увереннее в своем новом положении, он попытался ограничить своего бывшего учителя. В 1902 году последовало распоряжение, требовавшее придерживаться в аттестациях установленных законом выражений. Драгомиров протестовал в своем отчете[1107] и в прессе[1108], но тщетно.

На рубеже 1880-1890-х годов войска Киевского военного округа и их начальники не устраивали Драгомирова. Свои первые отчеты военному министру Михаил Иванович начинал очень сдержанными выражениями по поводу боевой подготовки своих войск[1109]. Только в отчете за 1894 год говорится, что «некоторые роды войск при этом сделали заметный успех»[1110]. Приказы по Киевскому округу рисуют аналогичную картину. В 1891 году

[1103] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 428. Л. 2.
[1104] Там же.
[1105] Там же. Л. 3.
[1106] ДРЗ. Ф.1. Оп. №А74. Лукомский А.С. ЛЛ. 160-161. Суть разногласий Батьянова и Драгомирова касалась вопроса о залегании цепи: SHAT, 7N, 1484. Notes prises par le Capitaine Lemut, Capitaine-Instructuer au 31e Régiment de Dragons, au cours d´un voayge en Russie en aout-octobre 1894, et pendant les manoeuvres des troupes de l´arrondissement militaire de Kiev. (22 février 1895); *Ботьянов М.И.* Статьи, помещенные в печати за 1906-1908 гг. СПб., 1908. С. 46-50.
[1107] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 520. ЛЛ. 3–3об.
[1108] Третья дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.2. С. 89-90.
[1109] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 504. ЛЛ. 2-3.
[1110] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 507. Л. 1.

Драгомиров с горечью констатировал: «Подвижные сборы сего года показали, что в общем, по сравнению с прошлым годом, мы сделали шаг вперед, хотя и не широкий. Погрешности оказались по преимуществу прежние»[1111]. Однако постепенно тон приказов смягчался, и мы уже не встречаем той беспощадной и грубой критики, которую отмечали в первых приказах командующего Киевским округом. Хотя Драгомиров не уставал указывать на недостатки, ошибки и отсутствие рвения по службе, в его приказах начинала звучать и похвала. На подвижных сборах 1893 года Михаил Иванович отмечал, что «оба отряда, тем не менее, действовали хорошо»[1112]. «В заключение скажу, что в общем занятия X корпуса [генерала В.Ф. Винберга] производят прекрасное впечатление: видно, что большинство не повинность только отбывает, а работает от души»[1113], – отмечал генерал. Можно сказать, что к 1894 году ему удалось сильно подтянуть свои войска.

Драгомиров рассчитывал использовать подвижные сборы в качестве основного средства подготовки войск и начальников[1114]. Под подвижными сборами понималась серия упражнений в поле с постепенным увеличением состава маневрирующих сторон, в конце которых происходило нечто вроде малого двухстороннего маневра. Например, в 1891 году подвижные сборы в Межибужье (Меджибоже) состояли из учений кавалерийских дивизий, затем конному корпусу из двух дивизий, затем конного корпуса против пехотного полка[1115]. В Чугуевском лагере в том же году сборы прошли в следующем порядке: учение полка, учение дивизии с бригадой кавалерии и артиллерией, затем маневры дивизии против дивизии с соответствующими отрядами кавалерии и артиллерии[1116]. Такие упражнения были гораздо дешевле больших маневров, а потому проводились каждое лето и в каждом корпусе.

[1111] Сборник руководящих приказов… Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. С. 199-200.

[1112] Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений командующего войсками Киевского военного Округа генерал-адъютанта Драгомирова за 1893 год. Киев, 1896. С. 159.

[1113] Там же. С. 173.

[1114] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 503. ЛЛ. 14-15.

[1115] Сборник руководящих приказов… Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. С. 151-164.

[1116] Там же. С. 170-184.

Кроме того, ввиду небольшого масштаба, они позволяли лучше контролировать процесс обучения.

К ключевым требованиям в Киевском округе относилось, прежде всего, постоянное поддержание связи между различными частями войск, а также между войсками и штабом. Главной задачей конницы была качественная разведка: «Конный должен быть веден так, чтобы как попал в разъезд, его тянуло как лягавую или гончую в поле, все осмотреть и обшарить вокруг себя»[1117]. От пехоты Драгомиров требовал активных действий: атаки противника в тонком одношереножном строю, с «подпиранием» (периодическим вводом резервов в цепь), сбором войск в «кучки» вокруг отделенных и взводных командиров для завершающего штыкового удара, сохранения сильного резерва для решающей минуты и своевременного, решительного ввода его в дело[1118]. Впрочем, в его рекомендациях не было чрезмерного акцента на штыковые атаки. Драгомиров требовал «*при атаке* [выделено в оригинале, – С.Ю.] 1) внимательно осмотреть расположение укрепления и местность, 2) усиленно обработать укрепление артиллерийским огнем с фронта, а еще лучше продольными выстрелами и, не обработавши, не начинать атаку, 3) атаку фронтальную непременно соединять, где возможно, с охватом»[1119].

Артиллерия Киевского округа не отвечала требованиям Драгомирова. Артиллерийские стрельбы в 1891 году показали, что рекогносцировка и выбор позиции, скорость пристрелки, управление огнем и поражение болванок – все это оставляло желать лучшего[1120]. Через год ситуация мало изменилась, поэтому этот род войск получил повышенное внимание командующего округом[1121]. Большой акцент на подготовку артиллерии в Киевском округе был связан с дебатами о ее роли в будущей войне. В 1892 году вышла книга французского артиллериста полковника И. Ланглуа

[1117] Сборник руководящих приказов… Драгомирова за 1893 год. С. 153-154.
[1118] Там же. С. 156.
[1119] Сборник руководящих приказов… Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. С. 63.
[1120] Там же. С. 126.
[1121] SHAT, 7N, 1473, Envoi d´ordres du Commandant en chef de la Circonscription militaire de Kief (30 avril 1894); *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии… С. 1223-1224.

«Полевая артиллерия в связи с другими родами оружия». В первой части книги профессор французской Высшей военной школы предвещал появление скоростной безоткатной артиллерии[1122], а во второй рассуждал о тактике применения этого рода войск. Суть новых требований сводилась к тому, чтобы артиллерия была максимально подвижной, готовой завязать артиллерийскую дуэль на ранних этапах боя, будучи сгруппированной в массивные артиллерийские линии из нескольких батарей. Подвижность должна сочетаться с высокой скоростью огня, потому что даже за полчаса обстрела можно достичь решительных результатов, особенно имея преимущество в числе стволов. «Из приведенных соображений следует, что, в будущем, огонь артиллерии должен быть веден *ураганами* [выделено в оригинале, – С.Ю.], подобно кавалерийской атаке, но атаке, которая не останавливается и которая способна все стереть на своем пути, – рассуждал Ланглуа, – при ином способе действия, артиллерия позволит задавить свою пехоту, или же сама будет уничтожена более искусной артиллерией противника и не будет в состоянии пользоваться его ошибками»[1123]. «Генерал Ланглуа, – писал несколько позже Драгомиров, – отец современной скорострельной артиллерии, установивший теоретические ее основания еще в 1892 году. […] Хотя и артиллерист по первоначальной специальности, но он постоянно помнит, что в нашем деле важнейший фактор не машина, а человек; и что если его в бою бьют, то вовсе не благодаря оружию, а по вине его самого»[1124]. Во многих отношениях подготовка артиллерии Киевского военного округа, шла по пути, намеченном этим французом. Весь вопрос был в том, как сочетать задачи подавления неприятельской артиллерии и поддержки своей пехоты, а также потребности централизации для массирования огня и децентрализации для того, чтобы не представлять удобную цель для неприятеля и использовать перекрестный огонь[1125]. Как и в

[1122] *Ланглуа [И].* Полевая артиллерия в связи с другими родами оружия. Вып. 1. СПб., 1894. С. 235.
[1123] *Ланглуа [И].* Полевая артиллерия… Вып. 2. СПб., 1895. С. 124-125.
[1124] Тактические последствия прогресса вооружения // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.1. С. 396.
[1125] *Echevarria, A.J.* Op. cit. pp. 28, 47-63.

тактике пехоты, в тактике артиллерии присутствовала та же проблема – согласование требований огня и контроля.

Драгомиров требовал от артиллерии двух вещей: батареи должны достичь быстроты и однообразия наводки и, в целом, увеличить скорость стрельбы, а начальники артиллерии должны уметь группировать свои силы, управлять огнем большой группы артиллерии, своевременно поддерживать пехоту мощным, концентрированным огнем[1126]. «Артиллерия сильна только огнем, – писал в приказе Михаил Иванович, – а потому понятно, что тот из противников, который скорее окончит пристрелку и затем бросит большее число снарядов в данное время, всегда будет иметь преимущество над другим. Выработать уменье вести скорую стрельбу необходимо»[1127].

Скорость стрельбы батарей в 1891 году составляла два выстрела в минуту (мортиры) и три выстрела (пушки). Была поставлена задача добиться, соответственно, пяти и десяти выстрелов в минуту[1128]. Как писал К.М. Оберучев, служивший в артиллерийской батарее, Драгомиров «будил, будил и будил тех, кто равнодушно относится к делу»[1129]. Командир батареи, где служил Оберучев, рьяно обучал свою часть, начиная с ранней весны, тогда как «в прежнее время наш командир вряд ли вышел бы из дома в канцелярию, а не то, чтобы ехать на конные учения»[1130]. В ноябре 1894 года Драгомиров лично проверил занятия в батареях, направленные на повышение скорости наводки и заряжания, а также на подготовку к групповой стрельбе[1131]. В штабе округа стали составлять специальные чертежи и графики, отслеживающие прогресс в единообразии наводки и скорости стрельбы[1132]. С 1895 года впервые в Киевском округе прошли состязательные стрельбы[1133]. Большую помощь в деле подготовки артиллерии оказывал

1126 Сборник руководящих приказов… Драгомирова за 1893 год. С. 147-152.
1127 Сборник руководящих приказов… Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. С. 128.
1128 Там же. С. 128.
1129 *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии… С. 1237.
1130 *Оберучев К.* М.И. Драгомиров об артиллерии // Артиллерийский журнал. - 1909. - №5. - С. 459.
1131 Сборник руководящих приказов… Драгомирова за 1893 год. С. 191-208.
1132 Там же. С. 211.
1133 *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии… С. 1248-1249.

командующему Киевским военным округом генерал А.А. Барсов, командовавший в 1877-1878 годах артиллерией Эриванского отряда[1134].

Уже в 1894 году были видны некоторые успехи[1135], к 1898 году все 75 батарей округа стреляли достаточно быстро, пять бригад достигли скорости более трех выстрелов на орудие (24 выстрела на батарею) в минуту, а 15 батарей — четыре выстрела на орудие (32 выстрела на батарею). Средняя скорость стрельбы шрапнелью постепенно увеличивалась: 34 секунды (1896), 25 секунд (1897), 18 секунд (1898), 15 секунд (1899)[1136]. Этой скорости было достаточно для того, чтобы уничтожить батарею до того, как она снимется с передков и сделает первый выстрел. По крайней мере в теории, такая артиллерия могла выиграть артиллерийскую дуэль «всухую». К 1903 году Драгомиров считал, что его батареи достигли предела разумной скорострельности[1137], однако что касается тактики артиллерии, результаты были не столь блестящи. Драгомиров считал дистанцию в 1700-2100 метров самой выгодной для орудий, так как их огонь на этой дистанции уже очень силен, а огонь пехоты противника еще слишком слаб. Однако артиллерия округа неизменно либо тратила время и снаряды на бóльшей дистанции, либо «проскакивала» ее, увлекаясь поддержкой пехоты[1138].

Все эти меры проводились помимо высшего артиллерийского начальства. Артиллерийское ведомство в 1893 году выпустило приказ, констатирующий, что «некоторые войсковые начальники» предъявляют неразумно завышенные требования относительно скорости стрельбы батарей. Приказ устанавливал, что скорость огня батареи в три выстрела в минуту «должна считаться достаточною»[1139]. Ситуация изменилась только в конце 1896 года, когда Барсов занял пост помощника генерал-фельдцейхмейстера в.кн. Михаила Николаевича. В 1898 году во всей русской артиллерии были

[1134] SHAT, 7N, 1474. Au sujet du replacement du général Sofiano (7 novembre 1896).

[1135] Сборник руководящих приказов… Драгомирова за 1893 год. С. 211; *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии… С. 1231-1232.

[1136] SHAT, 7N, 1475. Envoi d´ordres de la Circonscription de Kiev (31 août 1898); SHAT, 7N, 1475. Envoi d´ordres de Kiev (31 decembre 1899); *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии… С. 1232-1233.

[1137] *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии… С. 1235.

[1138] SHAT, 7N, 1475. Envoi d´ordres de la Circonscription de Kiev (27 novembre 1898).

[1139] Распоряжения по округам // Разведчик. – 1893. – №153. – С. 738.

приняты «Правила для поверки зимних занятий в батареях», и в дальнейшем «Драгомиров шел уже в ногу с артиллерийским ведомством»[1140].

Как и большинство современников, Драгомиров недооценивал стрельбу с закрытых позиций[1141]. «Очевидно такою стрельбою не следует увлекаться, – рассуждал он в 1891 году, – она годна для мортирных батарей при действии по редуту, пушечным же батареям надо обращаться к ней только тогда, когда иначе стрелять нельзя, так как самооборона в этом положении почти невозможна, а содействие соседям и вообще быстрая перемена цели крайне затруднительна»[1142]. Оберучев объясняет это тем, что в конце XIX века угломер[1143] еще не был освоен войсками, что делало стрельбу с закрытых позиций делом очень трудным[1144]. В начале русско-японской войны 1904-1905 годов русская артиллерия жестоко поплатилась за свое пренебрежение этим видом стрельбы[1145].

В 1897 году в Германии было принято новое 77-мм артиллерийское орудие FK-96. Специальный тормоз останавливал откат орудия, что позволяло хорошей обслуге делать 5-9 выстрелов в минуту. Перевооружение германской артиллерии запустило ответную реакцию со стороны других великих держав, хотя новое орудие отнюдь не было совершенным. При каждом выстреле пушка подскакивала, и прицельная линия сбивалась. При стрельбе с закрытых позиций орудие могло просто перевернуться[1146].

Пушка FK-96 стала не прорывом, а крупной неудачей, потому что уже в следующем 1898 году состоялся настоящий прорыв в артиллерии. Французская армия приняла новое 75-мм орудие, которое солдаты прозвали «мадмуазель-75». На орудии впервые был установлен безоткатный механизм, полностью компенсирующий отдачу. При выстреле орудия прицельная линия

1140 *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии… С. 1238-1239.

1141 См. пример германской артиллерии: *Brose, E.D.* Op. cit. p. 64.

1142 Сборник руководящих приказов… Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. С. 127.

1143 Угломер – артиллерийский прибор, позволяющий придать стволу орудия точный угол относительно горизонта.

1144 *Оберучев К.* М.И. Драгомиров об артиллерии… С. 478. Подробнее о стрельбе с закрытых позиций в русской армии см.: *Мещеряков Г.П.* Указ. соч. С. 277-278; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 210-213.

1145 *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. С. 238-239.

1146 *Brose, E.D.* Op. cit. p. 65.

не сбивалась. В 1900 году французы поставили на свое орудие щит, но в России и в Германии отказались следовать этому примеру, так как считалось, что это увеличит вес орудия, усложнит производство, демаскирует орудие и облегчит его поражение[1147].

В сентябре 1898 года генерал А.Н. Куропаткин в разговоре с С.Ю. Витте поднял вопрос о перевооружении артиллерии[1148]. Военный министр рассчитывал разместить бóльшую часть заказа, общую сумму которого он оценивал в 120 млн рублей (военный бюджет составлял в 1898 году 288,8 млн руб[1149]), в России, но для ускорения производства часть отдать либо Круппу, либо французским промышленникам[1150]. На военное министерство давили в прессе по вопросу о скорейшем перевооружении и увеличении состава артиллерии[1151]. Весной 1899 года Драгомиров вмешался в эти расчеты, добившись командировки во Францию для личного осмотра нового французского орудия и заводов Крезо и Сен-Шамон. Генерал считал, что Россия может принять только такое орудие, которое будет обладать всеми свойствами французской пушки[1152]. «Было бы хорошо, если бы, подчиняясь совету “надо спешить”, приняли систему, которая не продержалась бы, может быть, и пяти лет, в роде блаженной памяти картечниц. Мы бедны, и роскоши частого перевооружения позволить себе не можем: ведь это каждый раз пахнет расходом в 100-120 миллионов рублей; есть перед чем остановиться и подумать прежде окончательного решения», – писал генерал в одной из статей этого времени[1153].

Во Франции Драгомиров вполне убедился в устойчивости французского орудия при ведении огня. «Они [французские артиллеристы, – С.Ю.]

[1147] Ibid. p. 98. Ланглуа был сторонником снабжения артиллерии щитом: *Ланглуа [И].* Указ. соч. Вып. 1. С. 105-106.

[1148] SHAT, 7N, 1475. Conversation avec le G-l Sakharoff au sujet de la circulaire du Comte Mouravieff (8 septembre 1898).

[1149] *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия… С. 81.

[1150] SHAT, 7N, 1475. Entretien avec le général Kouropatkine (9 octobre 1898).

[1151] *-й.* Полевая скорострельная артиллерия // Разведчик. - 1899. - №437. - С. 188-190; *Дембовский Л.* Надо спешить // Разведчик. - 1899. - №445. - С. 381-382.

[1152] SHAT, 7N, 1475. Au sujet de mon voyage en France (8 avril 1899); SHAT, 7N, 1475. Sur le materiel en commande au Creusot et à S-Chamond (24 avril 1899); SHAT, 7N, 1475. Sur un désir du G-al Dragomiroff (30 avril 1899).

[1153] По поводу статьи «Надо спешить» и вызванной ею заметки в «Allgem. Zeitung» 16-го (28-го) мая // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.1. С. 212.

достигли такой устойчивости лафета (а следовательно и прицельной линии), что монета, положенная на обод колеса, остается на нем, *не меняя места* [выделено в оригинале, – С.Ю.], при каком угодно числе выстрелов, – писал генерал, – […] Очевидно, что после этого открытия, сделавшего, по нашему мнению, полный переворот в области полевой артиллерии, странно было бы удовольствоваться какой бы то ни было из подпрыгивающих, т. е. при каждом выстреле нарушающих наводку, систем»[1154].

Пока Михаил Иванович был во Франции, Куропаткин побывал на испытаниях орудия Путиловского завода, после которых сам уверял Драгомирова, что виденная им пушка подпрыгивала от каждого выстрела более чем на 20 см[1155]. Вопрос принятия нового артиллерийского орудия становился все сложнее. 19 июня 1899 года Барсов оставил пост помощника генерал-фельдцейхместера, но к счастью для Драгомирова, его сменил генерал-лейтенант М.Е. Альтфатер, столь же близкий ему, как и его предшественник[1156]. С другой стороны, вопрос о перевооружении русской артиллерии перестал быть чисто профессиональной темой, и на Куропаткина давила даже императрица[1157].

76-мм орудие Путиловского завода было принято на вооружение в 1900 году, а сам завод получил заказ на 1500 орудий. Уже через два года произошло то, о чем говорил Драгомиров – систему пришлось менять, дорабатывая лафет. Абсолютная устойчивость лафета была достигнута только на 76-мм орудии обр. 1902 г., знаменитой «трехдюймовке»[1158]. Мулен писал по этому поводу, что Драгомиров «боролся в течение двух лет против всей русской артиллерии, чтобы заставить ее принять, – к сожалению, безуспешно, – полевую пушку, имеющую свойства как у нашей»[1159].

Во время учений Киевского округа применялись многие новинки техники. Так, на подвижных сборах 1893 года был опробован воздушный

1154 Там же. С. 214.
1155 SHAT, 7N, 1475. Rapport du G-al Dragomiroff sur le question d´Artillerie de Campagne (31 mai 1899).
1156 SHAT, 7N, 1475. Au sujet du nouveau Directeur Général de l´Artillerie (16 julliet 1899).
1157 *Куропаткин А.Н.* Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 148.
1158 *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 157.
1159 SHAT, 7N, 1477. Sur le général Dragomiroff (1 novembre 1905).

шар, однако Драгомиров пришел к выводу о почти полной его бесполезности: в наиболее благоприятных для наблюдения условиях с шара, требующего для перевозки 150 подвод, удалось заметить войска противника с семи верст, тогда как сам противник видел шар с 15 верст, и через это получил представление о расположении главной квартиры[1160]. Как и в случае с пулеметами, Михаил Иванович пришел к выводу, что «в крепости шар может быть полезнее»[1161]. В 1899 году в войсках округа испытывали пулеметы Максима, однако через 4 ½ минуты стрельбы первый из них вышел из строя, а еще через 1 ½ минуты то же случилось и со вторым. Причина была одна и та же – застрявший патрон остановил движение ленты[1162]. Наконец, в отчете военному министру за 1897 год командующий военным округом писал: «Забота о связи частей армии телеграфно-телефонною сетью между собою, со штабом армии и штаба армии с государственным телеграфом по-видимому заслуживает полного внимания»[1163]. Практически ни одно существенное техническое новшество не оставалось без внимания Драгомирова, и, хотя не все из них действительно удовлетворяли его строгим требованиям, генерал вовсе не был склонен бездумно отрицать их. Мулен отмечал эту черту в Михаиле Ивановиче: «Человек, который повторял за Суворовым “пуля дура, штык молодец”, был наоборот, более, чем кто-либо в русской армии в курсе прогресса вооружений и техники»[1164].

Подвести итог прогресса в боевой подготовке Киевского округа довольно непросто. Только война могла бы дать достаточно определенный ответ на вопрос, чего добился Драгомиров на своем посту. Однако русско-японская война 1904-1905 годов не была той войной, к которой готовился Киевский округ, и в любом случае, из состава киевских войск в ней участвовал только X армейский корпус и еще некоторые отдельные части. В условиях войны в Маньчжурии эти войска, по большому счету, не

[1160] Сборник руководящих приказов… Драгомирова за 1893 год. С. 139-140, 144.
[1161] Там же. С. 144.
[1162] SHAT, 7N, 1476. Envoi d´ordres de Kiev (20 avril 1900).
[1163] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 510. Л. 9.
[1164] SHAT, 7N, 1477. Sur le général Dragomiroff...

выделились ни в лучшую, ни в худшую сторону по сравнению с другими частями русской армии.

Система боевой подготовки в русской армии была выстроена таким образом, что сам командующий округом являлся судьей в своем деле. Как видно из многочисленных примеров, приведенных выше, Драгомиров судил своих подчиненных довольно строго, и никогда не был полностью удовлетворенным достигнутыми результатами.

Важным материалом для итогов могут послужить маневры под Курском в 1902 году, тем более на их оценку не влияли последующие впечатления, связанные с провалом в Маньчжурии и первой русской революцией 1905-1907 годов. Основу противоборствующих армий составляли Киевский (Южная армия) и Московский военные округа (Северная армия), но кроме того, были представлены части Одесского и Варшавского округов. Французский атташе Мулен присутствовал на этих маневрах и дал свою оценку «киевской армии»: «Все признают единогласно, – даже в придворных кругах, – что управление Северной армии во время больших маневров под Курском было намного слабее, чем в Южной армии: меньше энергии в командовании, меньше точности и простоты в планировании; меньше четкости в функционировании механизма, явная тенденция придавать второстепенным заботам, тонкостям слишком важное место в ущерб тому, что должно быть доминирующей идеей с точки зрения здравой доктрины»[1165]. Прежде всего, Мулен отметил качество штабной работы у «киевлян»: «Не побоюсь подтвердить, что этот штаб произвел на меня прекрасное впечатление, и мне показалось, что он функционировал идеально. Это в значительной степени был бы штаб командующего Киевской армии, то есть генерала Драгомирова, в случае войны. Чувствуется, что учитель наложил свой отпечаток на него»[1166]. Мулен отмечал, что его впечатления подтверждают австрийский, немецкий и итальянский наблюдатели[1167].

[1165] SHAT, 7N, 1476. Observations sur les grandes manoeuvres de Koursk en 1902 (1903).
[1166] Ibid.
[1167] Ibid.

Говоря собственно о войсках, французский атташе проводил четкую грань между войсками приграничных округов (Варшавского, Виленского, Киевского и Одесского) и внутренних (Петербургского и Московского). «Все единодушны во мнении, что подготовка к войне войск из первой группы превосходит подготовку войск из второй группы», – пишет Мулен и дает жесткую критику боевой подготовки войск Гвардии и Петербургского военного округа, которые он наблюдал каждый год на Красносельских маневрах[1168]. Из приграничных округов последнее место, по словам француза, все отводят Виленскому, а насчет оставшихся трех мнения разнятся. Генерал В.В. Сахаров, начальник Главного Штаба, отдавал предпочтение одесским войскам. Николай II, по словам Мулена, более других ценил войска Варшавского округа, которые «еще несут традиции, привитые им Гурко»[1169]. Сам Мулен считал войска Драгомирова лучшими. В подтверждение этого мнения он приводит финальный эпизод Курских маневров, когда две бригады, одна киевская, а другая одесская, атаковали позицию Северной армии в одинаковых условиях. «Итак, – подводил итог Мулен, – я должен сказать, что у киевской бригады, я не увидел ни отклонения [при наступлении на ориентир, – С.Ю.], ни сомнений в направлении, тогда как это произошло два или три раза в одесской бригаде, и пришлось принимать верное направление поворотами отдельных людей. Она, кроме того, оставила позади больше людей из своих рядов, упавших от усталости или солнечного удара»[1170]. И в этом случае немецкий и австрийский коллеги подтвердили впечатление француза: «Последний из них, князь [Ф.-Ф.] Гогенлоэ, даже сказал мне в порыве очень большой откровенности: “У нас во всей австрийской армии определенно нет войск, стоящих драгомировских”»[1171].

Гораздо более сдержаны оценки Мулена, артиллериста по своей специальности, достижений русской артиллерии: «Я не могу видеть никакого прогресса в малой тактике этого рода войск […] В целом, безразличие

[1168] Ibid.
[1169] Ibid.
[1170] Ibid.
[1171] Ibid.

артиллерийских офицеров к тактике других родов войск достигает очень обескураживающего уровня. От этого страдает поддержка, которую они должны им оказывать. Это старый недостаток, который был характерен для русской артиллерии долгое время и который не будет исправлен еще долго. Боюсь, что этот партикуляризм, который много раз возникал в жестких полемиках о недостатках артиллерии во время последней русско-турецкой войны, неизлечим»[1172]. Многие из проблем касались не только офицеров-артиллеристов: «Что касается строевых офицеров, я должен указать на факт, который бросается в глаза всем коллегам и который я констатирую как почти всеобщий: это почти полное безразличие офицеров к проведению маневров, особенно к тактике маневров. […] Однако, и в этом отношении существует разница между военными округами, и этот недостаток кажется менее чувствительным в киевских войсках, чем в других. Я знаю с какой энергией и какой настойчивостью генерал Драгомиров боролся, чтобы вытравить эту инерцию. Но она так глубоко укоренилась в самой натуре русского офицера, что после 14 лет усилий, она не исчезла»[1173].

Одна из задач Курских маневров заключалась в отработке нового устава полевой службы 1900 года, который разрабатывался комиссией под председательством Драгомирова[1174]. Мулен отмечает, что Драгомиров и Куропаткин смотрели на тактические проблемы одинаково, разделяя атаку неприятельской позиции на две фазы: подготовку атаки огнем стрелков и артиллерии и завершающий удар мощным «кулаком», то есть резервом, решительно выступающим вперед «приливными волнами» для удара в штыки. Атака Косторной, завершающий аккорд Курских маневров, и действия армии Драгомирова на Волынских маневрах за 12 лет до того, проводились по одним тактическим принципам. Но далее французский военный атташе довольно точно указывает на слабые стороны этой тактики. Прежде всего, она предполагает самую тщательную подготовку финального удара. Для успеха противник должен быть настолько дезорганизован огнем,

[1172] Ibid.
[1173] Ibid.
[1174] Разбор устава 1900 г. см.: *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 206-209.

что артиллерия будет не в состоянии выпустить несколько хорошо направленных шрапнелей, а пехота – произвести несколько слаженных залпов, иначе «резерв будет добровольно идти навстречу катастрофе»[1175]. Выбор такого момента предъявляет большие требования к тактическому глазомеру, а выработать такой глазомер может только боевой опыт, который был очень ограничен даже у высших начальников. Мулен полагал, что и Драгомиров в 1890 году, и Куропаткин в 1902 году продемонстрировали высокое мастерство вождения войск, но трудно было бы ожидать такого же качества командования от других высших начальников русской армии. Б. Меннинг соглашался с тем, что устав 1900 года недооценивал силу огня, но прибавлял, что «ему нельзя не дать положительную оценку при сравнении как с прежними уставами, так и с современной ему европейской тактической доктриной»[1176]. Однако не менее важной слабой стороной этого устава были слишком завышенные требования, предъявляемые к тем, кто не всегда мог им соответствовать.

Драгомиров не достиг того, чтобы преобразовать всю русскую армию. Прогресс Киевского округа в 1889-1903 годах трудно отрицать, но и он был довольно ограниченным. То направление, которое генерал пытался придать своим войскам, было, в целом, разумным. Разведка и связь, артиллерия, взаимная поддержка родов войск, баланс между огнем и наступлением – все эти вопросы относились к ключевым в военном деле рубежа XIX-XX веков. Среди прочих, А.Н. Куропаткин накануне русско-японской войны отмечал большие недостатки именно в этих компонентах боевой подготовки[1177], а война только подтвердила обоснованность этих тревог. Подход к технике, который проводил командующий Киевским военным округом, следует назвать скорее сбалансированным, нежели ретроградным. Все эти требования и взгляды проводились Драгомировым с большой энергией. Его настойчивость переходила в грубость и порождала конфликты. Но этого оказалось мало, чтобы переломить тенденцию. Не углубляясь в причины

[1175] SHAT, 7N, 1476. Observations sur les grandes manoeuvres de Koursk…
[1176] *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 208.
[1177] *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 173-175.

упадка и застоя в русской армии, который отмечают большинство исследователей этого периода[1178], укажем на наиболее очевидные и уже обозначенные нами факторы. Длительный мир, наступивший вслед за русско-турецкой войной 1877-1878 годов, должен был сказаться на подборе высших начальников, большинство из которых были не готовы к требованиям современной войны. Офицерский состав, отчасти из-за своего подбора, отчасти из-за проблем обучения, отчасти из-за тех же условий мирной службы, в своей массе тоже не мог служить опорой тем, кто, как Драгомиров или Гурко, старался поддержать высокие стандарты обучения и подготовки. В этих условиях Михаилу Ивановичу оставалось, по выражению К.М. Оберучева, «будить, будить и будить», указывать в своих отчетах на эти проблемы, но решить их он не мог. Войска Киевского военного округа в этих условиях вряд ли могли сравняться «с армиями Александра, Цезаря, Фридриха II и Наполеона». В конце концов, каким бы высоким не казалось положение командующего Киевским военным округом, это был не тот пост, с которого можно было бы внести существенные коррективы в те проблемы русской армии, которые были укоренены на институциональном уровне, и решение которых, если и было возможно, то только при наличии воли императора и политического руководства Российской империи.

5.2. Война и политика в последние годы жизни М.И. Драгомирова

В 1889 году, когда Драгомиров принял пост командующего Киевским военным округом, международная ситуация стремительно менялась. Русская стратегия под руководством Обручева уже 10 лет искала средства противостоять угрозе со стороны союза Германии и Австро-Венгрии[1179]. В 1888 году умер германский император Вильгельм I. После 99-дневного правления своего отца Фридриха III на престол взошел Вильгельм II. В марте 1890 года в отставку был отправлен канцлер О. фон Бисмарк. Уход поколения

[1178] *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т.3. С. 27, 39-41; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия… С. 62; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 128-138; *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев… С. 292-293; *Steinberg, J.W.* Op. cit. p. 33.

[1179] *Зайончковский А.М.* Подготовка России к Мировой войне. М., 1926. С. 31-37; *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев… С. 325-331.

войн за объединение Германии воспринимался в русских военных кругах с большой тревогой, как свидетельство того, что европейская война стала ближе[1180]. Как отмечал современный историк международных отношений, «это было время, когда спор из-за развалин глиняной крепостицы, затерявшейся где-нибудь в песках Туркмении или на Верхнем Ниле, мог вызвать европейскую войну»[1181].

Драгомиров не скрывал свою нелюбовь к немцам[1182], доходившую у него до того, что он отказывался пить и принимать пищу, пока поезд, везущий его в Париж, следовал по Германии[1183]. В условиях, когда Берлин и Вена воспринимались как угроза и источник раздражения, вполне естественно было искать союза с четвертой великой континентальной державой – Францией. Тем более, мосты между русскими и французскими военными наводились уже давно, преимущественно, через Обручева, его жену-француженку и его хорошего знакомого генерала Р. де Буадеффра, французского военного атташе в Петербурге, ставшего помощником начальника Генерального Штаба в 1890 году[1184]. Другим каналом связи служили миссии на маневры. В 1883 году на маневры во Францию был отправлен Драгомиров.

В какой-то степени Михаил Иванович, «прекрасный друг Франции», как его назвал Мулен[1185], вел на маневрах свою игру. Он произнес несколько тостов, весьма комплементарных стране и ее армии, попавших в прессу[1186] и вызвавших бурную реакцию с противоположными знаками во Франции, в Германии и в России[1187]. С другой стороны, он составил свой отчет о маневрах так, чтобы развеять представления о французской армии, ходившие в то время в России. Обручев, бывший на маневрах во Франции за четыре

1180 SHAT, 7N, 1472. Au sujet de la brochure de Colonel Stoffel (24 mars 1890).
1181 *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев… С. 298-299.
1182 *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров во время австро-прусской войны // РС. - 1910. - №4. - С. 180-182.
1183 SHAT, 7N, 1875. Arrivée de Dragomiroff à Paris (29 avril 1899).
1184 *Kennan, G.F.* The Fateful Alliance: France, Russia and the Coming of the First World War. (Pantheon books, NY, 1984). pp. 11-17; *Luntinen, P*. French Information on the Russian War Plans, 1880-1914. (SHS, Helsinki, 1984). p. 14.
1185 SHAT, 7N, 1869. Conclusions du rapport du Général Dragomiroff sur les manoeuvres francaises en 1883 (4 avril 1884).
1186 A travers Paris // Le Figaro. - 1883. - №265. - p. 1; №269. - p. 1.
1187 SHAT, 7N, 1869. Au sujet du l´incident Dragomirof (1 octobre 1883).

года до Драгомирова, дал резко негативную оценку перспектив и выгод союза с Парижем, ссылаясь на политическую нестабильность III республики[1188]. Михаил Иванович постарался представить французскую «республиканскую» армию так же хорошо организованной, как и любая другая, с такими же дисциплинированными солдатами и преданными своему долгу офицерами[1189]. В 1890 году французский атташе рапортовал военному министру, что мнение русского Главного Штаба относительно французской армии поменялось в лучшую сторону[1190]. Отметим, что и Германия, и Франция, в лице своих представителей в Петербурге, высоко оценивали роль усилий Драгомирова в том, чтобы проложить дорогу русско-французскому альянсу. Генерал Г.Л. фон Швейниц, немецкий посол в Петербурге, отмечал, что Драгомиров был из тех русских генералов, которые давили на Александра III, играя на его недоверии к Австро-Венгрии и Германии[1191]. Мулен писал 20 лет спустя: «Конечно, никто не внес больший вклад, чем Драгомиров, чтобы заставить императора Александра III понять, что французская армия, ”эта республиканская армия, которая, в отношении дисциплины, быстроты и точности исполнения приказов, абсолютного послушания сверху донизу иерархической лестницы, не уступает ни одной самой организованной монархической армии”»[1192].

В августе 1892 года Обручев и Буадеффр подписали в Петербурге военную конвенцию, которая легла в основу русско-французского союза[1193]. Для поколения, вышедшего на сцену после Крымской войны и проявившего себя в 1877 году, к которому принадлежали Ванновский, Обручев, Гурко и Драгомиров, Австро-Венгрия была первостепенным врагом, а Франция нужна была, прежде всего, чтобы отвлечь часть сил второго врага, Германии. «Каковы будут результаты подобной комбинации для Франции, – пояснял Мулен, – их заботит только в определенной мере, а именно с точки зрения

1188 *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев… С. 268-271.

1189 SHAT, 7N, 1869. Conclusions du rapport du Général Dragomiroff sur les manoeuvres francaises en 1883 (4 avril 1884).

1190 SHAT, 7N, 1872. Au sujet de l´opinion actuelle de l´Etat Major Russe sur l´armée francaise (1 octobre 1890).

1191 *Schweinitz H.L., von*. Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Berlin, 1927. S. 438.

1192 SHAT, 7N, 1869. Sur le général Dragomiroff... К сожалению, неизвестно, что за цитата приведена Муленом в этой фразе.

1193 *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи… Т.3. С. 661; *Kennan, G.F.* Op. cit. pp. 180-181.

того, как положение дел между противостоящими французской и германской армиями может повлиять на положение Австрии»[1194]. Такая расстановка приоритетов «русскими патриотами», как обозначил французский атташе названных генералов, в случае успеха, обеспечивала России гегемонию на Балканах и в славянском мире, а им – «лавры победителей, личную славу и награды»[1195]. Что касается Германии, то Александр III после заключения союза в разговоре с Драгомировым мог с полным правом говорить: «Я ее не боюсь; я ее держу теперь в напряжении». «Без сомнения […] что бы она не сделала, она находится перед страшной силой: инстинктивным влечением русской нации и французской нации друг к другу», – ответил генерал. Александр III согласился и заключил разговор: «[…] пришел их черед бояться»[1196].

Задачи Киевского военного округа в случае большой европейской войны в значительной степени подчинялись ситуации, в которой окажутся войска Варшавского военного округа, с трех сторон окруженные австро-германской территорией внутри так называемого польского выступа. Конфигурация границы между империями Романовых и Габсбургов представляла собой тупой угол, вдававшийся в территорию русского Юго-Западного края. Северный фас этого угла упирался в польский выступ недалеко от Люблина, а восточный располагался напротив Луцка, Ровно и Дубно[1197]. Таким образом, австро-венгры располагали двумя оперативными направлениями – на Варшаву и на Киев. Войска Варшавского военного округа, согласно плану 1890 года, закрепленному в мобилизационном расписании №14, должны были сосредоточить все свои усилия на самом опасном направлении, со стороны Восточной Пруссии[1198]. В этих условиях первой задачей войск Драгомирова было не дать австрийцам ударить с юга в тыл войск Варшавского округа. По тому же плану 1890 года, «Волынская армия» сосредотачивалась в районе Луцк-Верба-Проскуров, на австрийской границе,

[1194] SHAT, 7N, 1472. Au sujet du choix de l´Autriche comme objectif principal (27 août 1891).
[1195] Ibid.
[1196] SHAT, 7N, 1473. Conversation de Dragomiroff avec l´Empereur (16 mars 1893).
[1197] *Щербов-Нефедович П.О.* Военное обозрение Австро-Венгрии. СПб., 1889. С. 110-112.
[1198] *Зайончковский А.М.* Подготовка России к Мировой войне… С. 38.

в составе 284 батальонов, 324 эскадронов и 952 орудий, что приблизительно соответствовало 1/3 всех войск на западной границе[1199]. Как писал А.М. Зайончковский, «самый ”катастрофический” для России вопрос был, есть и, вероятно, еще долго будет, это вопрос о путях сообщения. Россия как бы жила в этом отношении сравнительно с западными соседями на целую эпоху назад»[1200]. Полная мобилизация и сосредоточение австро-венгерской армии, по оценке русского Генерального Штаба рубежа 1880-1890-х годов, заняли бы 26-30 дней[1201]. Войска Киевского округа полностью мобилизовывались за 40 дней[1202]. Запаздывание по сравнению с потенциальным противником было связано, прежде всего, с железнодорожными перевозками резервных войск и казаков второго эшелона[1203]. В этих условиях не могло быть и речи о наступлении всеми силами в сторону Карпат. Более того, австро-венгерские войска могли воспользоваться преимуществом в скорости сосредоточения, отбросить войска Драгомирова и обратиться на север в тыл армии Гурко, заставив его либо сражаться в невыгодных условиях, либо отходить на Седлец и Брест-Литовск[1204]. Неслучайно после Волынских маневров 1890 года первоначально должны были последовать маневры у Ломжи и Гоньондза, на подступах к Белостоку, отмененные из-за нехватки средств[1205]. Эти два района в основании польского выступа, Белосток и Волынь, мыслились в Главном Штабе как арена будущих решающих сражений.

Все эти вопросы и проблемы обсуждались в Петербурге, куда каждую зиму съезжались командующие приграничными округами или их ближайшие помощники для совещаний с Обручевым. Главные решения принимались триумвиратом Гурко, Драгомирова и Обручева с решающим голосом последнего. Командующий Виленским округом генерал Н.С. Ганецкий участвовал в этих встречах реже, поскольку был слишком стар и не пользовался большим авторитетом в вопросах стратегии. «Похоже, что

1199 Там же. С. 38-39.
1200 Там же. С. 55.
1201 *Щербов-Нефедович П.О.* Указ. соч. С. 97.
1202 SHAT, 7N, 1472. Projet de construction d´une nouvelle ligne de Kharkof à Kief (28 mai 1890).
1203 *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 177.
1204 SHAT, 7N, 1472. Projet de construction d´une nouvelle ligne de Kharkof à Kief…
1205 SHAT, 7N, 1472. Au sujet du projets de grandes manoeuvres pour 1892 (20 mai 1891).

желанная гармония не всегда царила в этих секретных комитетах между генералом Обручевым и этими двумя командующими армиями [Гурко и Драгомировым, – С.Ю.], которые, как правило, находились в согласии против него по большинству вопросов», – отмечал Мулен[1206].

В этих условиях Драгомиров считал возможным только одно: начать наступление в Галиции, не дожидаясь полной концентрации. Численность его войск мирного времени колебалась в районе 130-140 тысяч человек и постепенно развивались до 400 тысяч[1207]. Численность в 150-200 тысяч генерал считал вполне достаточной для начала широкого наступления. Более того, в 1893 году границу командующий Киевским округом планировал перейти всего с одной дивизией, имея три кавалерийских дивизии перед фронтом и на флангах[1208]. С этими силами Михаил Иванович мог перейти в наступление даже в первые дни после объявления войны. Основной удар планировался на Ярослав, взятие которого должно было полностью обеспечить южный фас польского выступа, а затем, когда армия Гурко полностью сконцентрируется, должен был последовать второй натиск в обход Карпат на Пресбург (Братиславу), откуда можно было и угрожать Вене, и поддержать Гурко в его борьбе с немцами. Со стороны Карпат это движение прикрывала сводная дивизия, которая должна была вторгнуться в Галицию с ее восточной оконечности, в районе Коломыи и Станислава (Ивано-Франковска)[1209]. В 1897 году в разговоре с Муленом Драгомиров несколько видоизменил свои предположения: наступление предполагалось начать силами двух корпусов, 3-й стрелковой бригады и 2-й сводной кавалерийской дивизии (всего менее 100 тысяч человек) с переходом границы на 16-18 день[1210].

Многое в этом плане основывалось на захвате инициативы и произведении морального эффекта. Последний, очевидно, был бы направлен

[1206] SHAT, 7N, 1472. Au sujet d´une conversation avec le g-al Dragomiroff (16 mars 1892).
[1207] SHAT, 7N, 1472. Augmentation des effectifs de l´armée russe (30 decembre 1891); SHAT, 7N, 1472. Effectifs des armées Russes en cas de guerre avec l´Allemagne et l´Autriche (17 mars 1892); SHAT, 7N, 1473. Sur les effectifs des troupes de la Circonscription de Kief en 1892 et 1893 (26 avril 1894).
[1208] SHAT, 7N, 1473. Sur les projets d´operation des général Dragomiroff (15 mars 1893).
[1209] SHAT, 7N, 1472. Au sujet du plan de campagne du général Dragomiroff (25 août 1891).
[1210] SHAT, 7N, 1474. Sur les projets d´operations du général Dragomiroff (23 janvier 1897).

не только на австрийское командование, но и на подданных и солдат, среди которых был существенный процент славянского населения, сочувствующего русским[1211]. В Галиции и Буковине Драгомиров должен был встретиться с XI армейским корпусом Австро-Венгрии (две пехотных дивизии и одна кавалерийская), который мог быть быстро поддержан I армейским корпусом (три пехотных дивизии и одна кавалерийская), расположенным близ Кракова[1212]. К 24 дню мобилизации войска Дунайской монархии увеличивались в Галиции до 30 пехотных дивизий[1213]. Впрочем, Драгомирова это мало беспокоило. «Будет против меня 7 корпусов, 9 или 10 – это абсолютно безразлично, – объяснял он Мулену, – На этом театре любая комбинация, которая предполагает слишком многочисленные и слишком сконцентрированные войска, будет почти сразу парализована вопросами снабжения и недостатком коммуникаций. […] Искусство в том, чтобы ввести на театр операций то, что может вам дать максимум, имея в виду решающее сражение, и ничего больше»[1214]. В своих противниках Драгомиров не видел этого искусства: «Я верю […] в дорогих австрийцев, которых я знаю с вашей кампании 1859 года и которых видел вновь в 1866-м. Они останутся верны – первое время – своим традициям проволочек. Я рассчитываю на стойкость их национального характера и неизлечимых привычек их высшей военной администрации. И я убежден, что они мне дадут время сохранить по крайней мере половину дорог»[1215].

Этот план полностью согласовался с позицией Обручева. Главный Штаб в начале 1890-х годов был убежден, что России должна вести наступление против Австро-Венгрии, как по стратегическим, так и по политическим соображениям[1216]. Военные планы подкреплялись денежными ассигнованиями. После 1888 года военные расходы России начали быстро расти (в 1889 году – 227,7 млн руб, в 1890 году – 243 млн руб, в 1891 году –

[1211] Генеральный штаб предполагал, что русские составляют 60% населения Восточной Галиции: *Щербов-Нефедович П.О.* Указ. соч. С. 152.
[1212] Там же. С. 77.
[1213] *Rothenberg, G.E.* The Army of Francis Joseph. (Purdue University Press. West Lafayette, Indiana, 1976). p. 115.
[1214] SHAT, 7N, 1473. Sur les projets d´operation des général Dragomiroff…
[1215] SHAT, 7N, 1475. Sur les projets de l´Etat Major de Pologne en cas de guerre (24 avril 1899).
[1216] SHAT, 7N, 1472. Au sujet des operations probables de l´armée russe en cas de guerre avec l´Allemagne et l´Autriche (7 decembre 1891).

254,7 млн руб[1217]). Обручев и Ванновский рассчитывали создать новые резервные дивизии, соответствующие батареи, реорганизовать ополчение, создать два новых корпуса и несколько новых полков кавалерии, увеличить списочный состав Варшавского округа и перегруппировать силы так, чтобы минимизировать время, потребное на концентрацию[1218]. Кроме того, активизировалось железнодорожное строительство. Среди линий, на которых велись работы в 1892 году, были Курск-Воронеж и двойная линия Курск-Киев, строившаяся для быстрого подвоза казаков с Кубани и Дона к границам с Галицией[1219]. Дела русской армии поправлялись, и Драгомиров с Пузыревским выражали в разговорах с Муленом «тайное желание войны»[1220]. Второй из названных русских генералов, в то время начальник штаба Варшавского округа, даже высказывал пренебрежение наследникам Мольтке в германском Генеральном Штабе, включая нового начальника этого учреждения А. фон Шлиффена[1221]. Уверенность в своих силах росла пропорционально численному росту войск, расширению сети железных дорог и увеличению военного бюджета.

Зимой 1893-1894 года разнеслись слухи о тяжелой болезни генерала Гурко, которая не оставляла ему шансов осуществлять командование. «Это очень большая потеря, и она глубоко переживается всеми, потому что в России нет другого такого военачальника, который обладал бы такой же всеми признанной репутацией», – писал Мулен[1222]. В его отчетах впервые появляется замечания о дряхлости русского генералитета. Генерал Драгомиров, отмечал атташе, «физически потяжелел», но «еще крепок; но вероятно не будет таким долго, может быть, два года или три»[1223]. Поколение 1877 года сходило со сцены и требовало замены, и «теперь надо будет основывать свой выбор на службе мирного времени, щекотливая операция в

1217 *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия… С. 81.
1218 SHAT, 7N, 1472. Améliorations projectés pour la concentration de l´armée russe (28 decembre 1891).
1219 SHAT, 7N, 1472. Amélioration des voies ferrées strategiques (16 juin 1892).
1220 SHAT, 7N, 1473. Opinions du G-e Pouzyrefsky et du G-e Dragomiroff sur les chances de succès de la Russie dans une guerre prochaine (5 avril 1893).
1221 Ibid.
1222 SHAT, 7N, 1473. Au sujet de la maladie du Général Gourko (1 janvier 1894).
1223 SHAT, 7N, 1473. Sur la santé de differents personnages du Commandement de l´armée Russe (2 avril 1894).

стране, где влияние двора и фамильные связи играют такую большую роль»[1224].

Через два дня после отправки донесения о здоровье различных представителей высшего командования, Мулен поднял еще одну тему, которая будет одной из важнейших в военных дискуссиях на рубеже XIX-XX веков – о пацифизме и разоружении[1225].

Смерть Александра III и отставка Гурко[1226] в конце 1894 года ознаменовали важный рубеж в истории русской армии. На престол взошел Николай II. Драгомирову в это время исполнилось 64 года. Разумеется, бывший «гегелист, герценист, атеист и политический либерал», сильно изменился со времен своей молодости. В 1880-е годы ходили слухи о контактах между ним и революционными кругами. Якобы, Драгомиров говорил: «Что же господа! если вы будете иметь успех – я ваш»[1227]. Кроме того, В.К. фон Плеве, присутствовавший на допросе Н.М. Рогачева, офицера-народовольца, повешенного в 1884 году, передавал А.Н. Куропаткину признание заговорщика, что революционеры «намечали предложить главноначальствование Драгомирову». Куропаткин заканчивал свою запись в дневнике: «На вопрос, почему делается такой выбор, Рыкачев [Рогачев, Куропаткин неверно передает фамилию, — С.Ю.] показал, что по складу идей и высказываемых мыслей Драгомиров кажется им человеком подходящим. Когда доложили Александру III об этом, он только развел руками»[1228]. Такой же вариант рассматривал и философ В.С. Соловьев, который думал предложить Михаилу Ивановичу «стать во главе общественной помощи голодающим», а в перспективе прочил генерала «в узурпаторы», желая предложить ему «стать во главе русской революции»[1229]. Амбициозный план философа, возникший у него в 1891 году в связи с

[1224] Ibid.
[1225] SHAT, 7N, 1473. Sur la question du désarmement (4 avril 1894).
[1226] Важные нюансы этой отставки см.: SHAT, 7N, 1473. Sur la démission de Gourko (3 décembre 1894); *Bumme С.Ю.* Указ. соч. С. 409.
[1227] *Иванов С.* К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов // Былое. - 1907. - №9. - С. 199.
[1228] *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 116.
[1229] *Трубецкой Е.Н., кн*. Миросозерцание Вл.С. Соловьева. Т. 2. М., 1913. С. 8-9.

масштабным голодом, так и не был осуществлен, а поездка в Киев на переговоры с Драгомировым не состоялась.

Все эти слухи и планы появлялись на фоне событий, которые сыграли определенную роль в их появлении. В 1882 году умер Скобелев, и генерал Драгомиров, обладавший и именем, и репутацией фрондерствующего, как нельзя лучше подходил на вакантную роль главы «русского пронунциементо». Буланжистский кризис во Франции, начавшийся в 1886 году, только подстегивал поиск русского «генерала-реванш»[1230]. Н.Н. Кнорринг, биограф Скобелева, склонен был относиться к этим слухам достаточно серьезно, но все же не верил в возможность поддержки Драгомировым каких-либо заговоров[1231]. В пользу такой оценки говорят некоторые факты. А.И. Деникин вспоминал, что в дни дела Рогачева Михаил Иванович сказал слушателям Академии Генерального штаба: «Я с вами говорю, как с людьми, обязанными иметь свои собственные убеждения. Вы можете поступать в какие угодно политические партии. Но прежде чем поступить, снимите мундир. Нельзя одновременно служить своему царю и его врагам»[1232]. В 1889 году генерал приступил к чтению лекций наследнику Николаю Александровичу, что явно говорило о доверии к нему со стороны членов императорской семьи. В своих лекциях Драгомиров высказывал: «В здоровых организмах войско повинуется безусловно силе исполнительной, и в политику не мешается. Последнее вмешательство гибельно: Преторианцы, Янычары, Базен в 1870 году. В противоположность — Даву[1233] в 1814»[1234].

Эти заявления Драгомирова показывают, что он вовсе не одобрял вмешательства военных в политику, и вряд ли мог себе это позволить. Поэтому необоснованность этих слухов нам кажется очевидной. Однако это не снимает вопрос о политических взглядах генерала в поздние годы. Была ли, с точки зрения генерала, Россия конца XIX века «здоровым организмом»?

[1230] *Dorpalen, A.* Tsar Alexander III and the Boulanger Crisis in France // The Journal of Modern History. Vol. 23. No. 2. 1951. pp. 122-136.

[1231] *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 199-201, 210.

[1232] *Деникин А.И.* Путь русского офицера… С. 74.

[1233] Л.-Н. Даву был единственным маршалом Франции, который не отрекся от Наполеона во время Реставрации.

[1234] *Драгомиров М.* Конспект лекций по тактике… Императору. С. 4-5.

После смерти Александра III Драгомиров несколько раз недвусмысленно осуждал в печати политику контрреформ. Генерал крайне язвительно высказался о введении должности земских начальников в 1889 году, «получивших, благодаря государственной мудрости гр[афа] Д.А. Толстого, завидное право поголовной порки и требования снимания им шапок и величания ваше в[ысокоблагород]ие»[1235]. Не менее резким было и его высказывание о военных реформах 1860-1870-х годов, к которым «не прикасалась с тех пор никакая невежественная, корыстная, ни злонамеренная лапа», тогда как «всем известно, что такой устойчивости в других областях народной жизни далеко не было»[1236]. Одним из немногих свидетелей, кто дал развернутую характеристику политических взглядов Драгомирова, был его зять А.С. Лукомский: «Драгомиров был сторонником прогресса, и таковой он связывал с широким предоставлением возможности народу выявлять свои таланты и развиваться. Он был горячим сторонником реформ, проведенных в царствование Императора Александра II. Но вместе с этим он являлся ярким представителем течения, видящего необходимость твердой и непреклонной Царской власти. Не сочувствуя некоторым государственным мероприятиям в царствование Императора Александра III и считая ошибочной политику, при которой как бы “замораживалась” внутренняя жизнь в стране, он в то же время преклонялся перед мощью и волей Императора Александра III, сумевшего выдвинуть Россию на мировой сцене на высоту, до которой она никогда прежде не достигала. В царствование же Императора Николая II М.И. Драгомиров всегда скорбел, видя слабоволие Царя и постоянное расшатывание престижа Царской власти»[1237]. Лукомский уточняет, что незадолго до смерти, наблюдая революцию 1905 года, Драгомиров сказал ему, «что он сам был сторонником либеральных реформ, но что либерализм уместен в спокойное время, а в периоды народных волнений и революционных брожений всякие либеральные уступки только вредны и

[1235] *Драгомиров М.И.* Девятая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.2. С. 356-357.
[1236] Там же. С. 359.
[1237] *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 129. Схожую характеристику см.: *Резниченко В.Ф.* М.И. Драгомиров. Чернигов, 1916. С. 6.

преступны. Всякие уступки правительства в подобные периоды объясняются слабостью и вызывают новые, повышенные и невыполнимые требования»[1238].

Драгомиров был сторонником продолжения курса реформ Александра II. Впрочем, специфическая атмосфера конца XIX века, в которой вера в общественный прогресс причудливо сочеталась с опасениями насчет его последствий, накладывала свой отпечаток на генерала. С начала 1880-х годов он «предался чтению и глубокому изучению Евангелия»[1239], находя немало параллелей между церковью и армией[1240]. При этом он не оставлял юношеского увлечения философией, психологией, медициной и зарождающимися науками об обществе[1241].

В предыдущей главе мы указывали на письмо Дрыгальскому, в котором видно отношение генерала к современному ему обществу. Европейская цивилизация конца XIX века виделась Драгомирову слишком «размякшей», погрязшей в комфорте и индивидуализме, и это вызывало у него серьезную тревогу, потому что «*более совершенное орудие требует и более совершенного человека* [выделено в оригинале, – С.Ю.]»[1242]. Прогресс цивилизации, говорил Драгомиров вслед за очень чтимым им французским психологом Г. Лебоном, не приведет к вечному миру, потому что «она [цивилизация, – С.Ю.] никогда не сделает и не достигнет, […] уничтожения антипатии, порождаемой различием духовного строя рас, определяющим и различные взгляды на жизнь, и совершенно различную манеру поведения в возникающих столкновениях. […] Все великие войны человечества: завоевательные, религиозные, династические, пропагандные, почти всегда были войнами рас»[1243].

Война, как верил Драгомиров, несет не только разрушение, смерть и ужас. Она нередко принимает форму столкновения двух правд, старых и новых принципов[1244], она «обновляет массы, разрывая связывавшие их

[1238] *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 176.
[1239] *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров во время Австро-прусской войны // РС. - 1911. - №1. - С. 221.
[1240] *А[ндреевский] Е.К.* Еще из воспоминаний о Драгомирове // РС. - 1913. - №11. - С. 336-337.
[1241] О круге интересов Драгомирова см.: *Ар Роэ.* Указ. соч. С. 56, 82; *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 131-132.
[1242] *Драгомиров М.И.* Восьмая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн.2. С. 320.
[1243] *Драгомиров М.И.* Значение воли в жизни народов // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 17.
[1244] *Драгомиров М.И.* Наполеон и Веллингтон // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 74-75; *Драгомиров М.И.* Открытое письмо г. Блиоху // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 131-136.

социальные контракты и позволяя пересоставить их заново»[1245]. Именно полководцы «созидают новый порядок вещей»[1246]. «Работа тех богатырей, – писал Драгомиров о солдатах Первой империи, – была мировою, а не только французскою...»[1247]. После них «национальное одушевление» стало «лозунгом для всей Европы»[1248]. «И теперь Европа накануне борьбы труда и капитала, – обращался Драгомиров к анонимному пацифисту, – и Вы это вероятно знаете. Но ведь это только стычки передовых постов, даже не цветочки, а только листики, а цветочки и ягодки будут впереди»[1249]. Таким образом, Драгомиров оправдывал войну, прежде всего, как прогрессивную силу, без которой новые отношения зачастую не могут победить старые.

В 1895 году отдельной книгой был переиздан разбор романа «Война и мир», который генерал выполнил еще в 1868 году. Л.Н. Толстой отрицал войну и военную службу, исходя из своего прочтения Евангелия[1250]. В ответ на «Солдатскую памятку» Драгомирова он написал свою памятку, в которой призывал солдат смотреть как «на величайшее преступление – на убийство всякого человека, на которого только укажет начальник»[1251]. «Ужасно думать, что во власти этого пьяного идиота столько людей», – писал он по поводу Драгомирова[1252]. К офицерам писатель обращался так: «Но теперь, когда частые международные сношения – торговые, общественные, научные, художественные – так сблизили народы между собой, что всякая война между европейскими народами представляется чем-то в роде семейного раздора, нарушающего самые священные связи людей, когда сотни обществ мира и тысячи статей, не только специальных, но и общественных газет, не переставая, на все лады разъясняют безумие милитаризма и возможность и даже необходимость уничтожить войну; теперь, когда – и это самое главное – все чаще и чаще приходится военным выступать не против внешних врагов для защиты от нападающих завоевателей или для увеличения славы и

[1245] *Ар Роэ.* Указ. соч. С. 77.
[1246] *Драгомиров М.И.* Ответ г. Антимилитаристу // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 143.
[1247] *Драгомиров М.И.* Заметка о французском солдате // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 122.
[1248] Там же. С. 120-121.
[1249] *Драгомиров М.И.* Ответ г. Антимилитаристу // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 146.
[1250] Carthago delenda est // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. М. 1954. Т. 39. С. 200.
[1251] Солдатская памятка // Там же. Т. 34. С. 283.
[1252] А.М. Кузьминскому // Там же. Т. 69. С. 206.

могущества своего отечества, а против безоружных фабричных или крестьян, – гарцование на лошадке в украшенном галунами мундирчике и щегольское выступание перед ротами уже становится не пустым, но простительным тщеславием, как это было прежде, а чем-то совсем другим»[1253].

Один из «железнодорожных королей» России И.С. Блиох пытался представить рациональные аргументы, по которым война больше не может считаться разумным средством политики. Он старался доказать, что в нынешних условиях большая европейская война грозит полным взаимным истощением и финансовым крахом с непредсказуемыми социальными последствиями[1254]. Полемика Драгомирова, Толстого и Блиоха была художественно обработана и легла в основу «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» В.С. Соловьева. Философ в этом произведении встал на сторону генерала.

Набирающие обороты антимилитаризм и социализм, и шире, сомнения в способности современного человека проявить волю, сопротивляться, переносить тяготы и впечатления войны, представление о том, что большая европейская война будет крахом цивилизации – все это беспокоило многих на заре XX столетия, и среди них было немало военных. Считая современного «цивилизованного» человека морально слабым, неустойчивым, военные были склонны делать особенный акцент на значение морального элемента и наступления во многом из-за давления, которое оказывало, с одной стороны, представление о состоянии общества, с другой стороны, опасение собственной военной слабости по сравнению с другими державами. Мулен отмечал, что Россия неизбежно должна стремиться компенсировать свое техническое отставание – численным превосходством, а медленность мобилизации – «твердостью и сплоченностью своих войск»[1255]. Эти тревоги и настроения, а также выводы, сделанные на их основе, были свойственны Драгомирову, но не только ему одному. Куропаткин, комментируя

[1253] Офицерская памятка // Там же. Т. 34. С. 286.
[1254] *Блиох И.С.* Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях. СПб., 1898. С. 395-400. Критика Блиоха: *Echevarria, A.J.* Op. cit. p. 89.
[1255] SHAT, 7N, 1473. Sur la question du désarmement…

экономический рост, вызванный политикой Витте, писал: «Нам, военному ведомству, этот результат весьма тревожен, ибо именно эта часть населения России [крестьянство, – С.Ю.] дает ей армию, которая до сих пор по составу нижних чинов была выше всех армий мира. Если эта часть населения обнищает, станет недовольною, потеряет веру во власть, увидит относительную безнаказанность беспорядков, то это отразится, конечно, и на нравственном облике будущего солдата»[1256]. Не будет преувеличением сказать, что так мыслили практически все военные Европы, которые задумывались над подобными проблемами. А. Гат справедливо отмечал: «История их научила, что слабость воспользуется любым предлогом и что ничего нельзя достичь без величайшей доблести и жертв»[1257].

Полемика о проблемах войны и мира совпала с англо-бурской войной 1899-1902 годов, которую Михаил Иванович увидел сквозь призму своих представлений о перспективах западной цивилизации и значения рас. Если в 1866 году для него Австрия олицетворяла консерватизм, а Пруссия прогресс, то Англия в 1890-е годы ассоциировалась у генерала с «жадностью стяжания», «запросом, посулом, обманом», «вероломством», «фарисейством и лицемерием»[1258]. Нации, «у которой торговля составляет преобладающий мотив деятельности»[1259], иными словами, которая является воплощением современного Драгомирову капитализма, противостояли буры, по поводу которых генерал писал: «[…] безграничная вера в будущность своей расы, в правоту своего дела и в помощь Божью создала им мощное единодушие, способное до некоторой степени возместить воинскую дисциплину, которой им не доставало»[1260]. Британским войскам далеко не сразу удалось сломить сопротивление этой импровизированной армии, однако, и буры, придерживаясь оборонительной тактики и полагаясь исключительно на огонь, не смогли использовать свое «моральное» превосходство и свои

[1256] *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 108.
[1257] *Gat, A.* Op. cit. p. 406.
[1258] Упадок политического могущества Англии // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 293-295.
[1259] Там же. С. 295.
[1260] Тактические последствия прогресса вооружения // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 401-402.

первоначальные успехи. Естественно, Драгомиров, и далеко не он один[1261], видел в этом очередное подтверждение привычных истин о том, что «огнем, даже и относительно метким, решительных результатов достигнуть нельзя»[1262], оборонительный образ действий не состоятелен[1263], а «*побеждает менее нервный из противников* [курсив Драгомирова, – С.Ю.]»[1264].

Последние годы жизни Михаила Ивановича были для него окрашены в пессимистические тона. Дело было не только в тревоге по поводу состояния общества, отражавшемся на качестве армии. С воцарением Николая II власть более не выглядела способной твердо вести страну вперед.

Драгомиров был сыном своего века, и идеалом политика для него были Наполеон и Бисмарк. На его восприятия «великих людей» XIX столетия оказывали влияние Маккиавелли[1265] и, вероятно, гегельянство. И Наполеон, и Бисмарк не были друзьями России, оба умели согласовать свои эгоистические устремления с «мировой работой», оба не стеснялись, как отмечал Михаил Иванович, в выборе средств, но оба шли твердо к своей цели[1266]. «Наполеон I погнался в [18]12 году только за двумя зайцами, да и то пропал», – писал он бывшему народовольцу М.Н. Васильеву[1267]. В биографии Н.Н. Обручева О.Р. Айрапетов отмечает, как не похожи были в своих устремлениях новый император и те из поколения 1877 года, кто дожил до его царствования. Многолетний начальник Главного Штаба считал, что подлинные интересы России связаны лишь с Галицией и Босфором, в чем он находил полную поддержку у Александра III. В начале царствования Николая II русская внешняя политика стала разбрасываться на несколько направлений[1268]. «Горько я скорбел, – говорилось в письме Драгомирова к Васильеву, – когда

1261 *Echevarria, A.J.* Op. cit. pp. 78-83.

1262 Огнепоклонство, доведенное до идолопоклонства // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 332.

1263 Тактические последствия прогресса вооружения // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 412.

1264 Это фраза принадлежит свидетельнице войны, которую цитирует Драгомиров: Третья дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 2. С. 95.

1265 Лекции наследнику во многом строились на книге Н. Макиавелли «Государь»: *Драгомиров М.* Конспект лекций по тактике… Императору. С. 10-11, 15-16.

1266 Оценка Драгомировым Бисмарка см.: Заметка по поводу статьи «Характерные аттестации» // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 327-328.

1267 ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 688. Л. 5.

1268 *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев… С. 357-358.

мы, с легким сердцем, устраивали себе гоньбу за несколькими зайцами: но меня никто не спрашивал, да и не спросит. […] А зайцев много. По моему счету целых 6-ть Финляндский, Польский, Турецкий, Персидский, Индийский, ну, и Маньчжурский. Пожалуй, назревает и 7-ой – Закавказский, не считая искусственно организуемого междоусобия внутри. […] Как Бисмарк был бы рад, если бы жил!...»[1269]. Николай II не отвечал идеалу политика, который выработался у Драгомирова.

Между тем, ровесники генерала один за другим отходили от дел. Заменить Гурко в Варшаве было чрезвычайно трудно. Некоторое время передовым военным округом командовали граф Пав.А. Шувалов (1894-1896) и св. князь А.К. Имеретинский (1897-1900). Когда последний умер, Мулен перебрал в своем донесении несколько кандидатур, признавая, что ни один из них не подходит на столь ответственное место. Однако французский военный атташе даже не предполагал, на кого падет выбор императора. Варшавский округ был доверен дряхлому генералу М.И. Черткову, который уже 20 лет не занимал никаких военных должностей[1270]. 9 мая 1901 года умер генерал В.Н. Троцкий, бывший помощник Драгомирова, командовавший Виленским округом. Деградация высшего командования на западной границе стала очевидной. Троцкого сменил генерал А.В. Гурчин (68 лет), умерший через год. Варшавский командующий М.И. Чертков (72 года) и одесский граф А.И. Мусин-Пушкин (74 года) были «абсолютно выдохшиеся телом и духом»[1271]. Драгомиров (71 год) выглядел «уже очень усталым»[1272]. В Париж отправилось неутешительное донесение: «Никогда в последние 30 лет высшее командование русской армии на границе Европы не находилось в таких неспособных руках, как в настоящий момент»[1273].

В 1898 году в отставку ушли Ванновский и Обручев. Новым военным министром стал А.Н. Куропаткин[1274], который начал энергичные попытки

[1269] ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 688. Л. 5.
[1270] SHAT, 7N, 1476. Sur la nomination d´un nouveau Gouverneur Général en Pologne (1 mars 1901); SHAT, 7N, 1476. Au sujet de la nominatoin du G-al Tchertkoff, comme gouverneur de la Pologne (1 avril 1901).
[1271] SHAT, 7N, 1476. Au sujet de la mort du général Trotzky (1 juin 1901).
[1272] Ibid.
[1273] Ibid.
[1274] SHAT, 7N, 1475. Sur le nouveau ministre de la guerre et le nouveau chef de l´Etat Major G-l (16 janvier 1898).

реформировать русскую армию. Популярный среди простых офицеров и значительной части публики, новый военный министр этой активностью нажил врагов в высоких сферах[1275]. Прежде всего, это были старые генералы, которых он отправлял в отставку по предельному возрасту. Во-вторых, это были офицеры гвардии, потому что Куропаткин считался непримиримым врагом их привилегий. В-третьих, это были члены императорской фамилии и близкие к ним люди, в частности, министр двора барон В.Б. Фредерикс. Новый военный министр не удовлетворял эту категорию, потому что не считался с их просьбами в пользу своих протеже[1276]. В итоге, Московский военный округ, которым управлял в.кн. Сергей Александрович, а также Киевский округ Драгомирова, по выражению Редигера, «эмансипировались»[1277]. Куропаткин писал в своем дневнике: «Не следует великим князьям давать ответственные назначения, ибо они к таковым своею жизнью и воспитанием не подготовлены»[1278]. Михаил Иванович тоже был убежден, что великие князья своей безответственностью нанесли огромный ущерб русской армии и, особенно, флоту[1279]. Однако теперь у него и придворных кругов появился общий враг, и им был военный министр.

Отношения Драгомирова с молодым императором тоже не были безоблачными, и барометром их колебаний могут служить отчеты командующего Киевским округом. С приходом Куропаткина на пост военного министра в 1898 году установилась традиция, по которой Николай II читал отчеты, посылаемые из Киева в министерство[1280]. Отметки императора всегда носили отпечаток благожелательности и уважения к своему учителю: «совершенно верно», «именно», «вполне согласен», «суровая критика но безусловно верная», «вопрос глубоко меня возмущающий», «следует покончить с этим вопросом»[1281] и т. д. Первые критические замечания императора появились на докладе за 1900 год, представленном ему 17 августа

[1275] Ibid.; SHAT, 7N, 1475. Sur le General Kouropatkine (11 octobre 1898); *Steinberg J.W.* Op. cit. pp. 5, 25-26, 40, 97-98.
[1276] SHAT, 7N, 1475. Au sujet des bruits relatifs à un déplacement du général Kouropatkine (31 decembre 1899).
[1277] *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 428.
[1278] *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 111.
[1279] SHAT, 7N, 1477. Au sujet du rôle des membres de la famille impériale dans l´armée (20 novembre 1906).
[1280] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 510. Л. 1.
[1281] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 510. ЛЛ. 4об, 7, 8, 9, 9об.

1901 года: «Запросить других Командующих войсками», «А уговор!»[1282], «Разве от всех частей командируются эти лица?», «Я – первый враг лишних командировок, но личное ознакомление пехот[ных] и кавалер[ийских] начальников с артиллерией, в настоящее время, безусловно необходимо»[1283].

У нас нет определенных сведений на этот счет, но, возможно, трения между императором и старым командующим Киевским округом усиливались из-за политической обстановки, которая с началом XX века выглядела все более угрожающей. Еще в 1897 году в России наблюдался мощный всплеск беспорядков. Было зафиксировано 124 случая привлечения армии к их подавлению, тогда как в 1896 году – только 28. В 1901 году таких случаев было уже 155, в следующем – 365, в 1903 году – 322[1284]. Войскам все чаще приходилось исполнять полицейские функции. Драгомиров был озабочен вопросом привлечения войск к подавлению волнений еще со времен разработки устава о гарнизонной службе в 1860-х годах. Многочисленные свидетельства указывают, что он постоянно спрашивал у офицеров и солдат соответствующие параграфы устава и требовал жестких и решительных действий[1285]. На рубеже 1894-1895 годов Драгомиров писал командующему X армейским корпусом князю И.Ф. Шаховскому, чтобы тот распускал слухи о проверке параграфов о содействии гражданским властям: «[…] ибо ты слышал, что Ком[адующий] войсками помешан на повторении У[става] о сл[ужбе] в Гарнизоне»[1286]. «Вероятно к голосу требований прибегнуть не придется; но нам было бы стыдно, если бы в случае чего, между нами нашлась мокрая курица», – говорилось в этом письме[1287].

Однако противостояние военных и «врагов внутренних» нарастало. С 1901 года участились аграрные беспорядки, вызванные конфликтами

[1282] Неизвестно, о каком уговоре идет речь. Драгомиров в докладе напротив этих слов сообщал о случаях похищения денег часовым из полкового ящика.

[1283] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 519. ЛЛ. 2,3.

[1284] *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия… С.35.

[1285] *Длусский К.* Генерал Онагренко // Наблюдатель. - 1898. - №3. - С. 198-199; *Ар Роэ.* Указ. соч. С. 130; *Милоданович Е.А.* Указ. соч. // (http://lepassemilitaire.ru/pyatnadcat-let-na-dolzhnostyax-generalnogo-shtaba-e-a-milodanovich/ – дата обращения 6.04.2019). Лукомский в 1906 г. собрал требования Драгомирова по этому вопросу в одну статью: *Лукомский А.* Употребление оружия при действии войск, вызванных для подавления беспорядков // Разведчик. - 1906. - №794-795. - С. 27.

[1286] ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 243. ЛЛ. 44-44об.

[1287] Там же. Л. 44.

помещиков и крестьян, и в губерниях Юго-Западного края пришлось привлекать войска для содействия гражданским властям[1288]. В 1902 году произошли мощные крестьянские выступления в Полтавской и Харьковской губерниях, и солдаты должны были стрелять по толпе[1289]. Директор департамента полиции А.А. Лопухин признавал, что причиной выступлений был голод и приниженное положение крестьян, на которые наложилось равнодушие властей и «преступная пропаганда»[1290]. Полтавская и Харьковская губернии не относились к Юго-Западному краю, которым управлял Драгомиров, но на их территориях были размещены войска Киевского военного округа, подавлявшие волнения[1291].

Аграрные беспорядки были не единственным явлением, свидетельствовавшим о брожении в обществе. В самом Киеве 2-3 февраля 1902 года прошли студенческие беспорядки. Деникин вспоминал, что «1902–1903 гг. [были] полны случаями хулиганских нападений на офицеров, оскорблений их действием, даже в строю»[1292]. Осенью 1903 года, как раз в тот момент, когда решалась отставка Драгомирова, произошел трагический инцидент с подпоручиком Кублицким. Молодой офицер перед строем солдат неожиданно получил удар от неизвестного человека, растерялся и, посчитав себя опозоренным, застрелился[1293]. Завязалась дискуссия о том, как защитить армию от подобных выпадов. Драгомиров посвятил этому вопросу серию статей.

Для генерала гибель Кублицкого была эпизодом более широкой картины упадка воли и военных качеств в армии при нарастании революционных настроений в обществе, и в его статьях слышатся алармистские настроения: «Но это еще только цветочки; будут впереди ягодки», «Но теперь не тихо, а “благополучно” ушло и вряд ли скоро вернется», «время теперь бойкое,

---

[1288] Крестьянское движение в России в 1901-1904 гг. Сборник документов. Под ред. А.М. Анфимова. М., 1998. С. 20-23, 60-63, 79.
[1289] Там же. С. 105.
[1290] Там же. С. 109-110.
[1291] *Bushnell*, J. Mutiny and Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–6. (Bloomington, IN, 1985). p. 30-31.
[1292] *Деникин А.И.* Старая армия… С. 207.
[1293] Четвертая дюжина // Драгомиров М.И. Одиннадцать лет… Кн.2. С. 112.

довольно схожее с военным»[1294]. Можно заключить, что уже в 1903 году Михаил Иванович предвидел грядущий социальный взрыв или, по крайней мере, считал его вполне вероятным, а готовность к нему армии вызывала у него вопросы. Драгомиров выражал обеспокоенность тем, что молодые офицеры, только вышедшие из школ, совершенно не знают правил употребления оружия в караулах и содействия гражданским властям[1295] – именно те отделы караульной службы, в которых он постоянно практиковал свои войска. Он писал, что «офицер должен быть смирен и безобиден как овечка, но малейшее посягательство на оскорбление его действием должно вызвать с его стороны возмездие оружием мгновенное, рефлекторное»[1296]. Армия должна быть, по мнению генерала, способной защитить себя, государство и порядок от посягательств, а случай с Кублицким показывал, что она не вполне готова даже к элементарной самообороне. «Внутренний враг» настроен решительно, и его не одолеть одними карательными мерами. «[…] нравственные или духовные эпидемии мерами устрашения не излечиваются, – говорилось в «Четвертой дюжине», – Если в прежнее время не останавливали четвертования и колесования, то виселица и подавно не остановит; а дальше в наше время куда идти? Не говорю уже о том, что по всякому поводу ломать закон не значит способствовать тому, чтобы укоренять к нему уважение»[1297].

Драгомиров советовал офицерам: «Хороши ли у вас клинки, господа? – Заведите, это не роскошь, а необходимость. Отточены ли у вас шашки, господа? – Отточите. Умеете ли вы или рубить, господа? – Практикуйтесь усиленно и непрерывно. Револьверы тоже в порядке держите. Встряхнитесь, время не ждет, инспекторский смотр идет»[1298]. «Надвигалась гроза, это были первые зловещие раскаты грома...», – вспоминал эти дискуссии Деникин[1299].

[1294] Там же. С. 112, 120, 127.
[1295] Там же. С. 121-122.
[1296] Там же. С. 126.
[1297] Там же. С. 113.
[1298] Там же. С. 127.
[1299] *Деникин А.И.* Старая армия… С. 207.

С начала 1903 года, незадолго до выхода статей об эпизоде с Кублицким, стали распространяться слухи об отставке Драгомирова, причем сочувствующие генералу считали, что Михаилу Ивановичу следовало дать звание фельдмаршала[1300]. Это звание получил Гурко, когда покидал службу. К тому моменту командующий Киевским военным округом уже имел орден Андрея Первозванного, высший орден Российской империи, полученный им в 1901 году. Однако эти надежды не оправдались, и отставка была вполне будничной.

Причиной отставки, как писал Мулен, было расшатанное здоровье Михаила Ивановича: «Командующий Киевской армией имеет настолько больное сердце, что врачи считают, что он может умереть внезапно в любой момент»[1301]. С другой стороны, здоровье 73-летнего генерала было благовидным предлогом, за которым скрывалось раздражение. В Петербурге были недовольны тем, как Михаил Иванович справляется с должностью генерал-губернатора Юго-Западного края. «Я раскаиваюсь, что вверил эту должность Драгомирову», – прямо признавался Николай II Куропаткину[1302]. Возможно, «раскаяние» было связано со студенческими беспорядками в Киеве 2-3 февраля 1902 года, по итогам которых Драгомирову пришлось писать донесение, напоминавшее оправдание[1303]. Витте указывал, что помимо нездоровья, причиной отставки была критика военного министерства[1304]. Как уже говорилось, императора раздражали чересчур прямые аттестации командующего Киевским округом. Наконец, государь признавался, что в начале царствования «был молод и стеснялся Драгомирова», и «только теперь забирает силу»[1305]. Авторитет бывшего учителя стал тяготить августейшего ученика. Как откровенно писал М.М. Осоргин, «он надоел государю своим вечным брюзжанием и недовольством»[1306].

1300 SHAT, 7N, 1476. Retraite prochaine du général Dragomiroff (15 fevrier 1903).
1301 SHAT, 7N, 1476. Retraite et succeseur probable du G-al Dragomiroff (6 mars 1903).
1302 *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 142.
1303 ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 477. ЛЛ. 9-11.
1304 *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 636.
1305 *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 177.
1306 *Осоргин М.М.* Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861—1920. М., 2009. С. 626.

Окончательное решение об уходе Драгомиров принял на летних занятиях своих войск в августе 1903 года[1307]. 7 сентября в Беловежье состоялось довольно холодное объяснение Драгомирова и Николая II, после которого генерал официально ушел на покой[1308].

Особенно задело Драгомирова то, что император не стал упрашивать его остаться, как было сделано, когда просьбу об отставке подал граф Мусин-Пушкин[1309]. Более того, уже полным ходом шел поиск преемника на посту командующего Киевским округом. Предполагалось, что это назначение получит Пузыревский, с которым у старого генерала были плохие отношения со времен его ухода к Гурко. Вдобавок ко всему, в 1902 году Драгомиров был лишен возможности в последний раз вести свои войска перед императором на Курских маневрах. Его место на время маневров занял Куропаткин, что превратило отношения старого генерала и военного министра из холодных в прямо враждебные, особенно со стороны первого[1310]. Этот конфликт совпал с похолоданием между Николаем II и Куропаткиным, связанным с тем, что последний стремился предотвратить опасные предприятия на Дальнем Востоке, которые вели Россию к войне с Японией, и обратить центр внимания политики обратно на запад[1311]. Отставка Куропаткина была практически предрешена, но в этой связи возникли планы назначить его командующим Киевским округом[1312], что окончательно запутало вопрос о том, кто получит наследие Драгомирова.

Михаил Иванович на встрече в Беловежье просил назначить на свое место Сухомлинова и, во всяком случае, не Пузыревского, но император отказал, по словам Куропаткина, «в сильных выражениях»[1313]. В тот момент Николай II для себя решил, что Киевским округом будет управлять именно

[1307] *Ржевуский А.А.* Листки воспоминаний о Михаиле Ивановиче Драгомирове // Разведчик. – 1913. – № 1173. – С. 265.

[1308] *Осоргин М.М.* Указ. соч. С. 626-627.

[1309] SHAT, 7N, 1476. Retraite et succeseur probable du G-al Dragomiroff…; *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 131.

[1310] SHAT, 7N, 1476. Observations sur les grandes manoeuvres de Koursk en 1902…

[1311] SHAT, 7N, 1476. Conflit entre l´Empereur et le G-al Kouropatkine (13 août 1903); *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 94, 99, 104, 127, 140.

[1312] SHAT, 7N, 1476. Situation du général Kouropatkine (20 août 1903); SHAT, 7N, 1476. Nominations dans le haut commandement (20 septembre 1903); *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 141.

[1313] *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 178.

Пузыревский[1314]. Однако Драгомиров не покорился так просто и в начале 1904 года, по словам Николая II, просил «на коленях» и «ради всей его, Драгомирова, службы» не назначать своего недруга в Киев[1315]. Только смерть Пузыревского 10 мая 1904 года и назначение Куропаткина командовать войсками в начавшейся русско-японской войне обеспечило то, чего желал уходивший на покой генерал. Пост командующего Киевским округом перешел к Сухомлинову, который написал в своем первом отчете военному министру: «В Киевском военном округе, в деле воспитания, обучения и жизни войск, прочно установившаяся система образования Генерал-Адъютанта Драгомирова поддерживалась в полной мере»[1316].

Генерал от инфантерии ушел в отставку, но остался «генерал от литературы», как назвал Драгомирова один из его оппонентов[1317]. Последние годы жизни были самыми активными для Драгомирова-публициста[1318]. «Отточенные шашки», которые он рекомендовал офицерам в дни своей отставки, очень скоро понадобились, но пока не для борьбы с революцией, а потому что начиналась русско-японская война. Первое время отставной генерал был достаточно сдержан в своих статьях, сосредоточившись на защите своих тактических идей на материале кампании[1319], и, несмотря на это, «получил порядочный ворох брани от патриотов своего отечества известного цвета и запаха, разумеется анонимных»[1320], как он выражался в письме к графу В.А. Олсуфьеву. Недовольство Куропаткиным не выходило за рамки частных разговоров и писем. В том же письме Драгомиров указывал на то, что командующий нарушает азбучные принципы военного дела, проводя усиленные рекогносцировки, за которыми не следует бой, то есть допускает напрасные потери[1321]. Стратегия Куропаткина многих приводила в

1314 Там же. С. 178.
1315 Там же. С. 231.
1316 РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 521. Л. 2.
1317 *Хабалов Г.В.* Ответ г. М. Драгомирову // Разведчик. - 1905. - №753. - С. 257.
1318 Два тома сборника «Одиннадцать лет», в которые вошли сочинения Драгомирова 1895-1905 гг., насчитывают 973 стр., почти столько же, сколько его первый «Сборник оригинальных и переводных статей. 1858-1880». Всего в 1895-1905 гг. было написано почти 42% опубликованного наследия Драгомирова. Значительную часть этого объема составляют статьи, вышедшие уже после отставки.
1319 Седьмая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 2. С. 255-256.
1320 ГАРФ. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 1695. Л. 2.
1321 Там же.

недоумение. Сахаров, новый военный министр, указывал в разговоре с Муленом, что японцы имеют три примерно равные по силе армии, против которых стоят три русских передовых отряда силой приблизительно в корпус. Каждый раз, когда происходило столкновение между передовым отрядом и одной из японских армий, Куропаткин находил ситуацию опасной и отводил войска, держа при этом огромный стратегический резерв в тылу. Типичным примером такой ситуации был бой под Вафангоу в начале июня 1904 года[1322]. У Куропаткина, прежде всего, не было времени на организацию трех армий и способных, с его точки зрения, командующих для того, чтобы привести свои передовые силы в соответствие с японскими[1323]. «Не вижу должной в них опоры, – писал в своем дневнике главнокомандующий о начальниках войск накануне сражения при Ляояне, – Не вижу, чтобы они при равных условиях с полным успехом могли бы бороться в этой чуждой для них обстановке с японцами»[1324]. Однако многие интерпретировали его осторожную стратегию как нежелание ставить на кон свою боевую репутацию, пока победа не будет прочно обеспечена подавляющим численным превосходством[1325].

Ошибки в ходе кампании только подогревали давнюю неприязнь, которую Михаил Иванович испытывал к Куропаткину. Еще в 1890 году он писал князю И.Ф. Шаховскому: «Куропаткин – большой ловкач […]. Это карьерист чистейшей воды и скобелевского притом воспитания: значит каналья в квадрате»[1326]. В начале войны с Японией широко разошлась фраза Драгомирова по поводу назначенного главнокомандующего: «А кто же у него будет Скобелевым?»[1327]. Михаил Иванович был склонен считать, что из хорошего начальника штаба, каким был Куропаткин при «белом генерале», редко может получиться хороший главнокомандующий. «Вспомните Бертье, вспомните Сульта», – говорил генерал Мулену[1328]. Но более серьезной

[1322] *Айрапетов О.Р.* На пути к краху… С. 245-246.
[1323] SHAT, 7N, 1476. Conversation avec le général Sakharoff (25 octobre 1904).
[1324] *Куропаткин А.Н.* Дневник… С. 310.
[1325] SHAT, 7N, 1476. Situation des esprits dans les hautes sphères militaires (3 juin 1904).
[1326] ГАРФ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 243. Л. 18.
[1327] *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 140.
[1328] SHAT, 7N, 1477. Quelques réflexions de Dragomiroff sur Kouropatkine (26 decembre 1906). Л.А. Бертье был выдающимся начальником штаба у Наполеона, но посредственным командующим войсками. Н.Ж. Сульт – наоборот. Когда Мулен указал на Мольтке, Драгомиров ответил, что не считает его главнокомандующим в чистом виде, потому что тот предоставлял окончательное решение прусскому

причиной ненависти Драгомирова к своему оппоненту было его «ташкентское» происхождение. «Туркестан – это огромная фабрика карьеристов»[1329], – пояснял он свою мысль французскому атташе. Эта «фабрика» воспитывает офицеров, придающих первоочередную роль организации обоза и санитарной службы, а не тактике, соперничающих друг с другом за легкие лавры, привыкших разделять войска на мелкие отряды. «[…] там не становятся гениями большой войны, а приобретают дурные привычки, ошибочные практики, которые остаются неисправленными»[1330], – заключал Михаил Иванович.

Драгомиров был слишком темпераментным человеком, чтобы сохранять хладнокровие долго. К тому же события на фронте и в тылу не способствовали сдержанности: 23 декабря 1904 года генерал А.М. Стессель подписал капитуляцию Порт-Артура, а 9 января 1905 года произошло «Кровавое воскресенье». В России началась революция, а ее поражение было все ближе. В этой атмосфере произошел конфликт между генералом О.-Ф. К. Гриппенбергом и Куропаткиным, в результате которого 20 января 1905 года Гриппенберг отбыл из армии[1331]. Общественное мнение, и даже враги Куропаткина, посчитали этот демарш нарушением дисциплины. Генерал, которого воспринимали как почти дезертира, был принят очень холодно Николаем II[1332].

Неожиданно для многих Драгомиров не только печатно поддержал Стесселя, на которого посыпались обвинения в преждевременной сдаче, но и принялся оправдывать поступок Гриппенберга[1333]. «По здравому смыслу, он этим поступком явил свидетельство высшего гражданского мужества, особенно тяжкое для военного и притом одаренного Божьей искрой в своей специальности», – говорилось о нем в драгомировской «Девятой дюжине»[1334]. Эта защита двух военачальников была слишком слабой, чтобы изменить

королю.

1329 Ibid.

1330 Ibid.

1331 *Айрапетов О.Р.* На пути к краху… С. 302-303.

1332 SHAT, 7N, 1477. Appréciation de l´armée sur Stessel et Grippenberg (24 fevrier 1905).

1333 Девятая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 2. С. 363-364.

1334 Там же. С. 364.

общественное мнение, склонное скорее согласиться с редактором «Нового времени» А.С. Сувориным, который писал: «Он [народ, – С.Ю.] не поймет генерала Драгомирова, который уверяет, что оставление своего поста генералом Гриппенбергом есть проявление “высшего гражданского мужества” – для него это слишком кудряво и слишком вымучено […] но видя это крушение всякого порядка, начиная с “гражданского мужества” генералов, он, пожалуй, подумает, что дальше войну продолжать невозможно»[1335]. Драгомиров пытался этим поколебать авторитет Куропаткина, что в итоге и случилось, но не вследствие демарша Гриппенберга, а после катастрофы в битвы при Мукдене.

Поражение в главной битве войны стало фактом к середине февраля 1905 года и поставило вопрос об отставке главнокомандующего. Через несколько дней Драгомиров прибыл в Петербург для обсуждения этого вопроса. Все участники совещания 28 февраля[1336] не были расположены к Куропаткину, но расходились в вопросе о преемнике. По свидетельствам некоторых мемуаристов, Драгомиров имел виды занять место главнокомандующего[1337], но, когда он приехал в столицу, он быстро понял, что такая комбинация даже не рассматривается. Его ум был по-прежнему ясен, но здоровье вызывало самые тревожные опасения[1338]. Сахаров предлагал сменить Куропаткина на в.кн. Николая Николаевича Младшего, но его не любили в армии, где Куропаткин был, несмотря ни на что, популярен. Драгомиров предлагал неожиданных кандидатов – Гриппенберга и Стесселя, «чтобы Куропаткин выпил чашу до дна», как иронично комментировал Мулен, добавляя, что «надо простить старому умирающему льву эти ошибки»[1339]. 2 марта Николай II, после консультаций с несколькими высшими чинами, включая Драгомирова, подписал приказ о смене

[1335] *Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма. 1904-1908. М., 2005. С. 259.

[1336] Адм. Е.И. Алексеев, в.кн. Алексей Александрович и Николай Николаевич Мл., бар. В.Б. Фредерикс, гр. И.И. Воронцов-Дашков, ген. В.В. Сахаров, М.И. Драгомиров, Х.Х. Рооп, К.В. Комаров, Н.И. Гродеков, В.А. Сухомлинов и П.П. Гессе. В.кн. Владимир Александрович отсутствовал по болезни.

[1337] *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 158; *Деникин А.И.* Путь русского офицера… С. 161-162.

[1338] SHAT, 7N, 1477. Sur l´arrivé à Petersbourg du G-al Dragomiroff (10 mars 1905).

[1339] Ibid.

главнокомандующего. Теперь армии в Маньчжурии возглавлял генерал Н.П. Линевич, но Куропаткин получал в командование 1-ю Маньчжурскую армию.

Новый главнокомандующий устраивал Драгомирова[1340], но оставление его злейшего врага в Маньчжурии устроить его не могло. Он отложил свой отъезд из Петербурга, рассчитывая получить еще одну аудиенцию у Николая II. 4 марта был подписан приказ о новом назначении Куропаткина, а 5 марта старый генерал последний раз предстал перед императором. Цель, с которой он это делал, уже теряла смысл[1341]. Тем не менее, Мулен тщательно записал разговор со слов Драгомирова:

> «Вы узнали, что Куропаткин получил командование над 1-й армией? – Да, государь. – И что вы об этом думаете? – Ваше Величество желает знать мое откровенное мнение. – Да, желаю. – Тогда, Ваше Величество, позвольте мне немного поговорить о психологии (улыбка императора). Знает ли Ваше Величество, что генерал Линевич был в течение многих лет командующим бригадой стрелков в Закаспийской области под начальством Куропаткина. – Нет, я не знал этой детали. – Второй раз Линевич находился в подчинении Куропаткина в качестве командующего 1-й армии. Стало быть, он привык ему подчиняться. Поэтому более чем возможно, особенно учитывая популярность, которая была создана Куропаткину в армии и которая составляет сильную партию, что Линевич не будет иметь никакой власти над ним. Это будет, таким образом, продолжение режима и системы Куропаткина, а уменьшение ответственности, даст ему больше свободы действий. Как самый невероятный случай, то есть если у Линевича будут собственные идеи, противоречащие Куропаткину, и он попытается их навязать своей властью, можно предположить какое действие это произведет на этого господина, после того, что он выказал в другой раз перед Вашем Величеством, когда игнорировал приказы адмирала Алексеева. Что он делал, особенно когда наместник приказал ему в соответствии с желаниями Вашего Величества, подать… помощь защитникам Порт-Артура? Он торжественно пообещал адмиралу завтра же предпринять наступление; но, вернувшись вечером в свою главную квартиру, он отдал приказы разбросить полки по всем направлениям и телеграфировал ночью Алексееву, что у него нет войск под рукой, чтобы исполнить взятое обещание. Сейчас, из трех маньчжурских армий, 1-я самая менее пострадавшая. Она одна представляет больше половины от

[1340] *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 158-159.
[1341] SHAT, 7N, 1477. Sur le remplacement du général Kouropatkine (25 mars 1905).

общего числа, она ядро армии. Ее задача решающая, а роль остальных двух может быть только подчиненной ей. Итак, в этом случае, Куропаткин остается действительным господином судьбы нашей маньчжурской армии. Я позволю себе далее задать Вашему Величеству один вопрос. Поставленный во главе большого дела, человек отстранен, потому что его обвинили в том, что он плохо им руководил. В чем его личный интерес? В том, чтобы его преемник справился с ним лучше или хуже? – Конечно, хуже. Конечно, государь, в этом сейчас интерес Куропаткина. У него интерес в том, чтобы дела шли еще хуже с Линевичем, чем с ним. И так как этот господин никогда не был в своей жизни занят чем-то иным, кроме своих личных интересов, даже самых мелочных, я очень боюсь, что это самый опасный подчиненный для Линевича. Дай Бог, чтобы я ошибался во всех этих прогнозах»[1342].

Итак, нужно признать, что последние месяцы жизни Драгомирова были омрачены интригами, в которых личные счеты служили таким же важным двигателем, как и беспокойство о судьбах армии и России. Что касается этого беспокойства, то Драгомиров не обманывал себя. В письме неизвестному адресату[1343] от 15 мая 1905 года он восклицал: «Несчастная Россия. Дорого нам приходится расплачиваться за измену реформам Александра II. Не те бы люди пошли и не те бы стали у власти, которые портили дело сорок слишком лет; не попадали бы в командующие положения разные Валуевы, Толстые, Дурново, Маковы, Сипягины, Плеве, наконец, у нас Куропаткины. И вот чаша бедствий наших переполнилась и теперь мы ее пьем и должны испить до дна...»[1344].

Драгомиров говорил о революции, которая к маю 1905 года бушевала по всей стране. Он не слишком верил в конституционное правление, основное требование образованной части общества, считая это «ребяческой фантазией»[1345], и тем более страшился социализма и анархии, «этого грозного выражения отчаяния толпы, не поддерживаемой никакими верованиями»[1346]. Революционеров генерал представлял как доктринеров, забегающих в своих

[1342] Ibid.
[1343] «Леониду Николаевичу». Вероятнее всего, генералу Л.Н. Соболеву.
[1344] ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 273. ЛЛ. 1-2.
[1345] *Драгомиров М.И.* Значение воли в жизни народов // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 31.
[1346] Там же. С. 27.

теориях дальше, чем позволяет естественное развитие общества. «Жизнь – медленна, мысль – мгновенна, – говорил он одному французскому собеседнику, – природа никогда не делает скачков, разум же делает их слишком часто. Логически необходимые улучшения становятся сомнительными на практике и лучшее их, всегдашний противник хорошего, часто исчезает в той смуте, которую они производят в отправлениях организма и неудобствах нарушения древних коллективных привычек»[1347]. Примерно ту же мысль услышал от Михаила Ивановича Н.А. Бердяев, когда он был арестован за участие в студенческом движении. Философ вспоминал: «Он сказал нам целую речь, из которой мне запомнились слова: “Ваша ошибка в том, что вы не видите, что общественный процесс есть процесс органический, а не логический, и ребенок не может родиться раньше, чем на девятом месяце”»[1348].

Как и многие современники[1349], Драгомиров склонен был проводить параллели между общественным развитием Франции и России. В одной из статей он замечал: «Это [общественно-политический строй, – С.Ю.] вопрос расы, или, если угодно, крови, а не бóльшего или меньшего умственного развития. Нельзя создать республику без республиканцев и ни один органический закон не укореняется сразу в нравы народа, как глубоко заметил Бэйль [настоящая фамилия Стендаля, – С.Ю.] еще в двадцатых годах текущего столетия. Он даже определил срок этого укоренения — полтораста лет; думаем, что это скорее мало, чем много»[1350]. В письмах народовольцу М.Н. Васильеву Драгомиров был более конкретен относительно развития общества после смены «органического закона»: «1-ая стадия – реставрация – ”ничему не выучились и ничего не забыли”, т. е. стадия *идиотизма;* 2-ая стадия Людовика-Филиппа – *идиото-прохвостизма;* 3-я – Людовик Наполеон

[1347] *Ар Роэ.* Указ. соч. С. 52.

[1348] *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 112. Слова Драгомирова – явная отсылка к словам А.И. Герцена о М.А. Бакунине, который «верил в возможность военно-крестьянского восстания в России» и, тем самым, «принял второй месяц беременности за девятый»: *Герцен А.И.* Былое и думы. Т. 3. М., 1932. С. 148.

[1349] Параллели между послереформенной Россией и Западной Европой эпохи Реставрации приходили в голову и Скобелеву: *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 192-193.

[1350] *Драгомиров М.И.* Наполеон и Веллингтон // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 1. С. 60.

– *сплошного прохвостизма*[1351]. Наш органический закон – *эмансипация* [т. е. отмена крепостного права, – С.Ю.] – аналогию предоставляю Вам вывести самим»[1352]. В разговоре, состоявшемся незадолго до написания этого письма, Васильев выразил надежду на то, что «на Престоле у нас молодой Государь, с отзывчивым и прирожденно-добрым сердцем...», но Драгомиров был неумолим в своем пессимизме: «Нда... Это, конечно, так... Да только кто-же его окружает?.. Ведь, окружают его такие “мерзавцы”, как, например, князь *Мещерский* [выделено в оригинале, – С.Ю.]! И чем эти мерзавцы занимаются? Что они внушают государю?...»[1353].

Отмена крепостного права запустила в России процесс смены старого строя на новый, который мыслился Драгомировым как долгий и сопровождающийся сопротивлением, потому что нравы меняются медленнее, чем общественно-политические отношения. Свое время он считал переходной эпохой: «Одни мечтают, нельзя ли как-нибудь повернуть на старое; другие шипят и злобствуют и по мере сил и возможности тормозят то, что сделано благого в новом направлении, третьи, не мудрствуя лукаво (это не из “отцов”, конечно, а из “детей”), перескочили в золоторотцев[1354], аферистов, растакуэров[1355] и иных промышленников»[1356]. Вполне логично, что рукоприкладство в армии, «вольные работы» солдат, воровство и несоблюдение законов их начальниками – все то, против чего боролся Драгомиров и что он считал «отрыжками крепостного права»[1357], – не сразу отходят в прошлое. Но этот же процесс порождает нежелательные явления: рост популярности социализма и анархизма, ослабление воли народов, революционное брожение и т. д.

Войска, в том числе принадлежащие Киевскому военному округу, относительно успешно справлялись с беспорядками в 1901-1903 годах[1358], но

[1351] Характерно, что «прохвостом» Драгомиров называл Куропаткина: *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 137; *Самойло А.А.* Указ. соч. С. 141.
[1352] ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 688. Л. 1. Во всех случаях выделено в оригинале.
[1353] Там же. Л. 4.
[1354] Золоторотцы – деклассированные слои общества, связанные с преступным миром.
[1355] Растакуэры (от фр. rastaquoère) – аферисты, прикидывающиеся богачами.
[1356] Третья дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 2. С. 99.
[1357] Двенадцатая дюжина // *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет… Кн. 2. С. 475.
[1358] *Bushnell*, J. Mutiny and Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–6. (Bloomington, IN, 1985). p. 30-31.

с началом революции ситуация изменилась. Манифест 17 октября 1905 года совершенно выбил почву из-под ног властей, и что еще опаснее, волнения начались в самих войсках[1359]. В ноябре этого года беспорядки охватили многие гарнизоны Киевского военного округа[1360]. Генерал-адъютант Михаил Иванович Драгомиров не дожил до этих событий. 15 октября 1905 года он скончался в своем доме в Конотопе, немного не дожив до 75-летнего юбилея. Поражение в русско-японской войне, бушующая революция, политические уступки, не исходящие из «органического» развития общества, а вырванные у слабеющей власти в момент революционного кризиса – все это подводило неутешительный итог его жизни и деятельности.

5.3. Выводы

В 1889-1905 годах генерал М.И. Драгомиров достиг пика своей карьеры. Он обладал высоким авторитетом, подкрепленным боевой репутацией, заработанной в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Со смертью И.В. Гурко он остался последним всероссийски известным героем этой войны, последним представителем поколения, ковавшего недавнюю боевую славу русской армии, своего рода «визитной карточкой» этой армии за рубежом.

Однако генерал был не в силах воспользоваться своим высоким положением, чтобы перевоспитать русскую армию. Он сам прекрасно понимал, что нравы, которыми пропитаны общество и военные, слишком прочно укоренены, чтобы в одночасье их исправить. Под этими нравами он понимал отсутствие чувства законности, дурное отношение к солдатам, привычки мирной службы и отсутствие радения. Лишь немногие подчиненные были приготовлены своим образованием, опытом и личными качествами к тому, чтобы полностью воспринять его требования. Хотя командующему Киевским округом удалось достичь некоторых

[1359] *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 142-144*; Bushnell*, J. Op. cit. pp. 74-75.
[1360] Дж. Бушнелл собрал статистику по беспорядкам в армии в 1905-1906 гг.: *Bushnell*, J. Op. cit. pp. 233-258.

положительных результатов, теоретические принципы в русской армии плохо переходили в практическое воплощение.

Командующему Киевским военным округом приходилось прилагать всю свою энергию, чтобы бороться со средой и навязывать ей свои представления о боевой подготовке. Это приводило к частым конфликтам. Ванновский, Пузыревский, Батьянов, Дохтуров, Куропаткин, в конце концов, и Николай II – вот далеко не полный список тех, с кем у Михаила Ивановича сложились конфликтные отношения. Грубость Драгомирова в насаждении своих требований порождала врагов, нередко влиятельных, которые не только сопротивлялись его требованиям, но и стремились подорвать его авторитет.

Россия была самодержавной страной, и без поддержки императора Драгомиров не мог с полной эффективностью проводить свои идеи в жизнь. Как показывает наше исследование, перед своей отставкой в 1903 году генерал был лишен всякой опоры в самодержце.

Наконец, развитие общества, двинутое вперед отменой крепостного права, порождало у него беспокойство. Акцент на моральных факторах, свойственный военной мысли Драгомирова, был связан, помимо прочего, с его представлением об обществе как постепенно утрачивающим свою способность сопротивляться и проявлять волю. Кроме того, власть, особенно с приходом на престол Николая II, не выглядела для него готовой твердо вести Россию вперед.

1905 год был ознаменован поражением России в войне с Японией и волнениями в войсках. Современники этих событий были склонны возлагать вину на Драгомирова за то и другое. Однако было бы большим упрощением считать, что те или иные статьи генерала и даже сами его методы подготовки войск приводили к ошибочным решениям на поле боя или к волнению в той или другой части. Любая идея в области военной мысли проходит очень долгий путь к воплощению на практике, и на этом пути слишком многое зависит от конкретных исполнителей. Поскольку Драгомиров перед 1905 годом действительно являлся одним из самых авторитетных военных писателей, логично было, что на него возложили ответственность за неудачи,

ответственность, скорее моральную, нежели действительную. Настоящая глава показывает, во-первых, что те принципы, которые проводил Драгомиров отнюдь не были полностью усвоены, а во-вторых, что далеко не все они несли в себе зерна будущих поражений.

Заключение

Генерал М.И. Драгомиров был одной из крупнейших фигур в русской армии в 1861-1905 годах и одним из самых ярких военных мыслителей, которых дала эта армия. Те исследователи, которые говорят о пореформенной русской армии как об армии Милютина, Обручева, Драгомирова, Ванновского, Леера, Куропаткина правы в том, что названные генералы были яркими личностями, от которой зависели пути военного развития России. Впрочем, судьба Михаила Ивановича и его идей показывает не только большое значение подобных выдающихся лиц, но и те ограничения с которыми они сталкивались.

Драгомиров сумел занять высокое положение в русской армии, главным образом, благодаря выдающимся знаниям и талантам, проявленным им еще в процессе обучения. Его военная мысль базировалась на выводах, выведенных из работ и боевого опыта Морица Саксонского, Суворова, Наполеона, ряда других французских военных мыслителей, к которым примешивались общественно-политические и философские идеи, свойственные эпохе, в которой жил генерал. Эти основы, в целом, были понятны и разделялись большинством русских военных, задумывавшихся о путях развития русской армии и европейского военного искусства во 2-й половине XIX-начале XX веков. Однако в период, разделяющий поражение в Крымской войне и поражение в войне с Японией, период который являлся для русской армии переходным, далеко не все принципы, за которые ратовал Драгомиров, были воплощены в жизнь.

Михаил Иванович активно включился в работу по преобразованиям в армии, которая велась под руководством военного министра Д.А. Милютина в 1860-1870-е годы. Однако вопросы преобразования основ вооруженных сил России сталкивались с теми же проблемами, что и другие реформы в царствование Александра II. Эти проблемы заключались в необходимости поиска баланса между старым и новым и вели к компромиссному решению, во многом, неизбежно.

Развитие военного дела, связанное с прогрессом технологий и отмеченное войнами 1856-1878 годов, из которых мы подробно отметили влияние русско-турецкой войны 1877-1878 годов, вносило свою долю неопределенности и осложняло выбор путей совершенствования боевой подготовки. В настоящем исследовании показано, что Драгомиров принимал решения, адекватные имевшемуся в его распоряжении опыту, а также традиции, в рамках которой он мыслил. Многие обвинения в его адрес, появившиеся после русско-японской войны, либо совершенно не состоятельны, либо объясняются как раз этим опытом и традицией.

До русско-турецкой войны 1877-1878 годов Драгомиров не мыслился современниками как безусловный авторитет в военных вопросах, но и в поздние годы ему приходилось выдерживать борьбу за воплощение своих идей в жизнь. В 1889 году он возглавил Киевский военный округ, став фактически полновластным хозяином соответствующих войск в вопросах их обучения и воспитания, однако и в этом статусе Драгомиров сталкивался с проблемами в воплощении своих идей.

Сама природа военной мысли такова, что от ее формулирования до воплощения в боевой практике лежит большой путь. Та или иная идея, будучи высказанной, должна быть после этого закреплена в официальных (уставах, инструкциях) или полуофициальных (учебниках) наставлениях, энергично проводиться в процессе боевой подготовки начальством, должна быть усвоенной подавляющей частью младших начальников, вплоть до унтер-офицеров, и, в конце концов, быть доведена во всей армии до известного автоматизма, чтобы быть воплощенной в условиях хаоса боя.

Драгомиров понимал, что старые порядки могут быть заменены новыми не просто с помощью новых писанных уставов и инструкций. Требуются неустанное давление начальства, способность подчиненных воспринять новые требования, а главное, время. Помимо этого, процесс тормозился длительным периодом мира, наступившего после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 годов, который приводил к падению качества командования в русской армии и снижал стандарты обучения. Верховная власть могла

смягчить этот неизбежный процесс, но, вместо этого, противодействовала тем решительным мерам, которые проводил или предлагал проводить генерал, особенно с воцарением Николая II и уходом последних представителей поколения 1877 года (Ванновского, Обручева, Гурко).

Итогом деятельности Драгомирова был лишь частичный успех. Русская армия к началу XX века обладала совокупностью взглядов на тактику и процесс обучения войск, который мало уступал другим армиям в том, что касается здравого смысла и адекватности современным реалиям боя. Однако она не обладала генералитетом и офицерским корпусом, способным воплощать эти идеи на поле боя. Потрясения, которые испытала на себе эта армия вместе с русским государством в 1905 году, связаны со взглядами Драгомирова весьма опосредовано, прежде всего, потому что эти взгляды не были воплощены в жизнь в полном объеме.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архивные фонды

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
Ф. 102 — Департамент полиции Министерства внутренних дел
Ф. 541 — Вергун, Д.Н.
Ф. 543 — Коллекция рукописей Царскосельского дворца
Ф. 601 — Николай II.
Ф. 635 — Шаховские, князья
Ф. 1019 — Олсуфьевы, графы
Ф. 1729 — Святополк-Мирский П.Д., князь

ДРЗ — Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына
Ф.2 М-86 — Рерберг Федор Петрович «Все в прошлом» и другие материалы
Ф.1 А-74 — Лукомский Александр Сергеевич «Очерки из моей жизни»

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
Ф. 445. Д. 257 — Из бумаг М.И. Драгомирова.
Ф. 155. Д. 150 — Материалы П.Л. Лобко о комиссии Коцебу

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
Ф. 58 — Воронцовы-Дашковы, графы.
Ф. 369 — Бонч-Бруевичи

РГВИА – Российский Государственный Военно-Исторический архив
Ф. 1. Канцелярия Военного министерства.
Ф. 38. Департамент Генерального Штаба.
Ф. 167. Меньков П.К.
Ф. 320. Константиновское артиллерийское училище.
Ф. 401. Военно-ученый комитет.
Ф. 489. Формулярные списки.
Ф. 544. Николаевская Академия Генерального Штаба.
Ф. 846. Военно-ученый архив.
Ф. 868. Главный комитет по устройству и образованию войск при Военном совете
Ф. 2344. 14-я пехотная дивизия.

SHAT — Service Historique de l´Armée de Terre
GR 7 — État-major de l’Armée, 2e bureau, avant 1914.

Сборники документов. Уставы. Приказы.

1. Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1891 год. СПб., 1892.
2. Воинский устав о гарнизонной службе. СПб., 1884.
3. Воинский устав о наказаниях. Казань, 1879.
4. Воинский устав о службе в гарнизоне. СПб., 1860.
5. Воинский устав о службе в гарнизоне. СПб., 1867.
6. Крестьянское движение в России в 1901-1904 гг. Сборник документов. Под ред. А.М. Анфимова. М., 1998.

7. Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 10. СПб., 1902.
8. Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 21. Ч. 1-2. СПб., 1903.
9. Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 5. СПб., 1898.
10. Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 97. СПб, 1911.
11. Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений командующего войсками Киевского военного Округа генерал-адъютанта Драгомирова за 1893 год. Киев, 1896.
12. Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений командующего войсками Киевского военного округа генерал-адъютанта Драгомирова с 27-го Октября 1889 года по 1-е Января 1892 года. Киев, 1895.
13. Український археографічний збірник. Т.2. Киев. 1927.
14. Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 2007.
15. Устав гарнизонной службы Красной армии. М., 1945.
16. Устав гарнизонной службы. Пг., 1919.
17. Устав о воинской повинности с дополнениями и разъяснениями. Сост. полк. Н. Светлицким. М., 1876.
18. Устав о внутренней службе в пехотных войсках. СПб., 1877.

Статистические материалы

19. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 12. Ч. 2. СПб., 1851.
20. *Газенкампф М.А.* Устройство и служба русского Генерального штаба. СПб., 1888.
21. *Маркович А.М.* Историческая и статистическая записка о дворянском сословии и дворянском имуществе Черниговской губернии. Чернигов, 1894.
22. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния. СПб. 1865.
23. Приложения к трудам редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. VI. СПб., 1860.
24. Сообщение генерал-майора Энгельгардта о новой укороченной 6-дюймовой пушке и замечания, вызванные этим сообщением, в Николаевской Академии Генерального Штаба 21 и 28 января, 4 и 11 февраля 1888 г. СПб., 1888.
25. *Щербов-Нефедович П.О.* Военное обозрение Австро-Венгрии. СПб., 1889.

Произведения М.И. Драгомирова

26. *Д[рагомиров М.].* Письма из главной квартиры прусской армии // Русский инвалид. - 1866. - №188. - С. 4.
27. *Д[рагомиров] М.* Сольферинская битва. СПб., 1861.
28. *Драгомиров М.* Конспект лекций по тактике, читанных ныне благополучно Царствующему Государю Императору, в бытность Его Императорского Величества Наследником Цесаревичем // ВС. - 1912. - №9. - С. 1-28.
29. *Драгомиров М.* Лекции тактики, читанные в учебном пехотном батальоне профессором Николаевской Академии Генерального Штаба М. Драгомировым. Курс 1863/1864 года. СПб., 1864.
30. *Драгомиров М.* Тактика. Ч.1. СПб., 1872.
31. *Драгомиров М.* Учебник тактики. СПб., 1881.
32. *Драгомиров М.И.* 14 лет. 1881-1894. СПб., 1895.

33. *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война. 1866 год. М., 2011.
34. *Драгомиров М.И.* Избранные труды. М., 1956.
35. *Драгомиров М.И.* Одиннадцать лет. Кн. 1-2. СПб. 1909.
36. *Драгомиров М.И.* Разбор романа «Война и мир» с военной точки зрения. Киев, 1895.
37. *Драгомиров М.И.* Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. Т.1-2. СПб. 1881.
38. *Драгомиров М.И.* Учебник тактики. СПб., 1879.
39. *Клаузевиц, К., фон.* Учение о войне Клаузевица: Основные положения. СПб., 1888.
40. *М. Д[рагомиров].* Опыт руководства для подготовки частей к бою. Ч.1. Подготовка роты. Киев, 1871.

Произведения других авторов

41. *А.В. Суворов. Документы. Т. IV. М., 1953.*
42. *Астафьев А.И.* О современном военном искусстве. Ч.1. СПб., 1856.
43. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 10. М., 1956.
44. *Блиох И.С.* Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях. СПб., 1898.
45. Выписки и замечания на книгу Клаузевица «о войне и ведении войн» // Ленинский сборник. Т. XII. М.-Л., 1930. С. 426.
46. *Гельвеций К.А.* Сочинения. Т. 2. М., 1974.
47. *Герцен А.И.* Былое и думы. Т. 3. М., 1932.
48. *Головин Н.Н.* Наука о войне. М., 2008.
49. *Гольц, К. фон дер,* бар. Вооруженный народ. СПб., 1886.
50. *Горемыкин Ф.* Руководство к изучению тактики. Ч.1,3. СПб., 1849.
51. Замечания о военной идеологии (из документов Генштаба) // *Сталин И.В.* Сочинения. Т.15. Часть 3. М., 2010. С.302-303.
52. *Калинин М.* О моральном облике нашего народа. Л., 1945.
53. *Клаузевиц К., фон.* О войне. Кн. 1-7. М., 2009.
54. *Ланглуа [И].* Полевая артиллерия в связи с другими родами оружия. Вып.1. СПб., 1894.
55. *Ланглуа [И].* Полевая артиллерия в связи с другими родами оружия. Вып.2. СПб., 1895.
56. *Леер Г.* Коренные вопросы. Военные этюды. СПб., 1897.
57. *Леер Г.А.* Публичные лекции о войне 1870-1871 годов между Францией и Германией до Седана включительно. СПб., 1873.
58. *Леер Г.А.* Публичные лекции о войне 1870-1871 годов между Францией и Германией от Седана до конца войны. СПб., 1873.
59. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 9, 32. М., 1967.
60. *Медем Н.,* бар. Обозрение известнейших правил и систем стратегии. СПб., 1856.
61. *Мориц Саксонский.* Теория военного искусства (Mes rêveries...). М., 2009.
62. *Незнамов А.* Из опыта Русско-японской войны. СПб., 1906.
63. *Ниессель.* Из опыта русско-японской войны. СПб., 1906.
64. *Пузыревский [А.К.].* Польско-русская война 1831 г. Т.1. СПб., 1890.
65. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М.-Жуковский, 2002.
66. *Скугаревский А.П.* Атака пехоты. Разбор спорных вопросов. СПб., 1888.
67. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 39, 34, 69. М. 1954.
68. *Bugeaud T.-R.* Aperçus sur quelques details de la guerre avec des planches explicatives. Paris, 1861.
69. *Colson B.* Napoleon on War. (Oxford Univ. Press, Oxford, 2015).
70. *Maurice de Saxe*. Reveries, or Memoirs concerning the Art of War. Edinburgh, 1759.

71. *Rogniat,* bar. Considérations sur l'art de la guerre. Paris, 1817.

Периодика

72. *-й.* Полевая скорострельная артиллерия // Разведчик. - 1899. - №437. - С. 188-190.
73. ***. Обзор мнений, высказанных в нашей военной литературе по разным военным вопросам за 1877-1879 годы // ВС. - 1880. - №3. - С. 173-210; №4. - С. 410-423; №5. - С. 50-79; №7. - С. 159-175; №8. - С. 259-279; №9. - С. 34-53; №10. - С. 280-296.
74. *А-в.* Письмо из Австрии // Русский инвалид. - 1866. - №195. - С. 2.
75. *Алексеев А.М.* Четыре «назревших» вопроса // Разведчик. - 1898. - №391. - С. 323.
76. *Астафьев А.И.* Воспоминания о Суворове // Военный журнал. 1856. №4. С. 58-59.
77. *Б.З.* Заметки о прусской армии // Русский инвалид. - 1866. - №244. - С. 3.
78. *Байков Л.* Влияние сражения под Кениггрецом на тактику // ВС. - 1872. - №6. - С.303-353.
79. *Байков Л.* По поводу статьи г. М. Драгомирова, помещенной в 12 № «Военного сборника» за 1872 г. // ВС. - 1873. - №4. - С. 303-334.
80. *Беляев Т.* Офицерские беседы л.-гв. во 2-й артиллерийской бригаде // Русский инвалид. - 1876. - №38. - С. 2-3.
81. *Г.* Военное обозрение // Русский инвалид. - 1866. - №243. - С. 3.
82. *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами // ВС. - 1875. - №1. - С. 33-51.
83. *Г.Б.* О занятиях войск в общем сборе под Бендерами в 1875 году // ВС. - 1875. - №12. - С. 125-155.
84. *Гершельман К.* Заметки на статью: «О полевой службе генерального штаба» // ВС. - 1885. - №8. - С. 217-232.
85. *Гершельман,* г.-м. Несколько слов о современном направлении некоторых наших писателей по тактике // ВС. - 1868. - №1. - С. 3-22.
86. *Глиноецкий Н.* Иностранное военное обозрение // ВС. - 1868. - №5. - С. 59-84.
87. *Грязнов Ф.* По поводу постановки и ведения больших двухсторонних маневров // ВС. - 1890. - №7. - С. 32-58.
88. *Дембовский Л.* Надо спешить // Разведчик. - 1899. - №445. - С. 381-382.
89. *Длусский К.* Генерал Онагренко // Наблюдатель. 1898. №3. С.182-214; №4. С.154-185.
90. *З[едделе]р.* По поводу статьи г. М. Драгомирова помещенной в 4 № «Военного сборника» за 1873 год // ВС. - 1873. - №6. - С. 283-293.
91. *Зедделер Л.,* барон. Несколько практических выводов из нашей последней войны // ВС. - 1878. - №5. - С. 65-78; №6. - С. 217-242.
92. *Зедделер, барон*. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в германо-французской войне 1870-71 годов // ВС. - 1872. - №7. - С.33-115.
93. Инструкция для летних занятий в первой половине лагерного сбора 1875 г. в пехоте // Русский инвалид. - 1875. - №110. - С. 2.
94. *К.У.* Хозяйство в ущерб строю // Разведчик. - 1898. - №390. - С. 306-307.
95. Колокол. Лист 1. 1 июля 1857 // Колокол с приложениями (1857-1865). Женева, 1865.
96. *Конник.* Отзыв строевого // ВС. - 1868. - №4. - С. 201-218.
97. *Кривенко В.С.* Памяти М.И. Драгомирова // Новое время. - 1905. - №10639. - С. 6.
98. *Кудрявцев Н.* Искушения русского полководчества // Военный сборник (далее – ВС). - 1913. - №4. - С. 27-28.
99. *Леер Г.* Влияние нарезного оружия на современное состояние тактики. // ВС. - 1861. - №3. - С.27-42; №4. - С. 297-316; №5. - С. 33-60; №7. - С.55-78; №8. - С.321-340.
100. *Леер Г.* Генеральный штаб в Пруссии и во Франции // ВС. - 1868. - №11. - С. 49-74; №12. - С. 343-372.
101. *Леер Г.* Две отправные точки по отношению к задачам теории военного искусства // ВС. - 1883. - №11. - С. 5-27.

102. *Леер Г.* О боевых порядках // ВС. - 1865. - №.9. - С. 57-107.
103. *Леер Г.* Стратегия-наука и стратегия-искусство // ВС. - 1874. - №1. - С. 29-58.
104. *Леер Г.* Тактика и уставы. Формы и дух линейной и перпендикулярной тактики, противопоставленные друг другу // ВС. - 1867. - №2. - С. 341-372.
105. Летние сборы войск в 1874 году // ВС. - 1875. - №1. - С. 25-32.
106. *Лукомский А.* Употребление оружия при действии войск, вызванных для подавления беспорядков // Разведчик. - 1906. - №794-795. - С. 26-27.
107. *Макшеев Ф.* Хозяйственный быт 14-й пехотной дивизии в войну 1877-1878 гг. // ВС. - 1901. №2. - С. 115-133.
108. *Меньшиков М.* Расстройство армии. II // Новое время. - 1906. - №11006. - С. 2-3.
109. *Моторный И.Г.* Виноват ли М.И. Драгомиров в наших поражениях // Разведчик. - 1907. - №873. - С. 407-412.
110. О занятиях конференции Николаевской академии Генерального Штаба за учебный 1867-1869 год // ВС. - 1869. - №3. - С. 37-65.
111. Обозрение русских военных журналов // ВС. - 1861. - №10. - С. 478-512.
112. *Плюцинский А.* По поводу бесед о полевой шести-дюймовой мортире // ВС. - 1885. - №10. - С. 217-251; №11. С. 72-93; №12. С. 230-263.
113. *Прескотт Н.* Несколько слов об атаке полевых укреплений, усиленных искусственными препятствиями // ВС. - 1884. - №7. - С. 49-62.
114. Приказ войскам Варшавского военного округа // Русский инвалид. - 1875. - №132. - С. 2.
115. *Пузыревский А.* К вопросам стратегии. А.Н. Петров // Разведчик. - 1898. - №380. - С. 83-85.
116. *Пузыревский А.* Стратегия. Н.П. Михневич // Разведчик. - 1901. - №583. - С. 1180-1181.
117. *Пузыревский А.К.* Претенциозное краснобайство // Русский вестник. - 1895. - №232. - С. 278.
118. Распоряжения по округам // Разведчик. – 1893. – №153. – С. 738.
119. Русское военное обозрение. Проект Инструкции для действия роты и батальона в бою // ВС. - 1879. - №1. - С. 33-57.
120. Русское военное обозрение. Пятидесятилетний юбилей Николаевской Академии Генерального штаба // ВС. - 1883. - №1. - С. 13-27.
121. *С.Г.* Тактическое значение залпов в сравнении с стрельбою из магазинок // ВС. - 1887. - №6. - С. 165-170.
122. *Скугаревский А.П.* О полевой службе Генерального штаба // ВС. - 1885. - №1. - С.61-65.
123. *Случевский К.* Полевая мортира по отношению к военно-инженерному делу // ВС. - 1885. - №7. - С.87-108.
124. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1873 год. М., 1897.
125. *Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма. 1904-1908. М., 2005.
126. *Хабалов Г.В.* Ответ г. М. Драгомирову // Разведчик. - 1905. - №753. - С. 256-257.
127. *Ч-ов П.* По поводу статьи: «О духе обучения войск» // Военный сборник (далее - ВС). - 1862. - №8. - С. 365-372.
128. *Чебышев В.* Заметка по вопросу об употреблении магазинных ружей // ВС. - 1887. - №3. - С. 85-86.
129. *Я.* В академии // Разведчик. - 1903. - №680. - С. 955-957.
130. *Я.* Памяти врага заоблачной стратегии // Разведчик. - 1904. - №719. - С. 786-787.
131. A travers Paris // Le Figaro. - 1883. - №265. - p. 1; №269. - p. 1.

Дневники. Письма. Воспоминания.

132. *[Ярон С.Г.]* Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожила. Киев, 1910.
133. *[Villebois-Mareuil G., de].* L´Armée Russe: et ses Chefs en 1888. Paris, 1888.
134. *А[ндреевский] Е.К.* Еще из воспоминаний о Драгомирове // РС. - 1913. - №11. - С. 328-337.
135. *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров — генерал-губернатор. (Из отрывочных воспоминаний) // РС. - 1913. - №3. - С. 579-586; №4. - С. 165-171; №5. - С. 318-324.
136. *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров — фельдфебель. (Из Воспоминаний) // РС. - 1909. - №1. - С. 90-106.
137. *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время войны 1877-78 гг. (Из Воспоминаний) // РС. - 1910. - №2. - С. 445-453.
138. *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877-78 гг. (Из Воспоминаний) // РС. - 1909. - №4. - С. 83-96; №5. - С. 321-331; №11. - С. 335-342; №12. - С. 643-650.
139. *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров перед войной 1877-8 гг. (Из Воспоминаний) // РС. - 1909. - №2. - С. 391-398.
140. *А[ндреевский] Е.К.* М.И. Драгомиров, командующий войсками // РС. - 1912. - №1. - С. 113-121; №2. - С. 391-400; №3. - С. 659-662; №4. - С. 114-120; №11. - С. 391-400; №12. - С. 577-589.
141. *А[ндреевский] Е.К.* Михаил Иванович Драгомиров и военно-учебные заведения: (Из Воспоминаний) // РС. - 1908. - №10. - С. 33-54; №11. - С. 357-372.
142. *А[ндреевский] Е.К.*М.И. Драгомиров во время австро-прусской войны // РС. - 1910. - №4. - С. 177-184; №5. - С. 447-450; №10. - С. 167-174; №12. - С. 617-624. 1911. - №1. - С. 219-226; №3. - С. 605-612; №4. - С. 111-118; №10. - С. 182-190; №11. - С. 449-457; №12. - С. 565-574.
143. *Адариди К.И.* Пережитое (1910-1914 гг.). Штаб 12-го армейского корпуса // Военно-исторический вестник. - 1965. - №25. - С. 3-9.
144. *Андреевский Е.К.* Из записок 1877-1878 гг. // РС. - 1915. - №5. - С. 299-304.
145. *Андреевский Е.К.* Из записок за 47 лет // Исторический вестник. - 1916. - №4. - С. 77-111.
146. *Ар Роэ*. Мой русский полк (Art-Roë. Mon régiment russe). М., 1900.
147. *Аргамаков В.Ф.* Воспоминания о войне 1877-1878 гг. // Журнал ИРВИО. - 1911. - Кн. 2. - С. 1-26; Кн. 3. - С. 27-62; Кн. 4. - С. 63-82; Кн. 5. - С. 83-94; Кн. 6. - С. 95-138; Кн.7. - С. 139-184.
148. *Б.Б.* Из недавнего прошлого (Воспоминания о ген. Драгомирове // Разведчик. - 1913. - №1194. - С. 573-574; №1195. - С. 590-591; 1914. - №1220. - С. 176-178; №1221. - С. 194-196
149. *Безсмертный.* Из воспоминаний о генерал-адъютанте М.И, Драгомирове // Русский архив. - 1912. - №6. - С. 226-227.
150. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
151. *Бобриков Г.И.* В долине Дуная в 1877 года // РС. - 1912. - №10. - С. 29-35; №11. - С. 239-255.
152. *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.-Л., 1924.
153. *Боткин С.П.* Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб., 1893.
154. *Венюков М.И.* Из воспоминаний М.И. Венюкова. Книга 1: 1832-1867. Амстердам, 1895.
155. *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М., 2015.
156. *Витковский В.В.* Пережитое. Вып. 2. Л., 1928.
157. *Витмер А.Н.* Мой первый начальник Александр Романович Дрентельн // ИВ. - 1914. - №3. - С. 886-912.

158. *Витмер А.Н.* По поводу возражений М.А. Газенкампфа // РС. - 1910. - №6. - С. 609-611.
159. *Витте С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Кн. 1-2. СПб., 2003.
160. *Воейков.* К воспоминаниям о члене св. Синода Иоанне Васильевиче Рождественском. // Рязанские епархиальные ведомости. - 1882. - № 23. - С. 680-681.
161. Воспоминания Н.Д. Новицкого о Чернышевском и Добролюбове // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959. С. 85–120.
162. *Газенкампф М.А.* Мой дневник. 1877-1878 гг. СПб., 1908.
163. *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999.
164. *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т.1-2. Париж, 1969.
165. *Гиллессем А.Н., бар.* Смотры генерал-адъютанта М.И. Драгомирова: (Из записной книжки старого юнкера) // Разведчик. - 1904. - №689. - С. 2-5.
166. *Грулев М.В.* Записки генерала-еврея. М., 2007.
167. *Д[раке] Л.* Наброски из прошлого. Отрывочные воспоминания 1868-1874 годов // Военно-исторический сборник. - 1912. - №1. - С. 61-74.
168. *Ден В.И.* Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена // РС. - 1890. - №1. - С. 59-90.
169. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. I. Вып. 2. Париж, [1921].
170. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 2014.
171. *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М., 2005.
172. *Дневник Д.А.* Милютина. 1873-1875. Т. 1. М., 1947.
173. Донос Ф.Ф. Вигеля на И.И. Веденского. 26 апреля 1849 г. // РС. - 1871. - №12. - С. 697.
174. *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров // Исторический вестник. - 1915. - №2. - С. 432-437; №3. - С. 796-803; №4. - С. 88-96.
175. *Духонина Е.В.* Мирная деятельность на войне. М., 1894.
176. *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
177. *Жиркевич А.В.* Пасынки военной службы. Материалы к истории мест заключения военного ведомства в России. Вильна, 1912.
178. *Залесов Н.Г.* Записки Н.Г. Залесова // РС. - 1903. - №4. - С. 41-64; №5. - С. 267-289; №6. - С. 527-542; №7. - С. 21-37; №10. - С. 69-86; №11. - С. 317-332; 1904. - №1. - С. 39-58; 1905. - №6. - С. 509-548.
179. *Зыков С.П.* Наброски из моей жизни // РС. - 1910. - № 3. - С. 622-643; №4. - С. 141-154; №5. - С. 349-372; №6. - С. 3-38; №9. - С. 381-412.
180. *Иванов С.* К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов // Былое. - 1907. - №9. - С.193-207.
181. Из дневника князя А.М. Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Кн. 9. СПб., 1905.
182. *Имеретинский Н.К.*, князь. Из записок старого преображенца // РС. - 1893. - №2. - С. 313-339; №3. - С. 531-558.
183. К.П. Победоносцев в 1881 году (Письма к Е.Ф. Тютчевой) // Река времен. Кн. 1. Государь. Государство. Государственная служба. М., 1995.
184. *Карцов [П.П.].* Младший офицер в роте, эскадроне и батарее // Военный сборник. 1884. №1. С. 131.
185. *Карцов П.П.* Из прошлого. Ч.2. СПб., 1888.
186. *Кедрина Л.Е.* Из моих воспоминаний // Русский архив, - 1917. - № 1. - С. 102-135.
187. *Кобылянский Я.П.* Письма из действующей армии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Река времен. Книга истории и культуры. Кн.1. М., 1995.
188. *Косич [А.И.].* Рущукский отряд. Участие 12 корпуса, входившего в состав Рущукского отряда в компании 1877-78 годов. Киев, 1884.

189. *Куропаткин А.Н.* Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010.
190. *Леонтьев А.А.* По поводу статьи А.Е.К. «М.И. Драгомиров — генерал-губернатор» // РС. - 1914. - №6. - С. 611-614.
191. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012.
192. *Меньков П.К.* Записки П.К. Менькова. Т.2: Дневник П.К. Менькова. СПб., 1898.
193. *Миклашевский А.М.* Дворянский полк в 1840 г. // РС. - 1891. - № 1. - С. 111-126.
194. *Милоданович Е.А.* Пятнадцать лет на должностях Генерального штаба // Военная быль. - 1968. - №92. (http://lepassemilitaire.ru/pyatnadcat-let-na-dolzhnostyax-generalnogo-shtaba-e-a-milodanovich/ – дата обращения 6.04.2019).
195. *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999.
196. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843-1856. М., 2000.
197. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863-1864. М., 2003.
198. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865-1867. М., 2005.
199. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868- начало 1873. М., 2006.
200. *Милютин Д.А.* Дневник. 1876-1878. М., 2009.
201. *Милютин Д.А.* Дневник. 1879-1881. М., 2010.
202. *Молотов А.* Изнанка войны // Русский архив. 1905. №9. С. 72-100.
203. *Моторный [И.Г.]* Переправа через Дунай 15-го июня 1877 г. 2-й стрелковой роты Минского полка // ВС. - 1883. - №6. - С. 171-216.
204. *Н.П.* Дворянский полк в воспоминаниях одного из его воспитанников. // РС. - 1891. - № 3. - С. 677-697.
205. *Нагловский Д.С.* Кишеневское сиденье (Из дневника) // Русская старина. - 1902. - №11. - С. 243-264.
206. *Незнамов А.* Из опыта Русско-японской войны. СПб., 1906.
207. *Никитенко А.В.* Дневник. Т.1. М., 2005.
208. *Новицкий В.Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
209. *Оберучев К.* Генерал-адъютант Драгомиров, как учитель артиллерии. б.и.
210. *Оберучев К.* М.И. Драгомиров об артиллерии // Артиллерийский журнал. - 1909. - №5. - С. 459-491.
211. *Оболенский Д.А.* Мои воспоминания о Великой Княгине Елене Павловне // РС. - 1909. - №3. - С. 504-528.
212. *Осоргин М.М.* Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861—1920. М., 2009.
213. *Остапов А.* 14-я пехотная дивизия в войну 1877-1878 гг. (Из записок участника) // Военный сборник. - 1881. - №12. - С. 362-418.
214. Отрывки из биографии Александра Матвеевича Лазаревского // Киевская старина. - 1902. - №6. - С. 473-478.
215. Переписка М.И. Драгомирова с А. Дрыгальским // Русская старина. - 1908. - март. - С. 633-636.
216. Переписка С.Д. Шереметева с К.П. Победоносцевым // Российский архив. Т. IX. М. 1999.
217. *Писанецкий А.И.* Из воспоминаний о М.И. Драгомирове // Исторический вестник. - 1910. - №1. - С. 187-189.
218. Письма И.И. Воронцова-Дашкова Александру III // *Измаил-заде Д.И.* И.И. Воронцов-Дашков - Кавказский наместник. М., 2005.
219. *Р.* Два письма М.И. Драгомирова // Полярная звезда. - 1906. - №7. - С. 494-498.
220. *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999.
221. *Резниченко В.Ф.* М.И. Драгомиров. Чернигов, 1916.
222. *Рерберг Ф.П.* Всё в прошлом. Воспоминания. 1868-1910. М., 2018.

223. *Ржевуский А.А.* Листки воспоминаний о Михаиле Ивановиче Драгомирове // Разведчик. - 1913. - №1172 - С. 249-251; № 1173. - С. 263-266.
224. *С.* Заметки стрелка 3-й бригады // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877-1878 гг. Т. II. СПб, 1879.
225. *Садовський М.К.* Мої театральні згадки, 1881-1917. Харків, 1930.
226. *Самойло А.А.* Две жизни. М., 1958.
227. *Сватиков С.Г.* Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев) // Наша страна. Исторический сборник. СПб., 1907. С. 182-197.
228. *Скалон Д.А.* Мои воспоминания 1877-1878 гг. Т.1. СПб., 1913.
229. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков, 1928.
230. *Старый артиллерист.* Артиллерийское училище в 1845 году // РС. - 1904. - №6. - С. 591-620.
231. *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005.
232. *Фон Бооль В. Г.* Воспоминания педагога // РС. - 1904. - №8. - С. 291.
233. *Цуриков С.А.* Воспоминания о войне 1877-1878 годов // Исторический вестник. - 1901. - №1. - С. 118-140; №2. - С. 536-558; №4. - С. 429-431.
234. *Чикаленко Є.* Спогади (1861-1907). Нью-Йорк, 1955.
235. *Шереметев С.Д.* Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001.
236. *Ъ.* Подготовка инженерных средств для переправы через Дунай в июне 1877 года. // Военный сборник. - 1879. - №11. - С. 22-23.
237. *Энгельгардт Б.А.* Два юбилея // Пажи — рыцари России. Духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса. М., 2004.
238. *Эрдели И.Г.* Из моих воспоминаний о генерал-адъютанте М.И. Драгомирове // Часовой. - 1931. - №47. - С. 18-19.
239. *Юдин П.Л.* К характеристике Драгомирова и Радецкого // Голос Минувшего. - 1915. - №10. - С. 158-164.
240. *Greene F.V.* Sketches of Army Life in Russia. NY., 1880.
241. *Schweinitz H.L., von*. Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Berlin, 1927.
242. *Struś*, pulk. (Stella-Sawicki, J.). Moje Wspomnienia (1831-1910). Lwow, (б.д.).

Некрологи. Посмертная полемика.

243. *Березовский В.* М.И. Драгомиров // Разведчик. - 1905. - №781-782. - С. 776.
244. *Бонч-Бруевич М.* Итоги войны. VII // Русский инвалид. - 1906. - №26. - С. 5.
245. *Бонч-Бруевич М.* Об основах Драгомировской школы // Русский инвалид. - 1906. - №258. - С. 5-6.
246. *Бонч-Бруевич М.* Открытое письмо г-ну Е.И. Мартынову // Русский инвалид. - 1906. - №256. - С. 6.
247. *Бонч-Бруевич М.* Памяти М.И. Драгомирова // Русский инвалид. - 1906. - №225. - С. 4-5.
248. *Бонч-Бруевич М.Д.* Армейские дела и делишки. Киев, 1911.
249. *Ботьянов М.* О Драгомирове // Русский инвалид. - 1906. - №235. - С. 5.
250. *Ботьянов М.И.* Статьи, помещенные в печати за 1906-1908 гг. СПб., 1908.
251. Генерал-адъютант Драгомиров // Русский инвалид. - 1905. - №221. - С. 8-9.
252. *Геруа А.* После войны. О нашей армии. СПб., 1906.
253. *Драгомиров В.* Письмо в редакцию «Русского Инвалида» // Русский инвалид. - 1906. - №249. - С. 6.
254. *Драгомиров В.* Фальсификация Драгомирова // Русский инвалид. - 1906. - №252. - С. 6.
255. *Е.У.* В интересах истины // Русский инвалид. - 1906. - №247. - С. 4.

256. *Е.У.* Еще о М.И. Драгомирове // Русский инвалид. - 1906. - №243. - С. 5-6.
257. *Е.У.* По адресу г-на Е.И. Мартынова // Русский инвалид. - 1906. - №252. - С. 6-7.
258. К полемике о Драгомирове // Русский инвалид. - 1906. - №261. - С. 6.
259. *Кривенко В.С.* Памяти М.И. Драгомирова // Новое время. - 1905. - №10639. - С. 6.
260. *Лачинов Н.* Памяти М.И. Драгомирова // Разведчик. - 1905. - №783-784. С. 804-805.
261. *Лукомский А.* По поводу статьи г. Е.И. Мартынова «Хождение вокруг истины» // Русский инвалид. - 1906. - №250. - С. 6.
262. М.И. Драгомиров // Русский инвалид. - 1905. - №220. - С. 5-6.
263. *Мартынов Е.И.* Ответ гг. Драгомирову, Лукомскому и Е.У. // Русский инвалид. - 1906. - №257. - С. 6.
264. *Мартынов Е.И.* Ответ на письмо г. Бонч-Бруевича // Русский инвалид. - 1906. - №258. - С. 6.
265. *Мартынов Е.И.* Хождение вокруг истины // Русский инвалид. - 1906. - №248. - С. 5.
266. Памяти учителя // Русский инвалид. - 1905. - №222. - С. 8.
267. *Сахаров [В.В.]* Памяти М.И. Драгомирова // Разведчик. - 1905. - №781-782. - С. 777-778.

Исследования

268. *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830-1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017.
269. *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830-1904). СПб., 1998.
270. *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801-1914 гг. Т. 3. М., 2018.
271. *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014.
272. *Айрапетов О.Р.* Развитие концепций использования и управления тяжелой артиллерией и гонка вооружений в конце XIX-начале XX века // Ostkraft. - 2018. - №1. - С. 18-55.
273. *Б-в А.* К 75-летию Николаевской Академии Генерального штаба // ВС. - 1907. - №12. - С. 211-234.
274. *Барсуков Е.И.* Русская артиллерия в мировую войну. Т.4. М., 1938.
275. *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1956.
276. *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
277. *Бескровный Л.Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962.
278. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал. М., 1973.
279. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974.
280. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914). М., 2011.
281. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914). М., 2011.
282. *Бонч-Бруевич М.Д.* Михаил Иванович Драгомиров // Известия Николаевской Военной Академии. - 1912. - №1. - С. 80-101.
283. *Бушнелл Дж.* Д. Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // Великие реформы в России, 1856-1874. под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 239-259.
284. *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и подвиг освободителей. София, 1979.

285. *Гёрлиц В.* Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М., 2005.
286. Главное управление Военно-учебных заведений. Исторический очерк // Столетие военного министерства. Т.X. Ч.II. СПб., 1902.
287. Главный штаб. Исторический очерк. Образование (обучение) войск. Уставы и наставления // Столетие военного министерства. 1802-1902. Ч. 1. Кн. II. Отдел III. СПб., 1914.
288. *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.
289. *Гольмдорф М.* Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. Спб. 1882.
290. *Дирин П.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. 2. СПб., 1883.
291. *Дмитриев С.С.* Генерал Драгомиров // Исторический журнал. - 1943. - №5-6. - С. 26-32.
292. *Дьяков В.* О развитии русской военно-исторической мысли в последней четверти XIX века // Военно-исторический журнал. - 1959. - №5. - С. 60-72.
293. *Дьяков В.А.* Петербургская офицерская организация // Русско-польские революционные связи. Т.1. М., 1963. С.197-351.
294. *Дьяков В.А.* Петербургские офицерские организации конца 50-х-начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей // Ученые записки Института славяноведения. Т. XXVIII. М., 1964. С. 286.
295. *Зайончковский А.М.* Подготовка России к Мировой войне. М., 1926.
296. *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952.
297. *Зайончковский П.А.* Д.А. Милютин. Биографический очерк // Дневник Д.А. Милютина. 1873-1875. Т. 1. М., 1947.
298. *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973.
299. Западные окраины Российской империи. М., 2007.
300. Западные окраины Российской империи. М., 2007.
301. *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. Т. 3. М., 1888-1891.
302. *Золотарев В.А.* Россия и Турция: Война 1877-1878 гг. М., 1983.
303. *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 2,3. М., 1993.
304. *Кнорринг Н.Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев // Белый генерал. М., 1992.
305. *Левин Ю.Д.* И.И. Введенский // Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985.
306. *Левицкий Н.* Русско-японская война. М., 1936.
307. *Леонидов Л.* Из истории русской военно-исторической мысли 60-х годов XIX века // Военно-исторический журнал. - 1973. - №10. - С. 95-100.
308. *Макшеев Ф.А.* Несколько слов о Драгомировском и Лееровском периодах начальствования академией // ВС. - 1907. - №12. - С. 234-238.
309. *Мартынов Е.И.* Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906.
310. *Матвіэнко А.А.* М. І. Драгомиров і Україна // Український історичний журнал. - 2000. - №2. - С. 112-116.
311. *Машкин Н.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века. М., 1997.
312. *Меннинг Б.У.* Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861-1914. М., 2015.
313. *Мещеряков Г.П.* Русская военная мысль в XIX в. М., 1973.
314. Описание Русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове. Т.2. СПб., 1901.

315. Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. - 1948. - №12. - С. 3-12.
316. *Резниченко В.Ф.* М.И. Драгомиров. Чернигов, 1916.
317. Русская военная мысль. Конец XIX-начало XX в. Под ред. П.А. Жилина. М., 1982.
318. Столетие военного министерства. 1802-1902. Приложения к историческому очерку развития военного управления в России. СПб., 1902.
319. *Таубин Р.А.* К вопросу о роли Н.Г. Чернышевского в создании «Революционной партии» в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. // Исторические записки. Вып. 39. М., 1952. С. 59-97.
320. *Трубецкой Е.Н., кн.* Миросозерцание Вл.С. Соловьева. Т. 2. М., 1913.
321. *Шандра В.С.* Генерал-губернаторства в Україні: XIX-початок XX ст. Київ, 2005; Западные окраины Российской империи. М., 2007.
322. *Шандра В.С.* Генерал-губернаторства в Україні: XIX-початок XX ст. Київ, 2005.
323. *Юдин С.С.* Генерал М.И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации в 1881 г. // Российская история. - 2016. - №6. - С. 83-92.
324. *Baumann, R.F.* Technology versus the Moral Element: Emerging Views in the Russian Officer Corps, 1870-1904 // New Perspectives in Modern Russian History. ed. by Robert B. McKean (McMillan, 1992). pp. 43-64.
325. *Brooks, W. E.* The Russian Military Press in the Reform Era // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. ed. By David Schimmelpenninck van der Oye and Bruce W. Menning (Cambridge Univ. Press and Woodrow Wilson Center, 2004). pp. 115-117.
326. *Brooks, W.E.* The Improbable Connection: D.A. Miliutin and N.G. Černyševskij, 1848-1862 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. - 1989. - Bd. 37. - H. 1. - p. 21-44.
327. *Brose, E.D.* The Politics of Military Technology in Germany During the Machine Age, 1870–1918. (Oxford; N.Y., 2001).
328. *Bucholz, A.* Molltke, Schlieffen and German War Planning, (Berg Publishers, 1993).
329. *Bushnell*, J. Mutiny and Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–6. (Bloomington, IN, 1985).
330. *Bushnell, J.* The Tsarist Officer Corps, 1881-1914: Customs, Duties, Inefficiency // American Historical Review. - 1981. - Vol. 86. - No. 4. pp. 753-780.
331. *Craig G.* The Politics of the Prussian Army, 1640-1945 (Oxford Univ. Press, London, Oxford, NY, 1964).
332. *Craig G.* The Politics of the Prussian Army, 1640-1945. (Oxford Univ. Press, London, Oxford, NY. 1964).
333. *Dorpalen, A.* Tsar Alexander III and the Boulanger Crisis in France // The Journal of Modern History. Vol. 23. No. 2. 1951. pp. 122-136.
334. *Doumic, R.* Patrice Mahon // Revue de Deux Mondes. - 1914. - Vol. 23. - No. 2. - pp. 222-232.
335. *Dupuy, T.N.* A Genius for War: The German Army and General Staff, 1807-1945. (Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, N.J., 1977).
336. *Durieux, B.* Clausewitz et la réflexion sur la guerre en France, 1807-2007. Positions de thèse // Stratégique. – 2009. – N 5-6 (97-98). – pp. 217-240.
337. *Echevarria, A.J.* After Clausewitz: German Military Thinkers Before the Great War (Univ. Press of Kansas, 2000).
338. *Ellis, J.* The Social History of the Machine Gun. (Croom Helm, London, 1975).
339. *Gat, A.* A History of Military Thought: From the Enlightment to the Cold War. (Oxford Univ. Press, 2001).
340. *Glover, M.* Warfare From Waterloo to Mons (London, 1980).

341. *Griffith P.* Military thought in the French army, 1815-51. (Manchester Univ. Press, Manchester and NY, 1989).
342. *Griffith, P.* Infantry Armament and the Perception of Tactical Need, 1789-1918 // War in the Age of Technology (NY University Press, NY and London, 2001).
343. *Horne, A.* The French Army and Politics, 1870-1970 (Macmillan, London and Basingstoke, 1990).
344. *Howard M.* The Franco-Prussian War: The German Invasion of France, 1870-1871 (London and NY: Routledge, 1990).
345. *Howard, M.* War in European History (Oxford Univ. Press, Oxford, London, Glasgow, 1979).
346. *Kennan, G.F.* The Fateful Alliance: France, Russia and the Coming of the First World War. (Pantheon books, NY, 1984).
347. *Kohut Z.* Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s-1830s (Harvard University Press, 1988). P. 258-259.
348. *Liddell Hart, B.H.* The Ghost of Napoleon. (Faber & Faber Ltd, London, 1980).
349. *Luntinen, P*. French Information on the Russian War Plans, 1880-1914. (SHS, Helsinki, 1984).
350. *Malanchuk, G.W.* The Training of an Army: M.I. Dragomirov and the Imperial Russian Army, 1860-1905. M.A. Thesis. Miami University. 1978.
351. *Matsuzato, K*. The Issue of Zemstvos in Right Bank Ukraine 1864–1906. Russian Anti-Polonism Under the Challenges of Modernization // Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas, vol. 51, no. 2, 2003, pp. 218–235.
352. *Matsuzato, K*. The Issue of Zemstvos in Right Bank Ukraine 1864–1906. Russian Anti-Polonism Under the Challenges of Modernization // Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas. - 2003. - Vol. 51. - No. 2. - pp. 218–235.
353. *Mayzel, M.* The Formation of the Russian General Staff. 1880-1917. A Social Study // Cahiers du Monde russe et soviétique. - 1975. - Vol. 16. - No. 3/4. - pp. 297-321.
354. *Miller, F.* Dmitrii Miliutin: Liberal or Conservative? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. - 1965. - Bd. 13. - H. 2. - pp. 192-198.
355. *Murielle, A.-H.* Louis-Étienne Moulin, attaché militaire à Saint-Pétersbourg au temps de l'alliance franco-russe (1891-1908) // Aux vents des puissances (Paris, 2008). pp. 31-39.
356. *Ortholan, H*. L´Armée du Seconde Empire, 1852-1870. (Éditions Soteca, Napoleon III, 2009).
357. *Paret, P.* Clausewitz and the State. (Princeton Univ. Press, Princeton and Oxford, 2007).
358. *Persson, G*. Learning from Foreign Wars: Russian Military Thinking, 1859-73. (Helion and Company, 2010).
359. *Porch, D.* The March to the Marne: The French Army, 1871-1914 (Cambridge Univ. Press, 1981).
360. *Rich, D. A.* The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. (Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., London, England, 1998).
361. *Rothenberg, G.E.* The Army of Francis Joseph. (Purdue University Press. West Lafayette, Indiana, 1976).
362. *Sagan, S.D.* 1914 Revisited: Allies, Offense, and Instability // International Security. - 1986. - Vol. 11. - No. 2. - pp. 151-175.
363. *Saunders, D.* The Ukrainian Impact on Russian Culture, 1750-1850. (Edmonton, 1985).
364. *Snyder, J.* The Ideology of the Offensive: Military Decision Making and the Disasters of 1914. (Ithaca and London, 1984).
365. *Snyder, J.* The Ideology of the Offensive: Military Decision Making and the Disasters of 1914. Ithaca and London, 1984.

366. *Steinberg, J.W.* All the Tsar's Men: Russia's Generall Staff and the Fate of the Empire, 1898-1914. (Woodrow Wilson Center Press, Washington D.C., 2010).
367. The Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age. ed. By Peter Paret. (Princeton Univ. Press, Princeton, NJ, 1986).
368. *Travers T.H.E.* The Offensive and the Problem of Innovation in British Military Thought, 1870-1915 // Journal of Contemporary History. - 1978. - Vol. 13. - No. 3. - pp. 531-553.
369. *Van Dyke, C*. Russian Imperial Doctrine and Education, 1832-1914. (New York, Westport, Connecticut, London, 1990).
370. *Wahlde, Peter von.* "Military Thought in Imperial Russia" PhD diss. Indiana University, 1966.
371. *Wawro, G*. An "Army of Pigs": The Technical, Social, and Political Bases of Austrian Shock Tactics, 1859-1866 // The Journal of Military History. - 1995. - Vol. 59. - No. 3. - pp. 407-433.
372. *Wheatcroft, A.* Technology and the Military Mind: Austria 1866-1914 // War, Economy and Military Mind, ed. by Geoffrey Best and Andrew Wheatcroft, (1976)
373. *Wildman, A.K.* Reviewed Work: The Ideology of the Offensive: Military Decision Making and the Disasters of 1914 by Jack Snyder // The American Historical Review. - 1986. - Vol. 91. - No. 5. - pp. 1186-1187.
374. *Wildman, A.K.* Reviewed Work: The Ideology of the Offensive: Military Decision Making and the Disasters of 1914 by Jack Snyder // The American Historical Review. - 1986. - Vol. 91. - No. 5. - pp. 1186-1187.

Справочная литература

375. Бонч-Бруевич, Михаил Дмитриевич // Советская военная энциклопедия. Т. 2. М., 1933. С. 685.
376. Драгомиров, Михаил Иванович // Большая советская энциклопедия. 1 изд. Т. 23. М., 1931. С. 381-383.
377. Драгомиров, Михаил Иванович // Большая Советская Энциклопедия. 2 изд. Т.15. М., 1952. С. 161-162.
378. Драгомиров, Михаил Иванович // Военная энциклопедия под ред. В.Ф. Новицкого. Т. IX. СПб., 1912. С. 203-207.